

ЛИРОН
ХАМИДУЛЛИН

ЗАРНИЦЫ

на горизонте

*Рассказы,
документальные повести,
очерки,
эссе,
статьи*

Казань
Татарское книжное издательство
2017

УДК 821.161.1-3/4
ББК 84(2 Рос=Рус)-4
Х18

Хамидуллин, Л. Х.

Х18 Зарницы на горизонте : рассказы, документальные повести, очерки, эссе, статьи / Лирон Хамидуллин. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2017. — 447 стр.
ISBN 978-5-298-03480-7

В книгу вошли рассказы, повести, очерки и несколько эссе автора, опубликованные им в разные годы в основном на родном языке. Документальные повести посвящены жизни и деятельности классиков татарской литературы: Дэрдменда, Мирхайдара Файзи, Амирхана Еники, известных музыкантов и композиторов: Файзулы Туишева, Латифа Хамиди и других.

Адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-298-03480-7

УДК 821.161.1-3/4
ББК 84(2 Рос=Рус)-4

© Татарское книжное издательство, 2017
© Хамидуллин Л. Х., 2017

**РАССКАЗЫ,
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
ПОВЕСТИ**

НЕЗАБЫВАЕМЫМ ПРОСЁЛКОМ

1

Игрeneвая кобылица шажком выводит нас из Иртыкова дола. Как и предания наших предков, дорога еле заметна: она заросла мягким буйным столетником и желтоголовником. Следы тележных колёс и конского хода то и дело теряются из виду. Лишь на подъёмах — по глубокой колее замечаешь: когда-то здесь проходила настоящая дорога. Теперь, видать, по ней очень редко ездят. Чутьочку вдаль, посередине пашни прямой лентой проложен большак. По нему, вздымая пыль, с рёвом иногда проносятся редкие машины.

Шагиахмет-абзый, который возит почту из соседнего села, летом часто заворачивает на эту, всё время петляющую рядом с речкой Иртыком, старую дорогу. Особенно в пору сенокосную...

— Раньше полями дорожили. Это сейчас дороги прокладывают пряником через пашни. Не своя же пашня, колхозная... — незло сказал он, оборачиваясь в сторону попутчика.

Я его не помнил. Мы давно уехали из родного села отца. С Шагиахмет-абзый я познакомился только на почтовой станции.

А почтальон, издали увидев небольшой островок зелёной травки, то и дело останавливал свою брчку. Соскочив с него, брал в руки старую косу свою и начинал слаженно махать им справа налево. Местами и травки-то немного: на три-четыре размаха косой. Но он их обязательно подбирал, не оставлял.

— Ах, сена-то сколько!.. — то и дело проговаривал он. — Нынешняя молодёжь не помнит, как раньше подстилку да старую солому с крыши скармливали скоту... Тракторами же косят сейчас. Им важнее количество прой-

денных гектаров, чем количество сена. А у речки же самые сочные травы...

На небе ни облачка. Высоко сияет солнце, своими лучами обнимая всё вокруг. Острые пики этих лучей будто до дна пронизывают омутные озерки речной долины, ослепительными бликами играют на поверхности этих озерков. Будто смущённо или играючи с солнцем в прятки прячут там свои белые личики водяные лилии. Да, всё кругом в глубоком блаженстве. Над землёй стоит неумолчный звон беззаботных кузнечиков и ещё каких-то других еле заметных тварей. То и дело у самой головы лошади парами проносятся быстрые стрижи. На их чириканье кобылица слегка пошевеливает кончиками ушей.

С близлежащей горки вижу: вдали, среди невысоких холмов, сверкнуло родное село Байтиряково со своими побелёнными саманными домиками. Да, издали село казалось намного опрятнее и милее. Точнее, в яркий солнечный день дома казались отсюда только что побелёнными. А может быть, и на самом деле село стало намного опрятнее и ухоженнее, чем было когда-то.

Да, всё хорошо, прекрасно должно быть на родной земле. Годы военных невзгод давно уж остались позади. Только вот последние слова Шагиахмет-абзый напомнили мне о тех далёких днях — суровых днях детства.

2

Наши старики, когда-то выбирая место для села Байтиряково, не прогадали. Эти холмистые места были привольными для скота и имели хорошие пашни. Кругом село сторожат небольшие горы: с запада Актау — целая гряда из ослепительно белого мела и белой глины на подножии. С юга его охраняют склоны крутолобого Зайсана с узкой каймой смешанного из дуба, берёзы и осины леса. Как повествуют легенды стариков, в давние времена на склонах этой горы изредка находили крупницы золота. Такое случалось обычно после кратковременных, но обильных дождей. Потому и назвали гору Зайсаном — «Горой сокровищ». Но в предвоенные годы геологи там никаких сокровищ не обнаружили. А вот меловые залежи Актау рекомендовали использовать. Вскоре в райцентре был открыт промкомбинат по изготовлению товарной продукции

из мела. От холодных ветров севера село заслоняют сразу две возвышенности: Комтау — песчаная гряда холмов, и Очлытау, на острой пике которого с давних времён красовался географический знак — треножник. Очлытау был ориентиром, маяком аула Байтиряково.

Только вдоль Иртыкова дола — в сторону востока тянулись на километры просторные, далеко обозримые поля: благодатные пашни сельчан. В лощинах и склонах гор тоже росли душистые травы — раздолье для домашнего скота, первые пастбища, открывавшиеся сразу же после схода снега. А лесочек на склонах горы Зайсан — Каршурман, был излюбленным местом детей и взрослых села с ранней весны до поздней осени: с момента появления там первых листочков щавеля до дней сбора высохших сучьев деревьев к зиме. Эти сухие сучья деревьев использовались сельчанами только для поджога набитых в очаги кизяков, скирды кирпичиков которых заготавливались в середине лета, между временем сенокоса и уборки урожая. В лесочке в обилии росло множество съедобных трав и ягод: душистые гусиные лапки, крупнолистные борщевики с толстыми сочными стеблями со сладкой мякотью, кустики душицы и зверобоя, сочно-красная земляника, чёрная ежевика, красноватая костянка и кустистая дикая вишня. В самом дальнем уголке Каршурмана немножечко росла и малина. Но её было так мало, что доставалась только тем, кто раньше и быстрее добирался до этих неудобных колючих кустов в «Сюбекеевском лесочке». Там же на широкой поляне, как часовые с длинными винтовками, стояли высокие, стройные стволы звонкоголосого курая. Да, эта полоска леса летом подкармливала сельчан, а зимой частично и согревала их. Поэтому эти лесочки охраняли всем селом, не давая рубить растущие там деревья...

Байтиряковцы, хоть и сели когда-то на этой полустепной зоне, на самом южном кончике Уральских гор, за это были вознаграждены обилием сенокосов, выгонов и пашен. Весной и ранним летом скот обеспечивали кормами окрестные горки и холмы да малые перелески в лощинах этих горок. С ранней весны, как только южные склоны Комтау открывались от снега, мы, мальчишки, вели туда своих любимых козочек и ягнят пастись.

Выходит, кормов байтиряковцам вроде бы всегда хватало. Но тогда почему же бывали случаи, когда скоту

скармливали «и солому с крыши домов»? Такое случилось в годы различных войн, когда корм заготавливать было некому. Мужчины воевали вдалеке от дома, защищая интересы родины, а женщины вынуждены были пахать и сеять вместо них и ухаживать за семьями...

3

Так случилось и в том году. Уже шёл третий год войны. Все запасы у сельчан иссякли. К весне стало совсем невмоготу. И тогда бригадир решил нам выделить возок ржаной соломы.

— Поезжайте и подберите одонья на дальнем клину, за бывшим хазратовым садом, — сказал он матери. — Зимой мы солому от того скирда не полностью вывезли. Снег-то сейчас осел, солома, наверное, выступила. — И завтра же он обещал выделить подводу.

Небольшой клин пашни, находившейся за бывшим садовым участком бывшего сельского муллы, являлся самым дальним полем колхоза. Но всё равно мы обрадовались словам бригадира и с вечера упростили соседа Бадук-абый поехать на его подводе.

Вот он, выполнив основную работу на ферме, подъехал к нам на своём круторогом «коне» и, не доезжая до наших ворот, позвал меня:

— Айда быстрее, джигит! До ночи надо вернуться нам...

Я уже ждал его. Быстренько плюхнулся на подстилку соломы рядом с ним. И для успокоения говорю:

— Какой ясный, солнечный день...

— Не надейся ты, Айдар, на такую погоду весной. Сейчас солнечно, а через часок может и забуранить... Говорят же, что у марта месяца характер — как у капризной барышни...

Когда отъезжали от дома, мать вдогонку крикнула:

— Не перегружайте воз, а то вол как ляжет — не поднимете, замучаетесь...

Вот и деревня осталась позади, прижавшись к подножию Комтау. Шумливые галки, клевавшие осыпь следом за нами, тоже стали потихонечку отставать, будто им не хотелось на ночь глядя пускаться в дальний путь по голой и безмолвной равнине. Кругом белое море снега с обледенелыми гребнями застывших волн. Иногда, при пово-

ротах дороги, над ледяными корками снега поблёскивают отражённые лучи солнца. Чуть вдали от дороги, на меже, слегка кольшутся засохшие стебли прошлогодней травы. Кругом тишина. И Бадук-абзый замолк. Лежит себе на охапке пожелтевшей соломы — хотя бы словом обмолвился. Что с ним такое нынче? Он ведь всегда любил с нами, мальчишками, позабавиться, поговорить. А сегодня его как будто подменили: ни шуток, ни забавных рассказов. Всё думает о чём-то своём. А может, задремал? Нет, не дремлет. Время от времени, когда тяжёлая санка на горбинках скользкой дороги катится из стороны в сторону, он поднимает голову и поглядывает, равномерно ли шагает наш вол. А неприхотливая скотина, с утра запряжённая в ярмо, не спеша перебирает ногами по зимней, уже обледеневшей от воздействия весеннего солнца дороге. Приняв привычку бывалых возчиков, время от времени я подгоняю вола словами «цоб, цобе!..». Видимо, эти заученные слова означают по нашему «шагай быстрее!». Доехать бы нам побыстрее и вернуться домой до заката солнца!

Иногда наш вол спотыкается, при этом на коленке у него что-то пощёлкивает, похрустывает. А временами он настороженно водит ушами. И мне становится не по себе, одиноко в этом безмолвии.

А Бадук улёгся бочком на примятой соломе и забылся, ушёл в себя. То ли вспоминает, как беспечным отроком носился по горам и этим полям на своих самодельных дубовых лыжах. Только он, Бадук, шустрый и смелый, мог проложить первую лыжню по самым крутым склонам окрестных гор. Первым прыгнуть в глубокие, омутные озерки, образуемые на крутых поворотах речки Иртяк. Он был не только смелым, но и сильным, мускулистым парнем. За что его и уважал я. Он был мне как старший брат. И умел при необходимости защищать от нападков сверстников. Единственным своим недостатком Бадук считал свой малый рост. Чуть округлённая его фигура действительно была вроде бы ниже фигур своих сверстников. Но по силе и мощи он не уступал им. Об этом знали в Байтирякове все.

А может, он сейчас молча, униженно переживает то, что все его сверстники давно уже в армии, а лишь одного его туда не призвали, указав на недостаточный рост. Его одноклассники Абдулькарам, Тухват, Джигангир ещё осенью

были призваны в армию. Теперь они пишут письма из неведомых краёв своим родным и девочкам. Хвалятся, что научились хорошо стрелять и скакать на резвых конях. Присылают фотокарточки, где сняты в шинелях, с длинными саблями на боку. Вся деревня сходится на них поглядеть. А девушки только о них и говорят. А Бадук по-прежнему скотник на ферме. Привёз воз соломы, роздал коровам, и день вроде бы прошёл...

Осенью Бадук тоже распевал вместе с дружками песни расставания, тоже ходил по домам родственников и знакомых, чтобы попрощаться, получить благословения. А знаменитые, когда-то его отцом смастеренные лыжи отдал мне. Сказал грустно: «Возьми-ка, браток Айдар, на память. Будешь читать маме мои письма, писать мне, что она продиктует...» Бадука в тот раз вернули из областного центра. Почему его вернули — об этом он старался никому не сообщать. Только раз Хубджамал-эби, его мать, сказала моей матери, что он ростом не подходит для службы в армии. Правда, она была этому очень и очень рада... Потом ещё раз вызывали Бадука в район. И опять вернули домой. Я знаю, что Бадук тогда сильно переживал. Такому сильному человеку признать себя негодным для армии было, конечно, тяжело. Говорят, что он уже сам просился в военкомате, сказал будто бы: «Дорасту, война сама вытянет!» Но его вернули обратно...

Медленно едем меж небольшими холмиками у Иртыкова дола. Деревни уж давно не видно, осталась где-то за этими холмиками. И лучи предзакатного солнца скользят сзади почти параллельно плоскости снежного покрова. Почему-то тревожно стало мне. Хочу завязать разговор с Бадуком и говорю ему:

— Крепко наши били немца под Ленинградом... Теперь уж наша армия рванёт вперёд, так ведь, Бадук-абый? Вот бы зима подольше продержалась. — Чувствуя внимание соседа, стараюсь быстрее высказаться. — Шафик-бабай говорит, что зимой наша армия лучше воюет. Продержись такая зима, мы бы их, наверное, до самой границы турнули...

Бадук, сказав «да-а», снова погрузился в свои раздумья. Иногда он негромко выводит мелодии известных песен, видимо, вспоминая летние игры-вечеринки. Но даже шуточно-весёлые или плясовые шустрые мелодии выводятся у него сегодня очень и очень тоскливо.

Будь я бабочкой крылатой,
Будь я бабочкой крылатой,
Повидаться бы слетел...
Повидаться бы слетел...

Кончит один куплетик, начнёт другой, третий. А потом снова и снова: «Повидаться бы слетел...»

И перед моими глазами всплывают лунные летние вечера и небольшой майданчик недалеко от сельского клуба. Я как будто явственно слышу, как на саратовской с колокольчиками гармонике частым перебором играют эту плясовую мелодию. И Бадук-абый, раскинув руки, сизым голубком носится вокруг дочери однорукого Хайрутдин-абзый — Гульдамины. Участник прошлой войны Хайрутдин-абзый имел кучу детей. Из них самой шустрой и озорной была, наверное, Гульдамина. Она и мне очень нравилась.

В Байтирякове почти все знали, что мать Бадугулы — Хубджамал очень рада была бы женить сына на ком угодно, если его не возьмут в солдаты. При встречах с Гульдаминой она старалась быть ещё ласковее, чем обычно. Да, большинство сельчан знали о дружеских взаимоотношениях Бадука с Гульдаминой. И диву давались, что в такое трудное и горестное время они так красиво дружат. Наверно, его застенчивое ухаживание ещё и ещё раз напоминало молодым солдаткам их первые встречи с будущими мужьями.

У Бадука было двое братьев. Оба с начала войны оказались на поле брани. Старший вот-вот должен был вернуться с действительной службы. И началась война. Являясь моряком и часто отлучаясь с материка, он и раньше писал редко. А в последнее время от него никаких сообщений не было. А другой брат, Бари, был призван в армию в начале сорок второго года. Писал он регулярно. Сообщал, что легко был ранен, лежал в госпитале. С нового места службы последнее его письмо было направлено в конце января этого года. Как они там? Живы ли ещё?

Да, может быть, сейчас Бадук и о судьбе братьев печалится. Если к весне и его заберут, то старая мать с такими горестями останется совсем одна...

Редееет жемчужный блеск в придорожном снегу. Вот дунул резкий ветер со стороны глади озера у хазратова

сада. По белому полю понесло затвердевшие комочки мелкого снежка — снежную крупу. Ворот моей тонкой, как рядно, старой чекмени затвердел, покрылся инеем. Стало зябко, холодно. Я соскочил с саней, решил малость побегать, согреться. Но Бадук сказал:

— Уже подъезжаем. Скоро грузить начнём, согреться...

Вот мы уже нагрузили воз, потихонечку ползём обратно. Дорога то на бугорок, на холм тянется. То мы скатываемся вниз, в сторону речной уремы. Но тальников отсюда уже не различишь, в вечерних сумерках виднеется только сплошная чёрная их полоса.

— Держи вола за рога, не отпускай! — кричит мне Бадук сзади. — Собыёмся с дороги — домой не доберёмся.

Вол стал чаще приседать на колени. И скользко на дороге, да и устал он. Правда, когда мы загружали воз, он с аппетитом скушал целую охапку соломы. Я тяну вола за рога, а преждевременно повзрослевший Бадыгулла-абый, в недавнем прошлом ещё такой же школьник, как и я, на пригорках изо всех сил толкает воз сзади. Ему тоже теперь не до песен. Устали. К тому же к вечеру подул ветер. А аула всё нет и нет. Если бы даже было недалеко, наверно, всё равно слабый свет свечей в домах не был бы виден нам.

— Аул мы не проедем, браток. Только смотри, чтобы «конь» наш не свернул с дороги. — Этими словами Бадук хочет успокоить меня и себя. Он тоже волнуется, конечно. Знает, что нас ждут там, беспокоятся...

4

Действительно чуяло, оказывается, сердце джигита Бадыгуллы скорое расставание с домом. Как только мы выехали за соломой в дальнее поле, пришла ему повестка из военкомата. С невысохших валенок и мокрого ватника ещё валил пар, уже ранним утром он прибежал за мной.

— Правление лошадь даёт. Собирайся, Айдар, отвезёшь меня на станцию, — сказал он мне.

Я вдруг почувствовал себя взрослым. И мне, шести-класснику, доверяют лошадь, чтобы везти старшего товарища до станции. Значит, доходит и наша очередь заменять старших ребят... И мы скоро будем ответственными во всех делах...

На улице, возле кошёвки Бадука, уже стояли несколько человек. Из мужчин был только Шафигулла-бабай — конюх из конюшни правления колхоза.

— С победой вернись, сынок... Встретишь наших — передай: держимся, ждём их, — сказал он напоследок.

А Хубджамал-эби, опираясь на плечо сына, повторяла почти одни и те же слова:

— Бадыгулла, сынок... а как же я буду?! С кем же я остаюсь?..

Её стараются утешить соседки. Говорят: «Может, он ещё раз вернётся...» А когда воз тронулся, женщины её еле оттащили от саней... Бадук потом долго угрюмо молчал. Я чувствовал, как тяжело было ему в этот раз одному уезжать из села. В другие разы ведь они всегда были со своей компанией — все вместе... А когда вместе — всегда легче переносить всякие невзгоды.

* * *

На этот раз Бадук не вернулся. Правда, сначала он служил недалеко. Письма его приходили с ближайшего лагеря, откуда в летнюю раннюю зарю, говорят, были слышны глухие хлопанья — отголоски стрельбы из крупных пушек. По словам Хайрутдин-абзый, там находился артиллерийский полигон. И до этого лагеря от нас вроде бы не более восьмидесяти километров. В начале лета даже пронёсся слух, будто бы Бадука видели у ворот дома Гульдамины. Будто кто-то слышал, как он на их стороне улицы напевал свою любимую песню: «Будь я бабочкой крылатой». Но скорее всего это было чьей-то выдумкой. Придя в село хотя бы на короткое время, не мог же он обойти дом своей одинокой матери. А Хубджамал-эби о таком случае не рассказывала.

Она часто заходила к нам и делилась своими горестными переживаниями за сыновей. И на улице, бывало, как увидит меня, всё к себе зовёт:

— Идём-ка, сынок, прочти ещё раз письмецо Бадыгуллы. Может, тогда я чего-то недослушала...

Правда, все эти письма уже не раз были прочитаны. Сначала их с подробными объяснениями читала моя мама. Она по пути со школы первой заглядывала на почту, часто раньше девочки-почтальонки приносила домой письма. Но Хубджамал-эби ещё и ещё раз хотелось их

слушать. А зайдёшь к ней — никак не отпустит. Различными разговорами постарается, чтобы зашедший к ней человек пробыл в её доме хотя бы какое-то время.

— Что-то меньшей мой приснился мне сегодня. Ласковый такой. И раньше иногда он бывал таким... Угощу-ка тебя перемячем. Уж больно любил мой Бадыгулла картофельные перемячи...

Да, зайдёшь к ней, вот такими разговорами она постарается отвлечь тебя от других дел. А после прочтения старых писем Бадука, иногда она просит ещё остаться у ней ночевать. А ночью сквозь сон слышишь её постоянные бормотания. Лежит ли она у тёплой печки, или чуть свет сидит на молитвенном ковре, она шепчет-нашёптывает: «О Аллах, дай моим сыновьям здоровья и благополучия. Дай здоровья всем моим добрым соседям, воюющим сейчас с врагами нашими...» Но чаще всего она упоминает младшего сыночка: «Бадыгуллам, сынок мой, на кого же ты покинул меня?! Малыми крошечками вы остались у меня без отца. Подрастали вы, а я радовалась, что не одна я, не одна... Где же вы теперь?.. Все вы покинули меня... Горе, горе мне!.. Холодно мне... И вам, наверное, холодно в тонких шинелишках... Холодно мне, будто снегом так и сыплет, сыплет на грудь... Ай Аллам!..» А иногда начинает быстро-быстро что-то бормотать, потом слышится суеверное «Тьфу, тьфу!..» — как будто Хубджамал-эби заговаривает кого-то от пули, от бомб, от нечистой силы...

Насилу выдержала она последнюю военную зиму. Всё время жаловалась, что в груди у неё колет, дышать невозможно. И зябко было ей и у себя возле печки, и у нас возле горячего самовара. А порадоваться по случаю победы ей было не суждено. Извещение о героической смерти очень любимого ею младшего сына, грудью защитившего своего командира от вражеской пули, так же не застало её. В весеннюю солнечную пору Хубджамал-эби вдруг не стало. Будто стаяла жизнь её, как мягкий апрельский снежок.

Великое, всенародное торжество пришло чуть позже. Помню, в то майское утро сначала неожиданно выпал ярко-белый запоздалый снег. Сакина-апа, дежурившая в эту ночь в сельском совете, чуть свет заметалась от дома к дому, оставляя на снегу следы стёртых галош и одаривая всех радостью:

— Пабида! Пабида! — кричала она в одно окно и сразу же бежала к дому напротив, чтобы успеть сообщить всем эту радость.

Мы тоже выбежали на улицу и, сверкая покрасневшими пятками, мчались к родным и близким.

Только к дому Худжамал-эби никто уже не подбежал, не кричал ей в окно это волшебное слово «победа». А память Бадука — самодельные дубовые лыжи ещё долго оставались у меня. Даже уезжая после ФЗО насовсем в город, я взял их с собой.

5

Выслушав меня, Шагиахмет-абзый добавляет:

— Да, паря, трудностей вынесено — не пересказать. А ведь мы с твоим отцом вместе на войну уезжали, на его полуторке. На второй же день с начала войны. Помню, ехали как на Сабантуй. В кузове машины полно было мужиков. Учитель Хабиб всё время запевал такие бодрящие, бравые песни. Многие из нас ему подпевали. Кто же думал тогда, что всё так надолго затянется? И Хабиб, и отец твой, и Бадыгулла остались кто где — одни недалеко, у Волги, другие на чужбине... Признаться, Бадыгуллу я смутно помню. Мальчишкой он был, когда мы уезжали воевать... Увидел бы тебя сейчас отец, что подумал бы, а?..

— Когда погиб отец, ему ещё не было и полных тридцати четырёх лет, — говорю собеседнику. А в уме с удивлением замечаю себе: в этом году и мне исполнилось ровно столько же лет. Вот совпадение... Раньше как-то и не думал об этом. Отец мой погиб так давно. Тогда ещё и Бадук был рядом. Почти мальчишкой был...

Мы уже едем по гребню Очлытау. Скоро опять, но уже с близкого расстояния, покажется белосаманное Байтиряково. Сумка Шагиахмет-абзый, полная газет и мирных, радостных писем, лежит на свежем, приятно пахнущем сене. Во-он и первые дома и извилистые улочки села. В ней я жадно ищу приметы моих мальчишеских лет, обшариваю глазами родные места. Ищу сиротливый домик Худжамал-эби. Живёт ли кто-либо в нём сейчас? Ищу дом Гульдамины за рекой.

— Гульдамина сейчас мать пятерых детей, — замечает Шагиахмет-абзый. — Правда, поздно вышла она замуж, всё не забывалась, видно, сердечная рана. А живут хорошо, слаженно. Муж у неё оказался добрым парнем, хоть и не из нашего села.

Да, Гульдамина теперь, наверное, и не вспоминает свою первую любовь. А может быть, всплывают иногда в её памяти ребяческие нетерпеливые ожидания чего-то важного. И может, бережёт она в душе образ своего семнадцатилетнего Бадуга, не ставшего в её жизни Бадыгуллой.

Я тоже не могу себе представить его сорокалетним. Хотя сорок ему исполнилось бы ещё года через три-четыре... Я и сейчас будто вижу, как он лежит на отводе саней, на примятой соломе и тоскливо глядит на снежные дали, грустно, почти шёпотом выводя любимый свой куплетик: «Будь я бабочкой крылатой...»

Да, не довелось ему ни мать оплакивать, ни стать отцом — продолжателем рода своего.

И несмотря ни на что, мне всё же кажется, что Бадук жив, только не рядом с нами, а где-то далеко-далеко. Это, наверное, оттого, что Хубджамал-эби тоже ушла из этого мира давно, и не ждёт, как другие, своего Бадуга у крыльца.

...Волоча за собой тучу белёсой пыли, со стороны Актау спускается в аул большое стадо. Время от времени по улицам Байтирякова деловито проезжают автомашины. В долине речки, чуя приближение тёплого вечера, подаёт голос дергач: тарт-тарт, тарт-тай. Как будто спрашивает у меня: «Кайттыңмы?» («Вернулся?») На задах, со стороны огородов, слышен чей-то негромкий голосок: «Придёт весна... придёт любовь...»

Вот Шагиахмет-абзый взмахнул кнутом, не задевая крупа лошади, щёлкнул им. Игреновая кобылица и сама уж хотела поскорее освободиться от хомута и послушно затрусила к мосту через речку Иртяк.

В МЕТЕЛЬНУЮ НОЧЬ

1

Для бригадира Крутой Ярской участка эта зима оказалась несколько неожиданной. Он знал, что для путейцев зимние месяцы — самое неблагоприятное время. Но, похоже, недооценивал, насколько изнурительными, изматывающими душу они могут оказаться для него. Уже сколько недель неустанно завывает ветер, кружат метели. А ведь здесь он оказался по своей воле... Впрочем, что можно было успеть увидеть и узнать за время прохождения двухмесячной практики в годы учёбы?! Тем более, что половина этой практики проходила в самый разгар лета. И, главное, ответственность за всё тогда лежала на других, а практикант Закария работал лишь под их прикрытием. А сейчас восьмикилометровый участок дороги всей своей «тяжестью» давит на его плечи и душу...

Разъезд Крутой Яр, состоящий из четырёх старых барачков-казарм и горстки частных домишек, сейчас стал напоминать Закарие богом забытый островок на краю земли. Действительно, на карте железных дорог, занимающей одну из стен бригадирской комнаты, такого пункта вовсе и не было. Сколько названий городов и станций обозначено на этих пересекающих Уральские горы вдоль и поперёк красных линиях дорог, напоминающих местами паучью западню! Но не значился на этой большой карте их зажатый между скалистыми горами Крутой Яр. Правда, в первые же дни своей работы Закария, тогда ещё не обеспокоенный этой неизвестностью, в одном месте красной паутины — между двумя соседними станциями со знакомыми названиями — поставил точку фиолетовыми чернилами. Крутой Яр должен был находиться здесь — ровно посередине этого промежутка с ноготок.

Однако сегодня созерцание карты не рассеивает чувство заброшенности и одиночества, постепенно превращавшееся в нечто похожее на недуг.

А ведь совсем недавно он приехал сюда, на эту известную точку, окрылённый стремлением свершать большие дела. Тогда этот неказистый разъезд встретил его приветливо, улыбаясь своими крупными, словно блюдца, цветущими подсолнухами. Даже окружавшие Крутой Яр тёмно-бурые горы не показались тогда такими невзрачными, такими тёмными, громоздкими. Наоборот, окрыляя душу, по-дружески манили к себе. Закария тут же по-детски влюбился в них. Словно спеша на встречу с почётным родственником, уже на второй день после приезда он вскарабкался на самую крутую вершину горы. Вознесясь так высоко, он любил тогда устремлять свой взор в пространство дальних горных гряд...

А теперь почему-то кажется, что эти горы, эти суровые скалы теснят его душу и даже не дают свободно двигаться. Если бы не их плен, он, может быть, давно уже выбрался бы из этой заснеженной ямы, давно бы добрался до бурлящей жизнью большой станции. Перед его глазами возникли видения шумной городской улицы, заполненной элегантно одетыми людьми. Только что за чудо, оказывается, это не улица, а рельсовая дорога с торчащими концами шпал. Уж не пристанционная ли это улица? И почему этот сердитый человек не даёт пройти вперёд, теснит его и толкается? Отчего и его помощник Карамат, считавшийся его правой рукой, посматривает на него так строго, хмурит взгляд и отворачивается? А поезд идёт... нет, едет прямо на Закарию. Надо бы посторониться, успеть отойти в сторону! Вон и улица содрогается, огромный тепловоз, закрыв своим безобразным корпусом всё на свете, стал ухажать возле самого его уха. «Пуф-пуф-пуф...» Вот-вот его задавит, а Закария никак не может сдвинуться с места...

2

Убаюканный завыванием ветра, погружённый в бредовый сон, Закария не сразу проснулся под нескончаемую трель телефона. Очнувшись, кинулся к телефонному аппарату, стоящему на рабочем столе в противоположной стороне комнаты. Слышался сотрясающий стены казармы грохот колёс проходящего мимо тяжелогружёного состава. Вот участился стук колёс на стыках рельсов, голова состава, видимо, минуя стрелки разъезда, вышла уже на прямую дорогу. Машинисты — народ такой: как только

тепловоз оставит за собой опасный участок, скорее тянутся к рычагу скорости, не думая о состоянии хвостовых вагонов. И тут уж эти вагоны, словно отставшие от матери утки, раскачиваясь и ударяясь обо что попало, начинают проявлять свою прыть. Если один из этих вагонов кувыркнётся под откос, будет винить путейцев.

Закария привычно подумал: «Ага, не остановился, значит, впереди встречного поезда нет». Если бы ему год назад сказали, что он будет мысленно сопровождать каждый проходящий поезд, не поверил бы. Он же не верил, когда говорили, мол, «и во сне вижу только поезда». Верно ведь говорили.

В последние несколько дней у Закарии было плохое самочувствие. Только выйдет на мороз, пробирают озноб и дрожь, всё тело покрывается холодным потом. И впрямь, говорили же ему знающие люди, что придётся изнуряться на этой работе до седьмого пота. Неужто в самом деле? Да быть не может! Ерунду, наверное, болтали... Но то ли действительно этот самый седьмой пот тому причиной, то ли ещё чёрт те что, но откуда-то наваливается вялость и доходит до того, что он еле передвигает ноги. Только недавно, вернувшись с проверки работ путейцев, очищающих входные и выходные стрелки в разных концах далеко растянутых, проложенных полукругом вокруг скальной горы путей разъезда, он, измученный от слабости, свалился на свою лежанку. Доходящее через дощатую перегородку тепло печки с запахом каменного угля, усталость и невесёлые думы сделали своё дело, разморили — вот он и погрузился в бредовый сон. А ведь на столе его ждёт срочная работа — недельный отчёт о выполненных мероприятиях. Он твёрдо намеревался закончить её сегодня днём, в выходной день.

Услышав неистовый телефонный звонок, он скинул с себя слегка отсыревшую от хождения по липкому мокрому снегу шубу и потрусил в передний угол комнаты. Что ещё там стряслось? И в выходной день не дадут немного отдохнуть. Наверное, мастер по нему соскучился, устав от перепалок со своей сварливой Машкой. Небось, намеревается отчитать, почему, мол, до сих пор не сообщил недельную сводку.

— До чёртиков устал от этой работы... — Ворча таким образом, он подошёл к столу. — Але! Бригадир слушает! — сказал он в трубку.

Оказывается, звонят со станции, сам главный диспетчер.

— На Халиловском перегоне рельс лопнул. Там обходчик Хисмат, это он сообщил машинисту поезда. Прими меры, бригадир! Спешите! — приказал он.

Если, как сказал диспетчер, лопнул рельс, поезда ходить не должны. А ведь оттуда только что прошёл состав. Выходит, не совсем сломался, должно быть, только треснул. Для Закарии спокойнее, конечно, если рельс только треснул. Если лопнул, дела будут похуже, остановится движение, на бригадира посыплются упреки.

Ещё вчера ветер обжигал лицо, а сегодня вот идёт мокрый снег — за ночь ветер переменялся на южный. В результате всего этого чувствительным к этой перемене погоды оказался, как это часто бывает, стальной рельс. Хотя и человек ведь тоже так, работает, словно стальной, не зная меры, и неожиданно возьмёт да и «сломаётся».

Размышляя подобным образом, Закария поспешно одевался. Кто же сегодня дома из бригады? Карамат с женой, возможно, ещё Магинур. Ещё... Жаль, что нет семьи Валимухамеда. И он, и его старший сын отпросились на свадьбу. И Закарию пригласили, уж очень уговаривали. Нет обиды на деда Валимухамеда, пусть с удовольствием справляет свадьбу родственника. Дня три-четыре назад их двоих постигла такая же участь. И тогда его, Закарию, диспетчер поднял с постели так же среди ночи:

— Авария, Закиров, на семьсот шестом километре вагон рассыпался, на дорогу высыпались брёвна! Я пока держу здесь поезда, скорее беги туда с бригадой! — кричала в трубку паническим голосом Серафима Петровна, женщина с суетливым характером.

Он тогда ей посоветовал:

— Пусть «чётный» потихоньку выйдет навстречу, если что, подождёт там. А мы скоро будем.

В такие минуты нельзя колебаться и тянуть резину. Как только узнал, в чём дело, решил вопрос, сколько же нужно людей и какие понадобятся инструменты. Тогда Закария, прикинув, что, наверное, хватит одного подручного, разбудил только Валимухамеда, живущего в той же казарме, что и сам. Если что, он надеялся встретить кого-либо из работающих посменно обходчиков.

Да, он не ошибся. Когда они, спотыкаясь и падая в темноте, прибежали к темнеющим на снегу сосновым брёв-

нам, обходчица Апанасова была уже там. И сил-то нет у бедной старушки тягаться с этими брёвнами, но она молодец, на своём посту оказалась — начала принимать меры. Как ей не скажешь спасибо! Свою благодарность обходчице Настасии Апанасовой и деду Валимухамеду он повторил и утром, перед бригадой. Хорошее дело любого члена бригады никогда не должно забываться. Добрый, покладистый дед Валимухамед у бригадира был в особом почёте. Закария только вначале недоумевал, почему это не дошедшего ещё до пенсионного возраста человека все в разъезде называют «дедом». Возможно, причиной этому было его пасмурно-тучное лицо с каким-то грустно-постным выражением. Или же многочисленность детворы, вечно путающейся под ногами с криком «бабай». Казалось, его внуками была заполнена вся казарма, хотя они и занимали всего две комнаты в дальнем её конце. Своё жильё путейцы почему-то называют не «домом», или хотя бы «бараком», имея в виду барачный тип этого жилья, а обязательно казённо «казармой». Видимо, это след военной поры, когда железнодорожники находились на полувоенном положении, и один из старых путейцев разъезда Валимухамед именно тогда был мобилизован на эту работу из своей небогатой деревушки. Человек порядочный, послушный, он с тех пор служил здесь и посвятил свою жизнь и жизнь семьи нелёгкому путейскому делу, не теряя понапрасну времени на поиски более лёгкой работы. Что ни поручишь, всё сделает добросовестно, можно даже не проверять. Жаль, что сегодня его нет и его сына с женой — всего восемь рабочих рук отпустил он вчера на свадьбу.

...Выходит, в его сегодняшнем активе почти одни бабы и ближайшая из них — тётушка Шамсельбану. Пропахивая снежные сугробы, он прошёл мимо стоящих друг за другом двух длиннющих барачков: один — с семьями путейцев, другой — работников движения — дежурных по разъезду и стрелочников. Вот кому в такие ночи завидовал Закария, так этим самым движенцам. Хоть и у них служба не сахар, как говорится, круглогодичная трёхсменка без выходных и праздников, но зато без авралов почти, без каких-либо аварий. Время, положенное спать, — спи, никто тебе не помешает. И к тому же почти всегда в тепле, не считая, конечно, службы стрелочников. Хотя и они всегда при утеплённой, да где там утеплён-

ной — при жаркой своей будке без особых надобностей на улицу и не выглянут.

Закария бегом пробежал возле тёмных окон длинного с каменно-бутовыми стенами барака движенцев и очутился в зоне «частного» сектора. И торкнулся в дверь ближайшего низкого саманного домика с небольшой прихожей, где тотчас же задвигались, забегали испуганные им дородно-знатные козочки тётушки Шамсельбану. До этого они мирно хрумкали свежее пахучее сено своими мелкими алмазными зубками. Закария не раз зарекался по ночам не открывать этой двери, не тревожить этих изнеженных лохматых существ после захода солнца. Они обеспечивали свою хозяйку дополнительным доходом: ценным пухом для шалей и густым жирным молоком для чая. Но сегодня вынужден это сделать, иначе не с кем идти на перегон.

Конечно, кого бы то ни было нелегко звать на работу в единственный выходной в неделю. В Крутом Яре это ещё усугубляется тем, что у каждого имеется своё личное хозяйство, живность там разная и прочая мелочь. Значит, у них достаточно причин, чтобы отказаться от срочной дополнительной работы, сославшись на то, что вот корова телится или козочка любимая занемогла...

Думая про себя так, Закария, чуть пригнув голову, влетел в аккуратненькую, белённую со всех сторон комнатёнку и сразу выпалил:

— Айда пошли, Шамсельбану-апа, срочно на работу. Рельс лопнул. Скорее одевайся.

Было не до церемоний, время действительно не ждало. Но Шамсельбану-апа подобных спешек видела-перевидела. Сначала она стала выяснять: кто где и у кого уже побывал бригадир. После этого довольно долго жалостно причитала:

— Ах, и проклята же моя работа... Зачем только привязалась я к ней... Да и ты, бригадир... раньше старались женщин по ночам не вызывать... Да-а, мужиков непутёвых... Бельё моё, будь оно неладно, вон целый бак кипятить поставила было. Что же станет теперь с ним?

И начала ругаться и обзывать: и бельё, и целый свет начала характеризовать в хлёстких путевских выражениях. Закария тем временем быстренько исчез. И чего так кипятиться, если бы было кого брать, стал бы разве её тревожить?

Естественно, что и Магинур-апа не ждала его с пирогами. Как только выговорил: «Магинур-апа, надо одеваться», тоже с упрёком ответила:

— Теперь и в колхозе так не работают... И днём работа, и ночью возишься, как каторжник... — ворчала она, прохаживаясь взад-вперёд по комнате и не спеша одеваясь.

С языка Закарии чуть не сорвалось: «Коли так, возвращайтесь в колхоз». Но это прозвучало бы оскорблением...

И тогда слова ругани и порицания, приготовленные для других, Закария обратил в свой адрес. Кто же навязал ему все эти нескончаемые хлопоты? Не из-за своей ли глупости он согласился стать здесь бригадиром? Дескать, собираемся тебя, товарищ Забиров, послать ответственным лицом на такой-то важный участок. Ты знаешь, мол, язык, обычаи местного населения, к тому же есть у тебя и опыт руководителя. Как-никак, а на военной службе был командиром отделения, ефрейторское звание имеешь. И знаний, дескать, достаточно — техникум кончаешь. И насчёт опыта не особо беспокойся — каждый приобретает его работая. Вот и возьми-ка за этот участок, будь там, мол, главным руководителем.

Вот такой похвалой, видимо, и вскружили голову Закарие. И стал он «главным» на свою голову! Вон, например, Вася, с которым в техникуме за одной партой сидели, оказался умнее. Хоть и исполняет скромную обязанность техника в конторе, зато живёт на большой станции, среди людей разных; отработает свои восемь часов и отдыхает с удовольствием. Пишет, ходим, мол, в кино да на танцы, и девчата, мол, все пригожие. Все тысячи удовольствий парню. Не мучается, не мокнет на снегу и не ругается постоянно со всеми из-за каких-то «важных дел». А Закария днём и ночью на дне этой заброшенной преисподней.

Кстати, насчёт ругани: что-то в последние дни чувствуется холодок в их отношениях с Караматом, помощником бригадира. А сегодня без него шагу не ступишь, вся надежда на Карамата. Если не будет артачиться и если, к счастью, будет на ногах — ведь выходной, — они ещё как-то справятся. А если уж счастье ему изменит, — Закарие с тремя тётушками-пенсионерками придётся изрядно хлебнуть горя. Нешуточное это дело — среди зимы менять рельс на перегоне. Нужны здесь и сила, и сноровка.

Вдобавок ещё нужно уволочь эту полутонную чёртову железяку за пять километров.

Закария мельком бросил взгляд на часы — прошло всего восемь минут, как он выбежал из своей конторки-квартиры. Значит, возле Хисмата ещё ничего не должно было произойти. Вот-вот, наверное, скалистая Кыя Тау должна дать знать эхом о шуме приближающегося поезда. Только Закария пока никак не привыкнет к одной хитрости Кыя Тау — гора как плохой репродуктор, стоявший когда-то на их деревенской площади, — если тепловоз свистнет справа, ощущение такое, будто он приближается с левой стороны.

3

Карамат — мужчина средних лет — опора бригады. Работает он споро, сноровисто. Пока другие раскачиваются, смотришь, он уже полдела сделал. Не зря, наверное, говорит его сосед и свояк Хисмат, дразня его и одновременно восхищаясь: «Джин ведь он настоящий. Да ещё вы не видели, что он вытворяет дома. Без дела и минуты не посидит. Это просто нечистая сила, наверное...» И действительно нечистая сила этот крепыш Карамат. Коль он начнёт какое дело, уж ничто его не остановит, кроме, может быть, какого-нибудь словечка, неудачно высказанного при этом. Ибо он ещё и достаточно упрям, своенравен. А если уж заупрямился, — уговаривать бесполезно. В такие моменты добра от него не жди. Может даже забрать свои инструменты и уйти домой. Знает себе цену!

На днях они с этим Караматом очень резко поговорили. И почти что без видимой причины. В тот день Закария и так чувствовал себя неважно, словно несомая ветром снежинка. И с мастером поутру обменялись довольно злыми выражениями. Если не спеша разобраться, — вроде оба правы. Надо было срочно убрать кучи снега и сколотого льда, накопленного между путями разъезда. Очень уж они мешали там всем. Если увидят, и начальству не понравится. Вот мастер в то утро и говорит, что он жалеет бригаду, а то давно бы, мол, снег этот куда-нибудь перебросили. А сам ведь знает, что у них не как у других, кругом горы да скалы — перекидывать некуда. Всего несколько дней тому назад вместе решили, что некуда таскать, перед ка-

зармой же не навалишь. Чтобы всё это вывезти, мол, понадобится несколько порожних вагонов.

Хоть Закария и пытался заговорить о вагонах-платформах, тот отмолчался. Если делать так, то слишком хлопотно для самого мастера, придётся выпрашивать у начальства платформу, искать тепловоз, вставить часы его продвижения в дневной диспетчерский график, то есть дня два как минимум заниматься только этим, просиживать у телефона. Конечно, гораздо проще кричать на бригадира, мол, «пусть бригада твоя немного пошевелится, совсем обленились».

И Карамат заупряился именно в день спора с мастером. В тот день Закария должен был с недежурившей частью бригады разобрать и собрать стрелку напротив семафора слева. Одна её сторона немного осела — врезалась в шпалы под тяжестью поездов. Если какой-нибудь машинист, решив проявить лихачество, прибавит здесь скорость, может случиться непоправимое.

Они сгребли и вымели снег, затем стали обтёсывать эти шпалы неудобными «французскими» топорами. В самый разгар работы сломались рукоятки двух топоров из имеющихся трёх. Следить за исправностью инструментов в бригаде было поручено Карамату, он даже получал за это дополнительную плату, оформленную на сына-ученика. Так было заведено давно, до сих пор и Закария, и бригада были довольны его работой — инструменты всегда были в порядке, да и сын всегда помогал в этом отцу. Когда другие, отработав рабочие часы, расходились по домам, они почти каждый день оставались у инструментного сарая, старались починить все сломанные и затупившиеся инструменты.

Обозлившись на сломавшиеся в самый неудачный момент топоры, Закария прикрикнул на Карамата, поторопил его: «Побыстрее!»

Вот после этого Карамат и вспылел. Видимо, выплеснулась переполнявшая его уже давно злоба. Говорит, брошу работу и уйду. Мол, больше и ноги моей не будет в сарае с инструментами. Ты, говорит, только с такими сладкоречивыми, как Хисмат, и дружишь. В бригаде теперь только им почёт и хвала. Карамат корил Закарию таким образом ещё довольно долго. И в самом деле, он только на прошлой неделе вывесил благодарность смотрителю путей Хисмату.

Правда, в его словах есть истина: изредка они с Хисматом вместе проводят вечера. Посиживают иногда, обсуждая увиденное и прочитанное, лузгая семечки, калённые Магинур-апа.

4

Карамат был в бане, когда пришёл Закария. Поговорили через дверь.

— На Халиловском перегоне рельс лопнул, надо поменять... Как ты?

— Вы идите пока, догоним, — ответил Карамат.

От бани Карамата Закария напрямую вышел к своей казарме. Порадовался звучащему издали ровному гулу. Со встречной стороны идёт поезд. В то же мгновение, встревожив душу, промелькнула мысль: «Идёт. Но пройдёт ли?» Конечно, Хисмат знает своё дело, если не полонений. Лишь бы смог пока пропускать поезда без осложнений. Потому что даже если очень поторопиться, бригада подойдёт к нему не раньше чем через час.

Дверь лачуги с инвентарём была открыта, при свете фонаря Магинур и Шамсельбану укладывали в продолговатый ящик разные инструменты. Станок для резки рельсов стоял чуть в стороне — он всё равно не помещается в ящик, всегда отдельный груз, причём тяжёлый и неудобный, и обычно его не хочется носить с собой.

Закария первым делом вытащил из угла кладовки и поставил на путь тележку. На эту приспособленную двигаться по одному рельсу тележку с одной ручкой установили тот ящик и станок и пошли за рельсом.

Чем больше они отдалялись от прикрытия домов, казарм, тем злее казался ветер. Еле остановив уже чуть было не опрокинувшуюся тележку, Закария быстренько надел и туго завязал капюшон плаща. Так, конечно, значительно теплее, но есть риск не услышать приближение поезда, придётся чаще оборачиваться и оглядываться. Как же там Хисмат терпит на таком ветру? Он ведь уже почти час вынужден топтаться на одном месте. Когда портится настроение, он обычно не ругается, как другие, а громко поёт. И сейчас, наверное, так же, напевая, попрыгивает.

Вот они уже проходят мимо семафора. Шамсельбану на тридцать-сорок шагов впереди, Магинур сзади идут

с красными фонарями. А мокрый снег так и липнет к одежде, забивает глаза, заметает дорогу. И ночная темнота сгущается ещё сильнее. Сползавший то в одну, то в другую сторону длинный рельс неожиданно выдернул ручку тележки из рук Закарии и нырнул в мягкий снег. Вслед за ним разлетелись в стороны ящик с инструментами и резной станок. Закария даже не заметил, как рельс сполз на самый край, видимо, это случилось в тот момент, когда он оглядывался назад, пытаясь разглядеть нагоняющих.

— Рельс гнутый, что ли, попался? — притворно сказала видевшая всё это Магинур.

Уж не такие бедные времена, чтобы на зиму гнутые рельсы оставлять. Закария знает, что Магинур сказала так, чтобы лишь утешить его. Если будут так через каждую версту опрокидываться или пропускать поезд, то и к полуночи не дойдут до назначенного места. Наверное, уже вот-вот должен пройти вечерний скорый. Если не опоздает... да, если не опоздает, осталось ещё примерно четыре минуты. Значит, нет смысла пытаться поднять тележку.

В это время со стороны застроек Крутого Яра показали два силуэта. Похоже, что в эту сторону «катятся» крепкие, как пень, кругленькие Карамат и Карима. Что интересно, народ в этих краях крепкого телосложения, ростом чуть ниже среднего, лица как блюдца. Среди них лишь старушка-кряшенка Настя тонка, как маленькое веретенце, да Хисмат солдат возвышается, словно серебристый тополь среди клёнов. Ростом он почти как Закария. Иногда Хисмат любит пошутить: «Меня вырастила сахалинская селёдка. Немало я ел овсяной каши с крупной селёдкой за семь лет службы там».

Шумно, торопясь, промчался скорый поезд. Лишь свет замёрзших окон и запах тёплого дыма пощекотали душу, и защемило в сердце от напоминания о том, что есть где-то светлый мир, спокойная тёплая жизнь и загадочная любовь. Вряд ли кто-то из тех, кто мирно покачивался в этих промчавшихся, словно ураган, тёплых и светлых вагонах, задумался о Закарии и Магинур, Хисмате и Карамате, стоявших спиной к ветру и набиравших сил для продолжения пути.

Когда, промучившись, уже почти уложили тяжёлый

рельс на тележку, подошёл и Карамат. Оказалось, что с фонарём за ним шла дочь.

Закария с трудом прошёл ещё некоторое расстояние, слегка толкая ручку тележки в разные стороны, пытаясь сохранить равновесие. Почувствовав, что не может прекратить раскачивание этой бестолковой «дубины», он снова остановился.

— Дай-ка мне, былгадир, что-то она тебя сегодня не слушается, — прямо, словно наступив на большую мозоль, сказал Карамат и взял тележку из его рук. Затем, как обычно, чуть наклонившись в сторону, довольно ловко покати́л тележку вперёд.

5

Оказывается, похожая на отца полненькая и крепко сбитая дочь Карамата приехала откуда-то на выходные. Устроившись сюда на работу, Закарие вроде не приходилось ещё видеть её. Хотя, может, и видел, но не обратил внимания. У Закарии нет привычки заявляться к Караматам без причины. Как-то не принято.

Девушка идёт впереди, держа сигнальный фонарь. И хоть бы раз оглянулась. Не уходит далеко вперёд и не отстаёт.

А Дилюса же шла, представляя перед глазами молодого бригадира. Такой мрачный, зачем он так нахмурился? Можно подумать, невесть что случилось. На дороге без происшествий не обходится, не первый раз в Крутом Яре рельсы меняют. Может, не прошёл у бригадира гнев на её отца? Ведь говорит же мать, что бригадир очень разозлился в день ссоры, с тех пор даже толком не здоровается. Вот и сейчас насупился он, на Дилюсу лишь из-под бровей взглянул.

Сегодня она сама упросила отца выйти с бригадой, сославшись на то, что «маме нельзя после бани на холод». Дилюсе была знакома и близка работа на путях. Особенно любит встречать поезда и провожать их в далёкие неизвестные края. С особой надеждой и нетерпением дожидается она пассажирского поезда, который останавливается в Крутом Яре раз в два дня. Несмотря на дела, всегда выбегает к путям встретить его и машет рукой вслед. Для неё большая радость, если поезд по каким-то причинам задерживается в

Крутом Яре. В таких случаях, особенно летом, молодёжь выпрыгивает из зелёных комфортных вагонов, чтобы пройтись, восхищаясь красотой Кыя Тау.

— Ах, эта гора! Ах, эти скалы!.. — восклицают они.

Некоторые подходят к Дилюсе, расспрашивая о разном, словно интересуясь. Даже подразнивают: «Эй, красавица, давай возьми тебя с собой далеко-далеко!» Это была пора, когда девушка уже ловила на себе восхищённые взгляды...

Воспоминания о том, как Дилюса смотрела вслед загадочным поездам, казались ей сейчас лишь сном об интересной детской игре. Да, качающиеся огни уходящего вдаль поезда оторвали её от мечтательного детства и унесли куда-то на чужбину, вырвали из Крутого Яра, подобного раю. А ведь и здесь, оказывается, были такие чудесные мгновения. Кто же мог подумать, что уже через четыре-пять месяцев Дилюса так соскучится по этому маленькому разъезду! Казалось, что вот только попади она в крупный город, большой мир, и совсем о нём не вспомнит. А на самом деле и этот грустный разъезд может заставить так по себе скучать! Оказывается, когда ты одна в большом городе, бывает также грустно и печально.

Дилюса, обдумывая всё это, шагает перед бригадой. Тянувшаяся еле видимыми нитями дорога становится всё длиннее, бежит вперёд и торопит куда-то.

6

Ветер воеет и воеет. Валит снег. Мир словно утонул в темноте. Стали совсем невидимы столбы, гудящие у дороги. Хисмат подолгу тревожно вглядывается в сторону Крутого Яра. Сквозь ночь и метель уже не видно стало даже Кыя Тау. Хисмат больше часа топчется на одном месте. Он то хлопает рукавицами, то ходит взад-вперёд. И всё же не отдаляется от найденного им разбитого рельса. Как только появляются огни поездов, начинает махать фонарём, чтобы они остановились. Затем, пригибаясь почти под самые вагоны, прижимает отломившийся кусок рельса лопатой и аккуратно пропускает поезда через это опасное место. Приподнимает один наушник шапки-ушанки, чтобы лучше слышать, крепко сжимает в руках

черенок лопаты, уже расплющенной колёсами поездов, и командует машинисту:

— Давай!

Колёса, медленно въехавшие на опасный участок, начинают набирать скорость, и кажется, что тот кусок под лопатой вот-вот выскочит. А Хисмат всё стоит, согнувшись в три погибели, скрипя зубами и забыв о большой пояснице, терпеливо выжидая, когда длинный состав пройдёт весь. Когда проходит последний вагон, он уже чуть не падает от головокружения.

Конечно, так пропускать поезда категорически запрещено. В таких случаях, согласно инструкции, дорога должна быть закрыта, движение поездов остановлено. Но так делать просто невозможно. На это уходит очень много времени. Да и не поглядят никого по головке за закрытую дорогу, поднимется большая шумиха. Быть может, она и не коснётся самого зрителя путей Хисмата. Наоборот, его могут даже похвалить за то, что вовремя принял меры. А что скажут бригадиру?

И всё же, какими бы образованными ни были этот бригадир и мастера, Хисмат ничуть не хуже знает дорожную работу, это факт. Он только сейчас числится на лёгкой работе — путевым обходчиком. Вон и шурин Карамат тоже поднаторел лишь благодаря ему, и хотя ходит в помощниках бригадира, а всё же столько, сколько Хисмат, ещё не знает.

Топчется на месте Хисмат, думая обо всём этом и замерзая в открытом поле, и лишь проходящие мимо поезда прерывают его мысли.

7

Ещё до прихода бригады Хисмат расчистил снег, чуть ослабил гайки на болтах и костыли — клинья на концах шпал рельса, который надо поменять. Бригада сразу же принялась за работу, едва прибыв на место. Никто сейчас не обращает внимания ни на падающие сверху хлопья мокрого снега, ни на вой ветра. Можно подумать, если сегодня, вот в этот час они быстро и чётко выполняют эту работу, то с завтрашнего дня их ждут райские наслаждения. С таким рвением взялись за работу, вздохнуть некогда, и даже не слышно ни слова!

Снежная метель беспрестанно набрасывается на них наряду с сильным ветром, дёргает за подолы, раскрывает полы шуб.

При свете фонаря Закария измерил длину рельса.

— Отрезаемый кусок довольно большой, может, не будем мучиться с пилой, — предложил Карамат.

И опытный Хисмат его поддержал:

— Действительно, пока этот станок наладишь, пока на нём распилишь, пройдёт ещё как минимум полчаса. Разреши, бригадир, попробуем так сломать?

По следу мела большим зубилом провели по мёрзлому железу неглубокую бороздку.

Раньше Закария не верил, что можно разрезать такой толстый рельс обычным зубилом, и очень удивлялся такому дикому способу резки стального рельса в период прохождения практики. И позже ему приходилось не раз сталкиваться с этим способом работы путейцев.

Карамат наносил удары большим молотом, Закария, водя резцом с длинной ручкой по «шейке» рельса, проложил глубокий след. Затем Карамат подозвал остальных:

— Подойдите сюда!

До сих пор расчищавшие снег и раздвигавшие клинья Хисмат, Магинур, Шамсельбану выстроились у рельса. Карамат начал давать короткие указания:

— Нагнулись! Вместе подняли!.. Ноги береги! Бросили!

Наконец, после того как они несколько раз так бросали рельс на уложенный поперёк шпал лом, на землю со звоном упал лишний её кусок величиной с локоть. Естественно, инструкции, по которым обучался Закария, были против укорочения рельса таким способом. Но такой метод значительно ускоряет работу. И поэтому иногда приходится закрывать глаза на незначительные запреты.

Вспотевший от скорой работы Закария, разгорячившись, сбросил сначала свою брезентовую накидку, потом и вовсе расстегнул шубу. Влажные варежки Дилюсы тоже валялись под ногами чёрно-бурыми пятнами. Она, несмотря на пощипывания, брала розовыми пальчиками мёрзлые болты, гайки и проворно закрепляла их на место. Закария накрепко закручивал их полуаршинным ключом. На другом конце рельса Шамсельбану и Карамат делают

то же самое. А Хисмат и Магинур работают между ними, помогая друг другу. Хисмат вставляет костыли в рёбра шпал одеревеневшими от холода пальцами. А Магинур по-мужски широко размахивается десятифунтовым молотом и вбивает их.

Закария с самого начала хотел отпустить Хисмата.

— Ты замёрз, продрог, Хисмат-абый, возвращайся, грейся пока, — пытался он уговорить его.

Но Хисмат не ушёл. Сказал, что вместе вернёмся.

Закария и Дилюса как-то очутились на одном конце рельса. Теперь горячее дыхание девушки задевает и без того горящие, пылающие щёки Закарии. Хочется коснуться волшебных пальцев девушки, столь быстро и ловко двигающихся при свете фонаря, и хоть на миг удержать их в ладонях.

— Вы, оказывается, всё время ходите, склонив голову, будто топор в прорубь уронили.

Закария некоторое время не мог прийти в себя от неожиданности, что Дилюса так вдруг заговорила.

— Наверное, боитесь, что если поднимете взгляд, Кыя Тау обрушится на вас, — добавила Дилюса и первой весело рассмеялась своей удачной шутке.

— Эх, сестрёнка, это, наверно, оттого, что всё время хожу, глядя на шпалы и рельсы, ищу брак, — ответил Закария полушутя.

Девушка вдруг стала серьёзной:

— Вы уж не обижайтесь на папу за тот день, вы очень дороги ему. Он вас уважает.

Закария не успел ничего сказать, как всё заглушил гудок мчащегося поезда. Свет прожектора выскользнул со стороны Халиловского перегона и стал стремительно приближаться. И вот он выхватил из темноты черневшую среди моря снега кучку людей. Хисмат стоит у самого пути, вытянувшись, как солдат. Зелёный свет его фонаря направлен в сторону приближающегося поезда, означая: «дорога свободна, проезжай». В этот миг и у Закарии в глубине души вспыхнул зелёный свет тайной надежды...

1968,
Казан утлары. — 1972. — № 11

ЗАРНИЦЫ НА ГОРИЗОНТЕ

(Документальная повесть)

Шаги в будущее

В тёплые летние ночи порой тёмный небосвод озаряется яркими вспышками света. Кажется, будто где-то далеко-далеко, за горизонтом, беззвучно поблёскивает молния.

В оренбургской степи такое явление часто повторяется в разгар лета, когда поспевают хлеба и сочные арбузы. Считается, что если по ночам небо вновь и вновь озаряет зарница — урожай будет обильным... Сложно сказать, на чём основано это поверье. Но до сих пор в памяти вкус розовой мякоти сладких и сочных первых арбузных плодов, созревавших в эти дни, когда горячий воздух дрожит над полем-степью знойным маревом. Чувствуешь, как услаждается тело и душа, становится легче дышать, и мир вокруг становится просторней и светлей.

А если подумать, ведь не только в повседневной жизни, но и в нашем мире в целом бывают такие яркие незабываемые дни. В то время, когда сердце болит от разных притеснений и несправедливости, а душу терзают тяжёлые сомнения, вдруг жизнь, словно лучами зарницы, озаряется яркими днями, от которых в душе светлеет, надежды и чаяния приобретают новую силу. Такие вспышки случались и в жизни нашего всячески притеснённого, ущемлённого в правах народа. Один из таких периодов пришёлся на начало прошлого века. Поэт тех дней Сагит Рамиев, пожалуй, очень точно охарактеризовал все ощущения и переживания этого периода, этой эпохи:

В беспросветной тьме унылых дней
Был узником Всевышний,
Вере свободной не было воли,
В рабство лишь уверовали...

Так поэт описывает бытие-существование нашего народа в ту пору и сообщает о наступлении дней, вселивших в сердца проблески надежды.

Вспыхнул «Луч», настало «Время»,
Появело свежим, свободным ветром «Зари»¹.

Он ясно даёт понять, что мечты о возможном возрождении были заложены появившейся на небосклоне Петербурга газетой «Нур» («Луч»), взошедшей в Оренбурге газетой «Вақыт» («Время»), освещавшей своими лучами Казанские края газетой «Таң йолдызы» («Утренняя звезда» / «Заря»).

Действительно, с первыми хорошими переменами в колониальной России — в эпоху революции 1905 года — татарский народ почувствовал себя вольнее, вздохнул свободнее. Появилась первая татарская периодика.

Пора вставать, на зарю взглянуть...
Татарин дремлет глубоко.
А я не сплю, — я не мог уснуть,
Задумавшись одиноко².

Так на арену борьбы вышли передовые мыслители, радевшие за судьбу народа, стремившиеся вывести его из оцепенения и пробудить скорей ото сна. В первых рядах тех героев, понимавших, что лишь образованный и культурный народ не потеряет себя на крутых поворотах великой истории, были наши писатели и поэты с пламенными сердцами. В те годы в казанских краях культурный и духовный небосвод нашей нации наподобие летних зарниц озарили лучи Галиаскара Камала, Гаяза Исхаки, Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана, Галимджана Ибрагимова, Сагита Рамиева. А в одном из уголков наших исторических территорий, в далёких Оренбургских краях чувствовалось сияние звёзд Ризы Фахретдина, Фатиха Карими, Дэрдменда, Шарифа Камала, Мирхайдара Файзи и других. Да, именно они первыми сверкнули молнией-зарницей на тёмном небосводе нашей политики и

¹ Эти шесть строк из стихотворения «Басма сүз» («Печатное слово». — *Подстр. пер.*).

² *Рәмиев С.* Таң вақыты (На рассвете. — Отрывок; пер. К. Мурзиди). Переводы стихов С. Рамиева и Дэрдменда взяты из «Антологии татарской поэзии» (Казань, 1957) и из книги «Агарган кыл — Поседевшая струна» (Казань, 1999).

культуры, на их свет потянулись остальные, арена борьбы за национальные права расширилась...

У каждого народа бывают особо активные, опережающие остальных по размаху своей деятельности личности, определяющие уровень дальнейшего развития этой нации. Это те, кто в какой-то промежуток времени даёт духовный толчок к прогрессу народа. У татар во все века таких ярких личностей было много. В XIX веке к таким людям относятся Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Хусаин Фаезханов, династии Аитовых, Акчуриных, Апанаевых, братья Хусаиновы и другие. К этой же когорте видных татарских просветителей и общественных деятелей конца XIX – начала XX века относятся и братья Рамиевы. Золотопромышленники во втором поколении, владельцы более двадцати золотодобывающих шахт-приисков в пределах бывшей Оренбургской губернии, они часть своей прибыли использовали во благо татар и башкир того времени. Шакир и Закир Рамиевы являлись крупными благотворителями в своём крае и известными издателями. При этом издательской деятельностью они занимались не ради прибыли, а для удовлетворения духовных потребностей многих тюркских народов.

Остановимся на одной лишь личности – личности Дэрдменда, обратим всё внимание лишь на него, окинем взором его жизненный путь и извлечём уроки. Да, Закир Рамиев (Дэрдменд) – человек, блеснувший по-своему на новом повороте нашей культуры, прошедший свой неповторимый путь. И в самом деле, Дэрдменд-Рамиев не описывал прямо, открытым текстом свои переживания о судьбе народа подобно своему современнику и родственнику Сагиту Рамиеву:

Гори, гори, гори ты, сердце,
Гори с зари и до зари,
Гори и месяцы и годы,
Безостановочно гори!¹

Но конечно и его душа болела и печалилась. Его глубоко философские стихи «Корабль», «Мы», «Не сумел я окропить савана» и другие, кроме размышлений о будущем и жизни, судьбе, пропитаны ещё и духом служения

¹ Рамиев С. Сызла, күңлем! (Гори, сердце! – Пер. М. Львова).

народу. Он, несомненно, один из великих личностей, сделавших в своё время многое для тюрко-мусульманского мира, татарского народа, чьё служение заключалось не только в его произведениях — богатых философской мыслью, но сложенных лишь скупыми, точными фразами.

Волна нагрянет,
Её кручина
Швырнёт корабль страны родной.
Какая тянет
Нас пучина
И жертвы требует какой?¹

Да, он не только взывал к современникам, призывая их к бдительности, но и без усталости, засучив рукава, делал всё, чтобы помочь вывести корабль страны на правильный курс, чтобы народ свой видеть образованным и культурным. И не пожалел для этой святой цели ни добра, ни денег, добытых честным трудом нескольких поколений. У нас некоторые пытались обвинить его в том, что он был поэтом-миллионером. Будто не понимали, что его миллионы возвращались народу в виде хорошо оснащённых типографий, школ-медресе и т. д. Ведь если подумать, хотя бы только за то, что он издавал газету «Вақыт» — одно из наиболее авторитетных изданий татарского мира дореволюционного периода, регулярно выходившую более полутора десятка лет, а также литературный, политический и научный журнал «Шура», — мы, унаследовавшие всё это богатство, должны быть безгранично благодарны «буржуазному» поэту Дәрдемәндү-Рамиеву.

Поэт ещё в молодости осознал, что для того, чтобы будущее нации стало многообещающим, чтобы пробудить народ от беспечного средневекового сна, в первую очередь необходимо дать ему образование. Это видно из писем, написанных Закиром своему брату Шакиру ещё во время учёбы в Стамбуле. Например, в 1881 году (будущему поэту в это время около двадцати одного года) Шакир направил ему такое письмо: *«Наш народ совершенно не внимлет словам человека, не одетого в чапан и не украсившего голову чалмой... Народу надо читать книги, разъясняющие состояние дел в разных областях.*

¹ Дәрдемәнд. Кораб (Корабль. — Пер. М. Зарецкого).

Поэтому постарайся привезти побольше интеллектуальных книг и романов... Напиши, как решаешь вопрос с типографскими шрифтами, по какой цене их можно приобрести. Привезёшь с собой из этого путешествия или будет лучше выписать потом? Как бы то ни было, надо об этом позаботиться».

В одном из писем приводятся следующие слова: «Мы ведь не собираемся жить, преклоняясь лишь богатству, подобно тёмным купцам Орска Бурнаевым, наша главная цель — служение народу». (Содержание этого письма приводится в воспоминаниях журналиста и литератора Исмагила Рамиева.)

Здесь, пожалуй, будет не безынтересно вспомнить слова современника поэта, его первого биографа — известного писателя Фатиха Карими. Писатель таким образом описывал братьев, сравнивая их с некоторыми им подобными: «В те времена было много татарских купцов вроде Бурнаевых в том же Орске и Галкаевых, Муэминовых в Казани. За всю жизнь они так и не научились говорить правильно по-русски, не могли воспользоваться русскоязычной литературой и периодикой. Придерживаясь узких взглядов на мир, жили в строгом религиозном фанатизме. Однако Шакир и Закир Рамиевы оказались совсем непохожими на них. Они мыслили открыто, взирали на мир широко. Вероятно, тому были свои причины».

Так кто они — Рамиевы? Откуда родом? Где получили такое воспитание, позволившее без усталости служить стране и народу?

«Мурзы в лаптях»

Дэрдменд-Рамиев — авторитетная, уважаемая личность, известная в татарском мире до времён Октябрьской революции. Он и поэт, и издатель, и народный депутат, избранный в Государственную думу, также и купец — или, как писали в прежние годы, — буржуй, содержавший золотые прииски.

После его кончины классик нашей литературы Галимджан Ибрагимов по праву заявил: «Они [Рамиевы] были первыми из звёзд на небе просвещения».

Кто он? Откуда? Может, рос в столичной атмосфере Москвы, Петербурга, или хотя бы в Казани с её знаменитым университетом?

Оказывается, нет, выходец из самой обычной деревни Оренбургского края. Повседневная фамилия — Рамиев, псевдоним, сохранившийся на страницах книг и периодики, — Дэрдменд. Образование получил вместе со своим братом Шакиром, который был старше его на два года, — сначала в родной деревне, потом в одном из медресе города Орска, расположенного на границе казахской степи. И до конца своих дней Закир и Шакир Рамиевы шагали рядом, развиваясь и двигаясь вперёд вместе.

Да, их родина, край, где они жили и трудились, — это тот же Орск, Оренбургские земли, прежняя Оренбургская губерния. Если не учитывать того, что Закир более года жил в Стамбуле, получая образование, а Шакир путешествовал по Европе, — можно сказать, они всю жизнь прожили на одном месте.

Поэт и общественный деятель Дэрдменд-Рамиев появился на свет в ноябре 1859 года в селе Зирган Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии. Зирган (Жиргән) — большое село, расположенное на реке Белой между городами Стерлитамак и Оренбург. Его местоположение Исмагил Рамиев определяет так: «Село Зирган — татарская деревня, построенная на оренбургской дороге в сорока верстах вверх по реке Белой от Стерлитамака». С 1908 года село перешло в состав Уфимской губернии, в 1918 году, после объявления Закием Валиди Малого Башкортостана, было отнесено к этому национальному образованию, а с марта 1919 года относится к Республике Башкортостан.

Зирган расположен на месте перехода Уральских гор в Оренбургскую равнину, в местности с очень красивой природой. Наверное, стоит упомянуть, что в селе Зирган также родились видный представитель татарской литературы, известный писатель Мирсаяф Амиров и историк Мидхат Мухаррямов, внёсший большой вклад в изучение истории Татарской АССР периода Октябрьской революции и Гражданской войны.

Но Рамиевы, после рождения Закира (данное муллой полное имя — Мухамметзакир), прожив в этом селе совсем недолго, переехали в другое место в той же Оренбургской губернии. В то время маленький Закир ещё только делал первые шаги.

Его отец Мухамметсадык был зажиточным деревенским торговцем. Наверняка у него были ещё маленькие

магазинчики в Стерлитамаке и близлежащих деревнях. В это время Мухамметсадык Рамиев торговал мануфактурой и другими принадлежностями деревенского быта. У проживавшего в Стерлитамаке его близкого родственника Габдуллы (отец Исмагила Рамиева) тоже были мануфактурные магазины. Третий из родственников, отец будущего поэта Сагита Рамиева — Лотфулла, прославился торговлей лесом: сначала сам состоял на службе у более крупных купцов — возглавлял лесосплав на стремительных уральских реках, позднее переехал в небогатые лесом края Оренбургской губернии и внёс свою лепту в обеспечение местного населения изделиями из дерева.

Как видим, Рамиевы, хотя в основном и проживали в деревне, всё же не особо увлекались «чёрной» работой, вроде земледелия. Тому, конечно же, есть свои причины, свои основания. Потому что они всегда считали себя по положению чуть выше своих соседей, кормившихся скотоводством и земледелием, старались не забывать, что происходят из древнего знатного рода. Естественно, это явление было свойственно не только Рамиевым, это общая судьба для тех же Дашкиных — Дашковых, Чанышевых, Еникиевых и других, считавших себя потомками мурз и беков. Если в учётных книгах, документах того времени простой сельский люд считался «ясачными татарами», большинство же этих именовались «служивыми», то есть несли знак, указывающий, что они были когда-то на службе у государя. Если покопаться в книгах переписи населения царских времён, можно заметить, что таких «служивых» в мелких деревнях не значится вовсе, а в крупных сёлах их не больше четырёх-пяти семей: деревенские купцы, муллы и учителя, писари, старшины — вот, пожалуй, и всё.

Большую часть этой группы составляли те, кого в народе называли «мурзы в лаптях». То есть те, кто, хоть и происходил когда-то от мурз и беков, да только вынужден нынче лапти носить...

Но на самом деле положение и судьба «мурз в лаптях» намного сложнее и трагичнее. В основном это жертвы власти и политики, возникшей после уничтожения самостоятельности народов Казанского края. То есть это притеснённое сословие, которое не по своей вине скатилось с высших социальных слоёв вниз, а оказалось в этом положении вследствие насилия и господствовавшей

тогда политики. Когда ханство, существовавшее в Волго-Уральском регионе, было завоёвано и началось насильственное крещение населения, большинство мурз и беков, владевших землями, естественно, подчинились этой политике, чтобы не потерять имущество. От таких берут начало знаменитые династии российских помещиков Державиных, Карамзиных, Аксаковых и других.

К слову, очень интересные сведения о таких вынужденных сменить веру мурзах приводятся в сборнике материалов Академии наук СССР 1936 года, посвящённом первому революционеру из дворян, писателю, великому мыслителю Александру Николаевичу Радищеву. После царских указов о лишении земель и имущества мурз, не исповедующих христианство (например, такой указ был объявлен ещё при Петре I), они стали спешно креститься.

Биографы А. Н. Радищева, имея в виду именно эти события, описывают жизнь мурз в тот период примерно так. Якобы они не только отказались от своей веры, но ещё и усердствовали в крещении деревенских жителей на своих территориях, наспех возводили в деревнях церкви. И стали старательно молиться в этих церквях перед народом согласно новой вере. Вернувшись же в свои дома, укрывшись от чужих глаз, придерживались своей мусульманской веры. То есть преклонялись сразу двум богам, двум религиям. В данном академическом издании описывается, что такое положение дел сохранялось в среде вновь крещёных мурз ещё долгие годы...¹

А вот «мурзы в лаптях» считались потомками тех аристократов, что потеряли имущество и обнищали, не подчинившись этой политике насильственного крещения. Возможно, они и не были крупными мурзами, державшими огромные земли; наверно, лишь редкие герои были способны отказаться от своих богатств лишь ради религии и стать «белой вороной» среди равных себе. Большинство же было вынуждено, скрипя сердцем, принять такое положение дел. А вот уже более бедные из мурз и беков, те, которым было мало чего терять из имущества и владений, остались при своей религии и ещё какое-то время, находясь в окружении своих новокрещённых родственников

¹ Александр Николаевич Радищев. — М. ; Л., 1936.

и при их еле заметной поддержке, выполняли мелкие государственные дела, проходили военную службу.

Как утверждал Исмагил-ага Рамиев, и в их родословной были люди, состоявшие на службе государевой и относившиеся к обществу, приближённому к царскому двору. Он часто рассказывал, что среди переводчиков царей был также и человек по фамилии Рамиев — Тимри Рами. Несмотря на состояние здоровья и возраст, Исмагил Рамиев мечтал съездить в Ленинград, чтобы полнее изучить документы касательно этого самого Рами, который считается их родоначальником.

Когда и каким же образом потомков тех самых Рамиевых, чьи имена запечатлены в документах рядом с упоминаниями о царе и его близких, занесло в дальние Оренбургские края? Этому до сих пор нет основательного ответа. Учитывая, что эта ситуация касается не только Рамиевых, хочется подробнее остановиться на этом вопросе.

Как известно, после завоевания Казанского и Астраханского ханств, границы России расширились до реки Урал (историческое наименование — Яик) и западных склонов Уральских гор. Вскоре территории этих двух ханств были определены как Казанская губерния. А уж когда народы, прежде населявшие эти ханства, татары и ногайцы, мари́йцы и чувашаи — стали чинить беспорядки и бунтовать, для удобства в подавлении восстаний губернию разделили на две части. В Оренбургскую губернию, образованную в 1744 году, вошли четыре провинции, начиная с северного Урала: провинции Исеть, Уфа, Оренбург и Ставрополь (позднее Самара). В Оренбургской же губернии позже были объединены, начиная примерно от нынешних бугульминских территорий, Уральская, Гурьевская области, позднее ещё и Тургаевская область в казахской стороне.

Чтобы во время бунтов и восстаний татары не могли связаться и просить помощи у ногайцев и башкир, а башкиры — у казахов и ногайцев, области, где проживали все эти народы, различными «кордонами» и «линиями» делили на части. Например, известно о существовавшей на территории Татарстана Арско-Чебоксарской укрепленной линии, а также приволжском и прикамском кордоне шириной в сорок вёрст. В 1652–1656 годах на закамскую

сторожевую линию по рекам Зай и Шешма были передвинуты специальные войска. Известно, что состоящие из конных казаков полувоенные деревни, переселённые на земли между реками Шешма и Зай, составляли несколько полков. В числе этих казаков было много наследников бывших мурз и беков.

Так как бунты и восстания не прекращались, башкирские земли тоже начали отделять такими военизированными линиями. Линии, соединившие к середине XVIII века города-укрепления Бугульма — Буздяк — Уфа, Бугульма — Шарлык — Оренбург и немного позднее Оренбург — Орск — Троицк — Верхнеуральск, ограничивали контакты беспокойных башкир с соседними братскими народами. По этим линиям возводились всяческие укрепления, укладывались дороги. По этим линиям селили в основном полувоенные объединения служивых чувашей и татар, наделённых правами казаков и преданных царской власти. Учитывая, что границы русского государства с давних пор охраняли такие вот отчасти вольные «казачьи» войска и что основу этих казаков составляли потихоньку обрусевшие представители тюркских народов, можно представить, что и переселенцы на эти линии тоже были примерно таким же войском. Чужеродные для Заказанья названия деревень, такие как Казаки и другие, — скорее всего и есть следы военных поселений по линии Чебоксары — Кокшайск — Арск. Чуть позже такие же военизированные поселения, состоящие в основном из служилых татар — т. е. из потомков бывших мурз и беков, — появились по линии реки Зай.

Жители этих деревень, редутов и посадов, несшие полувоенную службу на этих кордонах-линиях и готовые при первой необходимости вскочить на коня и собраться в одном месте, пользовались определёнными льготами и получали какие-то дополнительные выплаты.

Среди таких поселенцев выявляются и Рамиевы.

По собранным и изданным данным Ризы Фахретдинова, родословная бывших мурз Рамиевых начинается с времён Казанского ханства. А фамилия их берёт своё начало, как уже отмечалось, с Тимри Рами (Железного Рами).

Впоследствии мурза Урманай Рамиев оказался в Закамской приграничной линии, а его потомки были рас-

селены по реке Зай. Деда-прадеды Дэрдмента — жители села Тайсуган бывшей в то время Оренбургской губернии, ныне Альметьевского района РТ. (Кстати, и ближайшие соратники братьев Рамиевых по просветительским и издательским делам были родом из этих же мест: Риза Фахретдинов из села Кичучат, а Каримовы — из Миннебаева того же района. То есть в Оренбурге они чувствовали себя не только единомышленниками, но и земляками.) Дед поэта Габделькарим сначала служил муллой в своём селе, а затем переехал во вновь строящийся на берегу реки Белой город Стерлитамак. К этому времени там уже обосновались его отец Исмагил и брат отца, будущий ахун Салим Рамиев (дед поэта С. Рамиева и прадед писателя И. Рамиева). Там все они занимались торговлей. Вскоре Габделькарим обосновался в селе Зирган, расположенном в сорока километрах от Стерлитамака, и умер там в 1851 году — через год после свадьбы сына Мухаммедсадыка с Ханифой Дашковой. По шеджере, составленной наследниками мурз Дашковых, у них было пятеро детей. Но миру известны только Шакир (1857—1912) и Закир (1859—1921) Рамиевы.

Дата и место рождения Мухаммедсадыка Рамиева составителями шеджере точно не указаны. Умер он в возрасте 63 лет в 1892 году. Видимо, датой его рождения можно считать 1829 год. Женился он в 1850 году.

Мать поэта — Ханифа Дашкова¹

Ханифа Дашкова также из семьи потомственных мурз. В те годы они проживали в селе Яушево того же Стерлитамакского уезда. В одном из примечаний Исмагила Рамиева написано, что фамилии русских князей и татарских мурз Дашковых и Дашкиных — одного кор-

¹ В одной статье Ризы Фахретдинова («Шура», 1913, № 6) и в книге «Дэрдмэнд эсэрлэре» (1929) написано «Ханифа Дашкова». По шеджере, составленной в 1980-х годах её дальними родственниками, все наследники Альмухаммеда пишутся «Дашкиными». Составители этого шеджере, видимо, всех Дашковых и Дашкиных объединили вместе. Первая жена Искандера Рамиева — Шарифзадэ Дашкова, тоже была из этого рода. Возможно, она была внучкой Абу-Бакира, брата Ханифы. Часто мурзы женились на ближайших родственниках. К примеру, второй сын поэта Ягъфар был женат на родственнице матери Гульнур Бураевой.

ня... Дед по линии матери будущего поэта Альмухаммед сын Ибрагима также являлся «мурзой в лаптях», т. е. не имеющим дворянских привилегий. Но, естественно, как и большинство бывших мурз, никогда не носил лаптей. Был для своего времени достаточно образованным человеком. Занимался торговлей.

Да, татарские Дашковы — Дашкины XIX века, как и другие бывшие мурзы, являясь наследниками аристократической династии, сохраняли ещё кое-какие благородные черты. Почти каждый представитель этих «мурз в лаптях» старался отличаться от остальных соплеменников интеллигентностью и образованностью. Это слово, как сливки в молоке, всегда старалось всплыть наверх. И новых родственников искали только среди себе равных, если даже для сватовства приходилось обращаться в дальние места. Большинство «мурз в лаптях» чурались крестьянского быта и образа жизни. В деревнях большинство мулл, учителей и торговцев были из этого сословия.

В этих семьях было сильно стремление к социальному росту, к получению хорошего образования. С младенчества детям прививалась любовь к чтению книг, к знаниям. Потому-то и дети купца средней руки Альмухаммеда были более начитанные, чем их сверстники. Например, Ханифа хорошо знала русский язык и русскую литературу. Из пяти девочек Альмухаммеда и Амины три были сосватаны бывшими мурзами (две были замужем за мурзами Чанышевыми), а одна — Фатима, видимо, умерла ещё до замужества. А Хадича была выдана в зажиточную семью Габитовых. Впоследствии часть детей и внуков этих светски воспитанных сестёр станут видными служащими в конторах золотых приисков Рамиевых или образованными учителями и муллами. Например, братья Габитовы будут управляющими их приисков. А в советское время кто-то из них станет одним из руководителей треста «Башкирзолото» (до ареста в 1937 году).

Ханифу Дашкову мы видим девочкой, также с детства тянувшейся к учёбе и знаниям. Когда Габдулкарим Рамиев сватал её за своего сына, Ханифа уже была известна на всю округу своей благовоспитанностью и образованностью. Позднее современники Дэрдменда писали о ней: «Ханифа Дашкова... была женщиной довольно образованной, деятельной и умной».

По сведениям шеджере Дашкиных, у Рамиевых было пятеро детей. Кроме Шакира (Мухаммедшакира) и Закира (Мухаммедзакира — Дэрдменда), в этом списке значатся ещё Камиля, Гумер и Галихайдар. Даты их рождения и смерти не указаны. Многим биографам поэта они не известны. Правда, на Юлукском кладбище рядом с могилами Мухаммедсадыка и Ханифы Рамиевых имеется ещё один надмогильный камень с полустёртыми надписями. Сельский мулла сумел прочесть на этом камне только два имени: Гумер сын Мухаммедсадыка. (На этом участке кладбища 5—6 надмогильных плит стоят рядом. Чёткие надписи сохранились только на памятниках, поставленных родителям поэта и частично на памятнике Габдельлатыфа сына Габделькарима, умершего в возрасте 76 лет. Это родной брат Мухаммедсадыка.)

По сведениям современников, Ханифа Дашкова-Рамиева сама воспитывала детей и начальное образование им давала сама же. Писатель, редактор газеты «Вақыт» Фатих Карими более четверти века близко общался с братьями Рамиевыми. Он поражался тому, что они, официально в русской школе не обучаясь, хорошо владели этим языком. «В те годы изучению русского языка и письменности среди большинства татар не придавалось никакого значения. Русский язык тогда не был так хорошо распространён в уездах, деревнях, как сейчас. И изучать этот язык было не так легко, как сейчас... А они самостоятельно всё это освоили... Закир Рамиев самостоятельно освоил русский язык с его грамматикой и синтаксисом, на уровне грамотного письма, речи и хорошего понимания читаемого... Постоянно читал произведения на турецком и русском», — писал он¹. Действительно, и русский язык Дэрдменд первоначально усвоил в домашних условиях, от матери. А позже, учась в средних классах медресе города Орска и в старших классах медресе села Муллакай, достаточно хорошо изучил арабскую грамматику и арабский язык. По утверждению Ф. Карими, братья Рамиевы способны были вести бытовой разговор на этом языке.

Притягивает к себе одно из стихотворений в тетради поэта, сохранившего в душе образец семейного воспитания:

¹ Предисловие к книге «Дэрдменд эсэрләре». — Казан, 1929.

— Расскажи мне, мама, сказку,
не расскажешь — не усну!
— О, дитя, закрой же глазки,
Ну а я рассказ начну.
Жил в одной из дальних стран
Ханский сын — младой султан.
Не коня — пегаса он седлал,
Кречета он в небеса пускал...
Мой малыш, уже ты спишь?
— Дальше, мама! Дальше расскажи!..¹

Читая эти строки, вспоминается собственное детство, свои младенческие слёзы... Сердце болит от мысли о плачевном положении нынешних детей, большинство из которых не получают иного воспитания, кроме телевизионного...

Дорога в Юлук

Закиру ещё не исполнилось и трёх лет, когда летом 1862 года Рамиевы решили переехать в село Юлук, расположенное на другом конце Оренбургской губернии. Эта татарская деревня, по официальным документам именованная как «Юлукский ям», расположена на окраине Орского уезда. Если не знать историю деревни и её значимость в те годы, очень даже можно подумать, мол, неужели не мог успешный торговец Мухамметсадык Рамиев выбрать себе местом обоснования более знатное село, или мог бы переселиться поближе к крупному городу. Ведь и как деревня, и как место для ведения торговли Юлук во многом уступал Зиргану. Во-первых, Зирган расположен в долине воспетых в песнях красивейших рек — Белой и Ашкадар. Это место, где есть всё — леса, горы, где отдыхает душа и тело, кто побывает здесь хоть раз — не забудет никогда. Во-вторых, Зирган находится между двумя большими городами, на важном торговом пути. Все товары для торговли, ввозимые из богатой Средней Азии, будь то различные шелка и парчи, душистые чаи, сладкие фрукты, дешёвые кони или овцы — всё это проходило вначале через оренбургские и орские базары, представлявшие собой торговые врата России в этом регионе. А до этих

¹ *Дәрдемәнд*. Әни, әкият сөйләче (Расскажи мне, мама, сказку. — Подстр. пер.).

базаров отсюда, из Зирганы, пролегла прямая конная дорога до этих крупных базаров.

Жителям деревни тоже был непонятен неожиданный переезд Рамиевых.

— Что потерял Садык-бай там, на краю земли?

— Ох, ошибается, верно, — удивлялись они.

Нашлись, конечно, и те, кто пророчил:

— Мухамметсадык-бай — человек основательный, просто так без видимой пользы бы не тронулся.

Естественно, женщины и дети были категорически против того, чтобы уезжать, оставив в родных краях родственников, ставших близкими и родными соседей. Было пролито немало слёз. Но Мухамметсадык-бай смог всех переубедить и уговорить. Старался дать понять каждому, что впереди намечается ещё более красивая жизнь, что будущее видится обнадеживающим.

Итак, погрузившись в телеги, они отправились в долгий путь, продолжавшийся более недели. Сначала спускались вдоль реки Белой в сторону Ашкадара — до Стерлитамакского устья, первую большую стоянку организовали в Стерлитамаке. На следующий день они тронулись в путь лишь ближе к полудню, только после того, как провидались и попрощались с нужными людьми и прикупили последние необходимые вещи в городских магазинах. После Стерлитамака дорога стала ещё уже и неудобнее. Потому что здесь начинались владения настоящих кочевых башкир, редко пользовавшихся повозками, привыкших к горной местности и кочевому образу жизни; места ещё даже не были восстановлены унесённые весенним паводком мосты через стремительные воды горных рек. Из-за всего этого загруженные тяжёлые повозки очень медленно продвигались вперёд по горным дорогам. Ну а Мухамметсадык-бай, конечно, вместе с семьёй уносился вперёд на хорошей паре лошадей и дожидался основного обоза в какой-нибудь деревне. Таким вот образом, гостя в попутных деревнях то у одного, то у другого знакомого — татарского или башкирского муллы или купца, они, наконец, достигли своей цели. Первым на месте слияния двух небольших речушек, на возвышенности, покрытой жидким берёзовым и осиновым лесом, показался высокий минарет деревянной мечети. Вскоре послышался радостный крик пятилетнего Шакира, заглушивший даже звон колокольчика на дуге:

— Прибыли! Приехали! — закричал он. И демонстрируя знание букв, начал читать по слогам надпись на придорожном столбе: — Юл-лук-к!

Конечно же, в те годы много было таких, кто вдруг срывался с насиженного места и направлялся на северо-восток губернии. Очень быстро по всей России распространился слух, что в окрестностях какого-то города Орск, о котором прежде никто не слыхивал, золото можно грести лопатой прямо с поверхности земли. Надеясь ухватить птицу счастья за хвост, люди наперегонки ринулись к этому невзрачному городку на краю земли. В скором времени и в тихих горах, и в степи, и в несуразном уездном центре, где до этого лишь петушились конные казаки, отбывая срок службы и пьянствуя с беспечными солдатами, уже царило оживление. Тихий город с двумя церквями и одной мечетью наполнился нарядными щеголеватыми людьми, примчавшимися на благородных скакунах. Возросли цены на недвижимость, торговля расцвела, предметы первой необходимости дорожали с каждым днём! Одни люди за короткое время стали известными, уважаемыми баями. А слишком нетерпеливые, не знавшие меры, быстро лишились всего.

Так началась «золотая лихорадка» в Орском уезде в тридцатых годах XIX века.

Вот и наших путешественников в эти края привела именно подобная «лихорадка». Золото хоть и не валялось прямо под ногами, всё же не вызывало сомнений то, что при терпении и старании оно будет добыто. Сложно определить, сколько в те годы в Оренбургской губернии, в районе Орска, Троицка, Верхнеуральска, считавшихся центрами золотодобычи, насчитывалось золотарей — держателей золотых приисков и сколько драгоценных ископаемых они добывали. Но всем известно, что земли здешние были безгранично богаты.

В истории Среднего Урала после присоединения к России, конечно, добыча золота и серебра, а также иного природного материала была развита изначально. Позднее здесь в основном преобладали медно-, чугуно- и сталелитейные заводы, которые были важны для наращивания промышленных мощностей и для военных нужд России. Для продолжения захватнических войн на западных и восточных направлениях царскому правительству требовались орудия, отлитые на Урале или изготовленные в

других центрах наподобие Тулы с использованием уральской руды. И тысячи вёрст рельсов для железных дорог, соединивших позднее просторы всё более и более расширявшейся империи, а также и стальных коней для этих дорог — вагонов и паровозов, — также производили уральские заводы Демидовых и других промышленников. Как писал известный автор позапрошлого века Глеб Успенский, началось беспощадное разграбление земель несчастных башкирских племён. Эти земли с несметными богатствами потихоньку переходили от биев и беков, старейшин племён, в руки новых хозяев — путём торга, обмана, а иногда и угроз. К примеру, тульские промышленники Твердышев и Мясников приобрели сто тысяч десятин такой благородной земли всего за триста рублей. Естественно, не остались в стороне и другие богачи, обладавшие большими капиталами.

Новый период в уральской истории наступил много лет спустя, когда такие «акулы-капиталисты», как Твердышев, Демидов, уже раскромсали тушку этих богатств, и когда мелким купцам было разрешено пощипать то, что от них осталось. Эти, естественно, не стали возводить такие огромные заводы-крепости, требовавшие больших капиталовложений, а начали добывать готовые сокровища, лежащие близко к поверхности. По всей России разлетелась весть о том, что при удачном раскладе и такой маленький участок земли может стать источником несметных богатств. И люди, достав свои сбережения, отложенные про запас, иногда ещё и занимая в долг, ринулись покупать «златоносные земли» в пределах Южного Урала.

Так слава Орского уезда распространилась в дальние края. Не прошло и пятнадцати—двадцати лет, как тут уже образовались различные акционерные общества, торговые и кредитные банки. Даже иностранный капитал торопился сунуть нос в дела: появились совместные банки, мелкие хозяйства по производству орудий труда. В долинах тихих сонных гор и рек друг за другом открылось бессчётное количество золотых приисков, долины рек Узян, Таналык, Суюндук снова оживились, припоминая времена завоеваний Тамерлана.

К счастью, эта «лихорадка» «заразила» и татарский мир. Баи и купцы, чувствовавшие в себе силы равняться на русских купцов-толстосумов и верившие, что их организаторские способности позволят довести начатое

до успешного конца, тоже включились в дело. Вскоре в очередь за ними пристроился и Мухамметсадык Рамиев. Именно эта «лихорадка» и стала причиной тому, что он решил уехать с насиженных родных мест, покинув отлаженный быт и ровное существование, обременив свою жизнь большими заботами. Именно в этом причина путешествия в невиданные и неслыханные доселе «тёмные края», в село Юлукский ям, когда-то основанный татарскими ямщиками, семьи Рамиевых.

С давних пор в восточной части Казанского ханства, начиная примерно от Бугульмы, где уже встречаются горы и возвышенности, до зауральских степей, существовало дело добычи ценных ископаемых. Безмолвными свидетелями тому являются сохранившиеся на склонах Уральских гор и в зауральских степях бесчисленные горные пещеры и останки колодцев, словно уходящих в самую преисподнюю. Ещё давным-давно наши деды рыли колодцы и спускались с лучинами в руках к залежам Гайского месторождения меди рядом с городом Орском, которое считается сегодня самым богатым месторождением меди в нашей стране.

В этом отношении и село Юлук известно тем, что рядом с ним есть древняя «медная пещера». То есть здесь ещё до основания деревни оставили свои следы наши далёкие предки. Близлежащие земли, кроме того, что были богаты медью, также давно были известны и отдельными находками золота. А уж когда распространилась «золотая лихорадка», здесь тоже друг за другом то там, то здесь стали открываться золотые прииски.

Вот и семья Мухамметсадыка и Ханифы Рамиевых в начале шестидесятых годов позапрошлого века приехали и обосновались на этой изобильной земле. Ясно, что Мухамметсадык, будучи купцом, бывал в городе Орске и на Юлукской ярмарке, проводившейся в середине лета. И заранее прикинул, где можно обосноваться. И, наверное, даже не с первого раза смог обойти и осмотреть в этом краю и горную часть, и степные районы, где волновалась ковыль.

Тогда Оренбургская губерния занимала очень большую площадь, даже несмотря на то, что часть своих владений она отдала под новые Уфимские земли, врезавшиеся на территории смежной с Казанской губернией. Во время переезда Рамиевых губерния была разделена на пять-шесть довольно крупных уездов. Самым большим

из всех уездов считался тот, что находился в подчинении города Орска. В этом отношении интересно будет упомянуть мнение Мирхайдара Файзи, жившего на полвека позднее указанных событий. «Я узнал, что в сравнении с другими землями Орский уезд по площади равен Курской губернии в целом, а из иностранных государств земли Дании меньше Орского уезда», — писал он восхищённо в феврале 1917 года, когда работал в Орской земельной управе под руководством Хузиахмета Рамиева.

До Октябрьской революции в Орский уезд входила также и часть современного Башкортостана, начиная от верховьев реки Сакмар до её крутого поворота на запад, и до границ с нынешними Оренбургскими и Челябинскими областями. По правде говоря, в этой губернии, находившейся в то время на самой границе государства, наблюдался не только географический простор, но и некая политическая свобода. Во-первых, этим краям свойственно отсутствие рабски подчинённого кому бы то ни было населения, за исключением малочисленных крепостных рабочих, относившихся к крепостным заводам, то есть к заводам, непосредственно управлявшимся царским правительством или близкими ему людьми. А среди местных татар и башкир, проживавших на территории губернии, таких рабских взаимоотношений не было никогда — они всегда жили свободным обществом, любой, не имеющий неполаченных долгов, имел полное право переезжать с одного места на другое. И чувствовали они себя относительно вольно.

Мухамметсадык Рамиев, изъездив вдоль и поперёк тот самый равный Курской губернии Орский уезд, решил основаться в районе Юлука. Во-первых, ему, наверное, понравилась природа этой местности — здесь и лес с певчими птицами, и долины, где на воле может резвиться дичь, и горные вершины, откуда можно, философствуя и размышляя, наблюдать даль. Прямо как в Зиргане. Правда, здесь гораздо ощутимее дыхание степи, расположенной рядом. В Зиргане и деревья в лесу были покрупнее, и трава гуще и сочнее. Зато здесь земля вся сплошь усеяна медью и золотом.

Хоть и приехал он, стремясь душой и нацелившись на сокровища в земле, всё же не сразу смог осуществить эту мечту — ведь даже когда найдёшь место, удобное душе и определённо богатое ископаемыми, ещё надо дожидаться, когда сверху, из дальнего Петербурга, придут разреши-

тельные бумаги. Естественно, он не сидел сложа руки в ожидании разрешения: не ограничиваясь мелкой торговлей в одном из двух домов в Юлуке, развернул своё дело и в соседних деревнях. Он даже решился на то, чтобы отдавать свои товары в долг башкирам, тогда ещё в основном ведших кочевой образ жизни, чаще всего бравших товары в долг и расплачивавшихся лишь в период осеннего изобилия. И тем самым заслужил себе в округе признание как самый богатый бай.

Ещё только выбрав себе место для дальнейшего проживания, он, прежде всего, выкупил у юлукского купца мыловаренный завод («мыльную фабрику») на окраине деревни. Произведённым мылом торговал и сам, и через мелких торговцев-коробейников. Подрастая, уже и сыновья Рамиевых становились подмогой в делах.

Да, первые жизненные уроки и поэт Дэрдменд, и его брат Шакир прежде всего получили именно в этой татарской деревне. Значит, они ни мыслями-чувствами, ни образом повседневной жизни почти не отличались от других деревенских детей. Лишь материнское воспитание в доме было гораздо сильнее, и это воспитание с раннего детства пробудило в них стремление к знаниям. А в остальной традиции и обычаи были общими, философия — единой, и основное воспитание заключалось в том, что человек должен быть всегда справедлив в отношении других, всегда протягивать руку помощи и оказывать поддержку близким.

Тогда ещё и отец их Мухамметсадык, подобно старому купцу Артамонову, описанному в одном из произведений Максима Горького, каждое дело начинал и делал сам наравне с помощниками и односельчанами. Когда надо было перенести что-нибудь тяжёлое, всегда подхватывал со словами «давай взяли» или «давай подняли», и так, показывая пример, всеми работами руководил сам лично.

И сыновья его не слонялись без дела и не росли в свободном времяпрепровождении подобно помещичьим или боярским детям, не валялись днём и ночью на пушистой перине. Будь то в Юлуке или в Муллакаевском медресе, или в городе Орске, — братья Рамиевы росли, общаясь со своими сверстниками и разделяя их взгляды и мысли. Правда, помнится, в одной известной повести, написанной в годы, когда было модно противопоставлять богатых бедным, рабочему люду, достигшие зрелости и занявшиеся де-

лом братья Рамиевы были представлены как беспощадные эксплуататоры. Только совсем не хочется соглашаться с таким видением образа личностей, посвятивших свои жизни просвещению татарского народа и благоустройству его быта. Впрочем, и сохранившиеся многочисленные источники не дают оснований так думать. Видимо, во-первых, жизнь, описанная в этом произведении, скорее всего, — общий собирательный образ. Во-вторых, возможно, здесь нашли отражение и какие-то личные обиды...

Ознакомимся теперь с парой стихотворений, позволяющих представить годы молодости поэта, природу Юлука.

Мы выходили без помех
С друзьями в поле... Игры, смех
Пленили, радовали всех —
Какие развлечения были!
К нам были девушки добры,
И от красавиц той поры
Мы помним нежные дары, —
Признанья и волнения были!¹

День накалён до духоты, и воздух раскалён.
Виденьем пёстрым, как мираж, далёкий небосклон.
Всё замерло — не шелохнёт. Дышать уж нету сил.
Природа жадно ждёт грозы и исторгает стон².

И ручьи потекли, и открылись поля, и вздохнули леса,
В наши горы, долины жизнь и надежду вдохнула весна.
По полям, буеракам потоки бурлят и поют — весна!
Солнцем плещет целебным и, развевая ветры, идёт весна³.

Конечно, будет неправильно утверждать, что эти стихи написаны в юлукский период. Однако, вероятно, именно во время проживания в Юлуке, в отношении людей и природы этой деревни в душе будущего поэта зародились страсть к поэтическому изъяснению. Впрочем, ведь уже известно, что именно из села Юлукский ям было направлено стихотворение, посвящённое другому великому деятелю — поэту, мулле и учителю, наставнику молодёжи Сибгатулле-хаджи, проживавшему в селении Татарская Каргала рядом с Оренбургом.

¹ *Дәрдемәнд*. Үткән көннәр (Прошедшие дни. — Отрывок; пер. С. Липкина).

² *Дәрдемәнд*. Яңгыр (День накалён. — Отрывок; пер. В. Ганиева).

³ *Дәрдемәнд*. Яз (Весна. — Отрывок; подстр. пер.).

«Юлукский ямъ»

Удивительна и интересна история возникновения этой татарской деревни, расположенной среди Уральских гор, где с давних времён проживали башкирские племена. Как в одной известной пословице выражена мысль: «Каждая семья по-своему живёт», так и каждая татарская деревня, переселившаяся к родственному по традициям и обычаям башкирскому народу, имеет свою историю, свои особенности. Одни искали прибежище, укрываясь от крещения, других по той или иной причине переселило царское правительство, третьи переехали сюда в поисках свободных земель, намучившись с маленькими наделами земли в родных краях.

Вот и жители села Юлук тоже рассказывают, что их предки обосновались здесь, приехав в поисках счастья из окрестностей Казани.

В 1960-е годы пенсионер-учитель Гумер Абубакиров записал воспоминания односельчан об истории деревни. Там он упоминает, что привёл и сказы одного очень «сведущего» старца из соседней башкирской деревни Юмаш. Гумер Абубакиров родился в этой деревне, его дальний прадед — в списке основателей Юлука. Гумер с 1910 до 1914 года учился в медресе города Орска, где готовили учителей (дарульмугаллимин медресе). Вернулся в родную деревню в год начала Германской войны и стал преподавать в содержавшейся при возведённой Рамиевыми каменной мечети Зур медресе (Большой школе). Следовательно, он хорошо знаком с жизнью деревни как при Рамиевых, так и при советской власти. А старик из деревни Юмаш, внук основателя этого поселения, пересказавший историю двух соседних деревень, был ещё старше. Вот эта история.

Сказывают, что лет триста тому назад четыре татарина в поисках земель добрались до этого края, где проживали бурзянские башкиры. Тогда местные башкиры ещё вели кочевой образ жизни, оседлые деревни-зимовья были редкостью. (В посвящённых своему современнику Мирхайдару Файзи мемуарах Садык Чаньшев упоминает, что ещё в 1922 году башкиры в этих районах вели «полукочевой образ жизни».)

Итак, четыре обутых в лапти татарина с котомками за спиной остановились здесь передохнуть у речушки с чистой водой. Пока эти утомлённые путники мыли руки

и освежали лица, к ним подошёл старик Юмаш и начал их расспрашивать:

— Кто вы? Откуда путь держите?

— Хотим переехать всей деревней и обосноваться в этих краях, наш сход направил нас присмотреть продающиеся земли, — ответили эти путники.

Оказалось, недалеко от этих мест, у реки Кус — владения старика Юмаша (нынче там расположена деревня Юмаш, от неё до Юлука километров десять — двенадцать, в шестидесятые годы колхозный центр был переведён в эту башкирскую деревню). А старейшины племени, владеющие всеми родовыми землями, находились на пастбище в двадцати пяти — тридцати верстах отсюда. Разъяснив путникам, что торговля землёй находится в их ведении, старик Юмаш сказал следующее:

— У нас нет земель для продажи... Но если возьмётесь выполнить одну нашу просьбу, то без земли не останетесь.

И он рассказал, что «белый царь» возложил на них повинность по содержанию яма — почтовой станции между городками Орск и Стерлитамак, и до губернского центра.

— Царь повелел нам содержать ям в сорок подвод на оренбургских, орских и верхнеуральских дорогах. А у нас нет столько хомутов и телег. Если возьмёте на себя эту обязанность, — землю найдём, — сказал старик.

Путники тут же одобрили эту мысль. Тогда старик Юмаш повёл их к родовым старейшинам. Там они условились: путники находят подводы и конскую упряжь в количестве, нужном для своевременной доставки порученного царским правительством груза и почты, бурзяне же дают им какое-то количество лошадей и наделяют землёй под деревню.

Так было определено место для будущей деревни Юлук — рядом с владениями старика Юмаша, на древней почтовой дороге. Сначала на это место переехало где-то двадцать семей из Арской дороги (даруги) Казанской губернии. От них и берёт начало родословная держателей Юлукского яма — ямщиков («юллык»), то есть людей, чья жизнь и летом, и зимой проходила в пути, в поездках. И деревня прежде называлась «Юллык» («Дорожная»).

В целом вроде всё в этих воспоминаниях верно. Сомнение вызывает лишь то, что четыре искавших в баш-

кирских краях землю путника — Магаш, Бикташ, Адгам и Тюгальбай — забрели именно сюда случайно. На самом деле похоже, что они были специально выбранными людьми, которых направили в этот район, который тогда был окраиной Казанской губернии, скорее как раз по просьбе местных родовых старейшин. Наверное, провожая от имени губернской канцелярии, им наказали: «Езжайте, посмотрите, какое там место, земля. Если понравится, — переедете».

Если вспомнить, что до петровых реформ губернии делились лишь на пять-шесть направлений в четыре стороны (даруги), можно предположить, что понятие «Арское направление» подразумевает весь район Заказанья. К счастью, оказывается, зарегистрирован и более точный адрес пожелавших нести ямскую службу на родственных башкирских землях: в архивных документах есть упоминание, что они были из деревень, подчинённых сотнику Царёвококшайской (Чарской) даруги Кулееву Зилалпуналу.

Как бы то ни было, переехали, основались, стали жить. Кроме перевозки царских чиновников и почты на сорока подводах, они ещё следили и за состоянием своей части дорог. Ремонт мостов, установка верстовых столбов, а зимой, чтобы путники не заблудились, ещё и придорожных маяков, — всё это тоже было на плечах татарских ямщиков. Широкая река, протекавшая мимо деревни к Сакмару, была названа в честь первопроходца Магашем, а речка поменьше получила название Тюгаль.

Да, люди приходят, живут, умирают. Определилось и место кладбища у возвышенности на краю села. Гумер-ага Абубакиров упоминает о надгробном камне на этом кладбище. Следовательно, по его подсчётам, Юлук был основан примерно за двадцать—двадцать пять лет до этого. Первая деревянная мечеть с минаретом была возведена в деревне в 1788 году, до этого молились в обычном деревенском доме. Первые муллы-муэдзины были из рода Адгам-бабай. В тетради Гумер-ага зафиксировал список имамов-мулл первого прихода 1788—1900 годов. (Из рода муллы Адгама в советское время вышли два известных писателя: Наки Исанбет и Сарвар Адгамова.)

Со временем Юлук превратился в своеобразный торговый центр в этих краях. В начале июня здесь устраивались ярмарки дней на десять—пятнадцать. На эти яр-

марки со своим товаром съезжались люди из Оренбурга, Стерлитамака, Каргалы, Орска, Троицка, Челябинска и из Средней Азии. А каждый вторник здесь был большой базарный день. Поэтому и деревня быстро расширялась: в начале прошлого века в Юлуке насчитывалось четыреста дворов. Вскоре уже разделилась на два прихода: ясачных и служивых, и старосты у них избирались отдельно. Гумер-ага считает, что причиной этому послужило то, что среди сельского населения было много торговцев и ремесленников. «Ясачные старались притеснить приезжих мещан», — писал он.

Ведь и правда, значителен вклад деревенских ремесленников и торговцев в то, что Юлукская ярмарка прославилась. Башкиры, выделяя землю под Юлук, покупались — предупредили, что вспахивать землю можно не более чем до версты от деревни. Если засеешь это поле шириной в версту овсом для коней, уже не останется, где сеять свой хлеб, а если будешь заботиться о себе, — чем тогда кормить лошадей в пути? Чтобы прокормиться, народ был вынужден ухватиться за ремесло: вышивали калфаки и тюбетейки, вырезали из дерева различную утварь и игрушки. И стали приторговывать своими поделками, выезжая по ямской службе. А с поездок привозили из соседних городов и деревень другие вещи, которые были в ходу. Так в деревне образовались сословия тех, кто занимался исключительно ремеслом, и тех, кто торговал.

* * *

Рамиевы переехали жить именно в эту деревню. В то время в Юлуке держали большие магазины такие крупные купцы, как старик Мастак Искандеров, Сулейман Адгамов, Хайбулла Абубакиров. И им пришлось потесниться после приезда Мухамметсадык-бая.

Мухамметсадык Рамиев и в Юлуке развернулся покрупному. Не успел приехать и обосноваться, как стал возводить невиданные доселе в этих краях каменные здания. Каменных дел мастеров привёз из далёкого села Татарская Каргала. Так на участке, до сих пор считавшемся сельской окраиной, выросло богатое имение Рамиевых, состоявшее из каменного амбара, каменного магазина, каменных домов. Едва подкопив денег, Садык-бай сразу же наладил при приобретённом ранее мыловаренном здании

ещё и кожевенный цех. Однако главной его целью всё же оставалось приобретение какого-нибудь золотого прииска, как у крупных купцов, обеспечивающего безмятежную жизнь. Оказалось, в четырёх-пяти верстах от Юлука, в районе под названием Мамерья, давным-давно вручную промывали, добывали золото. Но Мухамметсадык-бай, конечно же, вовсе не хотел вести дела подобно золотарям Мамерья, так сказать, с ситом в одной и совком в другой руке. Присматривал, где можно будет начать дело по-крупному. И такое место нашлось — были расставлены первые кольшки на земле прииска Ишбирды в восьмидесяти верстах от Юлука. Отставной чиновник Шипов, начав крупное дело, обанкротился и решил продать свой прииск. Вскоре были направлены поверенные с необходимыми бумагами к чиновникам Оренбурга и Петербурга.

Да, история «владельцев золотых приисков Рамиевых» начинается с 1869 года. Дальше они уже каждые два-три года приобретали по новому прииску. Возможно, могли бы и больше — только вот порядок у царского правительства строгий, не разрешается в одни руки столько богатств сразу. И всё же, расширяясь по горам и долам, Рамиевы развернули своё дело на площади, на которой могло бы разместиться среднее европейское государство. После прииска в Ишбирды были приобретены ещё около двадцати месторождений, таких как Сахра, Султанский, Кумак, Кучкар, Балкан, Симунский, Шейхан, Восьмой и др. Часть этих шахт была оформлена на имя жены, а достигнув двенадцатилетнего возраста и сыновья стали хозяевами приисков. Хотя позднее в Орске и поговаривали, шутя, мол, «золото Рамиевых притягивает орских молодцев», конечно, первыми «копателями золота» на этих шахтах были парни и мужчины из Юлука. Правда, среди тех, кто спускался под землю и прокапывал кайлом пещеры, их было относительно мало. А вот счетоводами, помощниками-посыльными, десятниками и артельщиками нанимались с удовольствием. Особенно преуспели в этой области потомки Адгам-бабай, ещё со времён основания деревни не позволявшие никому другому быть муллами и муэдзинами — управляющие четырёх приисков Рамиевых были именно из этих Адгамовых. Например, «главным начальником» в приiske Ишбирды рядом с деревней Кусей считался Зариф Адгамов, а в одном из приисков в окрестностях Троицка — Камал Адгамов...

Мухамметсадык Рамиев постепенно передал все свои дела сыновьям. Главное имение в Юлуке и ведение там конторских дел было поручено старшему сыну Шакиру. А он затеял здесь свои большие преобразования.

В 1898 году Рамиевы начали возведение каменной мечети в мещанской части села — чтобы было уж на века. Эту мечеть, которая издаലെка притягивала взор своим красивым внешним видом, тоже построили каменщики из Татарской Каргалы.

В тот же год при этой мечети было открыто новометодное джадидское медресе. Для преподавания в медресе были приглашены образованные учителя, обучавшиеся за границей, — Харис Адгамов, Фазылджан Зайнигабдинов, Гимаметдин Абубакиров, Хабиб Губайдуллин. Они вели уроки арифметики, физики, алгебры, истории и географии.

По просьбе Рамиевых, в 1898 году указом Орского уездного отдела просвещения в Юлуке была открыта ещё и земская школа с преподаванием на русском языке. Две зимы в этой школе уроки русского языка и литературы вёл некий Амирхан Валиди. После, в 1900 году, со стороны был приглашён новый учитель — Кагарман Чанышев. Садык Чанышев, близко друживший с драматургом Мирхайдаром Файзи в двадцатые годы прошлого века и после революции руководивший областью просвещения и культуры в Тангаур-Бурзянском контоне, включавшем в себя Юлук, Темес, Баймак, — и есть сын этого самого «русского учителя». Кагарман, видимо, тоже родственник Рамиевых — наверное, внук Маргубы Чанышевой, родной сестры Ханифа-абыстай.

Ученики новометодного медресе с утра шли в русскую школу, затем возвращались в медресе и продолжали занятия. Руководителем медресе был мулла каменной мечети Рамиевых Бари Зайнигабдинов. Брат его, Абдулла, в это же время был имамом одной из пяти мечетей в городе Орске. Бари-мулла, до того как его отец Салих-ахун освободил место в приходе, успел поработать какое-то время и в конторе Рамиевых и был известен как человек современных взглядов.

Естественно, личностью, оставившей самый яркий след в культурной среде села Юлук конца XIX века, представляется Гаухар — жена Шакира Рамиева. В целом, в этих краях жёны Рамиевых вели огромную работу в об-

ласти воспитания подрастающего поколения. К примеру, в 1897 году в селе Татарская Каргала на средства оренбургского бая Гани Хусаинова была открыта школа для подготовки учителей-женщин. Куратором этой школы была назначена супруга поэта Закира Рамиева Махуба-ханум. Также стараниями Махуба-ханум практически во всех деревнях при их приисках были открыты отдельные школы для мальчиков и девочек. Детей, показавших хорошие результаты по учёбе в этих школах, регулярно направляли на обучение в известные городские медресе и гимназии за счёт Рамиевых. В связи с этим отдельного упоминания заслуживает девичье медресе, открытое в 1901 году в городе Оренбурге тем же самым Гани-баем Хусаиновым и ориентированное на воспитание высокообразованных учительниц. Махуба Рамиева также приняла участие в организации этого медресе и регулярно ему помогала. А заведующей этого джадидского средне-специального медресе была назначена Фатима Адгамова. Медресе, называемое среди русской и татарской интеллигенции этого края «школой Адамовой» — на русский манер, пользовалось в те годы большой известностью. Как следствие, это медресе проработало ещё несколько лет даже после установления советской власти — до середины 1925 года. А ведь и прочувшавшая в этом учебном заведении, позднее прославившаяся в районе как известный деятель просвещения Багбостан Муэминова, и заведующая медресе Адгамова, и многие другие узнали первые буквы в школах, открытых теми самыми Махубой и Гаухар-ханум. К тому же в этих школах ещё были хорошо организованы уроки рукоделия.

Да, Гаухар Рамиева сделала в селе Юлук много полезного в этом направлении. Её стараниями здесь сначала была открыта девичья школа первой ступени. Затем к ней добавилась школа рукоделия. Здесь девочек обучала и сама Гаухар Рамиева. К тому же ещё и раздавала подарки ученикам на все праздники. И образцы новых изданий детской художественной литературы они привозили в деревню регулярно.

Рамиевы активно участвовали также и в открытии первой библиотеки для населения Юлука. Правда, этот «читальный дом» не имел отдельного библиотекаря, до того как в 1919 году сюда из уезда не был направлен Мирхайдар Файзи. С условием дополнительной платы за счёт Рамие-

вых до этого заведующим «читального дома» был назначен муэдзин каменной мечети Загри Гусманов. Он каждый день открывал библиотеку в определённые часы. А для женщин были назначены отдельные два дня в неделю, и тогда роль библиотекаря выполняла жена муэдзина.

В тот период в девичьей школе преподавали такие учительницы, как Габбасова Асма, Гибатуллина Зайнап, Адгамовы Гульрух и Райхана. Шакир Рамиев назначил им жалование по двадцать пять — тридцать рублей в месяц, почти вдвое больше, чем в других местах. Некоторых из этих учительниц Гаухар Рамиева сама отобрала в школе Фатимы Адгамовой в Оренбурге.

Рамиевы вообще не жалели денег на содержание школы и медресе, классы всегда были оснащены на современном уровне. Гаухар-ханум при помощи учеников и учителей этих школ и медресе ежемесячно организовывала в Юлуке вечера с песнями и играми. Там кроме пения и танцев проводились конкурсы исполнения на различных инструментах народных мелодий, конкурсы чтения стихов. Участники вечеров, особенно победители конкурсов, награждались ценными подарками.

Деревня жила так весело вплоть до начала Первой мировой войны. Да, в эти годы деревню Юлук настигло двойное горе: в 1912 году после тяжёлой болезни скончался Шакир Рамиев, который при жизни, будучи просвещённым хозяином, оказывал сельчанам большую помощь. В деревне до сих пор вспоминают, что Рамиевы платили закят не как предписано шариатом в размере одной сороковой, а в разы больше.

Шакир Рамиев похоронен на кладбище Оренбурга. А на деревенском кладбище Юлука, на могилах родителей братьями были установлены четырёхгранные продолговатые белые мраморные надгробия. Верхняя часть некоторых из этих памятников, украшенных чисто татарским орнаментом, напоминает четырёхгранный столб с вершиной в форме правильных шаров. Издали они похожи на голову человека. Эти мраморные фигуры словно повторяют многочисленные таинственные каменные памятники — «балбалы», оставленные нашими древними кыпчакскими предками в степях современной России...

Кажется, будто на этом кладбище захоронен весь род Рамиевых. Эти надгробия словно отражают всю их историю. Во-первых, белый цвет — знак того, что вся жизнь

была посвящена святым, светлым целям и стремлениям... Во-вторых, ведь эти памятники излучают какую-то тайну и историю, неся мелодию и оттенки древнего зова...

Очень жаль, конечно, что до сих пор этой деревней, этими каменными памятниками никто не заинтересовался всерьёз. Видимо, башкирские учёные обходят их своим вниманием, считая данные памятники не относящимися непосредственно к их истории. Заметны лишь «попутные» обращения к истории Юлука. А учёные и писатели Татарстана, видимо, представляют эти края как нечто оставшееся вдали, как незначительную страницу истории. И поэтому они как-то обходят стороной этот своеобразный мир, связанный с такими великими именами, как Дэрдменд-Рамиев и Мирхайдар Файзи, яркими лучами осветившими культурный небосвод нашего народа.

В советское время несколько лет проработавший в Юлуке библиотекарем и организовавший здесь первый драмкружок поэт и драматург Мирхайдар Файзи оставил такое стихотворение:

Аул Юлук — земного рая волшебство,
Баюкает питомца своего.
Здесь явлена вся мира красота:
Леса, поля прекрасны; жизнь проста;
Царять в ней радость, бодрость, чистота...
Господь, оставь дитя здесь навсегда!¹

Да, будущий поэт Дэрдменд вырос здесь, играя на бархатной траве улиц, тянувшихся по склонам пологой возвышенности, и здесь же получил первичное образование. Здесь, в школе-медресе деревни Юлук, он узнал первые буквы алфавита, открыл первые страницы книги, которая вводила в таинственные миры. С тех пор он осознал, что в жизни надо опираться на книжное слово и мысли. Именно в этой далёкой татарской деревне в его сознании крепло убеждение, что светлое будущее народа возможно лишь в тесной связи с просвещением и культурой...

Село Юлук — колыбель поэта Дэрдменда и общественного деятеля Рамиева; из этой колыбели он шагнул в большой, бескрайний мир... Мы, читатели, его наследники, никогда не должны забывать об этом!..

¹ Файзи М. Юлык // Сайланма әсәрләр. — Казан, 1957. (Отрывок, подстр. пер.).

Теперь предоставим слово самому поэту, чтобы попрощаться со своей деревней.

Земля, где, играя,
Под солнцем я рос, —
Отчизна желанная, мы расстаёмся.
О ветер, который
Прохладу принёс,
О утро туманное, мы расстаёмся.
И ты, что бежала
Бегом да бегом,
И ты, что махала
Мне белым платком, —
Прощай, тонкостанная, мы расстаёмся!¹

Дальние дороги, близкие расстояния...

Точно неизвестно, когда Дэрдменд-Рамиев покинул Юлук. Скорее всего, вначале он уезжал и возвращался, не прерывая совсем связи с родным домом.

После завершения учёбы в медресе Орска Закир более года пробыл в Турции, посещал занятия в университете, общался с поэтами и писателями. Там, и возвратясь в конце лета 1881 года в родные края, перевёл несколько рассказов с турецкого языка, пробовал сочинять стихи. Кстати, перевёл чей-то большой роман, но затем сжёг эти рукописи. По сведению составителя двух сборников стихов поэта (1929 и 1959 годы издания) И. Рамиева, один из переводных рассказов был позднее напечатан в журнале «Шура». С того времени сохранилось и стихотворение «Письмо каргалинскому хаджи Сибгатулле», написанное в Юлуке в 1884 году.

После возвращения из Турции зиму провёл в Орске. Там у Рамиевых был свой магазин по продаже мануфактуры и галантереи. Они с братом Шакиром этот магазин и раньше попеременно контролировали и снабжали.

В ту зиму Закир поближе познакомился с семьёй будущего своего тестя — купца второй гильдии города Орска. Мустафа Бурнаев к тому времени был уже крупным торговцем. Мануфактуру и другие товары завозил даже из Москвы и Ирбитской ярмарки. Налаживал связи с московскими фабрикантами Морозовыми. Это был тот са-

¹ *Дэрдменд*. Видаг (Расставание. — Пер. С. Липкина).

мый «тёмный, необразованный купец Бурнаев», который упоминался в переписке между братьями, когда Закир находился в Турции. В доме этого «тёмного, фанатичного купца» Закир вдруг обнаружил «светлый лучик» — им оказалась Махубджамал Бурнаева, старшая дочь Мустафы. По преданию, Бурнаевы являются выходцами из Касимовского ханства и обосновались в этих краях, видимо, в период основания Орска в 1730—1740-х годах...

Купцы в те годы вовсе не сидели безвылазно в своём магазине или только в своём городе. В том числе и Рамиевы, и Бурнаевы торговлю, кроме Орска, вели и в других местах. Бурнаевы имели свою торговую точку и на Ирбитской ярмарке, что находилась севернее Орска на несколько сот километров. Там же у Бурнаевых были постоянно проживающие и организующие дело поверенные лица. Как в пословице о волке, которого ноги кормят, которому никто не принесёт еды, так и купцам приходилось добывать прибыль своими мозгами, руками и ногами, постоянно быть в поиске. Если сегодня они объезжали оренбургские края, то, передохнув пару-тройку дней, уже считали нужным гнать лошадей в Троицк, в Челябинск. Без этого, лишь нежась на перине, татарские купцы не могли заработать себе имя «бай».

Мухаммедсадък и его сыновья Шакир и Закир Рамиевы, хоть уже и входили в число средних промышленников, всё же пока не оставляли и торговлю. Они тоже ездили из города в город, с базара на базар. Если в Поволжье среди городских и сельских купцов самой знаменитой была Макарьевская ярмарка, то торговцы Уральских краёв чаще встречались на Ирбитской ярмарке.

И вот, якобы так совпало, что, возвращаясь из одного из таких путешествий, молодой купец Закир Рамиев целую неделю провёл в пути вместе с отцом девушки. И якобы сблизились они тогда очень, сдружились. Говорят, после этого путешествия молодой бай, оказавшись в городе, уже никогда не уезжал, не посетив своего будущего свёкра — этого самого «тёмного» Бурнаева, лишь очень скудно знавшего русский язык. И встретив во время одного из своих визитов красавицу Бурнаевых — свою Махубу, забывал о прочих делах и путешествиях.

Всё это рассказывают старожилы города Орска, чьи родители когда-то были поверенными или служащими этих торговых дельцов. Если верить пословице «На устах

народа — правда», очень может быть, что это предание правдиво.

Все эти события, понятно, происходили ещё в начале восьмидесятых годов позапрошлого века. После, уже посватавшись-поженившись, молодые в 1883 году переехали в Оренбург. В те годы в этих краях и не слыхивали гудков паровоза или парохода: железная дорога среди этих гор была проложена гораздо позднее, после Гражданской войны, а по стремительным уральским рекам не ходили пароходы. В каком бы направлении ни собрался в путь — здесь нужны были лёгкие тарантасы или сани, сопровождаемые звоном колокольчика на дуге.

Здесь, в городе Оренбурге, на центральной улице, носившей имя первого генерал-губернатора края И. И. Неплюева, для Дэрдменда-Рамиева была возведена аккуратненькая каменная усадьба. Просторный двор, чтобы можно было заезжать верхом и на тарантасе, амбары и конюшни, возведённые твёрдой рукой, словно на века, и красивый одноэтажный дом, скромно улыбающийся просторной улице сквозь десяток окон...

* * *

Словом, пусть пока дом и усадьба строятся, а мы хоть в нескольких словах опишем многократно упомянутый город. Этот каменный город стоит на месте слияния двух больших рек — между Уралом и Сакмарой. Сакмара же вливается в Яик в месте, где Урал-река резко отклоняется в сторону казахских степей. Так как устье Сакмары болотистое, город как бы подтянут выше по его течению, ближе к возвышенности, которую наши древние предки называли Актюба (Белое плато). Один край города — на склоне современной горы Маяк, прежней Актюбы. А центр его упирается крутым лбом в обрывистый берег Урала. Со сквера на набережной видны леса-рощи на пологом противоположном берегу реки. Там, в густых кустарниках азиатской стороны, проглядывают местами аккуратные красивые дачные дома городских баев.

Оренбург уже при основании был запланирован как будущий губернский центр и место правления завоёванными землями и народами. И строился исходя именно из этих целей. Стены крепости, когда-то злобно щерившейся пушками в сторону Азии и земель за Сакмарой, даже

сегодня выглядят устрашающе... Да, город когда-то был заложен на месте, считавшемся форпостом Российского государства, где исторически соседствовали границы владений казахов, ногайцев и башкир. До назначения начальником «Оренбургской экспедиции»¹ будущего первого генерал-губернатора И. И. Неплюева, губернскую столицу начали возводить на месте нынешнего Орска. Неплюев же не согласился с таким решением, заявлял в своих письмах в Петербург, что место для города выбрано крайне неудобное, посреди беспокойных башкирских и казахских племён. И не прекращая строительства в устье реки Орь, перенёс «столицу» на триста с лишним километров к западу — к устью Сакмары, расположенному на перекрёстке двух дорог, ведущих к центру России. Таким образом, в 1743 году было заложено основание нынешнего Оренбурга. Отсюда было рукой подать и до казахских степей за рекой Урал — владений заключившего «дружественный договор» хана Абулхаира, и до тянувшихся к востоку за Сакмарой земель почти вольных башкирских кочевников, и до западных районов, хоть и завоёванных после двух веков тому назад, но только сейчас усердно осваиваемых царским правительством.

Историк и географ «Оренбургской экспедиции» П. И. Рычков пишет, что Оренбург появился на месте какого-то древнего городка. «Здесь, — пишет он, — раньше была граница владений ногайских ханов, на возвышенности между Сакмарой и Уралом есть место пограничного ногайского городка». именовавшегося Актюбой. Бей или хан этого владения, человек по имени Басман, погиб на поле боя во время известных битв, и был захоронен на кладбище своего городка». Рычков упоминает, что это кладбище ещё было, когда начинали строительство Оренбурга. «Немного выше по Сакмаре, к востоку, начинаются охотничьи владения башкир», — пишет учёный.

Значит, на месте древнего городка Актюбе — город Оренбург, на одной из спокойных улиц в центре того города — каменная усадьба нашего героя Рамиева... Уже скоро эта усадьба превратится в своеобразный культурный центр, и она ещё прославится на всю округу. А пока

¹ Комиссия, созданная императрицей Анной Иоанновной для подбора места и строительства Оренбурга.

всего в двух кварталах от новой усадьбы возвышается другой культурный центр — городок знаменитого медресе «Хусаиния»... Медресе трёх братьев родом из Татарской Каргалы на берегу Сакмары — баев Ахмета, Махмута и Гани Хусаиновых... А мать Гани Хусаинова Накия-абыстай — уроженка Юлука! Значит, Гани Хусаинов, выросший до семи-восьми лет в Юлуке, для братьев Рамиевых был ближе всех, земляк!

Гани-бай Хусаинов, горевший желанием открыть как можно больше школ-медресе не только в городе, но и в сёлах и деревнях Оренбуржья, тоже оценил Закир-эфэнди, получившего образование в Стамбуле и повидавшего мир, ему понравились его взгляды на жизнь. Да и Рамиевы целиком поддержали это дело, начатое Хусаиновыми, ведь они и сами давно грезили мечтами о просвещении народа, о том, чтобы как минимум сделать доступным начальное образование. И от всей души принялись морально и материально способствовать Хусаиновым в благом начинании. Как сообщалось ранее, и Махуба-ханум не осталась в стороне от этого дела: внесла свой вклад и в открытие школы-восьмилетки для девочек в Оренбурге, и курировала курсы по подготовке сельских учительниц, организованные в Каргалах. Возможно, под влиянием деятельности своей сестры Махубы, вскоре и супруга Ахметжан-хазрата Махруй Рахматуллина-Бурнаева открыла в Орске школу для городских девочек.

Таким образом, и в «столичном» городе авторитет Рамиевых рос и креп с каждым днём. Не откладывая надолго, Закира Рамиева избрали в состав внешних управляющих медресе «Хусаиния». Это правление, зарегистрированное в документах канцелярии генерал-губернатора как «Попечительский совет» уважаемого медресе, было обязано постоянно контролировать учебную программу и задавать нужное направление. Эту ответственную задачу совет, в основном, возлагал на Гайса-мурзу Еникеева — выходца из «тюменей» Давлеканского района Башкирии, на Закира Рамиева и других уважаемых народом людей.

Конечно же, Дэрдменд-Рамиев в это время принимал участие и в других городских и губернских общественных делах. Губернское общество вскоре избрало его депутатом в Государственную думу России первого созыва. В список депутатов разных созывов Думы, призванной решить или хотя бы попытаться облегчить судьбу российских наро-

дов, в том числе и татарского, зарегистрировались ещё доктор Байбурин и Гайса Еникеев из Оренбурга, мулла деревни Татарская Каргала Хайрулла Гусманов. Но не их вина, что эти депутаты так и не успели ничего сделать для своего народа. Хотя были избраны депутаты, способные претворить чаяния и мечты в жизнь, но не были созданы условия! В России до сих пор эти чаяния остаются только лишь мечтой...

Многие отмечают, что в повседневной жизни, в быту Дэрдменд-Рамиев был человеком удивительно скромным, с мягким характером. И когда он был избран в 1906 году депутатом в Думу, проявил некоторую сдержанность, даже как будто засомневался в своих возможностях. Фатих Карими вспоминает, что он, давая критическую самооценку, считал, что, наверное, есть люди достойнее его, чтобы принять на себя столь великие обязанности.

Хотя в повседневной жизни Дэрдменд-Рамиев и производил впечатление скромного и терпеливого, но в достижении своей цели — в делах, касающихся выполнения задачи просвещения и образования татарского народа, — был настойчив. Мы ясно видим это и в том, что он организовал выпуск одного из первых в татарском мире печатных изданий — газеты «Вақыт» (февраль 1906 года), и в его деятельности по основанию журнала «Шура» (декабрь 1907 года).

Творческие искания Дэрдменда

Дэрдменд являлся одним из популярных поэтов своего времени. Значение его философской поэзии и его вклад в культурное развитие своего народа всё ярче проявляются в последние десятилетия — по мере освобождения литературоведения от политических предрассудков предыдущих десятилетий. Издаются труды по исследованию его общественных деяний и поэтического творчества. Печатаются стихи Дэрдменда, издаются отдельные сборники.

Литературоведы полагают, что «первые стихи Дэрдменда начали печататься в газете «Тарджеман» И. Гаспринского в 1902—1903 годах». Потом в своём произведении «Асма» (1903) Ризаэддин Фахретдинов привёл его стихотворение «Үткән көннәр» («Прошлые дни»), не зная, чьё оно. Это было первое произведение Дэрдменда, изданное на Родине. Когда оно было написано, не установлено.

С 1906 года стихи поэта периодически появляются сначала в газете «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), затем на страницах газеты «Вақыт» и журнала «Шура». А в 1910 году выходит небольшая книжечка коротких рассказов для детей («Балалар өчен вак хикәяләр»). Это — единственная книга Дэрдменда, изданная при его жизни. Почему-то издатель Рамиев, явно имея такую возможность, не издал сборника своих творений...

Вначале люди не знали, кто же скрывается за псевдонимом «Дэрдменд». Но своеобразный стиль, лёгкий и точный слог его стихов сразу же привлекли внимание многих любителей поэзии. Интерес к его стихам растёт с каждым новым их выходом в свет.

Характерной особенностью поэзии Дэрдменда является его философский взгляд на жизнь. Большинство его стихов состоит всего из нескольких строф. Однако этим 16–20-строчным произведениям свойственно представить взору читателя судьбу народа, судьбу Родины. Дэрдменд отличается от многих поэтов-современников высоким уровнем своего философско-образного мышления. И даже когда он не выражает открыто свои размышления о судьбе нации, всё равно после чтения большинства его произведений в душе вновь рождается это чувство. Невольно задумываешься о прошлом своего народа и его будущем. Проходят перед глазами и судьба отдельно взятого человека, и дух древней истории, и лучи надежды на будущее. Его произведениям свойственны образность, изящество слога, меткость сравнений.

«Дэрдменд появился в мире татарской литературы на удивительном «Корабле», рассекающем волны бушующего моря... Вокруг сразу заговорили: «Вот на литературном небе татарского искусства возшла новая звезда». Потому что действительно все почувствовали новый дух — особую литературную грамотность, мастерское владение пером, изящный стиль, афористичность... «Словно с какой-то неведомой силой поэт открыто вкладывает в твоё сердце то, что хотел сказать. Возьмём, к примеру, его стихи «Корабль», «Мы», «Надежды», «Не сумел я окропить савана», «Колыбельная»... Например, «Колыбельная», вобравшая в себя все эти совершенства, занимает первое место в нашей печати красотой стиля и удивительной гармонией», — писал Галимджан Ибрагимов в 1913 году в объёмном очерке-исследовании «Татар шагыйрьләре» («Татарские поэты»).

Где истоки творчества поэта Дэрдменда? Откуда черпает он духовные силы? Несмотря на родословную, берущую начало от мурз Казанского ханства, он — уроженец обыкновенного татарского аула, учившийся в обычных татарских учебных заведениях. Живя среди простого люда, он вместе с молоком матери впитал в себя печаль-кручину своего народа. Да и края, где он рос и где жил, очень уж поучительны. Юго-восточные отроги Уральских гор — это места, где, обмениваясь словом, обычаями и песнями, живут родственные народы — татары, башкиры, казахи. Дэрдменду с детства были знакомы башкирские протяжные песни-кубаиры, видел он состязания казахских акынов, подыгрывающих себе на домбре и кубызах, экспромтом слагающих свои хлёсткие стихи. Эти истоки найдут отражение в творчестве нашего поэта.

Во вступлении к первому сборнику стихов Дэрдменда Ф. Карими приводит такие факты: «Он наряду со знанием творчества классиков Востока Газзали, Фахеррази, Ибн Рушда, Омара Хайяма, Саади, Навои, Фазули, Абдулхака Халита, Акрама, Тауфика Ризы, Абдуллы Джавдата, был также основательно знаком с творчеством известных людей Запада: Гегеля, Канта, Вольтера, Лютера, Шиллера, Гейне, Толстого, Горького, Пушкина и др.»¹.

Габдельбари Баттал в книге «Казан төркиләре» («Казанские тюрки»), изданной в 1925 году в Турции, таким вот образом представляет творческие истоки и успехи своего современника: «С точки зрения смысла, Дэрдменд — глубокомыслящий поэт... В должной мере знает строение стиха... очень внимателен к созвучности, рифме, размеру. И с этой стороны он — один из наилучших казанских поэтов. Хорошо известно, что он серьёзно занимался древнетюркской литературой, внимательно изучал сборники произведений таких чагатайских поэтов, как Навои, Лутфи, Бабур. И поэтому Дэрдменд вправе считаться самым образованным из поэтов».

И столь величаемый современниками «один из наилучших поэтов», мыслитель, известный общественный деятель и издатель Закир Рамиев после октябрьских событий 1917 года как бы сошёл со сцены татарской литературы и культуры. Его поэзия, мастерски отшлифованная

¹ Дэрдменд эсэрләре. — Казан, 1929. — 10 б.

и явившая миру яркие национальные черты татар, была на некоторое время не востребована, как бы забыта.

Только в 1929 году увидел свет первый сборник его литературных трудов под названием «Дәрдемәнд әсәрләре» («Произведения Дәрдемәнда»). Однако широкая общественность в то время не обратила должного внимания на выход этой книги «одного из буржуев из татар»...

Новые усилия снова вернуть народу поэзию Дәрдемәнда пришлось на конец 1950-х годов, в период «хрущёвской оттепели». В ноябре 1959 года прошли торжества по случаю 100-летия со дня рождения поэта, проведённые стараниями Института языка, литературы и истории КФ АН СССР. Перед юбилеем был издан сборник «Сайланма әсәрләр» («Избранные произведения») Дәрдемәнда (1959, автор вступительной статьи — М. Гайнуллин, составитель — И. Рамиев).

Лет десять спустя вышел сборник его стихов на русском языке («Стихи», 1970, составители — Сибгат Хаким, Ренат Харис), а ещё через десять лет вышла книга избранной поэзии «Исә жилләр» («Веют ветры», автор вступительной статьи — Сибгат Хаким, составитель — Раис Даутов). В 1999 году на татарском и русском языках был издан сборник избранных произведений поэта «Агарган кыл — Поседевшая струна» (автор предисловия и составитель — Ренат Харис). Лучшие образцы поэзии Дәрдемәнда вошли также в «Антологию татарской поэзии» (1956, 1992, на татарском языке, 1957, на русском языке), «Антологию татарской детской поэзии» (1980, на татарском языке) и в 38-й (102-й) том серии «Библиотека всемирной литературы» (Москва, 1977). В те же годы в журнале «Казан утлары» («Огни Казани») и на страницах иных периодических изданий печатались отдельные его стихи, а также статьи, посвящённые биографии и творчеству поэта.

Таким образом, поэзия Дәрдемәнда постепенно завоёвывала свою нишу в татарской литературе.

Да, из-под пера поэта исходили исключительно классические произведения. Но их было мало. Видимо, он отдавал в печать только те стихи, которые считал идеально завершёнными, достойными. Сколько же их могло быть в личном архиве писателя в Оренбурге или даже в орском доме, который они с женой арендовали в 1920–1921 годах? Но их сегодня нет. Рукописи утеряны. По воспоминаниям сына поэта Ягъфара виноваты в этом он и его

супруга (об этом мне сообщила в письме дочь Ягъфара Зубарзят). По просьбе своего старшего брата Искандера, жившего в то время в Уфе, Ягъфар повёз все оставшиеся рукописи отца к нему. Во время одной из пересадок из поезда в поезд, где-то на вокзале в Самаре или Кинели, Ягъфар оставил два чемодана с вещами жене, а сам пошёл за билетами. В это время чемодан с рукописями Дэрдменда и украли. В оправдание Ягъфара следует отметить, что он был одноруким, т. к. левую руку потерял во время войны с поляками осенью 1920 года.

Во благо народа

Как успешные золотодобытчики, открывшие немало новых месторождений на стыке современного Башкортостана, Челябинской и Оренбургской областей, братья Рамиевы участвовали во многих промышленных мероприятиях России, бывали за рубежом на различных выставках и поездках за покупкой современного приискового оборудования. Закир Рамиев активно участвовал в общественной жизни Оренбурга и обширной губернии. Несколько раз избирался в Городскую думу. Был членом губернского бюро кадетской партии, провозглашавшей в своей программе, в отличие от всех иных партий того периода, о равноправии и о возможности культурного самоутверждения всех народов Российской империи. В 1906 году Дэрдменд избирается депутатом Первой Государственной думы России от Оренбургской губернии. Там активно включается в работу мусульманской фракции, избирается в её руководящее бюро. Эта фракция с трибуны Думы должна была защищать интересы своих единомышленников. Но Первая Дума работала недолго и 8 июня 1906 года была распущена указом императора за некорректные высказывания депутатов в адрес руководства страны.

Братья Рамиевы с юных лет прислушивались к нуждам своих единомышленников. Чувствовали двойной гнёт — экономический и национальный, тяготеющий над их соплеменниками. Государственные школы для татар, башкир и других «нацменов» в то время не существовали. А ведь эти народы в местах своего постоянного проживания наравне со всеми платили все государственные налоги, исполняли все повинности. То есть участвовали в пополнении бюджета России и своего города или посёлка наравне

с привилегированным населением, то бишь с титульной нацией. А правительство запрещало даже издавать (на деньги частных людей!) газеты и журналы на родном их языке.

Тогда национальные школы могли содержаться только за счёт сборов с населения или за счёт спонсорской, благотворительной помощи. Братья Рамиевы с конца XIX века активно участвовали в создании национальных школ на местах, в привлечении к работе хороших учителей. Их жёны также организовывали школы — в посёлках и сёлах большинства приисков.

По сообщению Ризы Фахретдинова, Шакир Рамиев состоял членом в нескольких благотворительных обществах мусульман России. Его брат Закир был членом бюро Оренбургского мусульманского общества «Жәмгыяте хэйрия», а с 1912 года возглавил ещё и Общество помощи нуждающимся учителям и шакирдам губернии. Каждый четверг в течение часа он принимал всех обратившихся за помощью, не исключая ходатаев из Казахстана и Средней Азии. Дочь поэта — Зайнап Рамиева-Валиева в десятые годы XX века входила в руководство Благотворительного общества помощи женщинам губернии. А все эти общественные организации существовали, естественно, за счёт добровольной материальной поддержки какой-то части богатых и именитых людей. Большую долю денежных средств составляли пожертвования Рамиевых, Хусаиновых, Бурнаевых и т. д. Братья Рамиевы также выделяли некоторые средства в помощь перспективным студентам-мусульманам высших учебных заведений. Такую помощь в своё время получал один из первых скульпторов из татар Мирзаджан Байкиев. В 1892 году он успешно окончил петербургское специальное училище и долгое время работал в Эрмитаже скульптором-реставратором. Второй такой пример приводится в воспоминаниях известного историка и государственного деятеля Заки Валиди. Он пишет, что когда намеревался поехать на учёбу в Казань, то пришёл посоветоваться к Дэрдменду. Тот вручил ему пятьдесят рублей, большую по тем временам сумму, достаточную для переезда и обустройства на новом месте.

Братья Рамиевы часто оказывали единовременную денежную помощь и крупным медресе. А в одном из известных высших медресе тех лет «Хусаинии» (Оренбург) состояли членами Попечительского совета. За свой счёт они

там полностью оборудовали кабинеты физики и химии. Для этого Рамиевы привезли из-за границы, в основном из Германии, специальные приборы и химикаты.

Рамиевы также являлись активными участниками национального движения: выступали за равноправие татар, башкир и других народов империи с титульным населением страны. Зимой 1905 года в числе двухсот видных татар России они подписали письмо-петицию на имя царя Николая II с обоснованием таких прав. В числе подписантов также были симбирские фабриканты Акчурины и Дибердиевы, оренбургские купцы Хусаиновы, многие казанские купцы и видные религиозные деятели. Летом того же года мусульманские деятели решили полулегально создать политическую партию «Иттифакъ ал-муслимин» («Союз мусульман»). Эту идею поддержали и Рамиевы. Дэрдменд лично участвовал во втором подготовительном закрытом съезде, который проходил в Санкт-Петербурге в январе 1906 года. После февральских событий 1917 года он участвует в работе Второго Всероссийского съезда мусульман, который проходил в Казани под руководством Садри Максуди. На этом съезде Закир Рамиев был избран членом Назарата (Министерства) финансов будущего временного национального правительства. Но эйфория свободы, возникшая после Февральской революции, длилась недолго. Уже осенью вновь совершился революционный переворот. Наступили дни, опасные и тревожные для многих зажиточных и деловых людей, подобных Рамиевым. Не прошли и сутки со времени объявления об установлении советской власти, как был издан декрет об экспроприации «богатства буржуев». Правда, в Оренбургской губернии с исполнением этого решения немного запаздывали. В самом Оренбурге первоначально власть Советов установилась только в конце января 1918 года и продержалась она лишь до начала июня. Окончательно большевики укрепились в Оренбурге в конце января 1919 года, а в губернии в целом — только к концу того же года.

* * *

Едва обосновавшись в городе Оренбурге, поэт со своей супругой стали проводить еженедельные литературно-культурные вечера. В этих вечерах, где на общее обсуждение выносились вопросы литературы, искусства, а также

повседневной жизни, политики, могли принимать участие не только знакомые Рамиевых, но и новые единомышленники, гостившие в городе. Кроме того, как уже отмечалось, каждый четверг Дэрдменд-Рамиев вёл приём населения, обращавшегося с различными просьбами. К его дому собирались деревенские учителя, бедняки, учащиеся различных медресе.

Здесь будет весьма поучительно привести воспоминания студента медресе «Хусаиния», старшего двоюродного брата Галимджана Ибрагимова — Мухтара Ибрагимова. Вот что он писал: «Однажды весной мы с моим товарищем Гумером Нигматуллиним отправились в Оренбург с целью поступления в медресе «Хусаиния». За спиной — мешки, в руках — палки. Снег ещё не растаял, дорога размытая. Пробираемся по грязи... После поступления в «Хусаинию» мы намеревались не возвращаться летом в деревню, а подзаработать немного денег в приисках Рамиевых. Мы знали, что один из владельцев приисков поэт Закир Рамиев проживает в Оренбурге. Пошли с Гумером к нему, попросили устроить рабочими в один из приисков. Поэт встретил нас приветливо, расспросил про наши дела и учёбу, дал советы. Но на работу не устроил.

— Я непосредственно не участвую в делах приисков, поэтому не могу вас устроить, — сказал он, и, достав из кармана деньги, дал нам обоим по пять рублей. Мы не просили у него денег, но всё же с радостью и огромной благодарностью их приняли...»

В Оренбургских краях часто можно услышать такие воспоминания и из других уст. Есть также и другие письменные источники такого же содержания. Конечно, вряд ли поэт лишь раздавал деньги каждому посетителю — кому что-то советовал, кому указывал путь...

Покойный Исмагил Рамиев тоже рассказывал, что впервые попал в дом Дэрдменда Рамиева именно таким образом. Он ещё раз подтвердил вышесказанное словами: «Дэрдменд по мере сил старался помочь каждому, кто нуждался. К нему особенно часто ходили студенты, обучавшиеся в местных медресе. Там кроме татар и башкир можно было встретить и представителей узбекского и казахского народа из Средней Азии, и деревенских мулл».

Сам он, конечно, поехал к дальнему родственнику не с такой просьбой, а с желанием познакомиться поближе. Покойный говорил, что, может, и не осмелился

бы, да поехал, чтобы выполнить просьбу Галимджана Ибрагимова.

А дело было так. В конце 1917 года должен был открыться первый съезд башкир — курултай, где планировалось решение вопроса об организации национальной республики. На этот большой сход в качестве представителя татарской газеты «Ирек» («Свобода») из Уфы поехал и Галимджан Ибрагимов. А земляка своего Исмагила Рамиева, состоявшего на службе в одном из полков Уфимского гарнизона писарем, он взял с собой в качестве помощника. Исмагил в этой поездке был и его вооружённым охранником, и помощником, и посыльным. Таким образом, Исмагил почти от начала до конца присутствовал на заседаниях этого курултая, который длился почти две недели и проходил в яростных спорах в Караван-Сарае — в центре Оренбурга под председательством Заки Валиди. Правда, на последние заседания татарских гостей не пустили, не смог побывать на них и Исмагил Рамиев...

И вот в дни этого курултая Галимджан Ибрагимов, заявив, что есть дела, которые бы хотелось обсудить с поэтом Дэрдмендом с глазу на глаз, отправил Исмагила в очередной четверг в дом Рамиева с просьбой назначить встречу на ближайшее время.

Тут я прервал своего собеседника и задал ему несколько вопросов. Самый главный из них:

— Дэрдменд и Галимджан Ибрагимов были лично знакомы до этого, встречались, общались?

— Должно быть, и виделись, и общались, — сказал Исмагил-ага. — Впрочем, это подтверждается и тем, что многие произведения Галимджана Ибрагимова первоначально печатались и распространялись из типографии Рамиевых... Потом... есть у меня и другое... более щекотливое доказательство...

Так он «по секрету» рассказал мне о том, что в до-революционные годы Галимджан Ибрагимов был влюблён в дочь поэта. Конечно, я тоже знал, что в то время старшая дочь поэта Зайнап уже была замужем за одним из писателей — Яруллой Валиевым, написавшим в своё время довольно много повестей и рассказов. Став членом семьи Рамиевых, ему было поручено заведовать хозяйством типографии «Вақыт». В этой типографии, кроме рамиевских «Вақыт» и «Шура», печатались газеты и журналы и иных издателей, книги и учебники на татарском,

казахском и русском языках. Осенью 1917 года Ярулла Валиев также был назначен редактором газеты «Вақыт». Позднее, в 1937 году, он был арестован и умер в застенках НКВД.

Значит, Галимджан Ибрагимов был влюблён во вторую дочь поэта — Раузу Рамиеву, или, по крайней мере, относился к ней с определённым почтением. Правда, Исмагил-ага не называл имени девушки, может, просто запамятовал. Более конкретно о том, что этой девушкой была именно Рауза, мне сообщила дочь Ризаэддина Фахрутдинова Асма-апа Шараф. Впоследствии Рауза была сосватана за сына миллионера-купца Яушева — тоже «лап-тёжного дворянина» из рода бывших казанских беков. В годы потрясений она осталась вдовой и умерла на руках брата Искандера в 1938 году.

Итак, в ближайший четверг, во время приёма поэтом простого населения, Исмагил Рамиев тоже пришёл в его дом и изложил просьбу Галимджана Ибрагимова. Был назначен день встречи, и он ушёл.

Затем, в обозначенное время, они пришли в дом Дэрдменда уже вдвоём, чтобы спокойно пообщаться вечером. Поэт и писатель обсудили между собой новшества, привнесённые Октябрьской революцией. Конечно же, Галимджан Ибрагимов сообщил собеседнику, что курултай принял решение о создании отдельной Башкирской автономии, и что земли деревни Юлук и большинство приисков, относившиеся к северной части Орского уезда, тоже войдут в состав этого новообразования.

Вообще, как помнит Исмагил-абый, нить разговора была в основном в руках Галимджана Ибрагимова, поэт же лишь изредка вклинивался в беседу, выражая свои мысли. Исмагил Рамиев же практически не участвовал в ходе беседы.

— Посидев немного с ними, я отошёл. Там была очень богатая библиотека, я стал рыться в одной заинтересовавшей меня книге и забылся, — вспоминал он.

После этих событий Дэрдменд-Рамиев недолго прожил в своём доме. Заседания курултая, где принимал участие и Галимджан Ибрагимов, завершились где-то 22 декабря. Через месяц, 23 января 1918 года, в Оренбурге была установлена советская власть. Тут же стал претворяться в жизнь лозунг «Долой буржуев!». Началась конфискация имущества богатых.

Известно, что впоследствии Дэрдменд и его сын, горный инженер Искандер, добровольно отказались от приисков и передали их советской власти. В том числе писатель отдал в распоряжение представителей Советов и хорошо оборудованную типографию в Оренбурге. Вернее, эта типография явилась первым «подарком» новым хозяевам. Типографию и деньги для двухнедельного его содержания большевикам передал лично сам Рамиев. Вскоре здесь под руководством Загида Шарки-Юсупова начали издавать газету «Мөхбир» («Вестник»), позднее «Эшчеләр дөнъясы» («Рабочий мир») и другие. Загид с 1913 года работал наборщиком в типографии газеты «Вақыт», и именно на него мусульманское бюро большевиков Оренбургского ревкома в первые же дни установления советской власти возложило обязанности по приёмке типографии и выпуску новых газет. Позднее он был редактором нескольких татарских газет в Оренбурге и на Донбассе, заместителем редактора всесоюзной газеты «Коммунист» в Москве. Своего земляка и однокашника по медресе «Хусаиния» Мусу Джалиля в эту газету приглашал именно он.

Значит, и типография, и её рабочие отошли от зятя поэта Яруллы Валиева, в последние годы фактически возглавлявшего «Вақыт», к мусульманскому бюро ревкома.

В феврале 1964 года в селе Большие Кайбицы я записал воспоминания пенсионера, бывшего наборщика Хабибуллы Яруллина. Хабибулла-абый, начавший свой трудовой путь в годы Гражданской войны помощником наборщика, рассказал эту историю, связанную с типографией «Вақыт»: «После установления советской власти и закрытия «буржуазных газет» владелец типографии поэт Рамиев пришёл на собрание наборщиков и заявил:

— Выберите из своих рядов одного руководителя и проведите приёмку всего оборудования. — Затем Дэрдменд добавил, указав на свёрток с деньгами: — Здесь деньги, их хватит, чтобы покрыть расходы типографии на ближайшие две недели, и вам на заработную плату.

После чего поблагодарил всех, попрощался и ушёл...»

Это одно из воспоминаний о прощании поэта с городом Оренбургом...

Удовлетворение духовных потребностей нации

Широким слоям населения Закир Рамиев-Дэрдменд и его брат Шакир были известны прежде всего как основатели и издатели наиболее читаемых и авторитетных в то время (и не только среди татар) газеты «Вақыт», журнала «Шура» и как содержатели самой современно оборудованной типографии в Оренбурге.

Братья Рамиевы обсуждали между собой издательские дела ещё в восьмидесятые годы XIX века, когда Закир совершенствовал своё образование в Турции. Похоже даже, что он по пути домой был в городе Бахчисарае и встречался там с Исмаилом Гаспринским. У них были общие взгляды на будущее, одни стремления по изданию своей газеты. Наверно, не случайна их встреча осенью 1882 года в Казани. Шакир и Закир в Казани арендовали помещение для организации встреч с будущими читателями газеты «Тарджеман». Но на эту встречу никто не пришёл. Тогда же первыми спонсорами и абонентами будущей газеты Гаспринского записались братья Рамиевы.

Позднее они сами неоднократно пытались издать собственную газету. Галимджан Ибрагимов, останавливаясь на таких фактах в своём труде «Материалы к истории революции» (1922), пишет следующее: «Мечту о выпуске газеты у нас в Волго-Уральском регионе в то время имели многие люди. Рашид-кадий (Ибрагимов), Хади Максуди, золотодобытчики Рамиевы... лелеяли идею создать одну газету под каким-нибудь названием. Но самодержавие не давало на это разрешения». В то же время во вновь присоединённых к империи окраинах уже издавались некоторые тюркоязычные газеты: на казахском и узбекском языках с 1870, на азербайджанском с 1875 и на крымско-татарском с 1883 года.

Естественно, немало было образованных мужей и среди татар Поволжья и Урала, мечтающих путём издания национальной периодической печати укреплять национальное самосознание своего народа. Но открыть своё дело пока никому не удавалось. Даже ахун личной конновоенизированной охраны царей Гатаулла Баязитов этого не мог добиться.

В начале 1899 года Шакир Рамиев в Петербурге посетил типографию и издательство Ильяс Бораганского. Выходец из Крыма, из бывшей столицы татарского ханства

Бахчисарая, Ильяс-мурза на стыке двух веков выпустил немало интересных книг на русском, немецком и французском языках. Среди них было и несколько книг на смешанном тюркском языке (на базе крымско-татарского языка). Позднее из этой типографии выйдут книги и казанских татар: в 1902 году — «Ауропа сяхэтнамәсе» («Путешествие в Европу») Фатиха Карими, в 1903 году — роман «Бәхетле Мәрьям» («Счастливая Марьям») Камиля Мутыги и другие.

В момент посещения Шакиром этой типографии, по описанию Ф. Карими¹, на столах лежали шесть-семь тюркоязычных книг. Среди них три книги крымчанина Нури Акчокраклы, написанные на основе исторических событий в бывших татарских ханствах. И с автором они встретились там же: Нури работал в этой типографии. Действительно исторической была эта встреча. Впоследствии Рамиевы пригласят его в Оренбург. И Нури станет их главным советником при оборудовании типографии «Вақыт».

Наступил 1905 год. Переломный год во всех отношениях. После народного бунта вышел царский манифест от 17 октября того же года. Вскоре в Казани и Уральске приступили к выпуску татарских газет. А в Петербурге ахун Баязитов такое разрешение получил ещё до выхода этого манифеста. И первый номер газеты «Нур» был напечатан и роздан ещё 2 сентября 1905 года.

Оренбургский губернатор тоже выдал «Свидетельство... на основе Высочайше утверждённого закона о печати от 24 ноября 1905 года... Мухаммедзакиру Мухаммедсадыковичу Рамиеву на выпуск газеты «Вақыт» («Время»)». Дата выдачи свидетельства — 16 февраля 1906 года. Через пять дней вышел первый номер указанной газеты. В том же свидетельстве редактором издания был определён писатель Ф. Карими. Солидарность и творческая дружба между Каримовыми и Рамиевыми зародилась задолго до этого. В 1899 году, когда Шакир намеревался совершить путешествие по странам Европы, ему в качестве спутника-переводчика предложили Фатиха, недавно вернувшегося из Турции, окончив там высшее учебное заведение...

¹ Карими Ф. Морза кызы Фатыйма. — Казан, 1991. — 192 б.

В те же годы ахун Бугульминского уезда Гильман Каримов, отец писателя, решил взяться за печатание книг, обосновавшись в Оренбурге. Тогда именно братья Рамиевы и оренбургский купец Гани Хусаинов протянули ему руку помощи при покупке дома и типографии.

В энциклопедическом труде Исмагила Рамиева «Татарская периодика. 1905–1925 гг.» (на татар. яз.) есть такие строки: «“Вақыт” — национально-либеральная газета. Издаётся в Оренбурге. Была закрыта в 1918 году, после выхода 2309 номеров. Осторожна в политических проблемах. В вопросах религии и нации указывала направление национальной периодике, следовавшей за ней. Уделяла много внимания проблемам образования, языка и литературы, культуры, выражала солидарность распространению музыкального искусства, последовательно защищала обучение в государственных школах».

В декабре 1907 года Рамиевы получают разрешение и на издание журнала «Шура» («Совет»). Он выходит два раза в месяц, всего 24 номера в год. Первый номер увидел свет 10 января 1908 года. Издатели — «Мухамметшакир и Мухамметзакир Рамиевы». В том же документе редактором указан Ризаэддин Фахретдинов, бывший с 1906 года заместителем редактора газеты «Вақыт». (По просьбе Рамиевых Риза-хазрат осенью 1906 года специально переехал из Уфы в Оренбург, оставив там солидную должность казья — одного из заместителей муфтия Сибири и Центральной части России.) Журнал издавался на 36 страницах большого формата, иногда давались иллюстрации.

В книге И. Рамиева читаем: «[«Шура»] издавался до начала 1918 года, выпущено 240 номеров. Литературный, научный, исторический журнал. Самый известный среди татарских журналов. Приобрёл авторитет как регулярное издание, хорошо распространялся... И по техническому исполнению, несомненно, был на первом месте в своё время».

В редакциях газеты и журнала работали известные журналисты и писатели того времени: Бурхан Шараф, Габдельбари Баттал, Шариф Камал, Джамал Валиди, Кабир Бакир и другие. С этими изданиями активно сотрудничали почти все известные писатели и общественные деятели: Галимджан Ибрагимов, Юсуф Акчура, Габдулла Тукай, Маджит Гафури, Нажип Думави, Муса Бигиев, Заки Валиди, Хади Атласи, Галиаскар Гафуров-Чагатай...

Например, исследователи творчества Г. Тукая отмечают, что на страницах рамиевских изданий было напечатано около ста его произведений.

«Вакыт» и «Шура» читали не только татары и башкиры, но и другие родственные им по языку народы, например узбеки, казахи, часть «кавказских татар» (к каковым относили кумыков, нугаев, карачаевцев и частично азербайджанцев).

На страницах газеты и журнала занимали достаточно места произведения и труды литературного, научного, религиозного содержания, проводились конкурсы. Произведения, победившие в конкурсе, издавались Рамиевыми отдельными книгами в виде приложений к этим изданиям.

«Закир Рамиев особенное внимание обращал на хорошее жизнеобеспечение работников редакции, на их культурную жизнь, и поэтому платил им большое жалование в невиданных для той поры размерах. Например, назначил месячное жалование в 130 рублей редактору газеты «Вакыт» Фатиху Каримову и редактору журнала «Шура» Риза-кадию [Фахретдинову]. Многие называли это министерским жалованием», — пишет в своей книге «Замандашларым белән очрашулар» («Встречи с современниками», 1968) писатель Зариф Башири, проработавший в 1908—1909 годах в оренбургских журналах «Чүкеч» («Молот») и «Шура». «Так как Рамиевы, особенно Закир, питали большую любовь к литературе, они не смотрели на издательское дело с точки зрения прибыли... За последние годы от издания «Вакыт» и «Шура» они имели убыток примерно в десять тысяч золотых», — писал он. Разумеется, расходы Рамиевых на начавшую свою работу в 1909 году типографию «Вакыт» были во много раз больше этого.

Начав издание газеты «Вакыт», Рамиевы сразу же приобрели в Оренбурге рядом с усадьбой Шакира большой дом на Эссенской улице для работников редакции. В одной из его секций в разные годы жили разные семьи (например, семья журналиста Кабира Бакира, являвшегося в 1914—1917 годах вторым редактором журнала). В остальной же части дома расположилась многочисленная семья редактора журнала Риза-хазрата. Там же был и его рабочий кабинет. На месте того дома сейчас пятиэтажное жилое здание, на стене которого в 1986 году была установлена мемориальная плита. На ней написано, что «в доме на этом месте с 1906 по 1918 год жил писатель,

учёный, педагог, редактор журнала «Шура» Ризаэддин Фахретдинов».

Как отмечает писатель З. Башири в той же книге, типография Каримовых, где первоначально печатались «Вақыт» и «Шура», была уже изношенной, шрифты менялись редко, использовалась дешёвая бумага и плохие краски. Рамиевы были не очень довольны её работой и принялись хлопотать об открытии собственной типографии. На улице Вороной, рядом с усадьбой Дэрдменда, было куплено здание, примыкавшее к углу просторного двора поэта. Там оборудовали типографию, выделили комнаты для редакторов. С 1 января 1909 года «Вақыт» и «Шура» уже издавались там, что заметно сказалось на их качестве. А первой книгой, выпущенной типографией в начале декабря 1908 года, была «Мөхәммәд галәйхиссәлам...» («О Пророке Мухаммаде») Р. Фахретдинова.

Начинают издаваться литературные, общественно-культурные, исторические книги, учебники с печатью «Типография “Вақыт”». До конца января 1918 года она принадлежала Рамиевым и выпустила более 150 книг...

Часть изданной в те годы в Оренбурге русской и казахской периодики тоже выходила в типографии «Вақыт». Газета «Казах» (Оренбург, 1913—1918), имевшая большой авторитет среди казахов и внёсшая значительный вклад в развитие самосознания этого народа, а также восемь книг на казахском языке (среди них есть и первая казахская повесть М. Нурбаева «Кургенде бала») — плод работы типографии Рамиевых.

В то время в Оренбурге на русском языке выходило около шести-семи журналов и примерно столько же газет, а единственная частная типография Бреслина закрылась в 1915 году. Типография губернского управления была больше направлена на издание официальных материалов. Вероятно, что какая-то часть и русской периодики тогда печаталась в типографии Рамиевых. Там же печатались ещё несколько татарских периодических изданий, в том числе и журнал «Карчыга» («Ястреб»). Но фундаментальных научных исследований касательно типографии «Вақыт» практически не было, т. к. в эпоху советской власти не очень одобрялось изучение деятельности Рамиевых. И даже в трудах одного и того же автора указывается разное количество книг, напечатанных в этой типографии, и сроки её работы. Библиотеки «Белек» Оренбургского

благотворительного общества и «Шарык китабханасы» в Орске, другие фирмы и общества книжно-газетной торговли в городах Троицке, Челябинске, Кустанае и других местах выполняли также и роль издателей, постоянно направляли заказы на издание книг, которые были им нужны, в типографии Казани и Оренбурга. Вероятно, такие заказы выполняла и типография «Вақыт».

Книги каких писателей и учёных печатались в типографии «Вақыт»? На первом месте, конечно, был очень уважаемый Рамиевыми сверстник Дэрдменда Риза-хазрат Фахретдинов. Тридцать пять его книг воспитательного, религиозного и исторического содержания увидели свет в этой типографии. На втором, третьем местах — Шариф Камал и Галимджан Ибрагимов. Все дореволюционные произведения Шарифа Камала публиковались сначала на страницах «Шура» и «Вақыт», потом издавались отдельной книгой (кроме сборника стихов, выпущенного в Санкт-Петербурге в 1906 году). В 1910 году был предложен читателю большой рассказ «Козгыннар оясында» («В вороньем гнезде»), в 1914 году вышел «Хикәяләр төркеме» («Сборник рассказов»), включавший в себя пятнадцать известных произведений писателя, а в 1915 году — повесть «Акчарлактар» («Чайки»). И первые рассказы Г. Ибрагимова тоже появлялись сначала на страницах «Вақыт» и «Шура», а затем выходили отдельными книгами. И объёмный очерк «Татар шагыйрьләре» («Татарские поэты», 1913) был опубликован в этой типографии. И некоторые произведения Фатиха Карими, имевшего собственную типографию, печатались в «Вақыт». Такова, например, судьба его объёмной книги «Истанбул мәктүпләре» («Стамбульские письма», 1913) и нескольких книжек серии «Дөнья халыктары» («Народы мира»). «Законы литературы» («Әдәбият кануннары») Габдерахмана Сагди, книги Бари Баттала «Габдельвали Яушев» и другие, Джамала Валиди «Татар әдәбиятының барышы» («О татарской литературе»), Шакира Мухамедьярова «Алпавытлар дәвере» («Время помещиков»), сборник стихов и поэм классика казахской литературы Абая («Абай тирмәсе»), сборник воспоминаний об известном религиозном деятеле Зайнулле Расулеве — все вышли в типографии «Вақыт». Там же были изданы татарские переводы произведений языковеда Н. И. Ашмарина «Очерки литературной деятельности казанских татар конца девятнадцатого века», известного писателя Турции Ахмета Мид-

хата, английского писателя Конан Дойла, книги классиков русской литературы А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Андреева и других. А количество учебников, изданных в типографии братьев Рамиевых, пока никем не учтено.

Содержа свою типографию, братья не стремились к материальной выгоде, а ставили целью служение своему народу, трудились во благо нации. Типография продолжала свою работу и после установления советской власти в Оренбурге.

Закир Рамиев-Дэрдменд, передав типографию и средства на его содержание, вскоре уехал с женой Махубджамал в город Орск — поближе к своим приискам. В Оренбурге остались дети с семьями: в отцовском доме Зайнап с Яруллой и двумя детьми, Искандер с беременной женой Шарифзадой. А в доме мужа Гарифа Камалова старшая дочь Уммугульсум с четырьмя дочерьми. Семья горного инженера, главного специалиста по приисковым делам Искандера, после рождения первенца Башира тоже уехала в Орск в начале лета 1918 года.

Тревожные дни лета и осени 1918 года

Приближаются последние трагические годы жизни Закира Рамиева. Какими остались в памяти тех, кто знал его при жизни, и в письменных источниках отдельные моменты жизни поэта в городе Орске, где он прожил с конца февраля 1918 по октябрь 1921 года?

В конце февраля 1918 года Закир и Махубджамал решили уехать в Орск, ближе к приискам и родным. В тех местах ещё шла война. Конечно, ехали уже не так, как раньше, — не на тройке благородных коней, собрав необходимые вещи и дорогие одежды, а налегке, практически с двумя чемоданами. Потому что в районе деревни Сара, где-то на полпути между Оренбургом и Орском, шли тяжёлые бои между войсками атамана Дутова и красными. Поэтому Рамиевы были вынуждены выбрать обходной путь. Сначала они поехали по дороге Оренбург — Ташкент на поезде до города Актюбинск. А потом должны были проделать оставшийся путь в сто сорок вёрст на санях, присланных за ними братьями Махубджамал.

Так как железная дорога, соединяющая Оренбург с Орском, ещё только начинала строиться, для Рамиевых было привычным делом ездить на повозках по триста и

более километров за раз (от Оренбурга до Орска триста пятьдесят километров. А от Орска до приисков — не менее двухсот наберётся). Они уже привыкли по несколько раз и летом, и зимой колесить по дороге в более трёхсот вёрст между губернским центром и уездной столицей. Правда, в прежние годы Махуба-ханум с детьми в такой дальний путь выезжала только летом. А тут пришлось посреди зимы лишь вдвоём собраться в эту дальнюю дорогу.

Причиной тому, конечно, было не только то, что Оренбург заняли красные. Двое младших сыновей Рамиевых — Ягъфар и Мурад тоже воевали где-то в окрестностях Орска. До взятия Оренбурга красными от них хоть иногда приходили весточки. А теперь связь совсем прервалась. Родители особенно переживали за самого младшего — за своего Мурада. Он, петушась по-юношески, попал в элитный полк дутовцев. Судя по известиям, доходящим до Оренбурга, этому полку поручалось выполнение самых сложных задач, и поэтому среди них были большие потери.

Ягъфар же в более надёжных руках. Он воюет против красных в составе первого башкирского кавалерийского полка. Он ярый сторонник автономии для национальных народов. И входил в группу молодёжи, одобряющей создание национальной автономии башкир. И со своими сверстниками был записан в первые же дни образования армии башкир. Да, один из офицеров штаба этой армии, молодой Ильяс Алкин, сам недавно окончивший реальное училище, часто бывал у них в реальном, сам подбирал активных бойцов... Но до поры до времени родители об этом не знали.

С его командиром, человеком богатырского сложения, — Мусой Муртазиным Закир Рамиев отчасти был знаком. Муртазин — самый надёжный и самый опытный командир в войсках Башкортостана. Да и для самого Заки Валиди, руководителя «самостийной республики», Рамиевы не посторонние. Разве не Закир благословил его при отъезде на учёбу в Казань и дал будущему шакирду денег? И было это событие самое большее восемь-девять лет тому назад. Имеющий память такую помощь не забудет... Да и красные пока не так сильно давят в районе расположения муртазинского полка. Об этом сообщали знающие люди. И Ягъфар, имеющий кое-какое техническое образование, не сражается в первых рядах этого полка. Муртазин определил его в отдел снабжения оружи-

ем. Поэтому родители чуть спокойней за Ягъфара. Да и парень уже взрослеет, не в том возрасте, чтобы кидаться сразу в огонь¹.

Кроме судеб родных детей, Закира Рамиева беспокоило и положение дел в приисках. Что там творится в это смутное время? Не разбили ли, не сломали ли там всё оборудование? В надёжных ли руках каменные амбары, где хранилось золото, добытое трудом сотен золотодобытчиков? Часть земель, на которых расположены прииски, пока в распоряжении Башкирской автономии, под присмотром башкирских военных сил. А как дела в расположенных в сторонке от границ автономии приисках на Балкане, Кумаке, Шейхане? Хоть новые «ханы» и атаманы, заявляющие «я сам хозяин всех богатств на моих владениях», множатся с каждым днём, ведь всё равно ответственность за прииски в этих владениях несут прежние хозяева — Рамиевы, Дашковы, Тимашевы. И пока ещё они отвечают перед работающими там людьми. Надо будет безотлагательно и прииски передать властям, как передал Советам без всяких претензий типографию «Вакыт». Всё идёт к этому. Большевики, наступая, уже почти прошли Урал. Вскоре и до Орска доберутся. Победа явно за ними. Они заявляют, что и земля, и все её богатства должны быть в руках трудящихся — рабочих и крестьян. Понятно, что составляющие большинство эти самые рабочие и крестьяне будут всеми силами бороться за свою долю. Пожалуй, они непременно победят. Видимо, сословие меньшинства — сословие пока владеющих этими богатствами Рамиевых, Романовых, Дашковых, — не сможет удержаться на ногах.

Пески взметёт бураном бед, исчезнет след, —
Так мы умрём, так мы уйдём на склоне лет².

Наверное, и такие мысли терзали Дэрдмэнда при отъезде в Орск. Видимо, поэтому и собрались в Орск зимой, не стали дожидаться, как обычно, пока установятся дороги. Орск — центр, объединяющий хозяйства в приисках. При случае оттуда можно будет и на прииски съездить. Может, получится узнать что-нибудь о детях,

¹ Когда в 1929 году всех Рамиевых арестуют и запрут в Челябинской тюрьме, комдив Муртазин подаст прошение о помиловании Ягъфара. И его выпустят из тюрьмы раньше всех.

² *Дэрдмэнд*. Без (Мы. — Орывок, пер. С. Липкина).

воюющих в тех краях. В каком, интересно, положении сейчас банки городов Орска, Верхнеуральска, с которыми Рамиевы вели дела?

В Оренбурге, в руках новых управляющих, ещё пока не казавшихся такими уж чужими, тоже осталось его большое хозяйство. В центре города, в основном его доме на перекрёстке улиц Неплюева и Введенской, скорого возвращения Дэрдменда остались ждать его деловые бумаги, любимая библиотека. Старший сын Искандер, беременная невестка, любимая дочь Зайнап с мужем и детьми пока остались жить в главном доме-усадебке в Оренбурге. Да, кроме неизвестно где пропавшего сына Гарифа, часть их детей и внуков остались в распоряжении новой власти. Не случится ли с ними чего? Из-за большой войны, начавшейся между Россией и европейскими державами, Гариф со своим двоюродным братом Ахмет-Мидхат Рамиевым оказались отрезанными в Бельгии. В 1914 году Закир сам ездил устраивать их в высшее техническое учебное заведение в городе Льеже. Как оказалось, на свою беду. Живы ли они сейчас? Не забрали ли их в какую-нибудь армию, как были мобилизованы Мурад и Ягъфар? Может, они тоже от безысходности воюют против кого-то. Вон ведь, германская армия заняла земли Польши, Украины. А завоевания не бывают без крови. На поле боя погибают солдаты с обеих сторон. Кто может сказать, что среди них нет Гарифа и Ахмет-Мидхата — сына Шакира, старшего брата? Наверняка и в Германии есть обычай насильно уводить в армию всех юношей, способных держать ружьё. Сейчас ведь время войн, уничтожающих очень много людей.

Возможно, к началу лета в Орск приедет и Искандер. Если беременность невестки, Шарифзаде, благополучно разрешится. Если к тому времени получат надёжное известие и о сыне Гарифе, на душе станет легче... (К сожалению, Гарифу Рамиеву не суждено было вернуться на родную землю. После Первой мировой войны он жил в Финляндии, обучал детей. В 1971 году, приехав в Рим, чтобы увидеться с двоюродной сестрой Камилёй Рамиевой-Максуди, вдруг заболел и умер. Гариф Закирович Рамиев похоронен на мусульманском кладбище Рима. Ахмет-Мидхат Рамиев, возможно, остался жить в Бельгии, а возможно, подался к сестре в Турцию. Кто-то даже утверждает, что после Второй мировой войны он уехал в Америку.)

Возможно, именно такие мысли крутились в голове поэта, пока они проделывали длинный, стосорокакилометровый путь из Актюбинска в Орск. В этих краях лишь редкие казахские кишлаки и недавно переселённые, довольно безобразные, безрадостные русские деревеньки. Да и расстояния между деревнями довольно дальние. И беспрестанно не дают покоя февральские метели: не успеет пройти буран, догонявший следом, так впереди поджидает следующий. Не спасают даже тулупы поверх шуб. Пока ехали от одной деревни до другой, Махубджамал-абыстай совсем очоленела. Только когда уже почти приехали — в районе Алимбетовки, что рядом с Орском, солнце смилостивилось и улыбнулось им. (Я когда-то записал эти слова: «Лишь на подъезде к Алимбетовке показалось солнце, на душе потеплело» из уст Шакиры Мустафиной, имевшей отношение к роду Бурнаевых.)

Жители деревень, где останавливались передохнуть, говорили, что и на этой дороге встречаются никому не подчинённые вооружённые банды. Памятуя об этом, Мухаммеджан Бурнаев направил за ними две повозки. Рамиевых в той поездке сопровождали вооружённые парни на вторых санях.

Закир и Махуба, по прежней традиции, остановились в отчем доме Бурнаевых. На первом этаже этого очень большого дома на одной из центральных улиц Орска вместе с магазинами братьев Бурнаевых располагались ещё и магазины бая Гали-хаджи Далатказина и других купцов. На втором этаже жили сами хозяева. Здесь ещё со времён старика Мустафы Бурнаева для дочери и зятя содержались отдельные комнаты. Они ведь бывали в Орске регулярно. После кончины Мустафы в отчем доме остался младший сын Мухаммеджан с невесткой Махмузой и с двумя сыновьями. Для Габдуллажана же был заранее возведён отдельный двухэтажный жилой дом на соседней улице. (Этот двухэтажный дом, нижний этаж которого выполнен из природного камня, а второй этаж — из сруба, стоит до сих пор. Расположен на перекрёстке нынешних улиц Пионерской и Энгельса. В девяностые годы там размещался детский сад. А двухэтажный большой торговый дом, хранивший память о великом поэте, был разобран в 1984 году, при строительстве новой типографии газеты «Орский рабочий».) Когда в середине мая 1918 года сюда придет семья Искандера Рамиева с новорождённым Баширом, они заселятся в доме Габдуллажана.

Ко времени переезда Рамиевых в Орск в 1918 году у Мухамметжана было двое сыновей — Рашит и Шамиль. Рашит родился в 1910, Шамиль — в 1913 году. В 1966 году мне довелось встретиться с тем самым Рашитом Бурнаевым, записать его воспоминания. Ему было около восьми лет, когда к ним переехал «дед поэт». Дэрдменд иногда брал его с собой на рыбалку. «Дед садился сзади, я с кучером на козлах, так катались мы и на Ущелье, и на реку Губерлю», — рассказывал он мне. Река Урал до города Орска течёт по восточному склону Уральских гор, а потом вдруг резко поворачивает на запад. Место, где река Урал прорезает хребет Уральских гор, в городе так и называют — Ущелье. До Ущелья река образует несколько озёр-запруд. О том, что Дэрдменд в 1918–1919 годах часто ездил на рыбалку к этим, расположенным в десяти — пятнадцати верстах от нынешнего Старого города, озёрам, где росли кувшинки и было много рыбы, мне приходилось слышать не только от Рашита Бурнаева, но и от других людей.

Из уст Рашит-ага я записал ещё одну фразу касательно Дэрдменда: «Дед-поэт разговаривал по-французски, когда скучал, гуляя по двору». Конечно, скорее всего, эту фразу ребёнок услышал от взрослых. А знал ли поэт французский язык на самом деле? Пока нельзя сказать точно. Возможно, во время учёбы в Турции, где ощущалось активное влияние французской культуры, он и интересовался в какой-то мере французским языком. Известно, что он и позднее проявлял интерес к иностранным языкам. К примеру, у его внука Башира Рамиева хранился турецко-немецкий словарь с автографом поэта. Как сообщает Фатих Карими, он знал арабский язык — мог читать книги и поддерживать беседу с говорящим на этом языке. Известно также, что в 1914 году Закир Рамиев путешествовал по странам Европы. После Бельгии, где преобладал французский язык, он побывал ещё во Франции и Италии. А значит в словах Рашита Бурнаева есть доля правды. Но в то же время невозможно однозначно утверждать, что он владел французским в совершенстве. Ведь во время путешествия по Европе его сопровождали дочь Зайнап, дочь брата Камиля. Они получили образование в русской гимназии и наверняка усвоили и иностранные языки. А муж Камиля — Садри Максуди — окончил в Париже университет Сорбонны. И он тоже тогда путешествовал вместе с ними.

Но в то же время известен один случай, рассказанный самим поэтом своему единомышленнику Фатиху Карими. В годы жизни в Турции Дэрдменд начал переводить роман одного французского писателя. Позднее, перечитав перевод и разочаровавшись в нём, он разорвал рукопись, как сообщает Ф. Карими. Однако не пишет точно, с какого языка был сделан перевод — напрямую с французского или же с перевода на турецкий.

В шестидесятых годах в городе Орске мне, кроме Рашит-ага, не встретился больше никто из рода Бурнаевых. А несколько человек из списка городских телефонных абонентов, носящих эту же фамилию, сослались на то, что «они не из этого рода». Были ещё живы дети тех, кто в своё время состояли на разной службе у Бурнаевых. Из таких Шакира Мустафина, Абдулла Исенбаев дали много сведений о жизни поэта в Орске. Но с ними я был знаком уже с 1956 года и ко времени второго приезда в Орск от них более новых данных о семье Рамиевых я не получал.

В начале лета 1918 года в Орск приехали и Искандер с Шарифзодой с одномесечным Баширом на руках. (В биографических документах Башира Рамиева указана лишь мачеха — Минсафа. Только в последней автобиографической рукописи он раскрыл, что его мать — Шарифзада Дашкова... Писать так в анкетных данных ему порекомендовал когда-то отец. Потому что прежняя «девушка Минсафа, ранее прислуживающая у самовара в доме Рамиевых» — была из обычных крестьян Чистопольского уезда. То есть не представительница из рода мурз, как Дашкова. И другие внуки и правнуки Рамиевых в те годы старались выбрать себе пару из простого народа. Похожая судьба и у трёх сирот, оставшихся от старшей дочери поэта Уммугульсум. К примеру, её вторая дочь Суфия — красавица и умница, в молодости по примеру деда-поэта мастерски писавшая стихи и небольшие литературные зарисовки, выбрала себе в мужья рабочего в Москве. Сестре Асме объяснила свою философию так: «Надо выходить замуж за рабочих, чтобы рождённые нами дети не были чужими для власти. Чтобы смогли поступать в вузы и получать образование». Попытки подстроиться под требования времени в двадцатых-тридцатых годах — явление, свойственное не только наследникам этого рода...)

То лето Рамиевы, традиционно собравшись двумя-тремя семьями, провели в деревне Балкан — за триста

километров от Орска. Там, где размещались их пять самых богатых приисков. Об этом подробно рассказано в мемуарах Асмы Рахматуллиной. Асма же — дочь Махруй. А Махруй, как уже упоминалось ранее, родная сестра Махубджамал. Асма Ахметжановна Рахматуллина родилась в 1905 году. Её отец — имам-хатиб самого престижного в Орске медресе. В народе звали его «Чёрным Ахметжаном», чтобы отличить от «Рыжего Ахметжана» Нигматуллина — одного из прадедов известного режиссёра Марселя Салимзянова. Оба они были наследниками выходцев из современного Атнинского района Закавказья. Да, по рассказу орчан, Дэрдменд был с обоими Ахметджанами в добрых отношениях. И раньше, бывая в городе, часто общался с ними. Да, Дэрдменду этот весёлый свояк был очень близок. В городе говорят, что он лишь в медресе появлялся в чалме, а дома любил «играть музыку» и жил современно. Отслеживал новейшую литературу, умело играл на мандолине. Трёх дочерей старался воспитать в духе времени. Старшие дочери Сара и Хадича учились играть на пианино, все три читали стихи со школьной сцены.

В то время в городе работали две общеобразовательные школы и медресе для мусульманских детей. Жена Ахметжана Махруй-абыстай держала девичью школу. Ахметжан-мулла был так же связан узами родства и с купцами Нигматуллинами. По рассказам жителей Орска, «Рыжий Ахметжан» в дореволюционные годы ещё и председательствовал в клубе «Шарык». Некоторые так же считают, что он первым открыл в городе в 1911 году «кинематограф». В его бывшем кинотеатре с 1921 по 1961 год работал татарский клуб имени Первого мая.

В мемуарах, записанных по просьбе краеведа Оренбуржья Мадины Рахимкуловой, Асма-апа Рахматуллина, дочь сестры Махубджамала, пишет следующее: *«Тётя с мужем [Дэрдмендом]... с наступлением лета 1918 года всей семьёй уехали в Искандеровский прииск¹. Как в Оренбурге их дом был одноэтажным, так и дом на прииске тоже был одноэтажным. Мебель простая. В шка-*

¹ Из пяти приисков вокруг села Балкан, входящего ныне в Челябинскую область, два были приписаны сыновьям Рамиевых Ахмед-Мидхату и Искандеру и назывались их именами. Поныне окраины села Балкан местными жителями именуются бывшими названиями приисков.

фах, на этажерках книги и различные ископаемые камни, добываемые на Урале. Каждый камень назван своим именем... Муж тётки был высокого роста, голубоглазый, и волосы у него были не чёрные, а тёмно-русые. А тётка Махубджамал была белолица, с «правильным» носом, тёмно-русыми длинными волосами. Тётю мою (абыстай) дядя взял замуж в шестнадцать лет. Всегда жили очень дружно. Летом 1918 года мы ездили к ним в гости в тот самый прииск. Дядя и Искандер-абый часто уезжали по делам. Каждый день в восемь утра — утренний чай. Обед, ужин ежедневно подаётся в одно и то же время. Перед сном ели катык. По вечерам Искандер-абый рассказывал о жизни профессора, который преподавал ему в Германии. Оказывается, у профессора было много дочерей и каждый день одна из них убирала дом. Искандер-абый спросил у него: «Разве у вас нет прислуги?» Профессор же ответил: «Пусть дочка учится вести хозяйство»...»

В приведённом отрывке, на мой взгляд, есть лишь одна неточность: по другим сведениям, когда «тётка-абыстай» выходила замуж, ей было около двадцати лет. Она родилась в 1863 году. Женитьба Дэрдменда приходится на зиму 1882 года. Асма скорее помнит дату первого знакомства «тёти-абыстай» с будущим мужем.

В некоторые вечера, проведённые в Балкане, молодёжь вместе играла в карты, в игру «шестьдесят шесть». «Моя сестра Сара, внучка дяди Рабига (дочь Уммугульсум), дядя сам и Фуат играют по вечерам в карты». О каком Фуате идёт речь? В роду Рамиевых было два мальчика с именем Фуат: самый младший сын Дэрдменда и сын Сулеймана (Сулейман — старший сын брата поэта — Шакира). В других источниках, в том числе и в письмах внучки поэта Зубаржат сообщается о ранней смерти сына Дэрдменда Фуата. Вспоминая события 1918 года, Асма-апа до этого не упоминала никого из семьи Шакира, которые должны были бы жить во второй половине большого дома в селе Балкан. Так о каком Фуате идёт речь в мемуарах? О сыне Сулеймана? Или Дэрдменда? Да, дочь Ягъфара Зубаржат писала об одном из них, что он «умер почти сразу после рождения». В списке, составленном учительницей Зубаржат, датой рождения сына Дэрдменда указан 1903 год. Если речь всё-таки идёт не о сыне Сулеймана, а об этом Фуате — может, ошиблась Зубаржат, указав, что их Фуат умер младенцем? Она ведь родилась лет через десять после описанных событий.

Или Асма упоминает сына Сулеймана, не указав конкретно, что и их семья тогда была в Балкане...

Основываясь на воспоминаниях Асма-апа, сейчас мы можем утверждать лишь одно — Закир Рамиев провёл большую часть лета тревожного 1918 года на «Искандеровском прииске», вдали от Орска. А я уже говорил, что этот прииск — один из пяти месторождений золота, расположенных вокруг села Балкан, ныне относящегося к Челябинской области. Среди этих шахт располагалась центральная усадьба, принадлежащая обоим семьям Рамиевых. Этот одноэтажный нарядный дом-усадьба очень подробно описан знаменитой общественницей и учёной Турции Адилей Айда в книге «Садри Максуди-Арсал», посвящённой её отцу. Садри Максуди именно в этих местах сватал Камилю — дочь Шакира Рамиева. В этом красивом доме с двумя башенками и несколькими комнатами летом 1918 года, возможно, жила и семья Шакира Рамиева или семья его сына Сулеймана. После кончины Шакира, в 1912 году, управление его частью приисков перешло в руки старшего сына Сулеймана. Они вместе с Искандером, вернувшимся из Германии в 1914 году, окончив горную академию, вели все хозяйственные дела. Но в воспоминаниях Асмы Рахматуллиной почему-то семья Сулеймана не упомянута. Может, они провели это лето в усадьбе на каком-нибудь другом прииске.

Как известно из истории, летом 1918 года большевики ещё не дошли до окрестностей села Балкан. (Балкан расположен в шестидесяти верстах от нынешнего города Магнитогорска.)

Прииски у села Балкан и хутора Требий (в известной повести Маджита Гафури — «восьмая деревня») считались самыми богатыми золотыми месторождениями начала XX века. Эти прииски были основаны в 1895 году. И описанный в повести Маджита Гафури «На золотых приисках поэта» «самородок с голову лошади» тоже был найден в окрестностях этих деревень. Вернее, на него наткнулись, когда открывали прииск, названный позже именем сына Шакира — Ахмет-Мидхата Рамиева.

Асма Рахматуллина конечно же не ведала, чем конкретно занимались этим летом муж её тёти и двоюродный брат Искандер. Ей тогда было всего тринадцать лет. Но всё же даёт понять, что мать и отец получали весточки от воюющих в этих краях сыновей Мурада и Ягьфара.

Правда, она также пишет о том, что Ягъфар воевал на стороне красных, т.е. опережает события. На самом деле кавалерийский полк Мусы Муртазина перейдёт на сторону большевиков только более полугода спустя, в конце марта 1919 года. После того как на сторону Советов перешли Заки Валиди и его соратники со «своей Башкирской автономией и армией». В составе этого полка, позднее получившего статус дивизии, Ягъфар Рамиев ещё будет участвовать в войне с поляками. Осенью 1920 года, после тяжёлого ранения в бою под Киевом, вернётся в отчий дом — в город Орск с одной рукой. Левая рука почти по локоть была срезана острым клинком польского кавалериста в боях за город Киев.

А в конце лета 1918 года до родителей дошла весть о том, что Мурад тяжело заболел и слёг в госпиталь. Об этом Асма пишет следующее: *«Мы собрались ехать домой, в Орск. Этот день стал очень горестным. До этого до нас дошло известие, что Мурад-абый лежит с тифом в больнице неподалёку. Даже направили кого-то с гостинцами его проведать. Этот человек вернулся в день нашего отъезда. Мурад-абый умер от тифа. Оказывается, очень страдал перед смертью... Горе потери Мурад-абый потрясло нас до глубины души... Услышав эту весть, ни дядя, ни тётя-абыстай не проронили ни слезинки. Пили утренний чай с каменными лицами, глядя перед собой. Мурад-абый всегда трепетно относился к родственникам, очень любил детей, играл с нами. (Мурад, скорее всего, скончался в госпитале Верхнеуральска, что в пятидесяти-шестидесяти верстах от Балкана, или в более удалённом Троицке. В то лето отдельные полки атамана Дутова сражались в тех краях.) Прошло совсем немного времени после нашего возвращения в Орск, следом за нами к нам приехал и дядя со всей семьёй. Потом они переехали к Бурнаевым... Орск занимали красные...»*

Внесём некоторые уточнения. В летние месяцы 1918 года Орск был в руках красных, в окружении. Основные военные силы, сгруппировавшиеся в городе: 28-й полк уральских стрелков, отдельные отряды красногвардейцев, собранные Б. Нуримановым, Ш. Гиматдиновым и С. Жантуаровым. 28 сентября этого же года белые вытеснили их из города. Они отступили в направлении города Актюбинска. Наступление на дутовцев, организованное Красной Армией 1 февраля 1919 года, провалилось. Они не смогли переправиться через Урал и войти

в город. Да, в 1919 году красные трижды пытались занять Орск. В такие периоды семья Дэрдменда даже выезжала из города. Например, тот факт, что Дэрдменд и Махуба какое-то время пожилы в деревне Джуняй в сорока верстах от Орска, запечатлён в дневнике Мирхайдара Файзи. В те годы и драматург часто выезжал из города и жил у своих братьев в этом хуторе. Последние бои за город пришлись на ночь 29 августа 1919 года...

В мемуарах Асмы Рахматуллиной, написанных многие годы спустя, чувствуются и пробелы в описании событий. Видимо, Асма-апа объединила эпизоды взятия Орска красными. С осени 1918 года она сразу перескакивает в август следующего года и пишет: *«Орск постепенно занимали красные... Когда сбежавшие сюда из Оренбурга баи и орские баи стали в спешке удирать, Искандерабый сказал: “Красные держат правильный курс, мы не будем убегать, останемся в Орске”»*. Рассказывают, что Рамиевы и не помышляли об отъезде в Сибирь или за границу. Правда, в те дни у Рамиевых не было никакой возможности быстро собрать всю разбросанную семью и уехать из страны. Ведь в то время все семь детей Закира и Махубджамал оказались разбросанными по разным сторонам: семьи Уммугульсум и Зайнап — в Оренбурге, Рауза с мужем Вали Яушевым то ли в Челябинске, то ли в Ташкенте, Гариф и Ягъфар неизвестно где. По редким письмам можно было узнать, что Ягъфар воюет на западной стороне. Разве можно куда-то уехать, оставив их всех? Такая же судьба и у многочисленного потомства Шакира от четырёх его жён... *«В миру воробей с голоду не умрёт... от судьбы не убежишь...»*

Новые люди. Новая жизнь

Сведений, которые могли бы пролить свет на жизнь семьи Дэрдменда после трагических событий 1918 года, очень мало. Сомнительно, чтобы поэт путешествовал летом 1919 года в балканские прииски, в районе которых шли ожесточённые бои. В то же время велика вероятность того, что он побывал, наверно, на золотых месторождениях в округе Юлука, расположенного почти на двести километров западнее Балкана и Шейхана. Потому что и здесь Рамиевы владели более чем двадцатью шахтами. Кто-то же должен был их передать в руки советской власти. Справились ли с этой обязанностью Сулейман и

Искандер самостоятельно, или потребовалось личное участие Закир-бая — пока не выяснено. Но точно известно, что в начале марта 1919 года советская власть забрала в свои руки бразды правления в районе, где располагались штабы управления шахтами в Юлуке и Султанском месторождении. Золото, добываемое в приисках этих мест, пошло на обеспечение Красной Армии оружием, снаряжением и припасами.

Известно, что Искандер Рамиев после взятия города Орска в 1919 году красными стал работать по своей специальности в советских организациях. А в конце 1925 года его направили главным «техноруком», то есть главным инженером на медно- и золотолитейный завод, расположенный в Баймакской слободе треста «Башкирзолото». В феврале следующего года он забрал к себе семью, мать и двух девочек-подростков — сирот своей сестры Умму-гульсум. С середины тридцатых годов жил в Уфе, был одним из ведущих инженеров в правлении этого треста. Как «сын буржуя» был арестован летом 1937 года и скончался 3 апреля 1943 года в одном из лагерей Кемеровской области. (Позже Ягьфар напишет стихотворение, посвящённое трагической судьбе брата.)

Комиссаром по делам национальностей для работы с проживающими в Орском районе татарами, башкирами и малочисленными казахами в начале 1920 года был назначен Габдулла Давлетшин. Он был родом из казачьего хутора Ильяс, расположенного в трёх верстах от Орска, за рекой Урал. Бывший студент медресе «Хусаиния», успевший полтора года до революции поработать там и преподавателем. Один из тех, кто организовал из татаро-башкирских конных казаков «красный кавалерийский казачий полк», воевавший на стороне большевиков. Представители именно этого полка арестовали в конце января 1918 года в Оренбурге правительство Заки Валиди, боровшееся с большевиками. Вместо просуществовавшего всего два-три месяца «автономного национального Башкирского самоуправления» была организована Автономия Советского Башкортостана во главе с Габдуллой Давлетшиным. Но и эта автономия прожила менее трёх месяцев. Сбежавшие с помощью дутовцев из оренбургской тюрьмы Заки Валиди и его соратники снова захватили власть и перенесли столицу автономии из Оренбурга в деревню Темяс Орского уезда, где сильна была ещё позиция белых.

Сложно сказать, был ли Закир Рамиев, являясь одним из уважаемых членов попечительского совета медресе «Хусаиния», знаком с учителем Габдуллой. А вот события в Орске свели их ближе. Как только основался в Орске, Г. Давлетшин начал издавать газету «Ирек йолдызы» («Звезда свободы») на татарском языке. На первой странице этой еженедельной газеты размещались декреты, указы и другие правительственные документы, на второй и третьей — статьи на политические темы. Четвёртая страница была отдана литературе и сведениям о культуре. (В городском музее Орска хранится номер этой газеты, отпечатанный в июле 1921 года. На литературной странице этого номера, к примеру, размещено одно стихотворение Тухфата Ченакая и анекдоты.) И комиссариат Давлетшина, и редакция газеты располагались в здании прежнего клуба «Шарык». В 1920—1921 годах Дэрдменд захаживал сюда. Наверное, в основном, чтобы ознакомиться с печатными новостями и состоянием дел в мире.

Жена Г. Давлетшина Халима-апа, дочь старшего брата драматурга Мирхайдара Файзи, примерно так вспоминает те годы: *«Рабочее место Габдуллы было в доме, издавна считавшемся культурным центром татар. Тут же гудит молодёжь, заглядывают красноармейцы, воюющие с бандами. В этом же доме проходят лекции для мусульман, ставятся концерты. Там же можно почитать газеты из Москвы или Оренбурга. Там же издаётся и хранится подшивка газеты «Ирек йолдызы». Я тоже помогаю Габдулле. С лета 1920 года в этот дом стал захаживать и поэт Дэрдменд. Видимо, хотел быть в курсе мировых событий. Часто они разговаривали с Габдуллой. Я старалась выходить из комнаты, чтобы не мешать им».*

Эти беседы с бывшей гимназисткой Орска Халима-апа Давлетшиной, в ходе которых мы обсуждали события тех лет, состоялись в 1971—1972 годах в Москве. Со времён её встреч с поэтом прошло лет пятьдесят, и воспоминания пожилого человека уже поблекли с годами. В разговоре Халима-апа часто отвлекалась на рассказы о своей семье и близких, не имеющие отношения к Дэрдменду. Время от времени я старался вернуть её к интересующему меня вопросу. Спрашивал, пребывая:

— Не публиковались ли какие-нибудь стихотворения Дэрдменда в «Ирек йолдызы»?

Халима-апа отвечала:

— Не помню, ведь с тех пор уже столько лет прошло. Позже столицу Казахской автономии перенесли в Кзыл-Орду. Наверное, все газеты и документы того периода сейчас в Казахстане находятся.

Да, возможно, и на самом деле так. Ведь Оренбург в 1920—1925 годах был столицей Киргизско-кайсакской (казахской) советской автономии. В те годы в этих краях практически не принимали каких-то категорических мер в отношении бывшей местной интеллигенции или инакомыслящих. Преподаватели медресе «Хусаиния» продолжали обучать тех же студентов в том же здании. Лишь название учебного заведения было переименовано из «медресе» в «Институт народного просвещения». И члены семей Закира и Шакира Рамиевых до 1926 года жили в своих домах-усадебках. (В центре Оренбурга до сих пор сохранились знатные кирпичные дома обоих. Уничтожены лишь дворовые постройки и просторный сад за домом Шакира.) Преследования инакомыслящих и «буржуев» начались, лишь когда здесь снова было размещено губернское управление. Дети Закира Рамиева со своими семьями тоже были вынуждены разъехаться кто куда. Их родной дом был отобран... Дочь Зайнап и зять Ярулла Вали в конце 1926 года отправились в Уфу, обратившись за покровительством к Ризаэддину Фахретдинову. Ярулла был вскоре назначен бухгалтером муфтията. Оставившая мужа в Ташкенте, Рауза переселилась в Баймак, где жил тогда её брат Искандер с женой. По словам Башира Рамиева, она там вскоре и умерла...

В конце августа 1921 года семья Давлетшиных попросилась с Орском. Их обоих направили на учёбу в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока.

— Там тоже было много интересных людей. Поэт Ярлы Карим, старший брат Фатиха Карима, тоже учился вместе с нами. Когда наш ребёнок плакал, он успокаивал его, играя на скрипке, — рассказывала Халима-апа. — Когда мы уезжали, семья Дэрдменда оставалась жить в Орске...

* * *

В начале 1920 года семья Закира Рамиева переселилась в дом Закира Хакимова — родного брата Хусния-мал, матери Махубджамал. Скорее всего, двухэтажный торговый дом, где жили Бурнаевы, был конфискован со-

ветской властью. А уже к концу лета того же года семья поэта переселилась в третий дом. Видимо, устали жить у людей, хоть и приходящихся близкими родственниками. А тут — дом для них одних, просторный двор. Хозяин дома — Билал Мусин — открыл в одном селе магазин и уехал туда жить с семьёй. Опустевший дом оставили Рамиевым. Этот одноэтажный деревянный дом до сих пор стоит на своём месте — светится пятью окнами на переулке Поля Лафарга. Знающие люди указывают на шиферное покрытие ската, утверждая, что у дома состарилась лишь дощатая крыша. Через дом от него начинается прибрежная роща Урала — лесок из столетних тополей. Нанятый в семью поэта конюхом и дворником Сабир Галиакберов тоже проживал неподалёку — был с соседней улицы. Семья Сабира проходила во двор Рамиевых через смежную калитку на заборе. Такими домашними делами, как рубка дров, уборка снега, тоже занимался Сабир. В шестидесятых-семидесятых годах ещё были живы жена и дочь Сабира. Эта бывшая девочка, тогда уже женщина в годах, очень тепло вспоминала о «бай абыстай», которая каждый раз угощала её конфетами и пряниками. Только вот «бай абзый» эта женщина практически не помнила. Его она видела очень редко. Ей казалось странным лишь одно, что, несмотря на то, что соборная мечеть располагалась всего в двух-трёх кварталах от дома, «бай абзый» всегда ездил туда в своей красивой повозке. Видимо, не хотел отставать от подобных себе баев.

Ещё из тех, кто видел поэта в последние годы жизни, в Орске была жива Марьям Шарифовна Бикбова. (Она родилась в 1906, умерла в 1994 году.) Я в семидесятых годах несколько раз встречался с ней и общался. У неё ещё хранился толстый фотоальбом с фотографиями людей начала века. В том альбоме была также фотография державшего медресе муллы Ахметжана и его жены, молодой Махруй-абыстай. Марьям-апа две зимы проучилась в «школе Махруй-абыстай». Потом её отдали в городскую гимназию. Она получила образование в той же гимназии, где училась и Халима Файзуллина. Родители Марьям Бикбовой тоже из купцов. *«Мои деды, Муртазины, работали с кожей. Бывало, в детстве мы играли вместе с внучкой Дэрдменда Рабигой... И с Мусой Джалилем была знакома. Когда я пела на сцене, он играл на мандолине».*

— Каким вы помните Дэрдменда? Часто его видели? — спрашивал я.

— Часто видела, как он гулял на улице. Всегда очень аккуратно одевался. И в тарантасе сидел очень прямо, не смотрел по сторонам...

После смерти поэта они, несколько учениц гимназии, ходили к нему домой попрощаться. Провожали траурную процессию до моста через Урал.

Последние дни

Поначалу показалось, что после того, как в Орске навсегда установилась советская власть, жизнь стала налаживаться. Но этот порядок не успел укрепиться, как на территории бывшей губернии начался голод. Распространились холера и тиф. Это бедствие не обошло стороной и семью поэта. Из воспоминаний Асма-апа: *«Была осень. Тётя Шарифзада солила арбузы, капусту. И вдруг сильно заболела и умерла при родах от тифа. Башир остался сиротой. Никогда не забуду, как тётя-абыстай не могла сдержать слёз, глядя на постоянно плачущего Башира».* (Во время последней встречи и Башир Рамиев говорил, что его мать умерла при родах второго ребёнка, осенью 1920 года.)

Продолжим отрывок из воспоминаний. *«Они переехали в дом Закир-абый Хакимова... Муж тёти [Дэрдменд] часто приходил к нам в гости, приносил хорошие чаи. Говорит: «Бери, Махруй, у вас ведь только травяной чай». Мы же заваривали чай из нарезанных и высушенных арбузных корок. Вот в Орске начались тиф и холера. Некипячёную воду не пьём. Мама наделала оберегов из чеснока и надела на всех детей. Но болезнь не обошла стороной и нашу семью. Самая красивая среди нас, мастерски игравшая на пианино Сара-апа умерла восемнадцатилетней. Дядя Закир на её похороны дал маме денег, привёз трёх овец. Ещё не отошли от переживаний её смерти, в ту же осень снова настигло горе. Дядя поехал в Оренбург с продуктами, чтобы проведать старшую дочь Уммугульсум. Возвращаясь оттуда, замёрз в поезде, потому что не топили, не смог оправиться от болезни и скончался. Врач сказал, что у него было плохо с сердцем. Утро, весь Орск запылён снегом. Домашние сказали мне: «Мама твоя ушла к тёте-абыстай, сообщили, что дядя умер». Я тоже побежала туда».*

Именно из этого простого, деревянного дома, выходящего пятью окнами на улицу, в октябре 1921 года Закира Рамиева-Дэрдменда проводили в последний путь. Здесь осталась его последняя одежда, последние рукописи. Как рассказывал сын Искандера Башир Рамиев, на какое-то время Махуба-абыстай и прислужница в доме Минсафа остались в этом доме вдвоём. Потом Искандер с трёхлетним сыном переехал к матери. Но где-то в середине 1922 года этот дом затопило, т. к. Урал вышел из берегов. Они опять переехали пожить к родственникам Махубджамал, взяв с собой лишь самое ценное.

Все дома и улицы, расположенные ниже той части Орска, что на возвышенности, раз в пятнадцать — двадцать пять лет затапливает в весеннее половодье. Если весной Урал и Орь вскрывались одновременно, льдины с обеих рек упирались в ущелье Губерлинской горной цепи, прикрывающей город с юга, вода неожиданно выходила из берегов и успевала затопить нижние улицы города за ночь. Такое случалось и в позапрошлом веке, и в 1942, и в 1957 годах, и позднее. Я был свидетелем затопления большей части старого города в апреле 1957 года. Тогда откуда-то пригнанные военные лодки перевозили работающих в Новом городе людей на работу. Клубы, школы и другие помещения города были представлены семьям, чьи дома были потоплены. Именно из-за такого нрава Урала более зажиточных людей города Орска хоронили на кладбище деревни Ильяс, который располагался на возвышенности на другой стороне реки. Несмотря на тяжёлые времена, Дэрдменда тоже похоронили в этой деревне башкиро-татарских конных казаков. И надгробный камень на могилу установили. В шестидесятых-семидесятых годах ещё были живы и те, кто провожал покойного до той самой деревни, вернее, хутора, и те, кто видел там в послевоенные годы надгробный камень. Магъсум-ага Шамсутдинов, участник драмкружка, организованного Мирхайдаром Файзи в 1910-х годах, даже отвёл меня туда и показал это кладбище. До начала пятидесятых, до расширения территории соседнего завода, часть кладбища оставалась на своём месте. На том участке и был похоронен поэт. Прежний «Ильясовский хутор» оказался в черте возведённого в тридцатых годах Нового города, а территория кладбища частично осталась под корпусами одного «номерного» завода. Территория этого завода сейчас окружена высоким каменным забором. Да, начатое

в 1930-х годах строительство Нового города поглотило и бывшее «кладбище аристократов». Эвакуированный с запада осенью 1941 года завод использовал часть надгробных памятников на строительные нужды. Возможно, и памятный камень, стоявший некогда на могиле Дэрдменда, лежит в фундаменте какого-нибудь здания этого завода.

Смерть Дэрдменда наступила неожиданно трагично. Получив весть о болезни дочери Уммугульсум, он тут же собрался в путь и поехал в Оренбург. В это время в западной части Оренбургской губернии с каждым днём от голода умирало всё больше и больше людей. Как рассказывал Башир Рамиев, *«дед тогда уехал в Оренбург на товарном поезде от станции Сара»*. (Строительство железной дороги между Оренбургом и Орском было начато в 1913 году. К зиме 1917 года протянулась до станции Сара, находящейся от Орска в семидесяти-восемидесяти километрах.) *«Да, от Орска до Сары надо было ехать около восьмидесяти вёрст в повозке. Когда дед добрался до Оренбурга, Уммугульсум была в тяжёлом состоянии. И вскоре ушла в мир иной, оставив больного мужа и трёх дочерей»*.

Дэрдменд успел застать дочь лишь в последние дни. (Правда, Асма Рахматуллина в своих мемуарах пишет, что она скончалась позднее. А дочь Уммугульсум Кафия-апа Усманова рассказывала, что мать умерла в ту осень от тифа, и две младшие девочки её — Галия и Кафия тогда же уехали с дедом в Орск.) Старшая дочь Уммугульсум Рабига в то время уже была замужем в Ташкенте. Позднее, после смерти их отца Гарифа Камалова, к ней уехала и сестрёнка Суфия.

По рассказу Кафия-апа, из Оренбурга они уехали поездом. Дэрдменд с двумя внучками вернулся пассажирским поездом в Актюбинск, оттуда наняли повозку до Орска. Стояли очень ветреные, холодные дни. Дэрдменд ещё в пути почувствовал недомогание. По возвращении в Орск проболел несколько дней и скончался. Врач определил, что он умер от тифа. Велено было похоронить с предосторожностями. Дочери Уммугульсум — Галия и Кафия выросли под присмотром бабушки Махубджамал и дяди Искандера. *«Воспользовавшись отсутствием Искандер-абый, его жена Минсафа выдала меня замуж очень рано»*, — жаловалась Кафия-апа, когда я разговаривал с ней в декабре 1993 года. Чуть повзрослев, Галия

ещё раньше уехала в Среднюю Азию, не ужившись с Минсафой. И сама, и сын её Рустем погибли в 1948 году во время землетрясения в Ашхабаде.

В последние годы о трагической судьбе поэта писали и некоторые домыслы. Один учитель-ветеран отмечал, что он якобы скончался в одиночестве в заброшенном доме какой-то деревни. Другие распространяли сведения о том, что он умер от голода. Будучи человеком, лично общавшимся с внуками и внучками Дэрдменда, я вынужден повторно утверждать, что эти информации неверны. К тому же ещё в 1959 году Мухаммат-ага Гайнуллин, встречавшийся и беседовавший с дочерью поэта Зайнап, проживавшей в Уфе, переписывавшийся с сыном поэта Ягъфаром, работавшим бухгалтером в одном из колхозов на границе Башкирской и Челябинской областей (оба скончались в 1970-х годах), опубликовал данные о том, что Дэрдменд скончался от тифа. Лежавшего на смертном одре поэта окружали его любимая жена Махубджамал, её сестра Махруй, старший сын Искандер, его будущая вторая жена Минсафа (пока ещё прислужница в доме), средний сын Ягъфар. Братья Махубджамал с семьями тоже были там. Следовательно, рядом были люди, которые могли ухаживать за ним и прокормить поэта. Ведь и Асма-апа пишет в воспоминаниях: «Дядя уехал к Гульсум отвезти продукты». Наверняка — не последнее из дома увёз. Достаточно свидетельств тому, что хоть в это время у Рамиевых уже и не было пудовых золотых самородков, всё же у них на руках имелось достаточно много золота и серебра. (Набор серебряных приборов сохранялся у детей и внуков до конца XX века. Одну пару позолоченной ложки и вилки Зайнап-апа в середине 1970 года через Равиля Бухараева передавала и в Казанский государственный музей. Их и неиспользованных Рамиевами талонов на получение питания в голодном 1921 году мы тогда с Равилем двоём относили в этот музей. Сохранились ли эти предметы сейчас в музее — не знаю, не интересовался. По шесть комплектов позолоченных ложек и вилок мы с фотографом Зуфаром Башировым видели и в домах Башира (Москва) и Равиля (Уфа) Рамиевых.) Даже в тридцатых годах все женщины рода Рамиевых носили ещё большие нагрудники, полностью увешанные золотыми и серебряными монетами. Если даже раз в неделю сдавать государственным органам по одной такой монете, можно было бы приоб-

рести достаточно продуктов. Сегодня, конечно, немногие знают, что вплоть до войны существовала специальная организация — «Торгсин», в которой в обмен на крупницы золота, золотые и серебряные монеты, а также дорогие украшения выдавали продукты питания...

О смерти Дэрдменда от тифа в Орске сообщается также и в номере газеты «Башкортостан хэбэрләре» («Новости Башкортостана») от 30 ноября 1921 года, издававшейся в городе Стерлитамаке. Эта газета постоянно публиковала новости из жизни городов Орска и Оренбурга.

* * *

В заключение я хочу предоставить слово представителю интеллигенции, прожившему вместе с поэтом более четверти века и тесно с ним общавшемуся. Оставивший яркий след на литературном небосводе, один из первых зарниц на культурной арене татар, известный писатель Фатих Карими написал о поэте следующее: *«Дэрдменд отличался высокой степенью человечности и совсем не походил на обычных татарских баев. Он не терпел таких вещей, как обман, хитрость, притворство и двуличие. В нём самом таких качеств не наблюдалось. И в слове, и в деле был крайне прямолинеен. Данные им слово и клятва были надёжней всяких векселей»*. Учтём, что Ф. Карими написал эти слова в 1927 году, когда было модно всячески хулить бывших богачей... Значит, человеческие качества Закира Рамиева-Дэрдменда могут служить для всех нас примером. И своими добрыми делами во благо народа он заслужил, чтобы память о нём вечно жила в сердце нации!

Да, Дэрдменд сформировался как личность под влиянием определённой эпохи, в ту пору он был и богатым промышленником, и крупнейшим общественным деятелем, и оригинальным талантливый поэтом. Кажется, будто его невозможно рассматривать отдельно от той эпохи, от его товарищей-единомышленников. Но в то же время он разительно отличается от многих своих современников. Его наследие вечно для нашего народа! Мы ценим его благие дела, его великое духовное миропонимание. Уважаем. И считаем, что он будет вечно и по праву сиять на небосклоне нашей культуры!

1989,

Офьктагы рәшәләр. — Казан, 1990

ЭХ, ГАРМОНЬ, ГАРМОНЬ...

(Документальная повесть)

Всюду был долгожданным гостем

Пожалуй, в первой половине XX века не было ни одного татарина, который бы в своё время не видел на сцене знаменитого артиста, виртуозного гармониста Файзуллу Туишева или хотя бы не слышал по радио его своеобразное, вдохновенное, глубоко лиричное исполнение национальных мелодий. А как же иначе, ведь вряд ли существует хоть какое-то место, которое этот неугомонный музыкант за более чем пятьдесят лет творчества с начала XX века не посетил бы с концертом, или сценой, на которой бы он не играл на своих звонких гармониях разной мелодичности и различающихся по внешнему оформлению и величине. В его коллекции были как настоящие баяны, двухрядки-хромки, так и малюсенькие гармоника со своеобразным звучанием.

Известный писатель Фатих Хусни писал о нём: «Файзулла Туишев — наша национальная гордость, настоящий народный талант». И заслуженный артист ТАССР Файзи Юсупов, долгое время проработавший с видным музыкантом в одном коллективе — в Государственной филармонии, в беседе с корреспондентом журнала «Идел» говорит: «Нам надо бы помнить лучших сыновей народа. Взять Файзуллу Туишева. Интереснейший был человек, исколесил полмира. Он же организовал татарский эстрадный коллектив. В него в числе таких известных артистов, как Галия Кайбицкая, Асия Измайлова, Наиля Рахматуллина, Зухра Байрашева посчастливилось попасть и мне... Он изумительно виртуозно играл на самых различных гармониях. Не только играл, жонглировал ими. И каждая гармонь называлась у него женским именем». Именно этот коллектив во главе с Ф. К. Туишевым в 1939 году стал первым лауреатом на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады СССР.

И сегодня, спустя более века с начала концертной деятельности виртуозного музыканта, его имя не забыто. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Министерством культуры Республики Татарстан недавно были организованы ансамбль гармонистов, носящий его имя, и конкурсы лауреатов премии имени Файзуллы Туишева. Да, спустя полвека после его ухода из жизни опыт игры, опыт творчества Файзулла-ага отражается в какой-то мере в творческих исканиях современных виртуозов игры на гармониях. Артисты Кирам Сатиев, однофамильцы Рустем и Ренат Валиевы в 1990-х годах поочерёдно заслуженно стали первыми лауреатами музыкального конкурса имени Файзуллы Туишева. А список последователей и учеников великого музыканта очень велик. И некоторых из них, по творческим исканиям близких своему очному или заочному учителю гармонистов, постараемся позже упомянуть.

Файзулла Туишев ещё до образования государства, именованного СССР, повесив на плечо свои серебряно-голые гармоники, объездил вдоль и поперёк все города Поволжья, был и на Кавказе — в Баку и Тифлисе, а также в столицах дореволюционной и послереволюционной России — в Петербурге и Москве. Ещё до революции он был на гастролях и в городах ближней Сибири. Судьба артиста однажды забросила его на очень далёкий от нас Дальний Восток. Да, бесконечные пути-дороги довели его и до расположенного на краю земли Владивостока, пожил он какое-то время и в чужестранном городе Харбине. Не останавливаясь на достигнутом, он постоянно усовершенствовал своё мастерство игры. А однажды ему посчастливилось выступать перед взыскательной публикой на главной сцене столицы Российской империи в Санкт-Петербурге. И выступал он там вместе с великим певцом Фёдором Шаляпиным. И аккомпанировал там своему земляку при исполнении им коронных его песен «Вдоль по Питерской» и других произведений народного творчества. Пожалуй, он один из тех редчайших артистов нашей республики, которому посчастливилось выступать на одной сцене с другим нашим знаменитым земляком — Фёдором Шаляпиным. А по некоторым, пока официально не уточнённым сведениям, он играл на своих послушных инструментах и на сцене Парижа — в то время культурной столицы всей Европы.

И во время всех этих гастролей Файзулла Туишев завоевывал любовь зрителей не только искусным исполнением старинных татарских и башкирских мелодий, но и умелым исполнением русских народных мелодий, а также любимых мелодий народов Кавказа и произведений зарубежных авторов. Файзуллу Туишева всюду принимали тепло, с любовью. Можно сказать, что возглавляемая им бригада артистов побывала за годы его творческой деятельности во всех концах обширной России, занимавшей шестую часть земли. С особой теплотой его искусство было воспринято также во всех городах Союзных Республик Средней Азии, соседних областей и республик. Да, его виртуозные пальцы щедро одаривали сокровенной народной лирикой, светлой грустью людей всех национальностей. Известные писатели Фатих Амирхан, Галиаскар Камал, Муса Джалиль, Гумер Баширов и многие другие видные личности нашего народа выражали своё восхищение его исполнительским мастерством, говорили и писали об этом.

И известный музыковед Георгий Кантор в одном из своих трудов пишет, что «Файзулла Туишев играл мастерски на гармониках-концертино разнообразной формы и размеров... В его репертуаре также были и «Персидский марш» Иоганна Штрауса, и фантазия на темы «Травиаты», и «Русская кадрили», и другие широко известные в мире мелодии».

В 1950–1960 годах любой идущий по улице татарин на вопрос: «Знаешь ли ты музыканта Туишева?» — без раздумий ответил бы: «Знаю». Независимо от того, из какого села или города человек приехал.

По воспоминаниям современников артиста и сохранившимся афишам можно составить представление о том, когда и в каких крупных городах выступал Файзулла Туишев. Симбирск, Самару, Казань, Нижний Новгород и все другие города Поволжья он объездил ещё во время первых гастролей, в самом юном возрасте. Ему тогда не было ещё и двадцати лет. (Сохранилось фото, позволяющее представить, как выглядел он в начале 1910 года. Артист сидя играет на гитаре, а рядом ожидает своей очереди гармонь.) А для представителей татарского народа, которых судьба разбросала далеко-далёко от родных краёв, любимый музыкант всюду был самым долгожданным гостем. Однажды очутившись даже «на краю земли», в Харбине, он на некоторое время почувствовал себя

в окружении своих. Да, его везде с нетерпением ждали. Когда статный, приветливый артист с радостной улыбкой выходил на сцену — зал громко аплодировал ему. Стоило только ведущему концерта объявить: «Играет Файзулла Туишев!» — тут же начинались бурные овации.

Да, игру Файзуллы Туишева на своих замечательных инструментах с большим удовольствием слушали не только зрители-татары, но и представители других народов. Через его игру они постигали и впитывали внутренний дух татарского народа. Об этом нам свидетельствуют и воспоминания, сохранившиеся на страницах печати. К примеру, в одной из статей, посвящённых пятидесятилетию юбилею известного артиста, Муса Джалиль пишет следующее: «Файзулла-ага Туишев уделяет особое внимание разучиванию различных национальных мелодий и их искусному исполнению. Он играет довольно много образцов из произведений современных композиторов и народных мелодий казахов, узбеков, азербайджанцев, кавказцев, чувашей, цыган и других малых народов. В связи с этим деятельность Файзулла-ага в области музыки приобретает интернациональное значение...» Эта статья была опубликована 30 декабря 1934 года в татарской газете «Коммунист», издававшейся тогда Верховным Советом СССР в Москве. (Кстати, и в годы царской власти в бывшей в то время столице Санкт-Петербурге издавалась одна газета на татарском языке под покровительством Государственной думы.)

* * *

В 1927 году, в дни празднования десятилетия установления советской власти, в Москве состоялся фестиваль искусства народов СССР. Прибывшие из разных уголков страны театральные и музыкальные коллективы должны были показать своё мастерство, а концертные бригады — все свои умения, сначала требовательным комиссиям и затем уже выступать перед народом. В состав концертной бригады из Татарстана входили композитор Салих Сайдашев, известные певцы Гульсум Сулейманова, Газиз Альмухаметов и одинаково мастерски исполняющий мелодии разных народов СССР Файзулла Туишев. Тогда концертная бригада из Татарстана добилась достойного почётного места. Самой большой похвалы удостоился заслуженный артист Татарской АССР Файзулла Туишев.

В марте 1940 года в Москве состоялось празднование 30-летия творчества нашего писателя-классика Шарифа Камала. На это торжество, проходившее во Дворце культуры писателей СССР, из Казани приехали его коллеги по писательскому цеху Афзал Шамов, Тази Гиззат, Гази Кашшаф, а также знаменитые артисты. Среди них был и близкий друг, сверстник Ш. Камала Файзулла Туишев. В праздновании участвовали и проживавшие в Москве известные писатели и председатель Союза писателей СССР Александр Фадеев. Выступавший на этом торжественном вечере с докладом о творчестве Ш. Камала литературовед Гази Кашшаф в написанной позже статье описывает, что особенно тепло москвичи встречали «знаменитого гармониста Ф. Туишева». Даже после окончания официальной части юбилея артиста вновь и вновь вызывали играть на сцену. На этом вечере он прославился как виртуозный исполнитель татарских и русских народных мелодий, а также произведений некоторых композиторов на баяне и других различных гармониках. «В этот вечер виртуозный гармонист был в своей стихии», — пишет об этом концерте Гази-ага Кашшаф.

Народный артист Татарстана Хаким Салимжанов вместе с известным гармонистом принимал участие во многих концертах. «Наконец, после многолетних разъездов по другим краям, он вернулся в любимую, задорную, лиричную Казань. В Татарском государственном академическом театре состоялся первый концерт Файзулла-ага в Казани. (Здесь речь идёт, конечно, о первом его концерте после установления советской власти, когда он в середине 1920-х годов окончательно обосновался в Казани.) Мне посчастливилось на том концерте представлять Туишева публике и быть ведущим вечера. Стоило только объявить: «Уважаемые зрители, перед вами сейчас Файзулла-ага Туишев», — и последовавшие в зале аплодисменты невозможно ни описать, ни объяснить словами. Зрительный зал устроил бурную овацию», — пишет артист, вспоминая вечер первой встречи с виртуозным гармонистом после долгой разлуки. И продолжает: «В то время он был единственным артистом, игравшим на разных гармониях — от самого большого баяна до тех, что со спичечный коробок. В первом отделении он был одет в нарядный татарский мужской костюм. До сих пор стоит перед глазами в вышитой тюбетейке, камзоле, в ичигах — статный, очарова-

тельный. Вначале он исполнял только татарские мелодии. А во втором отделении оделся в русский наряд и играл русские народные мелодии. Не ограничиваясь игрой на гармонии, пускался в пляс и очень умело сочетал свою игру на баяне с пляской. Ни до него, ни после мне больше не приходилось встречать такого же искусного музыканта-исполнителя, как Файзулла-ага Туишев».

Хакиму Салимжанову и позднее приходилось несколько раз участвовать в концертах с Файзулла-ага. А в ходе подготовки ко Дням татарской литературы и искусства, которые должны были состояться в Москве в 1941 году, он общался с членами приёмной комиссии, прибывшими из столицы. Был одним из прикреплённых к этой комиссии представителей республики. «На смотре перед московской комиссией выступал и Файзулла-ага Туишев, — пишет он. — Столичные гости дали его творчеству наивысшую оценку. Сошлись во мнении, что такие искусные исполнители редки и среди русских гармонистов», — вспоминает Хаким-ага. Но из-за начавшейся войны эта декада не состоялась. Артисты, отобранные для участия в том празднике искусства, были определены в отдельные бригады и стали разъезжать с концертами, поднимая боевой дух солдат на поле брани. Народный артист Татарской АССР Ф. Туишев, уже раздробивший шестой десяток лет, возглавлял одну из таких групп. В составе его «фронтowej бригады» была и народная артистка Татарстана Галия Кайбицкая. Имеются и её воспоминания об участии их бригады с концертами на различных фронтах тех лет в сложных условиях войны. Однажды, во время одного из концертов, враг начал обстреливать из пушек именно ту поляну, где они выступали...

Наверное, серебряный напев гармонии в руках мастера воодушевлял бойцов, напоминал им о близких, и о природе в родных краях. Многие ветераны сохранили в памяти, как Ф. Туишев наведывался на фронты Великой Отечественной войны с двумя большими чемоданами, в которые были сложены гармонии разной величины, и пламенно играл для бойцов в минуты, когда замолкали взрывы бомб и снарядов.

Да, где бы он ни играл — на фронте или в маленьком клубе небольшой деревеньки, — его всегда принимали как своего, родного, заслушивались его игрой. Влюблялись в него самого. Его виртуозная игра на гармониях с разным

звучанием, разной величины — одновременно и лиричная, и задорная — утешала людские сердца, рассеивала печали, помогала почувствовать прелесть жизни.

Необходимо ещё добавить, что известный музыкант, видный артист сцены и сам сочинял музыку. Он был автором песен, различных сюит для струнных инструментов и гармонии, известного марша, посвящённого памяти безвременно умершего на войне писателя-земляка Аделя Кутуя.

* * *

Где же и как начинался жизненный путь этого артиста, снискавшего великую славу и известность? Кто воспитал и вырастил его таким? Какой земли он сын, какую воду пил? Ответ на этот вопрос в мемуарах-воспоминаниях пока разнится. Известный писатель Фатих Хусни, написавший в 1939 году посвящённую ему повесть «Гармонист», отмечает, что артист родился и вырос в городе Мелекесс. (Современный город Димитровград, расположенный южнее границы Республики Татарстан.) И в некоторых других, более поздних публикациях, видимо, вторя автору «Гармониста», местом рождения Ф. Туишева также указывали этот город. А ведь Ф. Хусни ещё в первой главе своей повести предупреждает, что произведение не отражает точную биографию артиста. И в книге «Народные артисты», изданной в 1980 году в Татарском книжном издательстве, написано следующее: «Родился в посёлке Мелекесс ныне Ульяновской области». И вместо творческой и биографической справки артиста там приводится только короткий отрывок из упомянутой повести.

Возможно, что в некоторых случаях и сам музыкант чаще упоминал Мелекесс «родным очагом». Для этого были у него две причины. Живя в Мелекессе с подросткового возраста, ему пришлось общаться со многими известными артистами тех лет. Действительно, именно в этом городе на берегу реки Большой Черемшан он впервые взял в руки гармонию. Да, как музыкант он «родился» именно здесь. Ведь и другой наш известный земляк, классик русской литературы Максим Горький писал, что «физически родился в Нижнем Новгороде, но духовно — в Казани». В данном случае, повторяя слова великого писателя, и мы можем сказать, что Файзулла Кабирович Туишев как

музыкант родился именно в этом уездном городе бывшей Самарской губернии.

А о второй причине частого умолчания артистом места своего рождения я напишу позднее. Это было связано с материальными трудностями детских лет. Семья отца в те годы в родном селе находилась на самой низшей ступени жизни. И известному артисту, когда его расспрашивали о месте его рождения, видимо, не хотелось об этом вспоминать.

На живописных берегах Черемшана

По многочисленным рассказам сверстников, Файзулла Туишев сделал свои первые шаги в селе Старая Тюгальбуга, расположенном на берегу того же Большого Черемшана. Село это находится по течению данной реки примерно на сорок километров выше города Мелекесс. Во времена рождения артиста село относилось к Ставропольскому уезду Самарской губернии. (Между тем часто встречаются ошибочные указания, что якобы Ф. Туишев «родился в Симбирской губернии». То есть многие наши современники границы бывшей Симбирской губернии приравнивают с современными границами Ульяновской области. Они не учитывают, вернее, не знают, что территория Симбирской губернии не располагалась восточнее реки Волги.)

А в тридцатых годах множество татарских сёл, расположенных южнее от границы Татарстана, входили в Куйбышевскую область. Это Старая Тюгальбуга, Средний и Старый Исантимеры, Эчкаюл, Абдреево, Алга, Тёплый Стан, Елховый Куст, Лабид, Старое Джураево и другие, находящиеся в одной зоне. В этих краях почти нет чисто русских деревень. А чувашские и мордовские расположены вперемежку между татарскими поселениями. А с марта 1943 года эти поселения передали в состав Новомагликлинского района Ульяновской области (кроме Тёплого Стана и Старого Джураева). Об этом подробно пишу потому, что в довоенных татарских газетах, издававшихся в городе Куйбышеве, тоже встречаются заметки, посвящённые знаменитому артисту-земляку Файзулле Туишеву, «прославившему Куйбышевскую область».

Мне, родившемуся в Старой Тюгальбуге, хорошо знакома детская биография артиста. Я сам лично видел его однажды в родном селе. В марте 1939 года гармонист два

дня выступал в клубе родного села с большим концертом. Среди зрителей был и я. Мне шёл тогда седьмой годик. Не помню точно, в какой день состоялось это событие. Запомнил, что на стенах клуба висели большие, красочные плакаты, издалека привлекающие внимание. Там, среди различных цветов, были изображены счастливо улыбающиеся женщины. И были нарисованы цифры восемь во всю длину плакатов. Значит, тот концерт, проходивший в Старой Тюгальбуге два дня, возможно, был посвящён к мартовскому празднику. На сольный концерт земляка съехалось очень много народу и из соседних сёл и деревень. Помещение главной мечети села, недавно превращённой в клуб, и на второй день концерта был заполнен до отказа.

Мой отец в те годы работал в соседнем селе Средний Исантимер. Наша семья и товарищи отца по работе приехали в тот вечер в Старую Тюгальбугу на нескольких повозках. Но меня тогда они с собой не взяли. Отец отвёл меня к бабушке. А днём следующего дня этот концерт повторили. Мы с бабушкой пришли в клуб, видимо, чуть позже других. Вход был для всех свободный. В зале клуба мест для нас уже не было. С бабушкой мы поднялись на балкон, выступавший почти до середины зала бывшей мечети. Потеснившись, её там как-то усадили. А я пристроился с края балкона, приткнувшись к его перилам. Зато мне виден был весь зал, битком набитый взрослыми. У многих из них на коленях сидели дети. А за задними рядами скамеек, в большом пятачке без стульев, тоже толпились люди. И среди них я увидел мужчин и женщин в чувашском одеянии. Их полушубки и шали женщин отличались от одеяния наших односельчан. В таких же одеждах они часто приходили и в наш «сельмаг» из соседних сёл и деревень.

Люди увлечённо слушали игру Файзулла-ага. С двух сторон на сцене стояли два стола. На левом столе стояла горка гармошек. Произнося какие-то слова, он подходил к этому столу, брал в руки то большой баян, то голосистую тальянку, затем, сыграв на них, ставил их на стол в правой части сцены. А иногда подхватывал на обе руки по маленькой гармонике и играл на них, чуть-чуть встряхивая их вниз и вверх. Мне, мальчишке, очень запомнился именно этот трюк. Той же осенью на соседнем Салаванском базаре один дядька, держа за длинные ушки

крольчат, встряхивал их так же, проговаривая: «Берите, берите! Смотрите-ка, какие они шустрые».

А люди в зале, подбадривая земляка, усердно хлопали в ладоши. Некоторые кричали: «Браво, Файзук! Браво!» А кое-кто, одобряя очередное выступление артиста, по деревенскому обычаю пронзительно свистел.

Какую музыку, мелодии каких песен и плясок играл тогда наш знаменитый земляк — этого не знаю. Не помню. Тогда я ещё в них не разбирался. Из рассказа бабушки запомнил только, что в тот вечер музыкант, оказывается, исполнил несколько мелодий и из чувашских песен. А вот гармошки на столах очень и очень понравились мне. И оказалось, что ни только мне, но и многим мальчишкам села после этого захотелось стать гармонистами. Помню, парни чуть повзрослее нас стали чаще собираться у дома Шауката, имеющего старую тальянку. Всем, видимо, хотелось поскорее научиться играть на ней... А через год, после возвращения с финской войны, и мне отец купил симпатичную тальяночку. Но в тяжёлые годы войны мама вынуждена была эту гармошку продать. На память осталась только фотография, где я держу эту тальяночку как настоящий гармонист.

А Файзулла Туишев после этого выступления с концертами уже не бывал в родном селе. Некоторые друзья помнят только один случай, когда «Файзук после войны с одним артистом заезжал сюда по пути в Нурлаты...» Современный городок Нурлат находится от нас недалеко. Об этом приезде артиста мне так же рассказывал в начале шестидесятых годов его ровесник Мухамматша-бабай. Он уже был лежачим больным, и мы долго не задержались у него, подробностей не расспрашивали. Видимо, Файзулла-ага, повидав здесь кое-кого, сразу же и уехал. К тому времени в селе у него близких родственников, кроме вдовы младшего сына его дяди Хуснутдина, почти не осталось.

Да, я больше никогда уже не увидел своего земляка Файзуллу Туишева, скончавшегося в 1958 году в Казани в возрасте семидесяти четырёх лет. Но с детства рос, слушая воспоминания о нём. Сохранилась и часть черновых моих записей, сделанных в шестидесятых-семидесятых годах, когда я уже целеустремлённо собирал сведения о нём со слов тех, кто рос вместе с ним или позже тесно с ним общался. В те годы в Старой Тюгальбуге ещё было

много тех, кто помнил детство «Файзука с улицы Курай» или те времена, когда он приезжал на малую родину «концерты ставить». До войны знаменитый артист часто бывал в родных краях. Тогда в селе ещё были живы и его близкие родственники и ровесники. В один из приездов артиста в село будущий историк Джамиль Гильманов, тоже выросший здесь, на школьной встрече с артистом даже повязал ему пионерский галстук. Об этом случае он как-то поведал мне.

В татарской народной песне поётся:

Прекрасны берега Черемшана,
Приезжайте отдыхать;
Приезжайте к нам увидеть
Трудолюбивых парней.

Село Старая Тюгальбуга расположено в очень живописном месте, вдоль речушки — притока Черемшана. Эта речушка без определённого названия берёт начало на холме рядом со Старым Джураево, протекает через соседнюю чувашскую деревню Вороний Куст и пересекает границу Старой Тюгальбуги с юга. Потом эта речка течёт вдоль поперечной улицы на заречной стороне почти до следующей крайней улицы села, где круто сворачивает к центру деревни, направляясь на север — к Большому Черемшану. От северной окраины села до Черемшана — менее одного километра. На месте встречи с нашей безымянной речкой Черемшан изгибается дугой и немного отдалается от нас. Между этой большой рекой и селом — широкий луг с озёрцами и болотцами, подлесье и густо разросшийся черёмушник. А уже после Черемшана начинается «тёмный лес» шириной в двадцать-тридцать километров. Когда поют старинную песню «Карурман» («Дремучий лес»), перед моими глазами всегда встаёт именно этот лес, знакомый мне с малых лет. Позже узнал я, что в длину эта полоса леса тянется вдоль всего Большого и Малого Черемшана от Мелекесса до исторического городка Биляра.

Да, эти места мне очень хорошо запомнились с малолетства. До войны мы часто ездили по этой дороге в село Парау, что за лесом, на родину бабушки. А однажды, во время войны, прошагали пешком эти тридцать километров между сёлами с матерью вдвоём. Кругом нас глухо шумел, от малого ветра неустанно гудел этот дремучий сосновый лес. Узкая дорога между двух стен высоких сосен

напоминала мне тогда разные жуткие истории из старых сказок бабушки. Да и, по рассказам некоторых сельчан, прятались тогда в этом глухом лесу «некие дезертиры и бандиты». Одного такого, «с острой саблей в руке», сельчане называли даже по имени. Он был с какого-то ближнего села и часто нападал вроде бы на женщин, идущих в базарный день на рынок с продуктами для продажи.

* * *

В своём регионе Старая Тюгальбуга считается селом с богатой историей. Оно расположено на значимом пути, который шёл из Казани в историческую Нугайскую Орду, а позже в город Самару. Один учёный-путешественник, когда-то побывавший здесь, отметил в записях, что это село с древней историей. Правда, и в названии села угадываются давние древнекипчакско-мишарские признаки. В исторической литературе имеется много примеров, когда мужчин, которые могли бы стать во главе племени или рода, сравнивали с племенным быком, называемым по кипчакски «буга». (Да и у нас в селе могучего, неукротимого колхозного племенного быка называли часто «бугаем».) С включением этого основного компонента и добавлением некоей приставки создавались в старину имена или прозвища типа «Тюгаль+буга» («Точно бык»). Скажем, в относящейся к средневековым кипчакам книге «Кодекс куманикус» имеется исторический герой с именем Тюгальбуга. И в других письменных источниках такие имена иногда встречаются. Например, внук основателя «Золотой Орды» Батый-хана Менгу Тимер-хан имел двух братьев с такой приставкой в именах — Акбуга, Талибуга. Из рода этих «бычьих» братьев впоследствии вышли известные руководители Нугайской Орды, в том числе и Ырыс (Счастливый) бек. А обрусевшие потомки этого бека стали потом русскими князьями Урусовыми.

Значит, и наше село основано было когда-то человеком, которого звали именем Тюгальбуга. А может быть, это было не именем его, а прозвищем. Ведь многие исторические личности известны нам больше по прозвищам. Правда, сейчас некоторые представители молодого поколения называют село иногда с укороченным именем — Тюгальба, немного упрощая произношение. Но историческое и современное официальное название

села — Тюгальбуга. До перемен, случившихся после 1917 года, здесь насчитывалось семьсот пятнадцать домов. В более давние времена село было расположено ближе к лесу, за нынешним черёмушником, на берегу Большого Черемшана. Примерно четыреста лет тому назад сельчане переселились чуть дальше от леса, чтобы избавиться от набегов лесных беглецов. Ещё в шестидесятых годах некоторые старики села указывали на небольшие холмики на опушке леса, утверждая, что село когда-то находилось на этом месте.

Сегодня село состоит из главных четырёх улиц длинной в три километра, растянувшихся с юга на север, и нескольких коротких улочек. С каждой стороны села имеются по два больших кладбища. А на пустыре между двумя концами села, прозванными Иске и Янавыл (Старая и Новая части села), есть пятое, старое кладбище. В детстве нам запрещали играть на этом пустыре, наспех загороженном длинными тонкими жердями. Речушка, протекающая между Главной и окраинной, прозванной Кураем улицами, ближе к центру села образует большое озеро. Высокую плотину, создающую это озеро, сельчане каждой весной обновляют заново. На небольшой площадке рядом с этой плотиной десяток домов создают своеобразный приозёрный уголок. Именно здесь раньше находилось Приозёрное медресе, где маленький Файзук проучился несколько зим. В годы нашего детства, в довоенное время, в зданиях этого медресе работали разные организации, оказывающие общественные услуги населению, такие как фельдшерский пункт, библиотека. Здесь же размещались новые здания сельсовета, правления колхоза и двух магазинов. Притом большой из этих магазинов, расположенный в современном пятистенном доме с высоким крыльцом, сельчанами был прозван на русский лад «сельмагом». Главная мечеть села, что стояла недалеко отсюда, на перекрёстке улиц Главной и Приозёрной, была в начале тридцатых годов переоборудована в клуб. В 1939 году, когда здесь выступал с концертом Файзулла Туишев, этот клуб ещё сохранял снаружи облик мечети, лишь минарета на крыше не было. А минарет последней, пятой мечети села на улице Курай был разобран только в семидесятых годах, чтобы рыхлая махина не обрушилась на людей. Родной дом будущего артиста Файзуллы находился недалеко от той мечети. Это была их, «Кураевская»

махалля. Дед и отец его в конце XIX века, наверно, тоже участвовали в сооружении данной, пятой мечети.

В предвоенные и военные годы пустое здание мечети на улице Курай было местом, где играли дети этой окраины, прячась от взрослых. Лучи света, проникающие в щели закрытых ставен, создавали волшебный мир сказок. Мальчишки носились по просторному залу мечети, перепрыгивая через эти лучи, либо играли в прятки, укрываясь друг от друга в разных уголках этого здания. Устав играть в догонялки или прятки, взбирались по крутой лестнице на минарет, распуская приютившихся там голубей. Великолепный вид из щелей наспех заколоченных окон минарета для нас был так же привлекателен, как и другие виды игры в этом таинственном закрытом помещении. Начиная осматривать из высоких окон минарета окрестности, многие из нас представляли себя киношным героем Чапаем. Старая Тюгальбуга и окрестные сёла расположены на очень ровной местности. С минарета этой мечети можно было наблюдать панораму четырёх-пяти соседних деревень. Мальчишки постарше хвастали, что оттуда они ясно видят и силуэты нового Нурлатского элеватора, расположенного, по словам старших, почти в шестидесяти километрах от нашего села. Правда, для того, чтобы увидеть этот с блестящими боками элеватор, надо было вставать очень рано, с восходом солнца. Естественно, так рано мы в эту заколоченную мечеть не ходили. А в безветренные, тихие дни с этого минарета можно было заметить густой белёсый дым, которым пышут поезда, проходящие вдали за горизонтом. Эта дорога, соединяющая Мелекесс с Нурлатом, по рассказам взрослых, проходила чуть далее границы полей нашего колхоза «Батрак».

Да, я часто участвовал в этих мальчишеских забавах внутри заколоченной тогда мечети, когда ходил на улицу Курай к своему однокласснику Умиду.

* * *

Поколению Файзук-абый, конечно, в детстве было запрещено играть рядом с мечетью или подниматься на минарет, чтобы наблюдать за паровозным дымом. Впрочем, тогда по этой дороге поезда ещё не ходили. Да, «чугунная дорога» тогда не была даже проложена. По рассказам его ближайшего соседа и почти ровесника Фатхи-ага Биказа-

кова, мальчишки того времени любили играть на траве, растущей зелёным ковром по краям узеньких уличных дорог или у озера. Тогда ещё тракторов, превращающих улицу в пахотное поле, не было. Зелёная трава вдоль улиц села росла вольно. У заборов густыми кустами колыхались широколистные лопухи и колючие полосы крапивы. Скот, возвращающийся вечерами с пастбищ, эти кусты крапивы и лопухов обходил стороной, изредка пощипывая приглянувшуюся травку зелёного ковра под ногами.

Но эти массивы нелюбимых скотами крупных трав вдоль заборов были излюбленным местом игры для мальчишек. Они прятались друг от друга в густых зарослях лопуха, распугивая куриц. Или кувыркались, валялись на зелёном травяном ковре — эти игры им никогда не надоедали. Устанешь играть на улице, хватаешь удочку и бежишь к воде. Кто-то здесь купается, кто-то отходит в сторонку и забрасывает крючок. А мальчишки постарше, под предлогом того, что на сельском озере рыба плохо клюёт, начинают поглядывать в сторону манящего к себе леса. Потом несколько человек, сговорившись, уходят к берегам стремительно текущего Черемшана. Там и правда, и рыба была крупнее, и клюёт охотнее. Не успеешь закинуть крючок и поискать глазами плавающий поплавок, как он уже начинает тонуть. Особо умелые, знающие как подобрать наживку опытные рыбаки иногда вытаскивали из воды и сома длиной в аршин. Да, такое счастье достаётся не каждому. Очень сложно угадать, на дне какого омута притаился сом в ожидании своей жертвы, своей пищи. Но крупные сомы и щуки тогда, действительно, водились в Большом Черемшане. И умелые рыбаки их ловили тогда не только для себя, но и для продажи на рынке соседнего чувашского села Большой Салаван.

Наверное, беззаботное детство Файзука Туктарова в ранние годы протекало так же, как и у нас, довоенных и послевоенных мальчишек села. Для сельчан это была семья Туктаровых. Туишевым Файзук станет позже, когда перед новым его псевдонимом будет написано ещё и слово «артист».

Файзук тоже, наверно, со своими сверстниками развлекался возле озера. Так же и купались, наверно, до появления на коже так называемых «гусиных пупырышек». Прыгая в воду с крутого берега со стороны улицы Курай, так же пугали, наверно, суетливых береговых ласточек.

А эти быстрокрылые птички, постоянно кружась над головами купающихся, зорко охраняли своих птенцов, иногда выглядывавших из кругленьких береговых гнёздочек. При неосторожном приближении кого-либо к этим глубоким норкам, ласточки всей стаей набрасывались на такого героя. Над головами поднимался жуткий визг и стрекот этих мирных существ.

Огород семьи Туктаровых спускался к берегу этого озера, вернее, к берегу протекавшей по селу безымянной речки. Конец их огорода как раз упирался на прямой участок после сгиба реки в сторону Черемшана. После весеннего сброса воды и засыпки плотины озеро постепенно поднималось и до их участка. Летом это было желанным местом для купания детворы. Весенний паводок оставлял на данном повороте речушки много желтоватого песка. И поэтому сюда с удовольствием ходили купаться мальчишки и из других близлежащих улиц. Сюда же с юга, с глубокой балки Сыза еле заметной струёй поступала и чистая родниковая вода. Ещё и в годы нашего детства в этом овраге было несколько слабеньких родничков. Молодые невестки села часто ходили туда за вёдрами за питьевой водой. Наверно, и мать будущего музыканта Гульджамал, и сёстры его отца тоже наведывались сюда за родниковой водой для самовара. Колодезная вода в селе считается жёсткой. И колодцы на этой равнинной местности роются очень глубоко.

По рассказам стариков, на берегах балки Сыза когда-то росли и деревья. Дети и старухи в этом небольшом лесочке собирали ягоды. Ходили ли Файзук и его друзья в этот лес за ягодами, был ли ещё тогда этот лес — об этом я забыл спросить его сверстников. Когда до войны мы с бабушкой спускались за водой к этим родничкам, о лесе, прозванном сельчанами «Шалкан куагы» (мелкий, «реповый» лесок), она мне часто рассказывала. И южная окраина села, видимо, упиралась когда-то в этот лесок. Как подтверждение рассказам, ещё в довоенные годы во дворах и огородах этой части села то и дело встречались старенькие сосенки с небольшими «шапочками» на макушке.

Летом у рукотворного озера, в том числе и возле огородов Туктаровых и Биказаковых, жизнь кипела с раннего утра до поздней ночи. Женщины на узеньких мостиках у своих огородов полоскали бельё и колотили их потом деревянными вальками. Особенно по вечерам глухой стук таких вальков по мокрому белью слышался повсюду.

Мужчины, возвратившись с полей, смывали в этом озере прилипшую к телу пыль и усталость. Одновременно там же поили и купали своих то и дело фыркающих коней. По утрам у прибрежных ив щебетали птицы, заставляя позабыть все невзгоды жизни. И трели соловьёв разносились по селу большею частью с берега этого озера и этой малой речушки. Лес был всё же отдалён от села и кукование кукушек доносилось оттуда только изредка.

И в семье Туктаровых, наверное, по утрам и после работы летом так же купали в озере коней, купались или умывались сами. Вернувшись с прополки или жатвы, было приятно отдохнуть душой и телом у прохладной воды. Сняв лапти да длинные шерстяные чулки и окунув ноги в глубину озера, сидишь, бывало, тихо, отдыхая душой и телом. А над головой, на веточках старых ив, щебечут неугомонные птицы.

Самыми ближайшими соседями и друзьями Файзука в эти годы были два брата Биказаковых. Позднее к ним присоединяется Мухамматша Каримов. С проживавшим рядом с Большой мечетью на Главной улице села Мухамматшой Файзук сдружился, когда они стали учиться в медресе. Этот Каримов с первых дней учёбы как-то покровительствовал над ними, пришедшими в медресе с окраины села мальчишками Туктаровым и Биказаковым. Они стали друзьями почти с первых дней учёбы. Каримов рос рядом с этим учебным домом и знал многих ребят из старших классов, которые в любой момент могли за него заступиться. И поэтому чувствовал себя среди одноклассников как бы старшим. А чуть позже они по-настоящему подружились с «этим немножечко озорным мальчиком Файзуком и с его соседом с улицы Курая».

Но их дружба длилась недолго. Вскоре наступившее лихолетье их разлучило сначала временно, а потом надолго. Об этом рассказал мне в начале шестидесятых годов сам Мухамматша-бабай. Да, вскоре после окончания четвёртого класса они расстались, и расстались надолго. Вновь встретились уже тогда, когда нужно было ехать в соседнее село для прохождения призывной военной комиссии. В те времена всем, где бы ни жил человек, для прохождения призывной комиссии приходилось явиться на место своего рождения. Когда пришло время для призыва в армию, и Габдулла Тукай вынужден был вернуться из обжитого им Уральска в своё бедное родное село за

Казанью... «Файзук прибыл в село за несколько дней до отправки на призывной пункт», — сказал мне тогда Мухамматша-бабай.

Да, Файзулла-ага в родное село вернулся, когда ему было чуть старше двадцати лет. И вернулся в Старую Тюгалбугу уже являясь настоящим артистом. К этому времени он объездил почти все города Поволжья, был и на Кавказе. На родину он приехал, как об этом вспоминали потом мои собеседники-старики, бывшие его сверстники, «одетым как настоящий волостной писарь. На плечах было хорошее осеннее пальто, на ногах хромовые сапоги. А на руках хорошая гармошка двухрядка». Не узнать было в нём прежнего парнишку-пастушка. Тогда он вместе с ровесниками ходил по селу, распевая рекрутские песни, одновременно умело играя на своей двухрядке. Когда ехали на призывную комиссию в волостное село Елховый Куст, расположенное в двадцати пяти километрах, к ним присоединились ещё несколько человек, в том числе известный певец села из дальнего, Янаульского конца Гулям Шафигулла.

Участвовавшие в этой поездке односельчане потом рассказывали мне, что в течение всей недели самой шумной рекрутской компанией в татарском селе Елховый Куст была их компания. Вокруг Файзуллы собирались не только односельчане, но и ребята из соседних сёл, в том числе и чувашские парни. Он уже тогда очень умело играл на гармошке и чувашские мелодии. Да, ему в детстве приходилось общаться и с чувашской молодёжью, слушать долгими вечерами пение чувашских женщин...

Когда большую группу призывников увозили в губернский центр — в Самару, Файзук, играя, проводил их до окраины села. Он тогда оставался в Елховом Кусте ещё на несколько дней. Потом офицеры призывной комиссии увезли его с собой в губернский центр. Файзулла там вроде бы служил более года в каком-то губернском штабе. Так он рассказывал своим друзьям-односельчанам при новой встрече после долгих лет разлуки. Такую версию его «музыкальной службы там, в Самаре» позже поведал мне и его бывший сосед Фатхи-ага Биказаков. Его брат был ровесником музыканта, и на тот призывной пункт они уезжали вместе.

После этого события наш односельчанин Файзулла Туктаров опять пропал на десятилетия. И появился в

родном селе только где-то в середине двадцатых годов. К этому времени уже отгремели три войны — Японская, Первая мировая и Гражданская. Много односельчан погибло на полях этих сражений. В том числе младший брат его отца Хуснутдин, наследник отчего дома Туктаровых в родном селе. А с середины двадцатых годов Файзулла-ага приезжал уж в Старую Тюгальбугу часто. В шестидесятых годах многие в селе рассказывали, как он, ещё не сойдя с тарантаса, басом громко любил сообщать жене Хуснутдина о своём приезде:

— Банат-тэчи, я приехал! Ставь самовар!

Слово «тэчи» у мишар — это уважительное обращение к жёнам старших родственников.

* * *

В те годы, когда родился Файзулла-ага, село делилось на четыре прихода. Приходы возглавляли муллы, получившие образование в Кизляуском (село входит сейчас в Нурлатский район Татарстана) или Мелекесском медресе. Имамов сельских мечетей назначали местный ахун из Старого Джураево и ишан-хазрат, проживавший в Пару (приграничное к Татарстану село). Последние имамы Зелёной мечети и мечети улицы Курай и сами были из рода ишан-хазрата, являлись выходцами из села Пару. При двух больших мечетях Старой Тюгальбуги работали медресе, а при Янаульской была начальная школа. При советской власти все медресе были преобразованы в школы. А в 1934 году были построены на окраине села два новых современных здания. В одном из зданий, меньшем по размеру и отделённом небольшим палисадником от большого, обучались начальные классы. В один из приездов знаменитого земляка именно на крыльце этого здания встретил будущий историк, тогда ученик четвёртого класса, Джамиль-ага Гильманов и повязал ему красный пионерский галстук. А возвратившись с войны, в период учёбы в университете, он посетил однажды квартиру земляка для передачи поклона от родителей, учителей Старой Тюгальбуги. Тогда Файзулла-ага Туишев сказал ему, что сохранил тот галстук как память о родном селе

По некоторым сведениям, в старых медресе Старой Тюгальбуги увлечение переписыванием почитаемых многими книг было модой. Таким путём преподаватели и

шакирды старших классов считали себя исполнившими священный долг перед людьми и Богом. Потом эти рукописные книги дарили людям, уважаемым ими как примерных мусульман. Особо смелые дарили эти рукописи отправлявшимся в хадж, чтобы их труд был чтим там, на священной земле Корана. И ишаны из Парау, посещая сельские медресе, поощряли такой труд своих подопечных. О таком увлечении некоторых преподавателей и шакирдов главного медресе села — Приозёрного часто вспоминали мои собеседники в шестидесятых-семидесятых годах. И некоторые из них рассказывали о том, как однажды полуслепой шакирд, отправивший свой труд с одним хаджистом в Каабу, стал зрячим. Об этом будто им рассказывали их отцы и деды. Такое же повествование ещё в детстве я услышал и от своей бабушки, воспитывавшейся с шести лет в семье ишана, двоюродного брата матери, после её смерти.

Да, считалось особо почитаемым, святым делом читать вслух книги в медресе по вечерам и переписывать их. Рассказ моей бабушки и дедов-односельчан однажды частично подтвердил и известный писатель, учёный, собиратель народного фольклорного творчества Наки-ага Исанбет. Как-то в ходе беседы я вспомнил о своём родном крае и упомянул тогда, что в одном из медресе там обучался известный музыкант и композитор Файзулла-ага Туишев. Наки-ага Исанбет тут же сообщил, что знает о таком факте. Оказывается, раньше с Туишевым они часто общались. И в нашем селе он, оказывается, был перед войной. Тогда, в конце тридцатых годов, он обошёл много сёл, оставшихся за пределами Татарской АССР, собирал устные и рукописные материалы народного творчества. И подтвердил, что в Старой Тюгальбуге были лица, специально занимавшиеся перепиской книг. «Да, был я в вашей Тюгальбуге. И позже я, роюсь в архивах, встречал рукописи, переписанные Гадельшой, Губайдуллой и другими благочестивыми людьми, указавшими в подписях название вашего села, — сказал он тогда мне. — Только вот литературоведы ещё никак не могут уточнить, из какой Тюгальбуги был родом поэт прошлого века, автор поэмы «О возлюбленных» («Мәгъшукнамә») Тюгальбай Галяветдин. Может, и он был родом оттуда. Предшественник его, известный классик татарской поэзии, автор поэм и стихов такого же рода Габдельджаббар Кандалий тоже

ведь жил недалеко от вас и свою знаменитую поэму посвящал девушке из села Парау. Наверняка, был он очным или заочным любимым учителем Галяветдина...»

Слова Наки-ага, высказанные им в конце шестидесятых годов, были так же записаны мной в черновых тетрадях, посвящённых Файзулла-ага Туишеву.

Дом Файзука на улице Курай

Эта окраинная улица появилась в селе позже остальных. Как видно из названия улицы, раньше здесь было место, заросшее крупным бурьяном из высоких трав с толстыми пустыми стеблями — народом прозванные кураями. В долине речушки, что впадает отсюда в главную реку-озеро села, и сейчас образуются заросли растений с крупными, торчащими стеблями, как чертополох, болиголов и другие.

Дом, в котором родился Файзулла Кабирович Туишев, находится, как уже было сказано, недалеко от мечети улицы Курай. В 1972 году мы осматривали эти места с его бывшим соседом Фатхи-ага Биказаковым. Когда мы дошли до старого, осевшего в землю дома, находящегося за небольшим палисадником, он сообщил, указав на него:

— Это и есть их изба, обновлённая когда-то младшим братом дяди Кабира Хуснутдином, оставшимся в отчем доме. А после него этот дом никто не обновлял... Хуснутдин Туктаров сложил свою голову в годы Первой мировой войны, а его сыновья Сахаб и Шамси погибли в Великой Отечественной войне, — сообщил мне Фатхи-ага.

Да, дом был старый. А за курятником — ветхим сарайчиком сильно наклонившись торчала почти засохшая старая сосна. Единственно сохранившаяся сосна на всю улицу Курай. Оказывается, и вдова Шамси уже здесь не живёт. И сын их Дамир трудится где-то в Татарстане. Шамси Туктарова я не знал. А Сахаб-абый я помню малость, он жил недалеко от нас, в конце Большой улицы. Его часто можно было видеть у моста, соединявшего нашу улицу с поперечной Заречной. Там в небольшом озерце тоже водилась мелкая рыба. И некоторые мужики с окрестных домов по вечерам засиживались там, рядом с редкими камышами. Он состоял, кажется, в нашей, третьей бригаде колхоза. А улица Курай и дом Шамси Туктарова относились к дальней, шестой бригаде.

Из рода младших Туктаровых все трое так и остались лежать на чужбине навсегда. А судьбы самих близких к Файзулле лиц — двух сыновей и дочери Кабир-ага остаются пока не выясненными. Те односельчане, с которыми я общался, о них ничего не знают. По сведению Фатхи-ага, из двух дочерей Кабир-ага одна умерла ещё в голодные 1890-е годы. В те же годы в семье Кабира Туктарова родились двое мальчиков. Их дальнейшая судьба ему неизвестна. После этого они уже не жили в Старой Тюгальбуге.

— Возможно, они и не дожили до великих потрясений в стране. В другом случае какая-либо весть дошла бы до сельчан. Жена Хуснутдина, Банат-апа, была же ещё долго жива. Говорят, что умерла только в годы войны...

Правда, и Фатхи-ага Биказаков в бурных двадцатых-тридцатых годах нечасто бывал дома. Сначала участвовал в Первой мировой и Гражданских войнах. А потом учился на разных курсах на стороне и участвовал в организации новой жизни в других сёлах, там же был и руководителем двух новых колхозов. Попытался участвовать в Великой Отечественной войне с изуродованной кистью правой руки. Но вскоре попал в плен и вернулся в родное село уже только в конце сорок пятого года.

Сначала познакомимся слегка с моим спутником. Фатхи-ага по возрасту года на два младше своего бывшего соседа. Но братья Биказаковы почти единственные в селе, с которыми их сосед Файзук общался с самых малых лет, так как тогда ещё в своём доме ему больше не с кем было общаться. У девочек, старших по возрасту, были свои игры, свои заботы.

В годы наших общений Фатхи-ага был уже в пожилом возрасте. Было ему чуть более восьмидесяти лет. Но он состоял ещё председателем ревизионной комиссии большого колхоза. Сухопарого телосложения, ростом чуть ниже среднего. Но очень подвижным был. Любил повторять, что «хэрэкэттэ — бэрэкэт» («в движении — здоровье»). Когда начинал рассказывать о каком-либо событии, часто повторял слова «ведь так же было», «да, было ведь так», словно кому-то что-то доказывал. Правая его рука, в годы Гражданской войны изуродованная в сражении с белоказаками, активно жестикулировала при разговоре. Большой и часть указательного пальца его руки когда-то были срезаны острым клинком противника, когда Фатхи-ага воевал в составе Мелекесского татарского «красного

эскадрона». Там он был одним из младших командиров и активным агитатором.

— Летом, естественно, мы с Файзуком больше играли во дворе или на улице. Зимой чаще всего играли у нас. У них было тесновато. Считай, что в этом небольшом доме их тогда было три семьи...

И показывал на старый дом. Три небольших окна смотрели на улицу. На дальнем конце двора притаился небольшой курятник из старых досок. Да, всё так же было, как и у большинства жителей села. Но во всём чувствовалась ветхость, неухоженность.

— Единственный сын Шамси, повзрослев, уехал из села. И вдова затем за ним потянулась. С тех пор дом стал временным жилищем приезжих. Из рода Туктаровых в Тюгальбуге сейчас никого нет. Правда, в базарном Салаване есть ещё семья, ведущая свой род от Мокыч-бабай. Но с ними Файзулла-ага никогда не общался...

Да, семья великого музыканта Файзуллы действительно здесь носила фамилию Туктаровых. Значит, деда Кабир-ага звали Туктаром. Жители Старой Тюгальбуги, а также соседних сёл и деревень, входящих тогда в Самарскую губернию, с конца XIX века обрели постоянные фамилии, производные от имён дедов, и больше их почти не меняли. Например, наша фамилия идёт от моего прадеда Хамидуллы, родившегося в конце шестидесятых годов того же века. Из Главной улицы села семьи Шакуровых, Сабировых и других также продолжают носить свои фамилии с тех самых лет.

— Сына Туктара, деда Файзуллы, кажется, называли Сафиуллой. Это было муллою наречённое имя. Но односельчане меж собой чаще звали его Мокыч-бабаем. Видимо, это было его прозвищем. А такие прозвища народом даются, кажется, не очень расторопным людям. Таким ли он был на самом деле, я не могу сказать. Наши родители обычно вспоминали его как очень строгого по дому. По рассказам, только благодаря его строгости две семьи их сыновей — Кабира и Хуснутдина как-то уживались в этом доме, — говорил мне тогда Фатхи-ага.

Правда, в Старой Тюгальбуге был ещё один род с такой фамилией. В истоках второго, более разветвлённого рода, стоял Туктар-бай, родной брат второго зажиточного крестьянина на старой половине села — Шакур-бая. Продолжатели этого рода и сегодня имеются в селе и его

окрестностях. И носят фамилии Шакуров и Туктаров... Да, имена этих бывших кулаков, в конце двадцатых годов уехавших или изгнанных из Старой Тюгальбуги, и мне частично известны. Они были в какой-то степени родственниками моему прадеду Хамидулле. По рассказам бабушки, Хамидулла-бабай рано умер, оставив трёх сыновей и дочь, только что начавшую ходить. Он сильно простудился, спасая утонувшую в Черемшане свою подводу с дровами. Напарники успешно проскочили через ледовую переправу, а он не успел. После этого он тяжело заболел и вскоре умер. Когда мой дед Нуризян женился, дома уже был женатый старший его брат и малолетний их ребёнок. Туктар-бай, поняв их сложную ситуацию, деда с бабушкой поместил на некоторое время на своей малой избе. Конечно, они там без дела не сидели. Но всё равно были очень благодарны ему. И из рода Шакуровых мне кое-кто был знаком. С одним из них, Хайдаром Шакуровым, механиком строительного треста № 5, я встречался в тех же шестидесятих годах уже в Казани и интересовался у него, не связаны ли Туктаровы с улицы Курая с их родом. Он ответил отрицательно.

Относительно прозвища деда Файзуллы Туишева я расспрашивал и у других его сверстников. Некоторые из них связывали прозвище Мокыч с периодом его проживания в голодные годы конца XIX века в чувашском селе Старый Салаван. В те годы он, спасая свою большую семью от голода, нанялся туда пастухом.

— Знаешь ведь уже, с семьёй Файзук-абый наши избы были рядом, — так продолжил свой рассказ Фатхи-ага. — Они с моим братом одногодки. Если полдня мы играли у них во дворе, то ещё полдня проводили у нас дома.

Семьи Биказаковых и Туктаровых тогда относились к самым бедным в этой части села. К тому же обе семьи были многочисленны.

— Когда рос Файзук, в их доме было много жильцов, — говорит Фатхи-ага и начинает загибать пальцы. — Дед Мокыч с бабкой — раз, дядя Кабир, его жена, две дочери, Файзук — стало два, только что женившийся Хуснутдин — три, не успевшая ещё выйти замуж младшая дочь деда Мокыча — стало быть, четыре. Вот, в одной избе только сундуков четыре штуки. А ведь уживались как-то, не скандалили. Почему? Глава семьи был очень строгий, что скажет, то и делали, — рассказывает мой

собеседник. — Потом, в те времена ведь отделиться из родительского дома было сложно и долго. Семья сына могла отделиться только в том случае, если сельский сход выделит им землю для дома. А сельские старцы и староста отдавали предпочтение тем, у кого в доме много мужчин. Старались, чтобы в первую очередь домом, землёй обзавелись те, у кого подушных наделов было больше. Потому что от них и пользы селу больше.

Берёмся за подсчёт душ. По расчётам Фатхи-ага, в доме деда Мокыча в девяностых годах XIX века было одиннадцать человек. Из них всего четыре «души» — четверо мужчин, считая и Файзука, которым были положены подушные наделы земли. Для такой семьи это очень мало, конечно.

— К примеру, у старосты деда Кумыка больше половины из пятнадцати душ были мужского полу. В избе бая Туктара соотношение ещё выше. Кому ещё богатеть, как не им. Наделы земли большие, работать есть кому, поля полны хлеба. Даже и скот в лучшие годы откармливали зерном. Как зима наступает, разъезжают с ярмарки на ярмарку. В Мелекесс везут зерно, на Юхмачинском базаре продают откормленную скотину. Таким образом накапливают деньги. Как наполнят кошельки, начинают тянуть руки к землям бедняков, которые те и обрабатывать толком не в состоянии. Вот ведь оно как было тогда...

Осматривая старый дом, пытаюсь представить жизнь семьи Файзулла-ага в селе. Маленький дом-сруб с тремя окнами на улицу и двумя во двор, довольно просторный дощатый чулан. Он соединён с коровником и конским стойлом срубом из брёвен потоньше. Таким образом, осенью и зимой женщинам для дойки коров не приходилось выходить на холод, под дождь и снег. Все сооружения были выстроены в один ряд. В углу двора место, оборудованное для кормления скота в летнее время и в ясные осенне-весенние дни. Оно огорожено длинными тонкими жердями. Рядом с этой оградой калитка, ведущая в картофельный огород и к воде.

Как было именно на улице Курай, не знаю. Но, по рассказам стариков, в центральной части Старой Тюгальбуги в давние времена не было привычки растить картофель на заднем огороде. В целом по России ещё выращиванием картофеля тогда не занимались. На этой просторной, огороженной жердями площадке тогда содержались стада

коров и овец. А на оставшейся площади сеяли овёс или травы на покос. Даже сейчас, оказывается, если поглубже копнуть эти огороды, выходит спрессованный чистый овечий навоз. Проживавший по соседству с нашим родовым домом мой троюродный брат Галимджан как-то жаловался:

— Во дворе для бани вырыл колодец глубиной в четыре метра, так оттуда на каждом пласту навоз да навоз выходил.

На той же центральной улице раньше был большой дом бая Туктара и обширный загон для скота, занимавший пространство между двумя переулками. Когда хозьева были изгнаны из села и дом разобран для других построек, на месте скотного загона остался пустырь. На том пустыре в тридцатых-сороковых годах даже лебеда не смогла толком прорасти. Там мы, мальчишки окрестных домов, любили играть в лапу или в другие коллективные игры.

Как рассказывают Фатхи-ага и другие старики, сельский сход всё же выделил участок земли для постройки дома семье Кабира Туктарова на пустыре в конце улицы Курай. Но из-за начавшегося неурожая и сильного голода 1890-х годов, семья Кабира не успела поднять новый сруб и зажить самостоятельной жизнью на новом месте. Голод, длившийся несколько лет, сильно изменил жизнь и быт многих людей. Было большое количество умерших от голода и нищеты. Эти горестные изменения коснулись и рода деда Мокыча. В эти годы скончались жена главы семейства и одна из дочерей дяди Кабира. И дед Мокыч решился на рискованный шаг переселиться в соседнее, чувашское село, нанявшись туда пастухом. А затем и семью Кабира приютил у себя. Таким образом они сумели выжить в эти сложные годы голода. Но почему-то часть односельчан не одобрили этот их шаг.

Скорбные дни семьи Туктаровых

Да, в биографии известного и уважаемого музыканта есть и такой этап, как вспоминают односельчане. И, пожалуй, это было для артиста самым тяжело пережитым воспоминанием, о котором он потом никому, видимо, не рассказывал. Данный период биографии его был «спрятан» глубоко в памяти.

Как уже было упомянуто ранее, по традициям предков, основным наследником родового дома деда Мокыча был младший сын Хуснутдин. Его небольшая семья осталась в селе. Остальные, чтобы пережить неурожайные, голодные годы, переехали в соседнее чувашское село Старый Салаван. Земельные угодья обоих сёл граничили между собой. Такая близость тоже создавала для Файзука неудобства — их не очень-то одобряемый сельчанами пастуший труд проходил почти на виду у всех сельчан. И некоторые мальчишки иногда дразнили его, обзывая недобрыми словами. В те годы быть пастухом и в родном селе считалось работой не престижной. А пасти чужой скот в чужом краю обычно было делом самых-самых низших слоёв населения.

В это время Файзуку было чуть более восьми лет. Он к этому времени уже одну зиму проучился в медресе. И ещё три зимы он проведёт там, сидя за одной партой с другом Мухамматшой, но уже приходя в село только на время учёбы. По утверждению односельчан, в год их переезда в соседнее село в семье Кабира было уже два сына. Если учесть, что между Файзуком и Хафизом была ещё девочка, то второй сын Хафиз в семье Кабир-абзый родился, видимо в 1890—1891 годах. А третий их сын, младший брат Файзуллы — Джаббар родился уже в соседнем селе. Дальнейшую судьбу этих мальчиков односельчане в шестидесятых годах уже не знали. Связи с этой семьёй у них оборвались почти в конце тех же девяностых годов XIX века.

Сложно даже представить, как пережили эти голодные годы жители Старой Тюгальбуги, и так страдавшие от недостатка земель. Пастбищных земель у села почти не было, за исключением пойменных лугов у небольших речек и узкой полосы перед Черемшанским лесом. Землевладения сельчан всё время сокращались из-за постоянного прироста населения самого села. Да, рождение мальчика у кого-либо из соседей не всегда радовало сельчан. Каждый новорождённый мальчик являлся претендентом на новый кусочек земли из общего котла. Село очень большое, народу всё прибавляется, а подушные наделы с каждым новорождённым уменьшаются, сокращаются. Всё это часто приводило к ссорам, скандалам между односельчанами. Часты были случаи, когда на родившегося по соседству ребёнка смотрели с завистью,

и увидев у соседей топочущего и играющего младенца-мальчика, говорили:

— Вон и этот голоштаный скоро потребует себе надела.

Да, в те времена рождение в селе мальчика землевладельцев заставляло тревожиться. Каждый думал тогда о том, что его земельный надел опять уменьшится.

Но в то же время каждый рождённый мальчик, конечно, нёс большую радость своим родителям, добавлял надежды на будущее. Когда один за другим родились два сына, наверное, и счастьем-радостью Кабира и Гульджамал не было предела. Мол, рождаются не только лишние рты, но и претенденты на дополнительную пахотную землю! И будущие дополнительные рабочие руки в семье. Только вот по каким-то причинам на небесах не увидели их радостей и чаяний, не вняли их святым мольбам. Наслали на село, на всю страну большую беду — голод...

И правда, именно в это время, в эти годы в сёлах центральной части Поволжья начался страшный голод. В таких, как Старая Тюгальбуга, крупных сёлах, расположенных в стеснённых условиях, эта напасть была особенно ощутима. Были времена, когда бедняки, работавшие на более состоятельных односельчан, едва сводившие концы с концами, и вовсе теряли надежду пережить такие бедствия. Было немало и тех, кто за три-четыре года засухи и голода вовсе оставался без земли. Такие, проев всё от продажи своих подушных наделов, то есть передав их в аренду более богатым, уезжали на новые места в поисках приюта. А наиболее нетерпеливые, не в силах перенести тяжесть нужды, «продавали» тогда не только наделы своей земли, но и веру. Живущие в таких стеснённых сёлах татары повторяют это выражение как «иманыңны иманага сату». И в истории Старой Тюгальбуги бывали похожие примеры. В том же конце XIX века одна несчастная вдова, продав свой участок земли, с семилетним сыном вынуждена была приютиться в соседней чувашской деревне. Вскоре она умерла, оставив сына Ахсана одного. Сельские старики рассказывают, что, повзрослев, он насовсем остался там, женившись на хозяйской дочке. А получив дополнительный земельный надел, причитавшийся отрёкшимся от своей веры, основал в деревне Вороний Куст род Аксёновых.

Семьи Кабира и Хуснутдина Туктаровых тоже очень

тяжело перенесли эти голодные годы. Семьи многочисленные, земли мало. Стало тяжело обрабатывать и засеивать даже этот маленький клочок земли. Посевных семян не хватает, обе лошади в стойле еле стоят на ногах, изнурены. И в один из таких дней дед Мокыч, оставшийся после смерти с жены один с младшей дочкой, в поисках счастья задумал переселиться в соседнюю деревню Старый Салаван. Пошёл туд с дочерью и нанялся пастухом. А спустя какое-то время к ним присоединилась и семья Кабира. Хоть Кабир-ага и не пас свиней, это стало поводом, чтобы во время приходов в родное село дразнить Файзука «свинопасом». Таким образом, Файзук с девяностидесяти лет стал выслушивать подобные оскорбительные словечки от некоторых своих ровесников. Мол, Файзук стал чувашем и свинопасом. Во всяком случае, мне так рассказывали наши старики односельчане.

По правде, Файзук перенёс все тяготы и лишения, какие приходились на каждого сельского мальчика, родившегося в бедной, нуждающейся семье. Рядом с нищетой, нуждой живут и чувства обиды, унижения — это неизбежно. Но в то же время и все свойственные только детству радости и забавы не обошли Файзука стороной. Во-первых, он — старший, любимый сын родителей. Рождение друг за другом двоих братишек к уже имеющейся сестрёнке тоже, наверное, только прибавило ему радости. Иметь верных друзей — тоже счастье. У него были друзья, которые не забывали его и после перехода их семьи в другое село. Они всё так же считали его своим. Он продолжил и учёбу в медресе в зимние месяцы. И там никто от него не сторонился. К тому же рядом с ним всегда был Мухамматша Каримов, предводитель их класса.

А вот в Старом Салаване у него сначала друзей не было. С местными ребятами он мало общался. Для некоторых из них он был пришельцем, чужаком. Он их сторонился, а они — его. Поэтому иногда ему приходилось испытывать и чувство обиды. Да, здешние ребята не торопились принять его в свою компанию, в свой круг. Часто и взрослые при разговоре о них говорили, что «они пришлые тутары». Только года через два у Файзука начали складываться товарищеские отношения с ребятами из Старого Салавана.

Но всё равно было заметно, что и Файзука, выглядевшего старше своих лет из-за крупного телосложе-

ния, и его братьев чувашские парни и девушки немного сторонились. Не так охотно принимали на молодёжных игрищах.

Так, терпя неприязнь с разных сторон, они прожили в этой деревне более трёх лет. Схоронив деда Мокыча и вконец устав от недружелюбных взглядов новых соседей, семья Кабира решила уехать из этого временного места жительства. Возвращаться в Тюгальбугу им уже не хотелось. Своего жилья там нет. Потеснить разросшую семью Хуснутдина было неудобно. Оставив в Старом Салаване землю, ненужную домашнюю утварь, погрузившись в телегу, запряжённую одной лошадью, они вышли в путь в направлении города Мелекесса. Кабир-ага уже заранее присмотрел, куда они приедут и где останутся. Потому что в свободное от пастушества время, в длинные осенне-зимние месяцы, он не бездельничал, а работал обозчиком на базаре и знакомился, общался там со многими людьми.

Крутой поворот судьбы

Некогда отделившийся от Старого Салавана и приютившийся прямо у Черемшана Большой Салаван был знаменит своим шумным базаром. Близость этого базара дала возможность Кабир-ага подрабатывать в свободное время, занимаясь извозом. Он на своей подводе оказывал услуги торговцам этого базара. Конечно же, чаще всего таких возчиков нанимают не те, кто торгует всякой мелочью, произведённой собственным трудом. Обозчики скорее были нужны торговцам-барышникам, содержавшим на базаре свои лавки. Вот и Кабир Туктаров вёл дела чаще с такими людьми.

Татары из окрестных сёл это место торговли называли «базаром русской недели» («урьис атнасы базары»), то есть работающим по воскресным дням. Возможно, в то время и был где-то чисто мусульманский базар, работающий по пятницам. Но вокруг нас такого торгового места не было. «Базар русской недели» начинался каждое воскресенье ни свет ни заря, а после полудня народ уже расходился. Сюда съезжались не только жители окрестных деревень, но и люди из расположенных в двадцати пяти — тридцати километрах отсюда: из Абдреева, Лабитова, Тёплого Стана. Помню ещё, как из далёкого Парая даже в лютые

морозы сюда приезжали иногда односельчане бабушки. Да, базар этот был знаменит в своём округе. Люди приезжали сюда издалека целыми семьями, погрузившись в повозки. Потому что здесь можно было продать или купить всё необходимое, кроме крупного скота и изделий типа саней и телег. За такими товарами люди обычно ездили в Юхмачинский базар.

На базаре Большого Салавана женщины могли найти всё, что им было нужно. И связанные кем-то вещи, и подержанную одежду для всей семьи, и украшения вроде колец, браслетов как новых ручной работы, так и оставшихся от кого-то. Здесь можно было купить или продать всё, что необходимо для сельской жизни и быта. Сито, ведро, пахталка, разнообразная посуда, в том числе вырезанная из дерева, или из обожжённой красной глины вылепленная, — всё то, что нужно для дома и быта, продавалось и покупалось здесь. Вон в одном уголке сидит деревянных дел мастер, постукивая своими ложками, мисками, плошками. Рядом с ним стоит бондарь, выделывающий опоясанные железными обручами кадки для закваски теста, пахталки и бочки разных размеров. Рядом его коллега, жизнерадостно вторящий словам соседа: «Продам дёшево». Перед ним горка сундуков самых разных размеров, обитых блестящей белой жостью. Бородатые и безбородые, в картузах и тюбетейках прохаживаются беспрестанно перед народом мастера липовых «ремней», повесив на оба плеча связки лаптей от самых маленьких, с детскую ладошку, до огромных, с локоть длиной. Они тоже то и дело расхваливают свои труды, приговаривая: «Красивые лапти, ханские дочки согласились бы носить... и царевичи бы такие носили...» Да, одни здесь продают плоды своих трудов, восхваляя их до небес. Кто-то покупает, если найдёт вещь, подходящую нуждам своего хозяйства. Как говорили издавна, на рынке кто-то обманывает, кто-то обманывается. Каждый продавец хочет поднять цену повыше, а покупатель ищет, не встретится ли что-либо подешевле. Рыночные отношения построены на этом. Если кто-то способен умно, умело расхваливать то, что продаёт, — у него и менее качественный товар окажется более ходовым, быстрее распродается. Наловчившиеся в деле торговли люди, конечно, знают эти хитрости. Понятно, что в кишачей людской толпе снуют и жулики.

Их основной промысел — объединившись по двое-трое, украсть что-нибудь или оставить какого-нибудь ротозея с пустым карманом.

Вот и народ Большого Салавана, расположенного рядом с бескрайним лесом и на берегу полноводного и богатого рыбой Большого Черемшана, поднаторел в торговле лесной и речной снедью. В самом удобном месте базара две-три длинные полки-лавки обслуживались только ими. В этих рядах торгуют только они. Расторопные умельцы этого села каждое воскресенье наполняли эти протянутые из конца в конец полки свежевывловленной рыбой, свежими лесными ягодами: земляникой, костяникой, смородиной, черёмухой и другими подобными яствами. Уложенные поперёк лавок аршинные сомы, жирные щуки с локоть и другие разные виды рыб соблазнительно притягивали покупателей к себе. Не успеет продавец сказать, сколько стоит, рыба, только ткнёшь пальцем, — неожиданно подпрыгнет, тем самым доказывая, что их только что выловили. Рядом за такими же узкими полками возятся женщины разных национальностей, торгующие всевозможными домашними продуктами ежедневного потребления, такими как куриные тушки, яйца, комки масла. А в глиняных больших кувшинчиках — там и творог, и молоко, и катык. Среди торговцев этих лакомств часто можно было встретить и своих односельчан. Они, покрывшие головы разноцветными платками, повязавшие цветастые передники, украсившие волосы накосниками, торговали стоя рядом с такими же женщинами из сёл поблизости, таких как Старый и Средний Исантимер, Старое Джураево, Старый Салаван, Вороний Куст и другие Правда, в одеждах чувашских женщин были и свои отличия. Для платков и платьев они чаще использовали более яркие самотканые клетчатые материалы.

Да, в своё время базар села Большой Салаван был очень знаменит. Туда приезжали торговать не только из сёл бывшей Самарской области, так же из расположенных на южных границах нынешнего Татарстана деревень и из городов вроде Мелекесса, Ставрополя (нынешний Тольятти). Случайность это или нет, но почему-то крупные базары этого региона в царские времена размещались только в русских, мордовских, чувашских сёлах. По рассказам сельских стариков, на Салаванском базаре имели свои

торговые точки, кроме мелких ремесленников, и торговые люди со стажем. Они в основном вели дела в киосках-ларьках, опоясавших рынок, также содержали небольшие трактиры. Обозчики вроде Кабир-ага вот таким и служили. Они обычно уже в течение недели перевозили товар, предназначенный к продаже в базарный день. Отец Файзука особенно сблизился именно с таким человеком из Мелекесса. Звали его Алексеем Фёдоровым, был он выходцем из этих же мест. Оказалось, у того Фёдорова в Мелекессе есть свой гостиный дом. Да, он содержал там большой Постоялый двор, который мог принимать одновременно по два десятка гостей с повозками и лошадьми. Заметив при общении добросовестного и старательного работника и узнав о затруднительном положении семьи, он предложил Кабиру Туктарову переехать к нему жить. Приютил эту бедствующую семью у себя, дав им постоянную работу. На новом месте их основной обязанностью было содержание двора в порядке, подготовка дров для больших печей-очагов, соблюдение чистоты и порядка везде. А при необходимости быть, как и прежде, возчиком для перевозки необходимого товара. Семья Кабир-ага с этими условиями была согласна. Они с радостью и усердием принялись исполнять эти обязанности. И подросток Файзук не оставался в стороне. И руки заняты делом, и желудки сыты.

Во время переезда сюда Файзуку было примерно двенадцать лет. Время прощания с детством и вступления в подростковый мир — особенный период в судьбе любой личности: время, когда с каждым днём меняется, расширяется взгляд на мир, окружающую среду, действительность. И вот надо же в пору такого роста, обновления со всеми своими мечтами-надеждами попасть в совершенно иной мир — в городскую среду! Понятно, что радостям Файзука в те дни, наверное, не было предела. Его переполняло счастье, радость. Может быть, пусть только в мечтах, но уже представлял он себе будущую счастливую жизнь.

Город Мелекесс в то время был уездным центром Самарской губернии. Этот уездный город расположен недалеко от южных владений современного Татарстана. В конце XIX века Мелекесс славился сорокадневной ярмаркой и тремя большими мельницами. Одну из этих больших мельниц, приводимых в действие силой машины,

держали наследники татарского бая Абдюша. Этот род, превративший данное муллою имя Габдулла в фамилию Абдюшевы, держал свою марку в городе до начала двадцатых годов. А ярмарка славилась в основном как место купли-продажи мучных и зерновых товаров. В городе работали также мастерские по производству различной мебели. Особенно ценны были изделия, выполненные из лакированных прутьев: кресла, стулья, столы.

В татарской части города действовала мечеть, и при мечети была открыто медресе «Исламия». Долгое время данным учебным заведением руководил уездный ахун Гатаулла-хазрет. В начале XX века это учебное заведение окончили видные деятели татарского народа — известный филолог-литературовед Латиф Заляй, актёр, режиссёр и руководитель передвижного театра Асгат Мазитов, писатель и известный общественный деятель Абдулла Уразаев и другие. А. Уразаев после этого медресе продолжил учёбу в Казани и окончил татрабфак в 1927 году. После революции на основе этого медресе был открыт педтехникум, выпускавший учителей для татарских школ до конца пятидесятих годов (до известного постановления правительства при Н. С. Хрущёве). Будущий профессор Казанского университета Латиф Заляй был одним из участников организации данного педтехникума и в двадцатых годах преподавал там уроки родного языка и литературы.

Сведений о посещении данного медресе Файзуллой Туишевым нет. После окончания начальных классов Старотюгальбугинского медресе он, кажется, официально нигде не обучался. Во всяком случае его сверстники из родного села об этом ничего не знают. Разговорный русский язык он, видимо, начал осваивать ещё в Старом Салаване, участвуя в поездках с отцом в Мелекесс и другие поселения с русским населением. А может быть, он в Мелекессе посещал трёхклассную земскую или церковно-приходскую школу, но об этом не хотел говорить друзьям-односельчанам. Такое тоже могло быть. О том, что в постоялом дворе Фёдорова он охотно общался с приезжими русскоязычными артистами, говорили многие. И так ясно, что он не мог пройти здесь курс «музыкальной школы» без хорошего знания этого языка.

Разумеется, в дни продолжавшейся неделями ярмарки двери-ворота в постоянных дворах не закрывались совсем.

Кто-то въезжает, размещается. Кто-то грузит семью в повозку и уезжает, распрощавшись. И Файзук, который выглядел рослее, выше своего возраста, тоже не сидел без дела. Помогал отцу по двору, успевал и поручения гостей выполнить, когда надо было. Быстроногий послушный сельский мальчик, покушав досыта городского белого хлеба, приободрился и, наверно, беспрекословно исполнял порученные дела. И самовар ставил, и еду, и всё остальное необходимое в гостевые комнаты тут же приносил. Наверное, многие относились к нему по-свойски, любили этого ловкого, умного и доброго мальчика в тюбетейке. Уже в первую зиму после переезда он начал общаться и успел сдружиться и с мальчишками в округе, и с гостями.

А среди постояльцев были как самодеятельные, так и опытные артисты сцены и цирка, собиравшиеся с разных концов России, чтобы оживить, скрасить ярмарочные дни в городе. Разве там, где собирается много народу, можно обойтись без тех, кто всех развлекает! Они же добавляют в жизнь яркие краски, питают сердца духовной пищей. Ещё больше они стали нужны, когда беды голодных лет были оставлены позади и впереди маячила обычная трудовая жизнь. Всех потянуло к представлениям, играм с песнями и плясками, к каруселям.

Вот и Файзук всей душой тянулся ближе к организаторам тех самых каруселей, балаганов. Да и они успели полюбить рассыльного мальчика. Стали приглашать в свой балаган под шатром, иногда приглашали участвовать в массовых представлениях. Здесь обычно исполнялись по очереди и цирковые, и эстрадные номера. Тут же сменяли друг друга песни, танцы, шуточные сценки, акробатические этюды. И те, кто задушевно играет на гармонии, тоже числились артистами балагана.

Файзук поначалу занимался тем, что вместе с несколькими подростками приводил в действие карусель балагана, оставаясь невидимым простым зрителям. Наверху, на площадке карусели, наряженные по-праздничному дети визжат, кружатся наперегонки с ветром, играют. А Файзук и его товарищи старательно крутят тяжёлое большое колесо карусели, чтобы устроить им это удовольствие. Таким образом, деревенскому мальчику, ещё только прошлым летом одиноко пасшему стадо, всё больше и больше улыбалось счастье. Вскоре ему стали доверять и неболь-

шие роли на сцене. Так и пролетели несколько сезонов. Теперь уже для артистов балагана, неделями, месяцами проживавших в тесных номерах гостиниц, обладающих различными талантами, Файзук был не просто самоварщиком, своевременно обеспечивающим кипятком и чаем, но постепенно становился коллегой, достойным их рядов. Зрители праздничных представлений в дни ярмарки уже привыкали видеть его и исполняющим простые акробатические номера, и пляшущим русские или татарские пляски, довольно мастерски распевая частушки. Знакомые с его биографией люди пишут: «Первым усвоенным артистическим амплуа Файзука было исполнение русского танца с подносом и самоваром на голове».

Естественно, вернувшись передохнуть в комнаты постоянного двора, артисты тоже не переставали чем-то заниматься. Кто-то повторял новые танцевальные движения, другие пели, рассказывали анекдоты, те, кто играл на музыкальных инструментах, разучивали новые мелодии или старались улучшить исполнение прежних. В том числе и гармонисты были заняты совершенствованием своей игры. Гармонисты ведь всегда на виду. Они находятся постоянно на сцене, тихой игрой своей сопровождая и танцора, и певца, и фокусника, всё время меняя и меняя тембр игры. И во время отдыха после концертов они тоже постоянно тренируются вместе с артистами других амплуа, чтобы создавать единый образ. Поэтому в ярмарочные дни в постоянном дворе никогда не умолкал напев гармони или звучание других музыкальных инструментов, типа скрипок или гитар, балалаек. Или бывают и случаи пиликания на гармони просто потому, что у кого-то тоскливо на душе.

Понятно, что были и те, кто разрешал иногда понажимать на клавиши гармони и этому мальчику в тубетейке, с завистью рассматривающему играющих гармонистов. Со временем нашлись и желающие с большой охотой обучить его своему делу. В этой жизни ведь часто встречаются и те, кто доброжелателен к другим, готов помочь. Если бы было не так, человечество и не могло бы существовать.

Файзук оказался способным учеником. И на балалайке он играл, и гармонь в руках умело держал. Быстро схватывал и мелодии, и стиль игры, ласкающей слух. Вскоре уже он достиг такого уровня, что мог играть вместе со своими учителями на пару. К тому же в нём обнаружи-

лось умение музицировать по-татарски и по-чувашски, что было по душе местному населению.

— Ну, Файзук, тебе и вовсе не стоит отрываться от балагана, — говорили ему хозяева балагана и стали уговаривать поехать с ними на гастроли в другие города.

Так стала зарождаться будущая слава искусного гармониста. Вскоре родившемуся в избе нищего деда Мокыча села Старая Тюгальбуга подростку открылся другой мир. Приобретённое в постоялом дворе города Мелекесса ремесло вывело Файзука в большой мир искусства. Бытовая случайность — то, что Кабир-ага Туктаров убегая от нужды приехал в этот город и устроился на работу в большой постоялый двор-гостиницу того времени — стала первым шагом, первым толчком будущей счастливой жизни его сына. Да, именно эта случайность вскоре вывела Файзука в мир большого искусства. Пожалуй, вторая такая случайность — именно в те годы в Мелекесс заехал известный на всю Россию гармонист-виртуоз Егор Уткин. Потом Файзулла-ага Туишев всю свою жизнь выражал благодарность этому мастеру. Так, татарская семья, попавшая в город Мелекесс из-за нужды, голода, в поисках сытой жизни, неожиданно обрела счастливую судьбу.

И то правда, выходяц из села, привыкший работать, трудиться без усталости, всегда стремится к свету, к лучшему, словно весенняя трава, пробивающаяся и асфальтовые толщи. Если посчастливится, достигает большого уважения и почёта. А если уж не посчастливится... с болью-стоном тянет свой воз до конца. Стараются, чтобы хотя бы дети были счастливы. Думаю, что увидев успехи сына на этом поприще, Кабир-ага и его супруга Гульджамал, наверно, были бесконечно счастливы.

Кем бы стал Файзулла-ага, если бы тяжёлая судьба не прогнала его из родного села, оставила бы там, в Старой Тюгальбуге? Таким же, как и его отец, Кабир-ага, стал бы главой семьи, живущим постоянно трудясь на своём небольшом участке земли, своевременно засеивая и убирая свой подушный надел? Благодаря усердию, мудрости и тяготам жизни, перенесённым в молодости, пожалуй, он бы наверняка прославился среди односельчан как прилежный хозяин. Как настоящий труженик для блага своей семьи. Для блага сельчан.

Учитывая мудрый ум, мощь-силу и взыскательный характер отца, и Файзук, несомненно, в своей среде был

бы известным сельчанином — человеком с собственным авторитетным мнением, кем-то вроде общественника при мечети, активистом сельского схода.

Правда, по устоям того времени, того периода Кабир-ага Туктаров некоторым, может быть, покажется вовсе и не идеальным приходским стариком. Кто-то может сказать, что он не ангел. Часты, наверное, были и проявления жёсткого нрава. Был, наверное, и религиозен, насколько требовала среда. Может, иногда бывал излишне строг к детям из страха, что те могут встать на путь неправедный. Возможно, поначалу пытался и Файзука оградить от разных незнакомых занятий и запрещал играть на чужих музыкальных инструментах. Писатель Ф. Хусни в документальной повести «Гармонист» изображает его примерно таким. В том произведении сказано, что первую гармонию, купленную Файзуком на заработанные им самим деньги, отец растоптал ногами, полагая, что мусульманам запрещены игры на музыкальных инструментах. Но односельчане придерживаются другого мнения. Поняв, что пятнадцатилетний Файзук по-настоящему увлечён гармонью, и поверив, что он сможет играть на этом инструменте, Кабир-ага сам купил ему первую гармонию, рассказывают жители нашего села.

Когда-то я и автору повести высказывал своё несогласие с образом слишком религиозного отца музыканта — Кабир-ага.

— Хоть ты не приставай ко мне, это же не анкета, а произведение... Недовольных, высказывавших претензии к «Гармонисту», и так было достаточно, — ответил тогда мне Фатих-ага.

Да, попытку Фатиха Хусни представить в повести отца чрезмерно набожным, человеком недалёким, наверное, надо оценивать как веяние времени. Произведение же написано в тридцатых годах, в период гонений на религию. Образ Кабир-ага в произведении не соответствует действительности. Потому что настолько религиозный человек не посмел бы пойти на поклон к иноверцам в соседнее село, пусть даже и для спасения семьи от голодной смерти. А Кабир-ага поступил именно наоборот. Послушавшись своего отца, деда Мокыча, пошёл и нанялся пастухом в чувашскую деревню, где кроме основной древней культовой религии дедов соблюдались ещё и христианские верования. И где в центре села стояла хоть дряхленькая,

но всё же церковь. Да, давным-давно как-то и я проезжал мимо этой, тогда почти осиротевшей старой деревянной церкви. Мне тогда просто хотелось посмотреть те местности, где прошло детство будущего музыканта. Тогда и село Старый Салаван показалось мне похожим на свою церковь — дряхлым, полузабытым и заброшенным. Мне тогда объяснили, что многие из жильцов села ещё в начале тридцатых годов подались в Большой Салаван, где невдалеке от дубовой рощи начали строить дубильный комбинат, а позже и лесопильный цех или заводик. А для будущих жильцов посёлка сооружали сначала добротные бараки, а потом рядом с ними двухэтажные срубные и кирпичные дома почти городского типа. Индустриализация страны шла тогда семимильными шагами и у берегов большого Черемшана. Так возник будущий город-посёлок Новочеремшанск. Но татары из окружающих сёл в это чувашское поселение переселялись пассивнее. Хотя и работали там иногда целыми семьями. В том посёлке перед войной были построены ещё другие промышленные и бытовые заведения. И проложена железная дорога, связавшая посёлок с большим миром. И эта дорога была проложена как раз на стыке земельных угодий Старого Салавана со Старой Тюгальбугой.

Кабир-ага, несмотря на то, что по религиозным соображениям многие сельчане отрицательно относились тогда на его уход в чувашскую деревню, вынужден был пойти на это для спасения своей семьи с тремя детьми. Оставшись в своём селе он не смог бы обеспечить целостность семьи, сохранить жизнь малолетних детей. Благодаря этому поступку он смог пережить с семьёй тяжёлые голодные годы. И в Старом Салаване, и в Мелекесе он предстаёт передо мной не просто обычным батраком, а хозяином, стремящимся обустроить жизнь своими силами. В свободные от пастушества месяцы подрабатывал и обозчиком на своей лошади. И в Мелекесе он не сидел сложа руки, проедаая полученное за свой труд из постоянного двора. В дни, когда не было постояльцев в постоялом дворе, возил грузы в мельницу Абдюшевых. Так, трудясь на двух-трёх работах, вскоре он уже и сам смог выкупить небольшой постоялый двор у одного хозяина и начать собственное дело. По рассказам односельчан, вскоре он открыл свою гостиницу специально для мусульман. И вроде бы держал он этот двор до начала революци-

онных преобразований. О дате их смерти с женой односельчане не помнят. Об этом периоде жизни родителей в годы советской власти и Файзулла-ага, видимо, особо не разглагольствовал.

В семидесятых годах, будучи в Мелекесе, я хотел выяснить кое-какие данные о Постоялом дворе А. Фёдорова. В городском архиве мне сообщили, что дореволюционные архивные материалы находятся в городе Куйбышеве (в бывшем губернском центре). В городском музее сообщить какие-либо данные об этом человеке и его гостинице тоже не смогли.

Пути-дороги длинные...

Когда Кабир-ага стал хозяином собственного гостевого дома, его старший сын, первый помощник уже был далеко от дома. Поначалу, в шестнадцать-семнадцать лет, Файзук в качестве танцора и актёра шуточных сенок участвовал в представлениях прибывшей из Казани труппы в своём городе. Руководителю балагана Анне Казагранде его выступления понравились, и сразу после закрытия ярмарки эта женщина увезла его в составе своей труппы в Казань. На напечатанных в Казани новых, красивых афишах впервые и его имя было зафиксировано как «эстрадный артист Файзулла Туишев». С этого дня «Туишев» стал его псевдонимом, а позже этот псевдоним превратился и в фамилию. Позже некоторые афиши были напечатаны с ещё более сокращённым именем, как «Фаиз Туишев».

Их труппа проработала в Казани с первых дней Масленицы до весны. Файзук в большинстве случаев выходил на сцену и танцевал в обличье русских парней, играл на гармонии чаще русские мелодии. Особенно ему удавался танец с самоваром на голове. По причине того, что он выступал в этой труппе в амплу русского парня, его однажды на улице даже побили казанские парни.

К началу ярмарочного сезона Файзук уже вернулся в Мелекес. Тогда в городе работала и группа цирковых артистов из города Симбирска. По окончании ярмарочного сезона на вторые гастроли Файзук отправился уже с этой цирковой труппой. Они объездили тогда почти все крупные города Поволжья. В составе этой труппы с песнями-плясками и цирковыми представлениями выступал и юный артист Туишев...

Судя по рассказу самого Туишева, во время этих гастролей, когда жили и работали в Самаре, здание арендованного их труппой цирка и большая часть их оборудования сгорела дотла. Артисты, уже работавшие какое-то время не на полную заработную плату, остались совсем без денег. Руководитель труппы сбежал из города. Молодой артист Файзулла Туишев был среди тех, кто оказался в самом бедственном положении. Артиста, обречённого на горькую участь, чуть позже спасла только сохранившаяся на руках гармонь. После этого случая он уже сам организовывал собственную небольшую группу и встал на прямой путь, ведущий к вершинам славы и признания в масштабе страны. Именно тогда он впервые оказался на Кавказе. Сначала выступали в цирковой труппе в Тифлисе. Потом продолжили сезон в мусульманском городе Баку. И в это время он вынужден был возвратиться домой. Подошло время призыва в армию.

В двадцать два года, осенью того самого года, когда произошло упомянутое событие с труппой Симбирского цирка, Файзулла Туишев впервые приехал в родное село как артист. Как сообщалось ранее — приехал для прохождения призывной комиссии как военнообязанный гражданин... С последней встречи с родными и друзьями прошло примерно шесть лет. В Старой Тюгальбуге особых изменений не было. В семье Хуснутдина росли двое племянников. По воспоминаниям сверстников, Файзук приехал в село осенью 1906 года. Каких-либо концертных выступлений организовано не было. В те годы такие мероприятия в селе строго запрещались. Единственными местами общения сельчан были только мечети.

После этого в родном селе он не показывался около двадцати лет. После освобождения из службы в армии он опять продолжил гастролировать со своей небольшой группой по всей России. Вот как вспоминает одну из встреч с этой группой артист театральной труппы «Сайяр» Лукман Аитов в своей книге воспоминаний «Артист язмары» («Записки артиста»). С эстрадной группой Файзуллы Туишева они встретились летом 1909 года в Нижнем Новгороде в дни известной ярмарки. «На сценической площадке ярмарки в эти дни шли концерты Файзуллы Туишева. С ним и с его творчеством я впервые там и познакомился. Был просто поражён тем, что из среды нашего народа мог выйти такой виртуозный гармонист.

До этого я знал подобного уровня музыканта из русских исполнителей Петра Невского. Этот знаменитый гармонист однажды гастролировал у нас в Перми. Файзулла Туишев на своих различного размера гармониях искусно исполнял кроме русских мелодий и наши родные татарские. К тому же сам играл и одновременно сам же очень умело приплясывал — это было восхитительно. Зал стоя аплодировал после каждого выступления музыканта», — писал Лукман-ага.

В те же годы артист побывал и в Санкт-Петербурге. С какой труппой он оказался тогда там — я не смог выяснить. Но имеются письменные воспоминания о том, что там он выступал со своим знаменитым земляком Фёдором Шаляпиным и аккомпанировал ему. Ещё какие там были выступления, какие мелодии исполнял наш музыкант — об этом тоже конкретных сведений у меня не имеется. Наверняка именно тогда он, молодой музыкант из далёкой Волжской «Тартарии»¹ удивлял столичную высококультурную публику исполнением и «Персидского марша» И. Штрауса, и фантазией на темы «Травиаты» и увертюрами «русского кадрилиа»... По сведениям музейных работников республики, факт его выступления на сцене с Фёдором Шаляпиным мог быть отражён в архиве Петербургского фонда этого великого артиста. Но данные этого фонда, касающиеся деятелей нашей республики, пока в наш национальный музей ещё не поступали. Но такой запрос был, сказали мне недавно.

В Национальном музее нашей республики хранится часть архива Файзуллы Туишева и его более двадцати музыкальных инструментов. Там же хранятся и некоторые афиши, и концертные программы разных лет. Вот программа от 17 апреля 1914 года. Она напечатана отдельно на татарском и на русском языке. В них говорится, что в зале Казанского купеческого собрания состоятся концерты Файзуллы Туишева и спектакль. Администратором вечера указан Ш. Абдеев. Фамилия Абдеева также упомянута и в списке участников одноактного спектакля. В спектакле играли ещё Валишин, Ибрагимов, Исмагилов и Саттаров. Можно предполагать, что это была концертно-театральная бригада Файзуллы Туишева в то время.

¹ Европейцы историческую родину татар называли «Тартарией».

А потом в стране произошли крутые изменения. Началась Первая мировая война. Эта война была жестокая, с применением доселе не виденных танков, самолётов, скорострельных пушек. Также на этой войне впервые был тогда применён химический яд для уничтожения солдат и мирных жителей противника. Артист Файзулла Туишев когда и каким образом был втянут в события Первой мировой, а затем и Гражданской войн — я не смог уточнить. Известен только условный маршрут выступлений его группы лета 1914 года. Некоторые односельчане говорили, будто бы эстрадная группа Файзулла-ага встретила начало войны в городе Оренбурге. В этом городе в те годы вёл активную театральную деятельность Ильясбек Кудашев-Ашказарский. Сокурсник по Казанской учительской школе известного писателя и основателя первых газет на татарском языке, разрешённом после царского манифеста 1905 года, Гаяза Исхаки. После того манифеста, давшего татарам и другим нацменам страны возможность издавать газеты и открывать театральные заведения, оренбуржец Ильясбек на своей родине тоже проявил активность. Он был организатором первого татарского театрального коллектива, чуть позже именованного труппой «Сайяр», также был талантливым музыкантом. Считался искусным игроком на разных музыкальных инструментах, особенно на скрипке. С Файзуллой они не раз встречались в дни Нижегородских ярмарок. Сохранилось фото, где оба музыканта запечатлены со своими музыкальными инструментами. Но когда и в каком городе они были сфотографированы — пока не выяснено. В 1914 году, во время приезда группы Файзуллы Туишева в Оренбург, в городе работал другой театральный коллектив — «Ширкат». Встречались ли они тогда с Ильясбеком Кудашевым-Ашкадарским — пока неизвестно. Но сохранились два альбома с фотографиями, перед своей кончиной переданные женой Ильясбека, тоже известной артисткой, Ханской оренбургскому краеведу Рахимкуловой Мадине. Один альбом посвящён Ильясбеку. А во втором одиночные и коллективные снимки артистов театральной труппы. Там в нескольких коллективных снимках с артистами оренбургской татарской театральной труппы запечатлён и молодой музыкант Файзулла Туишев. Но в тот ли год

гастролей сняты эти фотографии — пока не выяснено. Возможно, данные коллективные снимки артистов были сделаны уже после бурных революционных событий.

Потом группа Ф. К. Туишева выехала вроде бы в Москву, а оттуда в Петроград. (Столица империи с 1914 по 1924 год называлась этим именем.) Говорят, что о данных гастролях группы были сведения в газетах тех лет. И упоминали газету «Ил» («Родина»), издававшуюся в то время в Москве писателем Гаязом Исхаки.

Файзулла Туишев, находясь на гастролях в бывшей в то время столице — Петрограде, был привлечён кем-то в бригаду волонтеров, обслуживающих раненых в госпиталях. И тогда его заметила якобы сама императрица, принимавшая участие по оказанию различной помощи раненым бойцам, находившимся в лазаретах и госпиталях столицы. Об этом мне в шестидесятых годах рассказывал бывший фронтовик Великой Отечественной войны, участник обороны Ленинграда поэт Махмут Хусаин. После войны он поступил учиться в Казанский университет. И одновременно стал посещать кружок гармонистов, организованный Ф. К. Туишевым ещё в тридцатых годах. С известным музыкантом они вскоре подружились. Он часто бывал и в доме музыканта, и имел опыт совместного сочинения песен. Одна из этих песен — «Дустыма» («Другу») стала популярной уже в пятидесятых годах. Известно, что по рекомендации императрицы многих волонтеров и других лиц, активно участвовавших в обслуживании раненых бойцов царской армии, награждали медалями и даже боевыми орденами Георгиевских крестов. Махмут Хусаин рассказывал, что и Файзулла Туишев был тогда награждён таким орденом. Артист говорил ему, что этот крест он потерял в годы Гражданской войны, где он тоже вроде бы активно участвовал. В архиве Махмут-ага Хусаина должны были сохраниться как записи-воспоминания самого поэта о «великом своём друге», как иногда говорил он о старшем товарище, так, возможно, и некоторые личные бумаги известного музыканта и композитора Ф. Туишева. Но сохранился ли где-либо этот архив поэта — мне пока неизвестно. Наши литературоведы пока о нём редко вспоминают. Поэт также любил иногда артистичным голосом подражать манере разговора своего кумира. И многие писатели и журналисты, лично знавшие великого музыканта,

утверждали тогда точность подражания его басистому голосу Махмутом Хусаином.

А известный артист эстрады Файзи-ага Юсупов в интервью корреспонденту журнала «Идел» дату «потери царского ордена» Туишевым вспоминает по-другому. Они со дня открытия Государственной филармонии работали с Файзуллой Туишевым в одном коллективе, а продолжительное время ещё и в одной эстрадной бригаде, созданной известным музыкантом. О Георгиевском кресте, вручённом видному музыканту самой императрицей, Файзи-ага сообщает следующее. «Из Манчжурии он возвращался сначала в Москву. Играл в русских концертах. Потом понял, что надо служить родному народу, вернулся в Казань. Организовал татарский эстрадный коллектив. (Куда был принят и молодой артист Файзи Юсупов.) Был у Туишева Георгиевский крест, вручённый в Петербурге самой царицей. В страшные сталинские годы он попросил меня как-то: «Выбрось-ка это в Булак незаметно». Куда денешься, я так и сделал». Выходит, этот орден, оказывается, не был потерян когда-то, а выброшен по настоянию самого артиста в период репрессий — в середине тридцатых годов. Наш земляк, видимо, молодому поэту Махмуту Хусаину похвалился, что имел такой орден, но подробностей «потери» ему не хотелось уточнять. И о самом загадочном — участии артиста в Гражданской войне много неясностей.

Ещё одна большая загадка в биографии нашего земляка: какая судьба ждала его в дни потрясений 1917 года? Каким образом он очутился на краю земли — во Владивостоке к концу Гражданской войны? После петроградских событий, после получения ордена из рук царицы, продолжал ли он гастролировать по обнищавшим в годы войны городам России? Об этом пока точных сведений нет. И при встрече со сверстниками он, видимо, об этих событиях ничего не рассказывал. Правда, в повести Фатиха Хусни имеются кое-какие сведения об этих годах. Естественно, что эти сведения были рассказаны автору повести самим героем повествования. И автор использовал эти сведения по своему усмотрению, учитывая политическую ситуацию времени написания этого произведения. Там описывается, что Туишев с каким-то эшеленом красноармейцев странствует в сторону Сибири, ободряя уставших и измождённых воинов игрой на различных

своих гармошках. Лето 1918 года. Их, семнадцать человек, вроде бы нанял артист А. Андрейко для организации гастролей по сибирским городам. Но началась Гражданская война, и их группа оказалась между двух воюющих сторон. Им удалось попасть в какой-то воинский эшелон, направлявшийся в сторону Сибири. Когда они добрались до города Тюмени, начались неприятности. Их эшелон захватывают колчаковцы. Кое-кого они арестовывают. Допрашивают вроде бы и нашего земляка. Но он, показав следователю «какой-то медальон с царским орлом», скоро оказывается свободным. Естественно, упоминаемый в повести «какой-то медальон» — наверно, и есть тот самый Георгиевский крест. Но об этом писатель в те годы не мог откровенно написать. Прожив в этом городе несколько дней, пообщавшись с местными татарскими купцами, артист вынужден отправиться в город Омск, где был расположен штаб Белой армии Колчака. Здешние офицеры заставляют его играть и «Боже, Царя храни!», и другие подобные мелодии. Он старается как-то увильнуть от таких назойливых запросов офицеров. И вынужден часто менять место жительства. Зиму 1919 года он проводит в различных городах Сибири — в Томске, Иркутске и Чите. Там его нанимают музыкантом в Харбинский театр «Аполло». И таким образом он оказывается на чужбине, в Маньчжурии.

Во время создания этой повести — в конце тридцатых годов — автор не мог душевно написать о событиях жизни автора в тех местах, занятых Белой гвардией. Не мог приписать героические поступки своему герою в тылу противников большевиков. Все же тогда знали, что Файзулла Туишев до этого времени не проявлял особого интереса к революционным деяниям своих современников. Правда, позже, в родном селе он как-то проговорился, что помогал деньгами «революционеру Гаязу Исхаки», когда тот находился в каторге.

Не выясненными остаются и события с женитьбой нашего героя «на дочери белого генерала» Лейле. Файзи-ага Юсупов журналисту «Идели» так и говорит: «Был женат на дочери белого генерала, еврейке». Сам царский генерал не мог, наверно, быть евреем. Ещё в начале XX века евреям даже запрещалось жить в столичных городах. Об этом мне с горечью рассказывала и писательница Софья Борисовна Радзиевская, рождённая в местечке недалеко

от Санкт-Петербурга. Им тогда запрещалось посещать город. Но жена этого неизвестного нам генерала, мать Лейлы могла быть и крещённой еврейкой. Но генералом каких частей был этот человек, в те переломные годы где служил и кем был — об этом пока никаких сведений нет. Кажется, и Лейла-ханум такой биографической записи не оставила. И Махмут-ага Хусаин говорил мне когда-то, что отцом Лейла-ханум был царский генерал. Может быть, он и фамилию этого генерала знал, но тогда я об этом его не расспрашивал. Неизвестно также, когда же женился на этой красивой, и по словам Файзи Юсупова, «богатой» Лейле наш великий музыкант? В повести Ф. Хусни она впервые упоминается по случаю выплаты артисту зарплаты поддельными деньгами в городе Харбине. Затем происходят кровавые события, самострел, полугодовое лечение Файзуллы Туишева в госпитале. После лечения он решает срочно покинуть этот город. И оказывается во Владивостоке. Жену Лейлу на время оставляет в Харбине. Выходит, что он был женат в городе, где пробыл чуть менее года. А может быть, это событие произошло прежде в том же Омске, Иркутске или ещё раньше. Пока об этом нам ничего не известно. Видимо, музыкант данный эпизод своей биографии старался не афишировать. Наверно, по причине того, что женат был не на простой актрисе или крестьянке, угодной для биографий в тридцатых годах.

Вернёмся в город Харбин, где скрывались тогда от наступающих сил большевиков целые армии белогвардейцев. Известно, что офицеры казачьего атамана, генерала Григория Семёнова, хозяйничали в этом городе до конца Второй мировой войны, до освобождения Маньчжурии от японцев в сентябре 1945 года. А заодно с семёновцами в этот город в 1919 году эмигрировало и большое количество богачей, в числе которых была и немалая доля «купцов и буржуев из татар». Правда, часть татар в этот город Маньчжурии попала ещё до бурных событий, когда после русско-японской войны Россия здесь строила железную дорогу, связывавшую центр страны с берегами Тихого океана.

По этому поводу вспоминается устный рассказ грузинского писателя Левана Ивлиановича Хаиндравы. Он в революционные годы родился в Харбине. Его родители были строителями данной железной дороги. Притом мать

его была родом из Польши — полячка с какими-то татарскими корнями. Он рос в этом городе, играя с детьми наших соплеменников. И учился он в гимназии города Харбина также с татарскими ребятами. Рассказывал, что и в домах у них часто бывал, и называл имена и фамилии некоторых из этих ребят. Позднее он стал участником музыкальной группы Олега Лундстрема. Когда этой известной джазовой группе разрешили переселиться в СССР, за выбор города Казани одним из первых подал голос он. И они в 1947 году оказались в столице Татарстана. Но Левана вскоре здесь арестовали, а остальные члены группы продолжали учёбу в Казанской консерватории.

Да, в Харбине ещё до эмиграции большого потока купцов в годы Гражданской войны была достаточно заметная диаспора татар. С конца XIX века в Харбине проживали десятки купцов. Например, братья Агишевы здесь содержали несколько мануфактурных и обувных магазинов. И купцы Агиевы, Байчурины, Деушевы были так же известными людьми в городе. Эти купцы вели тогда оживлённую торговлю между городами России и Китая. В 1906 году в Харбине была построена мечеть. С 1908 года работали национальная школа-медресе, названная именем местного ахуна Гиниятуллы Салиахметова «Гиниятом», и общественная библиотека. А с революционной волной к этой диаспоре татар в манчжурском городе добавилось ещё заметное количество беженцев. И поэтому Файзулла Туишев в первые месяцы пребывания здесь себя чувствовал, наверное, как дома. А потом постепенно понял, что родина-то осталась вдалеке. Он затосковал по дому. Долгими месяцами лёжа в госпитале и постоянно думая об оставленной вдалеке Родине, он пришёл к правильному выводу. Да, отсюда, из чужбины он не может, как прежде, организовывать свои гастролы, не может собрать свою труппу. Непременно надо отсюда уехать! Так возникло решение о необходимости переезда отсюда. Но куда? И маршрут был выбран верный, самая ближайшая российская станция — город Владивосток. Правда, там тоже ещё хозяйничали белые генералы наряду с японскими воинскими отрядами. А отряды красных были вроде не так далеко от города. И если позволят политические условия — можно оттуда продолжить путь в сторону запада. А по пути домой можно организовать и гастрольную деятельность, как было прежде. Но для

осуществления этой мечты необходимы были ещё и деньги.

Новый, 1922 год они с женой встретили во Владивостоке. Из-за разрухи после бурных событий концертная деятельность в городе была в упадке. Ему пришлось работать поочерёдно в составе двух цирковых коллективов. Из них французский цирк вскоре распался. А из китайско-японского, тоже еле сводящего концы с концами, ему самому пришлось уйти. Этот коллектив намеревался уехать на длительные гастроли по городам Китая. А ресторан, где гармонист немного подрабатывал, плохо обеспечивал деньгами. К тому же не только бытовая, но и политическая жизнь в городе была очень не стабильна. Чувствуя приближение Красной Армии, вскоре город покидают японцы. А потом начинается штурм города красными. Владивосток был освобождён в сентябре 1922 года. Файзулла Туишев встречает победителей вдохновенной игрой на баяне только что им созданного марша «В честь взятия Владивостока Красной Армией».

И вот открыт путь на запад. После некоторых процедурных процессов и установления порядка на дороге семья Туишевых отправляется на родину. Но путь их оказался долгим. Файзулла Туишев вынужден был останавливаться почти на каждой большой станции, организовывать там концерты — таким путём зарабатывать деньги и документы для дальнейшего продолжения поездки домой. И обратный их путь от Владивостока до Москвы продолжался около двух лет. Видимо, учитывая будущую политическую необходимость, он не забывал организовывать и бесплатные выступления перед красноармейцами и исполнять одиночно или совместно с составом местных оркестров свой марш «В честь взятия Владивостока Красной Армией».

Вот что сообщает по этому поводу Файзи-ага Юсупов в вышеуказанном интервью. И об этом же он говорил нам, когда в начале 1980-х годов целую неделю мы находились с ним в Дрожжановском районе по линии Бюро пропаганды Союза писателей республики. «С Дальнего Востока Туишев вернулся сначала в Москву. Потом уже обосновался в Казани, желая служить своему народу. К себе и остальным он был очень требовательным. После войны бывали случаи, когда его, больного, еле-еле приводили на место выступления. А выйдя на сцену, перед любимой

им публикой он мгновенно преображался... Становился прежним любимцем публики... А жил Файзулла Туишев богато. (Имеется в виду, конечно, жизнь семьи музыканта в тридцатых-сороковых годах.) Дома столько было ценных вещей... одних гармоней не счесть. И интересный архив был... Одним словом, квартира — готовый музей. Но после его смерти всё было растранижено. И следа сейчас не осталось. Нет, не умеет наш народ ценить своих сыновей. Даже фотографий достойных не осталось. Файзулла-абый, помню, шутил: мол Казанской гармонной фабрике надо бы присвоить его имя. Фабрика работает поныне, а имени его нет...» Вот так размышлял когда-то о наследии своего старшего товарища его коллега, заслуженный артист Татарской АССР Файзи-ага Юсупов. Он был тоже уважаемым своим народом мастером художественного слова и неплохим гармонистом. А в начале нового века и он навсегда покинул нас, оставив добрую память о себе в сердцах миллионов зрителей. На сцене он тоже был настоящим, всеми желанным артистом. Недаром с юных лет он был включён в состав эстрадной бригады великого мастера сцены.

Относительно богатства своего земляка я ничего сказать не могу. Главным его богатством были, конечно, его серебряноголосистые гармончики да тальянки, хромки и баяны. И тот же Файзи-ага Юсупов рассказывал, что Файзулла Туишев, где бы ни выступал, всегда с собой таскал не менее двух больших чемоданов с гармошками. А под мышками всегда носил большой баян. По моим представлениям, его дом был богат ни от наследства какого-то белого генерала, а им самим заработанными вещами. А зарабатывал он прилично. В юбилейной книге Татарской государственной филармонии имени Габдуллы Тукая, выпуска 2007 года, приводится список эстрадных артистов на 10 июня 1940 года. Там указан месячный заработок Файзуллы Туишева в сумме две тысячи рублей. Для того времени это очень большая сумма. В списке приведены 17 фамилий. Но сумма заработной платы указана только у него. Из опыта своей семьи знаю, что некоторые учителя сельских школ в те годы получали менее трёхсот рублей в месяц. На основе вышеуказанной суммы заработной платы артиста можно предполагать, что эстрадная бригада Ф. К. Туишева в те годы зарабатывала очень большие суммы денег и была одним из основных содержателей всего коллектива данной филармонии. Так же было и в

последующие годы. В пятидесятых-восьмидесятых годах приход от концертной деятельности бригад Рашита Вагапова, затем Ильгама Шакирова и Альфии Афзаловой покрывал большую часть расхода всей организации в целом. Их труд был любим своим народом. Концерты этих бригад всегда приносили большой доход.

О всеобщей народной любви Файзуллы Туишева и его творчества в своё время очень искренние слова высказали и современные классики татарской литературы. Народный писатель Татарстана Гумер Баширов, например, в одной статье, написанной им в 1992 году, очень высоко оценивал творчество нашего музыканта. Называл его одним из настоящих исполнителей татарских народных мелодий, указывал, что исполненные им мелодии из песен «Аллюки», «Ончы Фахри», «Иске Карурман» и других он до сих пор вспоминает с удовольствием. И зрители их воспринимали с восторгом. Есть и довольно объёмное стихотворение Мусы Джалиля, посвящённое моему земляку. Оно начинается с таких строк:

Ты улыбнулся, глядя на нас
Вечно смеющимися глазами, зорко.
И запела гармонь,
Словно вместе с тобой
Засмеялась она звонко...

(Подстр. пер.)

По воспоминаниям современников, и русские народные песенные мелодии он исполнял исключительно талантливо. «Есть на Волге утёс», «Камаринская», «Эй, ухнем!», «Светит месяц» и другие в его исполнении с восторгом воспринимались всеми зрителями, не только русскоязычными.

* * *

После окончания Гражданской войны артист вернулся и жил сначала в Москве. А потом обосновался в Казани. Народный артист Татарстана Хаким-ага Салимжанов хорошо помнит первый концерт гармониста, организованный им в большом зале театра имени Г. Камала... Этот концерт был проведён, когда из гастролей по Сибири и Дальнему Востоку Файзулла Туишев насовсем вернулся в Казань. Об этом историческом событии в культурной жизни Татарстана Хаким-ага Салимжанов вспоминал не раз.

Вот что пишет он в статье «Незабываемый гармонист», напечатанной в республиканской газете «Социалистик Татарстан» от 18 декабря 1974 года: «Файзулла-ага Туишев был неповторимым, ярким талантом, профессиональным музыкантом в полном смысле слова. У него был невероятно богатый репертуар. Вот он, пробыв какое-то время в чужих краях, наконец вернулся в любимую, лирическую Казань, — так он начинает своё воспоминание о нём. — Из татарских мелодий особенно проникновенно исполнил тогда песни «Ончы Фахри» и «Аллюки» и другие мелодии. Зрительный зал был тогда в восторге от его выступления...» (Часть воспоминаний этого артиста также помещена в начале данного произведения.)

К этому воспоминанию, столь точно описывающему весь облик и состояние удивительно виртуозно игравшего на гармонии гармониста, невозможно что-либо добавить или рассказать что-то более того. По-моему, Хаким-ага Салимжанов очень полно отображает уважение и любовь к своеобразному музыканту зрителя, да и в целом всего народа, кем бы он ни был — татарин ли, русский ли, или украинец. Да, в его репертуаре были и истинно украинские мелодии, вроде «Веют ветры» и другие. И об изумительном исполнении им вальса «На сопках Маньчжурии» тоже часто вспоминают зрители. Концерты Файзуллы Туишева, где бы ни были организованы, начинались пламенными аплодисментами и заканчивались длительными овациями зрителей стоя в честь артиста. Любимый им народ везде встречал его с любовью. Часто провожали его со сцены криками: «Браво!!! Браво, Туишев!» Или со словами: «Желаем долгой жизни Туишеву!» Даже некоторые немного мнительные чиновники, видя бурное одобрение народа, решили проявить терпение, закрыть глаза на прежние жизненные заблуждения известного артиста. Например на то, что в начале двадцатых годов он, будучи во Владивостоке и Харбине, общался там с беглыми эмигрантами и белыми офицерами.

Один из бывших художественных руководителей Татарской государственной филармонии, композитор Александр Ключарёв тоже очень высоко ценил музыкальную деятельность Файзуллы Кабировича Туишева, назвав его творчество уникальным явлением в татарском мире.

После возвращения в Казань артист не забывал и о необходимости подготовки подобных себе искусных гар-

монистов. В архиве Национального музея сохранились фотографии, запечатлевшие моменты проведения им занятий с молодыми музыкантами. Ещё до образования Государственной филармонии он организовал ансамбль гармонистов. При его содействии и поддержке стали известными музыкантами-гармонистами бывший самарец Гали Джемниханов, Казанцы Файзи Биккинин, Рокья Ибрагимова... Интереснейший эпизод сохранился в памяти музыкантов — юная Рокья Ибрагимова участвовала в конкурсе игры гармонистов и заняла первое место. Это произошло в 1927 году, когда ей было всего пятнадцать лет. По случаю победы в конкурсе Файзулла Туишев подарил ей свою гармонию. И этот случай она запомнила навсегда. Известнейшего музыканта последних десятилетий, народного артиста Татарской Республики, так рано покинувшего нас Рустема Валиева мне хочется причислить к заочным ученикам и творческим последователям нашего великого гармониста Ф. К. Туишева. Его родители были из тех же мест, откуда и Файзулла Туишев. Проведя большую часть детства и часть каникул в доме бабушки и дедушки, он слушал татарскую народную песню, в том числе и игру на различных инструментах своего земляка в передачах по радио и на пластинках. Именно там, в сёлах Лабит и Тёплый Стан он впитал своей юной, талантливой душой великое наследие своего народа. Встречаясь с Рустемом как с земляком, и об этом мы с ним говорили. Особенно часто мы беседовали с ним, вспоминая нашего великого соотечественника, когда жили в одном доме по улице Татарстан. И в те же годы он стал одним из первых лауреатов конкурса гармонистов имени Файзуллы Туишева. А такие конкурсы, организованные Министерством культуры Республики Татарстан, проводятся в два года один раз с 1988 года.

Надо также отметить, что в последние десятилетия в Казани очень активно работает и ансамбль гармонистов, организованный известным музыкантом, народным артистом Республики Татарстан Рамилем Курамшиным. Появление этого ансамбля гармонистов тоже можно отметить как пример продолжения деятельности Файзуллы Туишева, как заочный пример творца старшего поколения для последующего активного деятеля.

В годы восстановления страны, в том числе и республики, от руин и разрухи Гражданской войны было по-

строено множество необходимых для населения новых производственных предприятий по выпуску бытовой техники и изделий лёгкой промышленности. В те годы в Казани были сданы в эксплуатацию меховая фабрика, новая электростанция (ТЭЦ №1), приступили к строительству авиационных заводов. И в числе таких предприятий была создана и гармонная фабрика. В конце двадцатых и начале тридцатых годов в организации и строительстве этой фабрики принял активное участие Файзулла Туишев. Вспоминая прошлое, он сам говорил о том, что был инициатором организации производства этих музыкальных инструментов. Об этом нам говорили Файзи-ага Юсупов, Махмуд Хусаин и другие люди. Точно известно, что с 1933 года Файзулла Кабирович Туишев был одним из специалистов в техническом совете данной фабрики. Сначала он выполнял там обязанности главного специалиста, а позже был консультантом.

«Самовар ставь, тэчи!»

После длительной поездки по регионам Европы и Дальнего Востока, после отсутствия более десяти лет артист, очень соскучившись, наконец возвращается и на малую родину — на берега Черемшана. Родная земля, дорогие друзья детства притянули его вновь к себе. В Старой Тюгальбуге его сверстники не помнят точно, в каком году он в первый раз приехал в родное село с концертом, будучи уже известным советским артистом. Упоминают, что было это «после голодных лет начала двадцатых годов». В Старой Тюгальбуге тогда ещё не было клуба. Его концерты состоялись в одном из просторных зданий бывшего медресе, освободившемся от учеников. Это была тогда изба-читальня: вдоль стен книжные шкафы, посредине несколько столов с кипами газет и десятка полтора стульев и табуреток. Позже мы, мальчишки, туда тоже изредка заглядывали, чаще всего для просмотра книг и журналов с рисунками. В год приезда в село знаменитого земляка заведовал этим культурным заведением «избач» Накытдин Миннебаев. Позже, в последний приезд земляка с концертом, он уже был одним из руководителей колхоза, изучившим краткий курс агрономии в областном центре. В 1960—1970-х годах мы с ним дважды встречались. Накытдин-ага, раньше сам считавшийся одним из

лучших певцов в деревне и носивший прозвище Былбыл (Соловей) Наки, примерно так описывал первый приезд музыканта после бурных событий в стране. «Люди, пришедшие посмотреть, послушать игру земляка Файзука, не вместились в ту избу рядом с мечетью. Народ толпился и на улице. Тогда мы попросили его, чтобы он и завтра здесь выступал. И он согласился. Три дня он играл без усталости. Услышав о его концертах, люди и из других сёл приезжали к нам».

А через несколько дней люди, собравшись на улице Курай, чтобы проводить своего односельчанина, прощались с ним с добрыми пожеланиями:

— Дорогой наш земляк, Файзулла-ага, ещё приезжай к нам, ещё и ещё раз порадууй нас своей игрой!

И он им обещал почаще бывать на родине. После этого артист ещё несколько раз приезжал в село. Тогда были живы и его тётушка Банат, и её сын Шамси. Артист в каждый свой приезд останавливался в родном доме. Но гостил он не только у них. Каждому из бывших друзей и руководителей села хотелось посидеть с ним наедине или в компании с близкими. До 1939 года на родину он приезжал всегда один. Часто он сюда «заглядывал на несколько дней», находясь на гастролях где-нибудь недалеко от родных мест.

Лишь в 1939 году он заранее сообщил, что приедет с женой. Сельское руководство решило их встретить с большим почётом. С Лейла-ханум их разместили в доме известной на селе женщины, имеющей прозвище «ЦИКа Гаян». У неё был большой, опрятный дом. И дом этот находился в центре села — напротив клуба на соседней улице. С конца двадцатых годов Гаян-апа Сагдиева считалась одной из активисток села. Эта женщина была избрана от Средневолжского края в состав Всесоюзного Центрального Исполнительного комитета СССР и принимала участие в решении судьбы страны за одним столом с самим Калининым. У Сагдиевых на стене ещё долго тикали красивые часы, подаренные ей в Москве. Она, хотя и с некоторыми искажениями, но немного умела разговаривать на русском языке. Поэтому новый председатель колхоза Имам Мустаев решил, видимо, что и с Лейла-ханум она сможет найти общий язык. Дом Гаян-апа и от правления колхоза располагался близко. Значит, этот дом со всех сторон подходил для высоких гостей.

В тот приезд Файзулла Туишев два дня подряд в здании прежней мечети исполнял различные мелодии на разных гармониях, угождая не только односельчанам. Да, в то время уже самая большая мечеть села была превращена в клуб. Лишь по тому, что её лобная часть, чуть сдвинутая с улицы на бок, направлена к юго-западу — мусульманской кибле, можно было догадаться, что это прежняя мечеть.

Как прошёл тогда концерт в родном селе музыканта — об этом мы уже говорили. Была ли хотя бы на одном из этих двух концертов супруга артиста, услышала ли, как одобрительно и шумно принимали выступление её любимого мужа односельчане, — об этом ничего не могу сообщить. Забыл расспросить об этом односельчан. Ну о том, что она была прекрасна, как ханская дочь, — об этом вспоминали многие. А некоторые говорили, что она выглядела как настоящая артистка. Да, кое-кто из односельчан так и говорили, что Файзулла тогда, мол, приехал с женой-артисткой.

Оказалось, что в тот самый приезд Файзулла-ага в последний раз ступал по земле родного села как артист. Начавшаяся осенью того же года война с финнами, затем сразу начало Великой Отечественной войны отдалили его от родных краёв. А вместе с войной пришли разные болезни и старость. Хотя в последние годы жизни он и не мог приезжать на родину, народ Старой Тюгальбуги никогда не забывает своего сына, великого артиста Файзулла-ага Туишева, являющегося гордостью своего села. Жители Татарстана тоже никогда не забывают народного артиста Татарстана Файзуллу Туишева.

Файзулла Кабирович Туишев не только искусный музыкант-исполнитель, но и сочинитель мелодий, т. е. многими признанный композитор. В середине пятидесятых годов он, как и Сара Садыкова, Шакир Мазитов был включён в список кандидатов в члены Союза композиторов Татарской АССР. Их имена, с указанием списков созданных ими произведений были изданы тогда в биографическом справочнике композиторов Татарстана. Композитор, народный артист ТАССР Джаудат Файзи высоко оценивал творчество Файзуллы Туишева как композитора, имеющего большую творческую фантазию. Написанные им в молодости различные сюиты, экспромты и даже марш, исполненный им по случаю победы Красной Армии во Владивостоке, не были своевременно

переложены на ноты, поэтому разошлись, растерялись во время гастролей по стране. А вот написанные в годы постоянного проживания в Казани около тридцати песен, другие музыкальные произведения принесли ему известность и как композитору. Многие песни, к которым он написал музыку, были любимы нашим народом. Скажем, такие песни, как написанная к словам Ахмата Ерикя «Халкыма» («Моему народу»), созданная на стихи Сахаба Урайского «Төзелештә» («На стройке»), написанная на слова Махмута Хусаина «Дустыма» («Другу»), в прежние годы очень часто передавались по радио. Их постоянно исполняли и на эстрадной сцене.

Не забывается и песня «Кукмара», положенная на музыку на основе народных слов. Кроме этого Файзулла Туишев написал марш, посвящённый «Памяти поэта Аделя Кутуя», и «Пионерскую сюиту» для струнного квартета (совместно с М. Юдиным).

В 1930-х годах Файзулла Туишев был признан заслуженным деятелем искусств ТАССР. В некоторых статьях-воспоминаниях современников так же сообщается, что в 1927 году он был признан заслуженным работником культуры ТАССР. А в 1944 году, в год шестидесятилетия, Файзулле Туишеву было присвоено почётное звание «Народный артист Татарской АССР». Безусловно, у него были и другие награды и ордена. Но самая большая награда — это, конечно, глубокая любовь и уважение миллионной аудитории простых слушателей. Его имя надолго сохранилось в сердцах людей. Жаль только одно — в последние годы музыкальные исполнения знаменитого артиста очень редко звучат в радиопередачах. Может быть, устарели уже и записи, сделанные на его концертах.

Совсем недавно в печати было размещено и одно радостное сообщение. Семья известного художника Файзрахмана Аминова, долгое время жившего и умершего в Ленинграде, передала в Казанский национальный музей одиннадцать пластинок с записями исполненных мелодий Файзуллы Кабировича Туишева. Значит, есть надежда, что образцы своеобразной игры его на различных духовых клавишных инструментах, может быть, сохранены и ещё где-нибудь. А в музее Габдуллы Тукая (Казань, улица Г. Тукая) ещё недавно выставлены были двадцать концертных гармоней разного вида, разного звучания и

концертные костюмы знаменитого артиста. Каждый человек, посетивший музей, мог полюбоваться этими инструментами мастера, сохранившими память о нём. Знающие люди утверждают, что в доме у артиста было до пятидесяти единиц таких гармоней. Возможно, какая-то их часть хранится и сегодня в архиве Национального музея. Там же сохранено и ниже приводимое стихотворение в один куплет, когда-то и кем-то ему посвящённое. Вот подстрочный перевод этого стихотворного посвящения великому мастеру. В стихотворении творческое исполнение мелодий творца сравнивается с залиvistым пением соловья.

В руках Туишева заливаются гармони,
Будто соловьи.
Сам он бескрылый, летать не может.
Но всё же
Живёт на земле, соперничая с соловьями.

В 2009 году со дня рождения великого мастера исполнилось 125 лет. В середине ноября в Старой Тюгальбуге к этой дате было посвящено большое мероприятие. На этих юбилейных торжествах участвовали представители как городов Казани, Ульяновска, так и из других мест. Юбилейные торжества были организованы по инициативе руководства Новомалыклинского муниципального образования Ульяновской области. И открыл это юбилейное мероприятие глава района Ильяс Мухутдинов. Потом слово было предоставлено председателю Ульяновской областной национально-культурной автономии Рифгату Ахмадуллову, представителю Исполкома Всемирного конгресса татар Миляуше Гумеровой. Она прочла поздравительный текст председателя Исполкома Всемирного конгресса татар, народного депутата Государственного Совета Республики Татарстан Рената Закирова. От имени Министерства культуры Республики Татарстан поздравил собравшихся представитель Дома народного творчества Ильгиз Кадыров. Мне было предоставлено слово как односельчанину и собирателю воспоминаний о великом нашем земляке. Там я сообщил собравшимся, что в журнале «Казан утлары» в 2007 году мной была напечатана документальная повесть, посвящённая Ф. К. Туишеву, и эта повесть также вышла недавно в моей книге «Кичке шәфәк» («Вечерняя зоря»).

А также представил для прослушивания зрителей диск с записями музыкальных произведений в исполнении нашего земляка. Преподаватель Елабужского училища культуры, односельчанка музыканта Салима Хисматова говорила, что творчество нашего земляка не забыто и среди современной молодёжи. Потом на сцену были приглашены известные музыканты, лауреат премии Конкурса гармонистов имени Файзуллы Туишева, народный артист Республики Татарстан Кирам Сатиев, организатор ансамбля гармонистов в городе Казани, народный артист Республики Татарстан Рамиль Курамшин. Несколько народных мелодий из репертуара Файзуллы Туишева исполнил и самодеятельный ветеран-гармонист из Ульяновска Иршат Аббазов. Перед участниками юбилейного собрания выступил и известный певец, народный артист Республики Татарстан Мингол Галиев. А приехавшая из Казани поэтесса Флёра Тарханова прочла своё стихотворение «Мишәрләрәм» («Мои мишари-мещеряки»). На юбилейном мероприятии с отдельными концертными номерами выступили и местные участники художественной самодеятельности. Вела это мероприятие активная участница подготовки данного юбилея, учительница местной школы Альфия Ибраева.

В тот же день на стене нового здания средней школы, недавно построенного в центре села при финансовой поддержке губернатора области Сергея Морозова, была прикреплена мемориальная доска, указывающая, что «в Старой Тюгальбуге 125 лет назад родился известный музыкант, народный артист Татарской АССР Файзулла Кабирович Туишев». Все мероприятия юбилейных торжеств тогда были сняты выездной бригадой Татарстанского телевидения во главе с ведущей Флёрой Абдуллиной.

В завершение этого мероприятия при участии представителей Ульяновской области был поднят вопрос о необходимости создания ансамбля гармонистов на музыкально-духовной родине великого артиста — в городе Мелекесс, присвоив этому ансамблю имя великого земляка.

Казан утлары. — 2007. — № 8

КАЗАНЬ ПРИТЯГИВАЕТ К СЕБЕ ОДАРЁННЫХ

(Документальная повесть)

Народный писатель Республики Татарстан (1989), лауреат государственной премии имени Габдуллы Тукая (1984) Амирхан Еники был одним из самых почитаемых своим народом мастеров художественного слова. Современниками он признан крупным мастером лирико-реалистической прозы.

В большую литературу Амирхан-ага вошёл своими мастерски выполненными прозаическими произведениями, повествующими о простых людях и, казалось бы, простых событиях, происходящих в их жизни. Но каждый герой его рассказов, повестей и романов предстаёт перед читателем с присущими ему чертами характера, со своей душевной красотой. Уже в первых произведениях, например в рассказах, написанных в годы войны, в боевых условиях, — «Ана һәм кыз» («Мать и дочка», 1942), «Мәк чәчәге» («Маковый цветок», 1944), «Бер генә сәгатькә» («Только на час», 1944), или созданных после войны, в первые мирные годы — «Тауларга карап» («Глядя на горы», 1948), «Кем жырлады?» («Песня любви», 1956), «Туган туграк» («Родная сторона», 1957) Амирхан Еники повествует о добрых деяниях своих героев, об их лучших чувствах по отношению к окружающим их людям. Читатель же невольно любит их, внимательно следит за их действиями, стремясь подражать этим героям в своей жизни.

Разумеется, на страницах произведений А. Еники с исключительно положительными героями живут рядом и герои с отрицательным характером.

Амирхан Еники известен прежде всего как талантливый исследователь сложных человеческих чувств и внутреннего мира героев своих произведений. Амирхан-ага занимали не только простые люди, но и великие его современники. Например, жизнь и творчество композитора Салиха Сайдашева, известных артистов Нагимы Тажда-

ровой, Шакира Шамильского. Им посвящены его отдельные произведения. Роман «Гуляндам» отражает события периода Гражданской войны и начала двадцатых годов и юношеские увлечения С. Сайдашева.

А начинал он своё творчество как новеллист в сложных двадцатых годах, когда ему не было ещё и двадцати лет.

Дальняя родина мурз Еникиевых

Амирхан Нигметзянович Еникиев родился 16 февраля (по старому стилю) 1909 года в большом селе Новая Каргала Белебеевского уезда Уфимской губернии. Через два года их семья переехала в посёлок железнодорожной станции Давлеканово. Отец его Нигметзян в то время был занят торговыми делами и часто разъезжал по окрестным сёлам и городам. Давлеканово стало второй, но самой любимой родиной писателя... В начале XX века Белебеевский уезд считался крупной житницей Уфимской губернии. В Давлеканове работало тогда семь-восемь больших паровых мельниц.

А Новую Каргалу в конце XVIII века обосновали прапрадеды Амирхана Еники — мурзы Еникиевы и их ближайшие родственники — мурзы Терегуловы, а также люди, переехавшие с ними вместе из Темниковского уезда Тамбовской губернии. В обыденном общении это село иногда называли Мурзинскими Каргалами (Морзалар Каргалысы). А в литературе и письменных источниках чаще употребляется название «Белебеевская Каргала», чтобы отличить это село от знаменитой своими медресе «Оренбургской Каргалы», находившейся в восемнадцати километрах западнее города Оренбурга.

Откуда и зачем переселились на степные просторы у реки Дёмы эти мурзы, чаще именуемые в народе «татарскими дворянами в лаптях» («чабаталы морзалар»)? В XVIII веке шло срочное освоение земель, ещё раньше отвоеванных Россией у Ногайской Орды на востоке, за Волгой. В 1734 году, в царствование Анны Ивановны, была образована новая Оренбургская губерния, для которой срочно стали строить её будущую столицу. Сначала она была заложена на берегу реки Яик на месте слияния с рекой Орью, откуда и возникло название губернии, «пристёгнутая» к имени его будущей столицы: Орь + бург (го-

род). Чуть позже столицу перенесли на триста километров западнее — к устью реки Сакмары, но название города осталось прежним. Место для первоначального города на устье Ори подыскал мурза Кутлумухаммед Тевкелов, принятый на службу к царскому двору ещё при Петре Первом. Затем он же участвовал при строительстве и нового города, а также крепостей и редутов, ямско-почтовых селений на дорогах, соединявших будущую столицу губернии с Уфой, Самарой и Казанью. Через Казань и Бугульму была проложена главная дорога — Московская.

Так возникли многие татарские поселения вдоль этих ямских дорог. Первоначально туда переселялись надёжные люди — семьи «служилых татар», состоящих в основном из обедневших мурз. А к концу того же века было дано разрешение и другим желающим переселиться в эти края. Мурзы Еникиевы и Терегуловы, когда-то обосновавшиеся в бывшем Касимовском ханстве, вблизи города Темникова, решили воспользоваться этим разрешением и купили земли у башкирских старшин в предгорьях Урала. Вот как описывает эти события Амирхан-ага Еники: «Татары-мишари жили под самым носом у Москвы. После распада Золотой Орды попали в зависимость к Московскому княжеству. Отношение русских князей и царей к ним в разное время было различным. Чаще татары были этому государству нужны. Нужны были в войсках. Татарские мурзы сторожили границы, воевали во всех войнах. В том числе участвовали и во взятии Казани Московией...»

Предков Амирхана Еники, впрочем и других мурз из их ближайшего окружения, зовут ещё «тюменами (төмән)». «В Золотой Орде тюмены состояли в войсках, которые делились на тысячи и десятки тысяч...» — пишет Амирхан-ага. Правда, ещё до образования Золотой Орды войска тюркских племён, возможно, даже со скифских времён, состояли из десятков (современное отделение), сотен (рота, эскадрон), тысяч (полк) и десяти тысяч (тюмен, современная дивизия) единиц. Из истории известно, что когда-то Монгольский курултай для завоевания западных от Волги территорий выделил хану Батюю три тюмена войск, то есть современные три дивизии. Мурзы Еникиевы, Терегуловы, Кугушевы, Колончаковы и другие в период каких-либо походов или войн должны были эти сотни, тысячи воинов собрать с подчинённых им территорий и доставить их на место сбора. То есть они были пожизнен-

ными воинами-офицерами, командирами на подчинённых себе территориях. По предположению Амирхана Еники, а также некоторых историков, и название современного города Темникова связано со словом «тюмен». Там, видимо, когда-то было место сбора одного из исторических тюменей периода Золотой Орды, а возможно, даже и Касимовского ханства. Да и в российской истории дворяне в основном были пожизненными воинами. Многие начинали служить в семейно-прикреплённых полках с тринадцатичетырнадцатилетнего возраста. Вспомним о семье дворян из бывших мурз Державиных. Вдовья мать Гавриила Державина, будущего известного поэта и чиновника Российской империи, — Фёкла Андреевна, чтобы пристроить сына на службу, ездила в далёкую столицу несколько раз.

* * *

После того как Касимовское ханство перестало существовать, многие мурзы лишились дворянских привилегий. Позже особыми указами царей некоторым из них, доказавшим своё бывшее дворянство документально, дали возможность опять именоваться мурзами. Указом царя от 1690 года в дворянское сословие была возвращена 61 семья мурз. И главы этих семей были назначены сотниками в местах своего проживания. В те годы уезды делились на сотни, и такой муниципальной единицей руководил сотник.

В изданной в 1886 году в Санкт-Петербурге справочной книге «История родов русского дворянства» приводится большой список возвращённых в это сословие лиц. В ней значится и фамилия Еникиевых (1690). Помню, как-то при участии Наки Исанбета, Хасана Сарьяна и других писателей возник разговор о том, что у татар нет имени «Еники». Предположили, что фамилия Еникиев, наверное, происходит от имени Янакая или Джаникай. С этими доводами и Амирхан-ага согласился, но сказал: «Раз в указе царя было так написано — такое написание сохранится и в будущем».

Что пишут о роде Еникиевых и Терегуловых в энциклопедиях? Начало этого рода восходит к золотоордынскому беку (князю) Бихану. Впоследствии из рода этого бека вышли и некоторые ханы Касимовского ханства. Амирхан-ага пишет, что Бихан был родоначальником и других мишарских мурз: Акчуриных, Кугушевых, Кутуе-

вых, Колончаковых, Тенишевых и других. Кстати, мать известного русского писателя Александра Куприна также была из рода мурз Колончаковых. Жила с дворянскими почестями ещё в конце XIX века.

Александр Куприн был очень почитаемым писателем Амирхана Еники. Он считал его в ряду своих кумиров — Галимджана Ибрагимова, Фатиха Амирхана и других... Но о том, что их связывает ещё очень и очень дальнее родство, узнал только в конце семидесятых годов, когда об этом ему письменно сообщил один из ленинградских учёных.

* * *

Считается, что есть княжеский род Еникиевых, имеющих ближнее родство с беком Биханом — это род, идущий по линии бека Тениша. Его сына звали Еники. «Грамотой Ивана Грозного от 6 мая 1539 года Темников был отдан (этому) князю Еникей-бею»¹. Дальние же их родственники, перейдя в Русское государство, были признаны только простыми дворянами. Одного из правнуков Бихана звали Кульдяшем. Он тоже имел сына по имени Еники. Под 1629 годом зафиксировано, что этот Еники и его братья имели крепостных крестьян в окрестностях Темникова и в Кадомском уезде. Сам Еники имел поместье в селении Идей. Его сын Терегул (как считает Амирхан-ага, изменённый от татарского имени Турэкол), основатель фамилии Терегуловых, тоже имел своих крестьян в том же селе. Сколько у них было крепостных крестьян — в нашей энциклопедии не зафиксировано. И дальние потомки этих мурз об этом не помнят.

С исторической точки зрения интересны факты изменения политического и экономического положения татарских мурз-дворян в различные эпохи развития российской государственности.

В последние годы правления Петра Первого, во времена усиления повторного процесса христианизации населения России, не принявшие навязываемую религию татары лишались своих поместий и крестьян. Большинство потомков князя Бихана остались верными своей религии, но лишились сословных своих привилегий. Таким обра-

¹ Татарская энциклопедия. — Казань, 2005. — Т. 2. — С. 355.

зом, они оказались «лапотными мурзами». Но несмотря на это, они всегда считали себя сословно выше, чем простые крестьяне. А после прихода к власти в 1762 году царицы Екатерины II, уважительно прозванной татарами «Эби патша» («Бабушка царица»), положение мурз в России немного улучшилось. Правда, им своих поместий и крепостных крестьян не вернули. Но всё равно стали относиться к ним лучше, признавая их дворянское достоинство...

В 1773 году потомки мурз Еникиевых, Терегуловых и из того же рода вышедшие Мамлеевы, Кильмаметовы и другие, малоземельные к тому времени семьи, переехали из родового села Идей (или Иди, как написано в воспоминаниях А. Еники) на целинные земли Заволжья. К ним присоединилась ещё и семья муллы Янгуразова. По данным Амирхан-ага, эта семья была из села с таким же названием Янгуразово Темниковского уезда. Мать Амирхан-ага Бибихадича вышла из этого рода. Но её отец Хабибрахман почему-то не пошёл по стопам дедов, а стал простым крестьянином. А его отца — Габдурахман-хазрата — будущий писатель знал ещё мальчишкой.

Вот родословная (шежере) Еникиевых, живших в Новой Каргале. Составлена она Нигметзян-ага, отцом писателя: Башар — Хасан — Ахтям — Ахметзян — Нигметзян. В селе Идей — на родине — остался их прадед Хансурар. Большинство из них были крестьянами-средняками. Но время от времени занимались и торговыми делами. Например, Ахтям и Ахметзян весной и осенью покупали в окрестных сёлах шерсть и отправляли её фабрикантам Акчуриным. Это стало возможным, наверное, после постройки железной дороги между городами Самарой и Уфой в конце 1870-х годов. Нигметзян рассказывал сыну, как они с отцом ездили по аулам и собирали шерсть.

Нигметзян Еникиев родился в 1874 году. Женили его рано, «в то время не было ему и двадцати лет... Атакай был красавцем, среднего роста, подтянутый. Неплохо пел, играл на гармонии, лихо плясал... И в свои восемьдесят он держался прямо». Но им с Хадичой сначала не везло. Все родившиеся до Амирхана дети умирали в младенческом возрасте. Выжили только Амирхан и его младший брат Илдархан.

У Нигметзяна было два брата, всю жизнь прожившие в Новой Каргале, и две младшие сестры — Рокыя и Сорур. О них мы ещё вспомним в дальнейшем.

Особой отличительной чертой мурз является их стремление получать достойное своему времени образование. Например, после снятия с должности попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, запрещавшего принимать в гимназии и университеты лиц не христианского вероисповедания, за 15—16 лет, начиная с 1830 года, в Казанский университет было принято около двадцати пяти студентов-татар. И большинство из них были детьми мурз.

Из Каргалинского рода Еникиевых и Терегуловых тоже было много образованных людей. По какой причине, не знаю, но большинство Еникиевых прославились, в основном, живя в Оренбурге. А известные личности из Терегуловых почему-то предпочитали Казань и Уфу. Вот известные казанские просветители и общественные деятели из Терегуловых: Ибрагим-ага долгое время преподавал в Казанской учительской школе татар, был одним из инициаторов открытия Восточного клуба в Казани, где выступал и Тукай. Его родственник Абубекир Терегулов учился на врача сначала в Казанском университете, потом в Германии. В Казани защитил докторскую диссертацию и стал известным профессором-терапевтом. Гумер Терегулов учился в той же Учительской школе вместе с Г. Исхаки, С. Максуди, Ф. Туктаровым. Стал одним из активных политических деятелей начала XX века, был делегатом Учредительного собрания, в начале 1918 года вошёл в состав Милли Идарэ по решению Национального собрания татар.

Амирхан Еникиев, когда шестнадцатилетним парнем приехал в Казань учиться, с другом более месяца жил в семье врача Абубекира Терегулова.

Из рода Еникиевых известны Гайса Еникиев, который окончил Оренбургскую учительскую школу (колледж), долгое время учительствовал в медресе «Хусаиния», был казначеем фонда купца Ахмеда Хусаинова, завещанного им для содержания медресе и других учебных заведений. Дважды избирался в Государственную думу России. А Нигматулла Еникиев, после окончания оренбургского медресе «Хусаиния» в 1914 году, был сразу же призван в армию, участвовал в Гражданской войне, дослужился до звания бригадного комиссара Красной Армии.

В Оренбурге, а затем в Уфе жил Нигметзян Еникиев, увлекавшийся литературными переводами. Им были до революции переведены пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор» и роман М. Горького «Мать».

Казань притягивает к себе одарённых юношей

Первый рассказ Амирхана Еникиева (псевдоним Амирхан Еники он принял позже) «Озын көй тыңлаганда» («Слушая протяжную мелодию») был напечатан в 1926 году в литературном журнале «Безнең юл» («Наш путь»). Тогда ему только-только исполнилось семнадцать лет. Он только что — в августе 1925 года — приехал в Казань из далёкого полустепного края Западного Башкортостана — из Давлеканова¹.

Семья Еникиевых из четырёх человек обосновалась в этом посёлке в 1911 году, когда Амирхану было около двух лет. Этот пристанционный посёлок был образован у бывших небольших башкирских сёл Давлетхан и Эткол (Һәткол) лет сорок тому назад при строительстве так называемой Сибирской железной дороги, соединившей города Самару, Уфу и Челябинск. Об этом событии поэт Маджит Гафури позже напишет первую значимую свою поэму «Себер тимер юлы» («Сибирская железная дорога», 1904). Строительство дороги изменит этот край до неузнаваемости. Со всей России хлынут сюда дельцы и купцы разных мастей и разных национальностей. Скоро и поволжские немцы начнут осваивать эти земли: вдоль дороги появятся их хутора, на больших массивах они будут выращивать хлеб. На окраине Давлеканова построят свой посад и несколько крупных мельниц, работающих на паровых машинах (а жернова 4–5-этажного «Якоря» приводились в движение течением реки Дёмы). Большинство татар, прибывших сюда в лаптях из бедных заволжских земель, скоро переобуются в сапоги, заимев на Давлекановском базаре свои лавчонки. А мишарин из далёкого предволжского села Оч Мунча, невзрачного вида Бурхан-абзый, побыв немного времени у кого-то приказ-

¹ В тексте автора название посёлка пишется по официальной записи. В текстах А. Еники — как было принято среди татарского населения. — *Авт.*

чиком, вскоре построит в центре этого Эткола двухэтажный кирпичный магазин и начнёт торговлю текстильными изделиями и другим товаром, завезённым сюда из обеих столиц России.

Сельчанину Новой Каргалы Белебеевского уезда Нигметзяну Еникиеву в момент переезда шёл тридцать седьмой год. Пока он не имел здесь ни собственного жилья, ни своего торгового заведения, ни своей конторы. Жили они в нанятых на время домах. Правда, он подбирал для семьи добротные дома. И всегда имел в конюшне резвых коней. Нигметзян был пока занят посреднической торговлей — закупал в окрестных сёлах и хуторах шкуры и отправлял их или сам доставлял крупным заготовителям. Мечтал со временем открыть своё собственное дело. Правда, в годы НЭПа эту мечту осуществил, но частично. С двумя компаньонами открыл столовую при рынке. Но больших успехов они не добились. Когда один из товарищей вышел из компании, дело развалилось. После этого Нигметзян более года был занят торговлей подержанной одеждой, которую привозил из Самарского оптового базара. Но для пятидесятилетнего человека это дело оказалось изнурительным. «Отца настоящим купцом здесь никто не считал, — пишет в своих воспоминаниях его сын. — Потому что у него не было своего дома. А покупка дома была его главной мечтой. Дом мы купили позже... уже в смутное время. Видимо, кому-то необходимо было избавиться от лишнего добра... Дом стоял в середине главной улицы. Крыт был железом, имел два этажа. Туда мы въехали в начале июня 1918 года».

По той же улице слева от них оказался дом самого богатого купца Давлеканова из татар — Бурхан-абзый. Этот вытянутый вдоль улицы одноэтажный дом снаружи был неказистым. Но двор был просторный, с добротными сараями и амбарами из хороших брёвен. «Во дворе бегали целый выводок нарядных, чистеньких ребятишек. На улице они не показывались, да и к себе никого не водили...» У соседей было трое ребят и пять девчонок. Правда, старший сын Галиулла тогда уже работал в конторе отца. А когда в посёлке появились красные, он ушёл с ними. Амирхан-ага о дальнейшей судьбе детей соседа узнал поздно — уже после войны, встретив в Уфе соседа-одногодка Закарию.

Вскоре именно среди этой детворы ему приглянулась тоненькая, с длинными чёрными косами девочка по имени Хажар. Но о ней мы поговорим попозже.

В юности все сверстники и большинство знакомых, кроме родителей, звали Амирхана не удвоенным именем «правитель» (Амир + хан), а просто Амиром. После окончания местной семилетки часть его сверстников хотели продолжить учёбу в Уфе — в трёх часах езды на поезде от Давлеканова. И родители Амирхана думали об этом же. Тем более что в том городе давно обосновались две младшие сестры отца: Рокья и Сорур. Муж Сорур — Шариф-джизни (зять) к тому времени был известным в Башкортостане человеком — работал в Народном комиссариате просвещения. Да и сама Сорур, учившаяся когда-то в Уфе, ездившая в Петербург, была не последним человеком в этом городе. Они иногда приезжали и в Давлеканово. Амирхан, чуть повзрослев, гостил у них неделями. Но в последнюю поездку зимой 1924 года почувствовал себя там стеснённо. Отношение к нему со стороны родственников не изменилось — его любили и уважали по-прежнему. Были рады его приезду и джизни, и сёстры отца, и особенно их дети — его двоюродные братья и сёстры. Но он чувствовал себя там неловко. Раньше семья Сорур-тутакай («тутакай» звались младшими все женщины в селе Новая Каргала) жила более свободно и вольготно. Но после каких-то жизненных неурядиц в дом младшей сестры вынуждена была переселиться Рокья со своими детьми. Муж её умер ещё шесть-семь лет назад, почти в день свадьбы Сорур с Шарифом. Если бы Амирхан решил продолжить учёбу в Уфе, то ему на какое-то время пришлось бы вселиться в эту тесноту. Он этого не хотел.

Вот как он сам описывает своё состояние: «Конечно, Уфа ближе и удобней для меня. Можно было остановиться у них, они же помогли бы устроиться куда-нибудь учиться. Думая об этом, я даже сумел выбраться среди лета под каким-то предлогом в Уфу. Там увидел, что джизни и Сорур-тутакай опекают трёх сирот Рокья-тутакай (впрочем, я знал об этом и раньше). Узнал, что из Каргалы к ним собирается приехать и Зулейха. Если приеду ещё и я, то нас наберётся слишком много, для хозяев это будет чрезмерной нагрузкой — вот что я понял».

А возможно, главная причина заключалась даже не в этих неудобствах. Мог же он выбрать учебное заведение, где обещали бы ему место в общежитии. Но дело в том, что юношу давно манила радужная и далёкая Казань. Город-мечта всех татар, разбросанных судьбой по всей

России. «Казань была для меня как бы святилищем, литературной Меккой», — напишет он потом. Там жили и трудились корифеи татарской литературы Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов, Галиаскар Камал. Там издавались книги, печатались газеты и журналы на татарском языке. Там недавно жил и писал замечательные стихи всенародно любимый поэт Габдулла Тукай...

К счастью, именно в дни таких раздумий в руки Амирхана попадает газета из Казани с объявлением об открытии в городе нового учебного заведения — студии-школы по подготовке художников, скульпторов и архитекторов — «Архумас». Обещано было предоставление общежития и оплата стипендии. Амирхана обрадовало это объявление. Окрылённый, он сообщил родителям о своём желании поехать в Казань учиться. Мать побоялась его куда-либо отпускать из дома — слишком молод. Только-только исполнилось шестнадцать лет. «Атакай же не боялся меня отпускать, потому что сам много ездил, видел всякие места. Но сначала и он сказал: «Лучше бы подождать годик...» Слёзы, уговоры наконец-то сломили их сопротивление. Атакай сказал: «Ладно, сынок, поезжай, попробуй своё счастье». Было условие — я должен найти себе попутчика».

Амирхан долго уговаривал друзей поехать вместе в Казань. Но всех отпугивало то, что Казань находится слишком далеко. Наконец, стать его попутчиком согласился Фатхелислам, в последние годы исполнявший обязанности пионервожатого в их школе. А зимними вечерами он подшивал людям валенки, подрабатывая себе и семье на хлеб. Он был года на три старше Амирхана. И был старшим сыном, почти основным кормильцем в семье после смерти отца в 1918 году. Они жили втроем с матерью недалеко от дома Еникиевых. Амира с Фатхелисламом сдружила любовь к литературе. Они оба читали запоем книги и журналы на родном языке, поступающие из Уфы и Казани. Фатхелислам тоже сумел уговорить мать, чтобы поехать учиться в Казань.

7 августа 1925 года они вдвоём отправляются в дальнюю дорогу. Сначала на поезде добираются до Уфы. Переночевав в доме Сорур-тутакай, на следующий день с трудом достают билет на пароход, плывущий до Казани. В первую ночь устраиваются прямо на полу полутёмного трюма двухпалубного малого парохода, курсирующего по Агидели. Но это их не смущает — дорога долгая, постепен-

но будут освобождаться и удобные лежаки, пока занятые дядьками и тётками с огромными багажами и постоянно позвякивающими какими-то вёдрами. На четвёртый день они добрались и до лучезарной в их воображении Казани. Несмотря на то что пароход до слияния с Волгой шёл по ходу течения рек Агидели и Камы, скорость его была не такой уж желанной, хотя большие колёса по бокам не переставая крутились и днём и ночью. За эти три с лишним дня ребята устали глазеть на бесконечные леса. И чем дальше от Уфы, тем грустнее и однообразнее высились вокруг густые еловые и сосновые деревья. А вот по берегам Дёмы росли в основном светлые берёзы да осины, повсюду сопровождающие человека лёгкой шелестью листьев, создающих прохладу вокруг, как пишет в одном стихотворении Такташ. А у Волги крутые берега отдалены настолько, что их с нижней палубы низенького пароходика почти и не разглядишь...

Как описывает Амирхан Еники в автобиографическом произведении «Соңгы китап» («Последняя книга», 1987), после приезда в Казань он, как большой любитель литературы, стал посещать центральную национальную библиотеку в Старотатарской слободе. Он заочно знал многих писателей по их книгам и портретам. Однажды, увидев на улице в инвалидной коляске человека в пенсне, узнал в нём известного писателя, друга Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана. Коляску толкал какой-то маленький старичок. «О Аллах! Я замедлил шаги... Не сон ли это? Я знал его произведения и видел портреты...» — напишет он об этой встрече. А потом ещё раз встретит его в театре на повторной постановке первой татарской оперы «Саня» в январе 1926 года. А в апреле Фатих Амирхан покинет этот мир навсегда. В душе юного писателя останется чувство недовольства собой: «Ах, не посмел подойти к нему. Не поклонился...»

Естественно, юноша следил за известным писателем тогда лишь издали, не смея подойти поближе к корифею татарской литературы. Из современных, более-менее активных писателей он ещё в Давлеканове выделил для себя несколько имён: поэта-бунтаря Хади Такташа, стихи которого он с увлечением читал в газетах и журналах. Эти современно звучащие стихи завораживали Амирхана. Книга поэта «Жир уллары трагедиясе...» («Трагедии сы-

новой земли...», 1923) лежала у него на столе. А сценическую трагедию бывшего молодого комиссара Гражданской войны и писателя Шамиля Усманова «Канлы көннәрдә» («Кровавые дни») молодёжь Давлеканова поставила на сцене поселкового клуба. И Амирхан участвовал в этом спектакле, как и в большинстве других таких же постановок. Очень нравились ему и произведения молодых поэтов Кави Наджми и Аделя Кутуя. Их язвительные, с острым юмором стихи тоже хорошо запоминались.

А их главный кумир — Галимджан Ибрагимов — тоже, наверно, ходит по этим же улицам Казани. Они с Фатхелисламом со дня приезда в Казань мечтали встретить его и поглядеть хотя бы издалека на большого мастера пера, автора обожаемого ими романа «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца») и множества великолепно написанных рассказов. А его известный роман «Безнең көннәр» («Наши дни») они с Фатхелисламом «проглотили» буквально перед самой поездкой в Казань. Этот известный в татарском мире писатель и крупный общественный деятель, неоднократно встречавшийся с самим Лениным, был их земляком. Родное село писателя Султанмуратово находится всего-то километрах в тридцати пяти—сорока от их посёлка Давлеканово. Стоит перейти воспетую в народных песнях и любимую ими реку Дёму — и с ближайшей вершины горы Ярыштау можно разглядеть это большое село писателя. Приезжая на родину со стороны Уфы или Самары, Галимджан Ибрагимов всегда должен был сойти с поезда именно на их станции Давлеканово. О том, что он там останавливался раньше, имеются воспоминания современников. Маджит Гафури вспоминает, как они однажды встретились в буфете давлекановского вокзала. Об этом юноши читали. В тех же записях Маджит Гафури пишет, как они с группой товарищей часто приезжали на кумыс в село Курманкаево, находившееся за рекой Дёмой, прямо напротив Давлеканова. С ними несколько раз приезжал и поэт Сагит Рамиев, выходец из рода известных уральских золотопромышленников и правнук первого в этих краях официального ахуна Салима Рамиева... А кумысом близлежащие башкирские аулы славятся издавна!

В дни коротких в те годы отпусков из Уфы несколько раз приезжали и Сунчелеевы — любимые и почитаемые Амирханом Шариф-джизни со своим братом-поэтом. Майский кумыс со свежей бараниной хорошо укрепляет

истощённое тело городского жителя. А прозрачно-чистые воды Дёмы быстро освобождают организм от усталости. Конечно, Сунчелеевы сначала останавливались в Давлеканове у Еникиевых, два-три дня гостили у них. А вот с остальными знатными земляками Амирхану и его друзьям встретиться там не пришлось. Хотя они с ребятами почти всё лето и болтались на берегу той же Дёмы. И до противоположного берега не раз доплывали. И по улицам Курманкаева иногда приходилось пробегать. Но вот известные писатели, приезжавшие туда попить кумыс, почему-то им не попадались. А Галимджан Ибрагимов, наверное, в эти сложные годы на родину совсем не ездил. Он, возможно, по государственным делам сейчас бывает только в Москве и Казани. В последние годы его приезд в Давлеканово не мог бы остаться незамеченным.

Но Амирхану пока не везло и здесь — в Казани. Живя в самом центре города, в общежитии школы «Архумас», ему ещё ни разу не довелось увидеть своего знаменитого земляка. По имеющимся многочисленным фотографиям он его наверняка узнал бы издали. И бывая в библиотеке «Шәрәкь китапханәсе», рядом с улицей Тукаевской, напротив медресе «Мухаммадия», он ко всем лицам приглядывался, но знакомых не замечал. Только в начале зимы друзья узнали, что писатели вечером каждой пятницы, оказывается, встречаются в Коммунистическом клубе, недалеко от их общежития. В ближайшую пятницу, в конце ноября, Амирхан с Фатхелисламом и с новым другом Муртазой Абдуллиным, земляком из Башкортостана, впервые попали туда, где встречались литераторы всех возрастов для коллективного чтения и обсуждения своих произведений и для ведения бесед о текущих делах...

К слову, с Муртазой, со скрипачом-любителем и будущим ведущим художником театра имени Г. Камала, Амирхан-ага будет дружить до внезапной его кончины летом 1946 года. И с Фатхелисламом они останутся неразлучными друзьями до конца его жизни — до шестидесятых годов. Комсомолец Фатхелислам Хакимов после успешного окончания «Архумаса», преобразованного в 1926 году в художественно-педагогический техникум, закончит ещё институт, защитит кандидатскую диссертацию. Перед самой войной его назначат ректором родного Казанского института инженеров коммунального хозяйства. А после войны этот институт начнёт готовить инженеров-

строителей и архитекторов. Под руководством Фатхелислама построят для этого института новые учебные корпуса на улице Зелёной.

Вспоминая друга юности, Амирхан-ага пишет: «Сын грузчика, выросший сиротой, он был способным и развитым юношей. С детства любил читать, хорошо учился. Проявил себя трудолюбивым человеком... Наша с ним дружба не прерывалась...» А если и прерывалась, то только в годы отъезда Амирхана Еники из Казани перед войной или в годы войны, когда оба они воевали на разных участках фронта. А с пятидесятых годов их семьи жили на улице Достоевского, недалеко друг от друга.

Хочется ещё кое-что добавить в связи с институтом инженеров коммунального хозяйства. В начале тридцатых годов Адель Кутуй был в опале после причисления его к то ли существовавшей, то ли несуществовавшей, признанной буржуазно-националистической организации «Джидеган». («Джиде» означает семь. Но имя седьмого из этой якобы семёрки до сих пор не обозначено.) Хотя его стихи, рассказы и статьи всё ещё печатались на страницах газет, брать его на штатную должность боялись. Он остался безработным. И тогда его приняли в этот институт преподавателем татарского языка. Одновременно он там числился ещё секретарём какой-то комиссии...

Об этом с горечью иногда рассказывал нам Амирхан-абый. И при том напоминал, что в те годы они оба, как происходившие из купеческой среды, подвергались таким, вроде бы особо не заметным гонениям...

Начало творческого пути

В Коммунистическом клубе (в то время так называли здание бывшего Дворянского собрания на площади Свободы) они действительно встретили многих писателей — заочно им знакомых и незнакомых вовсе. «Настоящие писатели» и любители художественной словесности ведут себя там свободно, галдят, туда-сюда ходят. Сначала один за другим встают и читают свои шедевры. А потом начинают между собой громогласно спорить, обсуждая их. Через месяца два и молодой Амирхан сближается с ними. «Вскоре я уже хорошо знал в лицо и Такташа, и Кутуя, и Кави Наджми, и Гумера Гали, и Хасана Туфана,

и Тулумбайского, слышал их речи. Этих знаменитостей запомнить было нетрудно. Кроме них, немало было там молодёжи, неизвестной пока читателю. Мне в первую очередь предстояло познакомиться с ними... Писателей более солидных, вроде Шамиля Усманова, Фатхи Бурнаша, Карима Амири, я здесь не встречал. Галимджан Ибрагимов, Фатих Сайфи-Казанлы, Карим Тинчурин тоже не показывались в комклубе ни разу... Мне нравился дух равенства в этом клубе».

Каждое заседание начиналось со чтения чьей-либо рукописи... «Поддавшись обаянию вольнодумия, я однажды тоже поднял руку, прося слова. Была у меня одна вещица, которую я начал писать в Даулякане, а закончил в Казани... Мне позволили говорить... Я встал и, держа рукопись в дрожащих руках, принялся быстро читать... Когда я закончил, все молчали... Только писатель Гумер Гали сказал: «Отдай-ка, братец, эти свои листочки мне». Я отдал, даже не подозревая, что он работает в журнале «Безнең юл»... Спустя какое-то время мой рассказ, сокращённый наполовину, был опубликован в мартовском номере журнала. Для меня это явилось полной неожиданностью... Первый мой шаг, надо признаться, оказался самым лёгким. Дальше такое уж не повторилось ни разу...»

* * *

Тяга к литературе жила в нём с детства. К тому были и свои причины. Мать — родом из семьи потомственных мулл. Естественно, в её личном узелке, кроме чуточку потрепанного Корана в сафьяновой обложке, имелись ещё кое-какие старинные книжки. А отец, средней руки купец уездного масштаба, тоже хотел, чтобы сыновья Амирхан и Илдархан выросли образованными. И часто из дальних поездок привозил детям в подарок книжечки. Поэтому Амирхан и его младший брат с детства пристрастились к чтению. А папина сестра Сорур-тутакай, проучившись несколько лет в городе, вернулась в родное село Новую Каргалу учительницей земской школы, открытой в селе в конце XIX века. Правда, в то время семьи старшего Еникеева там уже не было, они перебрались в станционный посёлок Давлеканово, что находится в сорока километрах от их родного гнезда. А через год, в начале бурного

1917 года, Сорур вышла замуж за учителя той же школы Шарифа Сунчелеева — старшего брата известного к тому времени поэта Сагита Сунчелея. Сунчелеевы были родом из Саратовской губернии. До этого Шариф учился в Казани, в известной Учительской школе. Эта школа готовила учителей русского языка и литературы для национальных школ и медресе. Принимались туда четырнадцатипятнадцатилетние парни после успешного окончания средней ступени медресе. Начиная с восьмидесятых годов XIX века школа выпустила сотни учителей. Там учились многие видные деятели татарской литературы и культуры: Гаяз Исхаки, Садри Максуди, Фоат Туктаров, Шакир Мухамедьяров, Хусаин Ямашев, организатор первого татарского театра «Сайяр» Ильясбек Кудашев-Ашказарский, Габдурахман Давлетшин-Хусаинов (в советские годы непризнанный писатель и издатель-меценат) — все являлись выпускниками этого передового колледжа. А младший брат Шарифа, поэт Сагит Сунчелей, считался близким другом и почитателем Г. Тукая. Братья Сунчелеевы увлекались рассказывали о Казани, о своих встречах там со знаменитыми людьми.

Амирхан первоначально стеснялся общаться с новыми родственниками, потом привык к ним. В первые годы Сунчелеевы часто ездили в Давлеканово. Да и сами Еникиевы не забывали их. А с конца осени 1918 года, когда шли тяжёлые бои между красными и белыми в районе Давлеканова, семья Еникиевых провела около года в Уфе.

И до этого им во время боёв дважды приходилось уезжать в дальние сёла, подальше от Давлеканова, оставив дом под присмотром родственницы отца Зайнап с мужем. После того как белые однажды забрали у Нигметзяна любимого им жеребца, они с соседями решили в другой раз уехать ещё дальше — в город за девяносто километров. Полагали, что в большом городе жить во время боёв будет безопаснее. Таким образом, три соседние семьи — Бурхан-абзый, мясника Гали и Нигметзяна, услышав осенью 1918 года вдали первые залпы орудий, погнали свои повозки в сторону Уфы. И решили там подождать до окончательной победы одной из воюющих сторон. Осенью 1919 года, после трёхкратного отступления, окончательную победу в окрестностях Уфы одержали красные.

Сначала Еникиевы недели две жили в уютном, но тесном доме нового зятя. А потом при содействии

Шариф-джизни перебрались во временно пустующий дом известного общественного деятеля, бывшего депутата Государственной Думы Селимгирея Джантюрина. Потомок казахских ханов, он, как и Еникиевы, входил в дворянское общество Белебеевского уезда. С мурзой Нигметзяном они были немного знакомы — виделись на годовых дворянских собраниях. Встретившись в Уфе, его семье он разрешает временно пожить в своём доме. За издали заметным двухэтажным домом пока присматривали охранник Хайрутдин-абзый и его семья. Они жили на первом, кирпичном этаже дома. Еникиевы устроились на втором, бревенчатом этаже с широким балконом. Большой зал пустовал. Семья самого мурзы проживала в это время недалеко от Уфы, в селе Килем, в своей усадьбе. Девяти-летнему Амирхану этот дом запомнился только тем, что он был расположен на окраине, подальше от центра и от дома Сорур-тутакай, ниже по склону тогдашней улицы Спасской. Недалеко, на пригорке, виднелась кафедральная мечеть на Тукаевской, называемая новыми соседями «мечетью муфтията». Протяжный азан муэдзина мечети был слышен издали. Голос муэдзина по утрам особенно приятно воспринимало ухо Амирхана. Он чувствовал себя летящим куда-то ввысь, как будто поднимался к какой-то заветной мечте. Обычно отец по утрам для совершения намаза их не будил. Пусть, мол, поспят немного...

Недалеко от этого добротного, покрашенного голубой краской дома мурзы Джантюрина находился обрывистый берег реки Агидель, куда братьям Еникиевым ходить одним не разрешалось. Амирхан помнил только, как они всей семьёй наблюдали ледоход на Агидели. Тогда весь берег был усыпан нарядно одетыми людьми с близлежащих улиц.

Юноша Амирхан и после этого случая бывал в Уфе, в гостях у старших Сунчелеевых. И первые стихотворные строки сочинил после одного такого посещения их в Уфе. Стихи были написаны по случаю смерти В. И. Ленина.

Это событие он описывает так: «Сорур-тутакай и Шариф-джизни пошли в кино. Мы, дети, остались дома. Но вскоре взволнованная Сорур-тутакай возвращается домой и сообщает: «Дети, умер Ленин!..» На младших детей это сообщение почти не произвело впечатления. Он же, самый старший из всех, выслушал эту неожиданную весть с полным пониманием. «Надо сказать, имя Ленина было у

всех на устах... Это большая утрата — вот, пожалуй, и всё, что мы могли понять в эту минуту... Вскоре я вернулся в Даулякан... пошёл в школу... Газеты пестрели статьями о Ленине... и стихами... В каждой школе был организован «Ленинский уголок», дети сами украшали его... И в нашей школе стихи сочинили и Мухаметгали, и Фатхельислам, а глядя на них — и я. Ведь я в ту пору был просто одержим творчеством, мог ли я не сочинить что-нибудь... Узнав о стихах товарищей, я тоже взялся за перо. Что получилось в результате моих стараний — теперь сказать трудно. Стихи не сохранились, даже название не удержалось в памяти... Эти стихи были первым моим литературным опытом...» («Страницы прошлого», пер. А. Бадюгиной.)

«До сих пор я ещё ни разу не упоминал, что писательскую деятельность начал со стихов... Их было мало, и я рано понял, что поэт из меня никудышный. Примерно в это же время отправил несколько своих стихов в журнал «Кечкенә иптәшләр», в Москву (возможно, и стихи о Ленине тоже). Если вы полистаете номера этого журнала за 1924—1925 годы, то в конце последней страницы одного из номеров найдёте такую запись: «Товарищу Амирхану Яникаеву. Хотя мысли у Вас есть, стихи всё же серые и беспомощные...»

В те годы он много читал. Уже мечтал, что станет писателем... Серьёзно увлекался творчеством. Дома, в углу, у него был свой столик, на нём лежала небольшая стопка книг. «Я каждый день садился за стол и пытался сочинять... Стихи у меня не получались. Для рассказов не находил темы. Не сочинить ли пьесу? Я представлял себе, как на заборах Даулякана появятся афиши с моим именем... Ого! К такой новости даже Хажар не сможет остаться равнодушной...»

Правда, и раньше его имя уже появлялось на заборах. Но тогда это были проделки друзей или недругов, сразу и не узнаешь, чьи усилия были больше — друзей или недругов. Но время от времени ему по вечерам приходилось уничтожать на заборах записи «Амир + Хажар» или «Хажар + Амир»... Друзья знали, что он по уши влюблён в эту стройную, строгую, черноглазую девушку. Она редко появлялась на людях, мало общалась со сверстниками...

«Да, литература лишь усиливает тоску по любви... Я был влюблён в юную соседку Хажар... Любовь пробуждается в человеке раньше прочих чувств...» Он уже не

прежний тощий мальчишка, каким был в год их совместной поездки в Уфу во время боёв между белыми и красными. Стал плотнее, раздался в плечах, на лице играет румянец. И одет неплохо — на нём пиджак с бархатными отворотами, привезённый им с отцом из Самары... Учась в светской, советской школе, стал активнее участвовать в различных школьных мероприятиях и даже посещать местный клуб... Но Хажар на такие мероприятия почти не ходит. Видимо, строгий отец, а может быть, мачеха, не выпускают её из дома. Но и при случайных встречах она старается не смотреть на Амирхана. «Намного позже понял: не нравился я ей оттого, что был влюблён!..»

Амирхану в ту пору было шестнадцать лет... В том же году они с Фатхелисламом уехали учиться в Казань... Он и там не переставал думать о Хажар. Надеялся, что учёба в Казани должна была поднять его в её глазах. Правда, в первый год ему пришлось бросить учёбу и устроиться на работу посыльным в книжный магазин. Амирхан, как и другие ребята, а их было чуть более двадцати, успешно выполнил задачу по рисованию, прошёл собеседование, поступил в студию-школу живописи, ваяния и архитектуры — «Архумас». Но к концу октября вынужден покинуть это учебное заведение. Из всей группы поступивших только ему тогда отказали выплачивать стипендию, как сыну обеспеченных родителей. Он честно написал тогда в анкете, что отец занят торговыми делами, его семья принадлежит к сословию купцов. «Но то было лишь начало, первое звено в цепи горестных испытаний».

В начальные годы НЭПа такие признания были ещё обычным явлением. Выходцы из семей зажиточных крестьян и религиозных деятелей тогда ещё не скрывали своего происхождения. Только со второй половины двадцатых годов, когда стали преследовать выходцев из этих сословий, люди станут скрывать своё происхождение. Начало такого тотального преследования Амирхан Еники относит к 1927—1928 годам.

«Я работал курьером в книжном магазине... В «Безнең юл» был напечатан мой первый рассказ... Сочинение слабое, зато сам журнал солидный, на его страницах печатались известные писатели тех лет... Летом следующего года я в новых брюках, новых ботинках приехал в Даулякан... За год я заметно похорошел, волосы живописными кольцами падали на белый лоб. В Даулякане девушки сразу

же обратили на меня внимание, смотрели с нескрываемым восхищением. В дом Бурхан-абзый я пошёл в первый же день приезда. (К тому времени он уже был в дружеских отношениях и с двумя сыновьями Бурхан-абзый — Закарийей и Яхьей.) Хажар внимательно посмотрела на меня и улыбнулась... Чёрт возьми, каким же я был размазнёй... Я снова начал краснеть и заикаться. Хажар мгновенно надела на себя маску обычной своей холодности... И рассказ, напечатанный в казанском журнале под моим именем, казалось, не произвёл на неё впечатления. А когда прочла его, — вернула мне, не сказав ни слова. Тогда у меня хватило сил не мозолить ей глаза. Я проводил время в компании друзей...»

Этим летом местная активная молодёжь и учащиеся различных учебных заведений Казани и Уфы, приехавшие на каникулы, в поселковом клубе ставили спектакли, устраивали концерты. Вместе с Амирханом и Фатхелисламом из Казани приехал и Хабибрахман, студент медицинского факультета Казанского университета. Его старший брат Габдурахман преподавал им в школе татарскую литературу. Был любимым учителем обоих его спутников... Их отец, Гатаулла-абзый, был из тех лапотников, которые в молодости приехали сюда полуголодными и стали здесь обеспеченными людьми. Он был родом из села Чиканас Арского уезда Казанской губернии...

И по подсказке земляка-студента они в тот раз из Казани в Давлеканово приехали намного быстрее, чем туда ехали. На поезде сначала поехали в сторону запада — до станции Рузаевки и оттуда напрямик домой... Хабибрахман тоже был на три года старше Амирхана. Но после этой совместной поездки они так же дружили до конца дней Хабибрахмана, умершего на несколько лет раньше своего земляка-писателя. Правда, неразлучными друзьями быть им не пришлось. Встречались они изредка. По окончании университета Хабибрахман Ибрагимов до войны жил и работал в Крыму. В одно время, когда в Крыму лечился Галимджан Ибрагимов, был главным врачом одного из известных санаториев «Горное солнце». Всячески старался помочь больному писателю, и в этом элитном санатории он дважды лечил своего знаменитого земляка и однофамильца. Когда его друзья-земляки — Амирхан с Фатхелисламом — воевали на фронте, он руководил военным госпиталем для пленных немцев, рас-

положенным недалеко от города Казани. После войны оказался в Подмосковье — долгое время возглавлял один из санаториев, обслуживающих партийных деятелей столицы — в городе Звенигороде.

В середине шестидесятых годов, по поручению Амирхан-ага Еники и мне, автору этих строк, пришлось бывать в доме Хабибрахман-абзый и его жены, крымчанки «Сара-тутакай», в городе Звенигороде. В первый раз я отвозил им связку дневниковых тетрадей сестры Хабибрахмана, которые очень пригодились Амирхан-ага при написании романа о Салихе Сайдашеве. Конечно, автор дневника не являлась прототипом Гуляндам. Но по её записям можно было воспроизвести восприятие событий тех лет юной девушкой...

Во второй раз я, по пути в подмосковный Дом творчества писателей, заносил им только что изданную книгу Амирхан-ага.

Юные друзья-коллеги

Вспоминается и такой эпизод, рассказанный Амирханом Еники молодым писателям в шестидесятых годах. И во второй приезд в Казань в августе 1926 года Амирхану и Фатхелисламу не удалось близко пообщаться с Галимджаном Ибрагимовым. В то время он руководил Академическим центром при Народном комиссариате просвещения. Они увидели его дважды только издалека как участники каких-то мероприятий, сидя на галёрке. Один такой случай произошёл в большом зале здания, в котором находились и учебные классы татрабфака. Второй — в здании современного ТЮЗа на улице Островского. В обоих случаях Галимджан Ибрагимов сидел на сцене в окружении солидных, хорошо одетых людей и всегда рядом с их кумиром сидел второй известный их земляк-писатель, народный комиссар просвещения Шагит Ахмадиев, ранее учившийся с Галимджаном в Уфимском медресе «Галия».

По их инициативе в двадцатых годах в Казани было открыто много национальных учебных заведений. И по этой причине со всех концов страны татарская молодёжь хлынула в Казань. Из данной когорты «молодых и отчаянных» вышли потом многие известные учёные: химик Гильм Камай, математик Хамид Муштари, а также более двух десятков блестящих поэтов и прозаиков, таких как

Муса Джалиль и Асгат Айдар из далёкого Оренбуржья и будущий композитор Джаудат Файзи, родом из Оренбурга, который начал свой творческий путь в Казани как поэт. В Казани училась в те годы и большая группа выходцев из Уфимской губернии, ставших потом известными писателями: Мирсай Амир, Фатых Карим, Амирхан Еники, Гази Кашшаф. И Сагит Агиш, около года пробыв здесь, потом стал ведущим башкирским писателем в Уфе. А юноша из Астрахани Габдурахман Аллахбирдеев, студент театрального техникума, станет скоро ближайшим другом Аделя Кутуя и его друзей. И под псевдонимом Габдурахмана Минского появится множество его статей и рассказов в молодёжной газете «Кызыл яшьләр» и в журнале «Авыл яшьләре». Конечно же, много пишущей молодёжи будет и из Казанской губернии. И самым ухватистым и активным из них окажется Фатих Хусни, в последующем близкий друг и коллега Амирхана Еники. Но в двадцатых годах они ещё мало знали друг друга. Фатих Хусни тогда увлекался поэзией и писал созвучные времени индустриализации поэмы типа «Любовь среди машинного гула» («Машиналар арасында мөхәббәт»)..

Имена этих молодых людей замелькали на страницах газет и журналов. Многие из них легко и смело вошли в татарскую литературу. «Конечно, они были талантливыми, но, кроме таланта, обладали, очевидно, старательностью и уверенностью в собственных силах... Существует и такое понятие, как везение...»

Амирхан Еники в эти годы более всего увлекался поэтически возвышенной прозой, именуемой в официальной науке поэтической прозой, или по-татарски — «насером». Вспоминая эти годы, он напишет: «Писал мало, печатался редко... И были это в основном мелкие вещицы... поэтически возвышенные. Это, по-видимому, объяснялось моей молодостью. Таких произведений я раньше много читал в журнале «Аң»¹... Из моих вещей кое-что было напечатано в молодёжной газете «Кызыл яшьләр» и в журнале «Безнең юл». Однако сочинения мои прошли тогда никем не замеченными. И в большом журнале их приняли, скорее всего, за «гладкий язык». «Языком ты владеешь», — говорили мне».

¹ Журнал издавался в Казани в 1912–1918 годах.

В аудитории известного университета

В то лето 1926 года молодёжь Давлеканова с концертами и «жаркими комсомольскими речами» выступала и в окрестных сёлах. В эти сёла они выезжали часто. Там тоже им всем было интересно и весело. Местная молодёжь встречала их с радостью. Амирхан участвовал почти во всех этих мероприятиях. Но около полумесяца провёл у родственников — в семье двух родных братьев отца в селе Новая Каргала.

Хажар на этих молодёжных мероприятиях не участвовала. И на концертах в поселковом клубе не появлялась. Сидела ли она дома, или уезжала куда-либо на какое-то время, было неизвестно... Мачеха Бибикамал была из Уфы. Они могли на время уехать и туда... Расспрашивать об этом Амирхан стеснялся. «Она жила в глубине души моей, постоянно причиняя ей боль», — напишет Амирхан-ага спустя годы.

Приближалась осень. Амирхан ещё раз хотел попытаться счастья в Казани. Правда, перед отъездом из Казани, весной, он получил на работе расчёт и сейчас его никто там не ждал. «Но я рвусь в Казань, без неё не мыслю теперь своей жизни. Меня тащит туда моя судьба, чтобы до конца испил чашу страданий... Есть у меня, разумеется, и цель, в этом году я непременно должен поступить куда-нибудь учиться... И литературное моё будущее там... Я не собирался расставаться с этой мечтой. Но ведь без знаний и писать невозможно...»

Перед отъездом ни Хажар, ни её братишек повидать ему не удалось. Много позже он узнает, что дети Бурхан-абзый в те годы часто гостили в Уфе, у родных мачехи и у старшего брата Галиуллы.

На этот раз из Давлеканова в Казань поехала большая группа молодёжи — человек десять. Кто-то намеревался поступать на татрабфак, кто-то — в педтехникум. А кое-кому сразу же не повезло, они уехали обратно домой. «Всех, кто остался в Казани, я хорошо знал. Мы все вместе учились в школе, вместе проводили вечера. Один только Казак Усман держался особняком». (Прозвище «Казак» Усман получил, видимо, по причине происхождения из казачьего сословия. В то время в Уфимской губернии было много башкир и татар, когда-то входивших в это сословие. Некоторые из них таким происхождением даже

кичились. Амирхан-ага о принадлежности своего земляка к какому-либо сословию не сообщает.)

Усман был старше своих земляков. Считался одним из старых комсомольцев посёлка. И по своему положению, видимо, считал себя старшим. А потому относился к остальным чуть-чуть свысока... «Мы мало знали друг о друге. Чутьё подсказывало, что он недолюбливает меня... В Казани он поступил в совпартшколу. Он, являясь комсомольцем Даулякана, возможно, имел путёвку туда...»

В те годы комсомольцам и лицам, имеющим «правильное» социальное происхождение, поступить на учёбу было легче.

Амирхан Еникиев в этот приезд решил поступать на госрабфак при Казанском университете. Большинство же ребят выбрали татрабфак или педтехникум. Во всех этих учебных заведениях имелись общежития, обещали выплачивать стипендию. На этот раз на руках Амирхана была справка о том, что отец его работает кустарём-одиночкой, по происхождению они — из деревни, из крестьянского рода.

И Амирхана сразу же принимают на госрабфак Казанского университета, куда он и хотел поступить. При выборе этого учебного заведения он, наверное, послушался совета своего старшего друга Хабибрахмана, студента университета. Госрабфаковцы обучались также в аудиториях университета. И это положение устраивало будущего корифея татарской литературы. Жили они недалеко от учебного заведения — в общежитии на улице Островского. И стипендию получали своевременно.

Единственное затруднение Амирхан испытывал от того, что большинство преподавателей вели здесь занятия на русском языке. А он ведь закончил татарскую школу. И дома, и с ребятами в посёлке в основном разговаривали на родном языке. Но устраивало то, что преподаватели были здесь «отменные», с большим преподавательским опытом. Они старались терпеливо и подробно объяснять уроки собранным со всех краёв юным рабфаковцам. «Откуда только ни приехали в Казань... татары и мишари: из Сибири, Оренбурга, Астрахани, Саратова, из Симбирска, Пензы... Много было земляков из Башкортостана», — напишет он после, имея в виду учащихся всех средних учебных заведений Казани, включая и недавно открытый Татарский театральный техникум. Известно,

что в те же годы из Ташкента приехал и двадцатилетний будущий композитор Латиф Хамиди. Он намеревался поступать в недавно открытый (преобразованный) Восточный музыкальный техникум. Но тогда его туда не приняли. Позднее он напишет, что среди преподавателей этого специально открытого для подготовки национальных кадров техникума не было ещё специалистов по подготовке национальных музыкантов.

Многие из приехавших в Казань также мечтали стать литераторами. «Дерзкие, независимые», они и в литературной жизни участвовали активно. На татрабфаке и в педтехникуме часто устраивались литературные вечера. Из бывших учащихся средних учебных заведений тех лет вышли известнейшие писатели: Муса Джалиль, Фатих Карим, Афзал Шамов, Риза Ишмуратов, Мирсай Амир, Фатих Хусни, Абдулла Алиш, Габдурахман Минский, Демьян Фатхи, Абдулла (Вил) Уразаев (после окончания татрабфака направленный на работу в Узбекистан, где он как автор и переводчик активно пропагандировал татарскую литературу) и другие. А «Мирсай Амир не ограничился сочинением рассказов. Вскоре с жаром включился в литературные дискуссии...» Да, у Мирсая Амира был уже опыт комсомольского вожака и секретаря волисполкома.

Большинство литературных вечеров проходило в Большом актовом зале в здании татрабфака, на углу современных улиц Кремлёвской и Лобачевского (здание филиала Академии наук Российской Федерации). Почти на каждом вечере присутствовали и выступали Х. Такташ, А. Кутуй, Х. Туфан, К. Наджми, а иногда и писатели старшего поколения: Фатхи Бурнаш, Фатих Сайфи-Казанлы и другие. Часто посещают эти вечера и бойкие, любящие спорить не только по политическим, но и по литературным вопросам слушатели Коммунистического университета.

В месяц несколько раз проходили заседания кружка молодых писателей. Эти заседания часто посещают и опытные писатели, в том числе и неразлучная четвёрка такташевцев. Завсегдатаем этого кружка, а возможно, и организатором был учитель татарской литературы в одном из техникумов и известный тогда литературный критик Хайрутдин Валиев. На заседаниях этого кружка Амирхан Еники сближается и с некоторыми в будущем известными писателями. Только что приехавшие из различных мест

Башкортостана Мирсай Амир и Фатых Карим активно включились тогда в литературную жизнь молодёжи. Не менее активным был и Сагит Агиш, после нескольких лет обучения в оренбургском медресе «Хусаиния» и созданном на основе этого медресе Институте народного просвещения прибывший в Казань попытаться счастья. И непосредственно поэт Демьян Фатхи, после трёх лет учёбы в Самарском педагогическом техникуме решивший продолжить образование на здешнем татрабфаке...

«Несчастливая любовь была мне дорога...»

В Казани Амирхан окунулся в жизнь студенческой молодёжи.

Среди учившихся на госрабфаке и в самом университете, а также среди учащихся других учебных заведений были, конечно, и девушки. В достаточной степени бойкие, смелые из них участвовали и в литературных вечерах. А некоторые даже увлекались литературным творчеством. Зайнап Баширова, например, поступившая на тот же госрабфак чуть раньше Амирхана, уже прославилась как хорошая поэтесса, выпустила сборник стихов, была своим человеком в окружении Такташа и Кутуя.

Но Амирхан старался быть подальше от девочек. Он с рождения был стеснительным, терялся при разговоре с людьми противоположного пола. Да и пока душа и сердце Амирхана никого из них близко и не воспринимали. При этом почти каждый раз, начав разговор с какой-либо симпатичной девушкой, вдруг словно замечал между собой и той девушкой знакомый силуэт тонкой, изящной Хажар. И тогда начатый разговор получался каким-то запутанным, не гладким. Да, пока у него разговоры с девушками не клеились. Он был ещё не очень опытным ухажёром. Ему тогда было около восемнадцати лет.

Да и занятия на госрабфаке занимали очень много времени. Он не любил и не желал отставать от других. Но пока у него не ладилось и с русской речью. Иногда, отвечая на уроке и путаясь при этом в словах, он слышал, как некоторые из его сокурсниц прыскали в ладони. Большинство его однокурсников оказались более подготовленными к учёбе в этом учебном заведении. Многие мечтали сразу же поступить в университет, стать учёными или

преподавателями. У Амирхана же такой мечты не было. У него перед глазами маячили только известные мастера пера. Он мечтал пойти по их стопам. Написать какое-либо крупное, интересное произведение. Но как приступить к этому делу — он пока не знал. У него не было ещё достаточных знаний и жизненного опыта.

Осуществлению этой мечты пока мешали и напряжённые учебные занятия. «Мои литературные успехи были скромными... Мешала и учёба. Занятий было много, учиться нелегко, а требования высокие... Мне никак нельзя было отставать в учёбе...» Хорошо ещё, что рядом был старший, более опытный товарищ. До поступления в университет Хабибрахман две зимы жил в уездном городе Белебееве и закончил там среднюю школу. Да и в университете уже две зимы проучился. В случае необходимости он всегда был готов прийти на помощь. Но Амирхан, из-за своей скромности и стеснительности и из желания быть самостоятельным, к другу обращался очень редко.

* * *

В 1927 году, дождавшись зимних каникул, друзья-давлекановцы помчались домой. Была снежная зима. Поезда, приближаясь к предгорьям Урала, шли с большим опозданием. Уже и к Давлеканово должны были бы подъезжать, но их дорогу перекрыли большие сугробы. Поезда вынуждены были простаивать у этих снежных завалов, нанесённых ветром с ближайших лысых гор...

А им хотелось быстрее попасть домой. Дома их ждали соскучившиеся родители и друзья, которые остались здесь. Амир думал о Хажар. Сумеют ли они на этот раз встретиться и поговорить по душам? Он рассказал бы ей о Казани, о своей учёбе. Может, осмелился бы показать ей, если она сразу не отвернёт их, свои новые записи и рукописи. На дне сундука он вёз также несколько экземпляров молодёжного журнала «Авыл яшьләре» и газеты «Кызыл яшьләр». В одном из номеров этой газеты было напечатано и его небольшое сочинение: не насер, но хорошая зарисовка из жизни молодёжи. Показать ли эту газету Хажар или ограничиться с ознакомлением её только с остальными номерами газет и журнала — этого ещё он не решил.

Дома от Илдархана он узнал, что все домочадцы Бурхан-абзый в Давлеканове. Илдар иногда общался

с соседскими ребятишками. От него же Амирхан узнал, что в эти дни в кинотеатре «Туманный» идёт интересный фильм. Этот кинотеатр с тем же названием работал в их посёлке с дореволюционных времён. Но Еникиевы, как и большинство татар, туда почти не ходили. Для старших это заведение считалось греховным по религиозным соображениям. Потому и детям посещение такого греховного заведения не рекомендовалось. В Давлеканове Амирхан этот кинозал посещал не более двух-трёх раз. Сейчас он решил обязательно пойти туда и постараться пригласить Хажар. Но нужно было придумать какой-то интересный ход. За ночь этот ход он придумал. Недалеко от них жила ещё одна девушка — Таифа, давняя их знакомая. Она была чуть старше их. Но свободно общалась с Хажар. Наутро он направился к ней. Объяснил ситуацию. И попросил, чтобы она уговорила Хажар пойти с ними в кино.

Этот хитрый ход удался. Хажар дала согласие пойти с ними в кино. Вечером следующего дня они втроём уже сидели в кинозале: Амир, Хажар и Таифа. Естественно, «молодая парочка» сидела, боясь шелохнуться. Хажар не отрывала глаз с экрана. А он то и дело поглядывал на неё. В то же время старался, чтобы она не догадывалась об этом. «В мыслях была только Хажар!.. Но я не смел прикоснуться даже к её рукаву. По пути домой и разговор не клеился. Возможно, мешало присутствие Таифы...»

Дойдя до ворот её дома, он спросил:

— Хажар, можно, я напишу Вам?

Она не сразу открыла рот. Постояв немного, как обычно, усмехнувшись, ответила:

— Что ж, напишите! — и впорхнула в свои ворота.

На том их встреча закончилась.

В первые месяцы после возвращения в Казань Амирхан писал ей часто. Она изредка отвечала. Но чувствовалось, что писались эти письма нехотя, сухо. Хажар продолжала играть ту же игру, что и раньше. Ты, мол, пишешь мне любовные письма, я, мол, отвечаю тебе обычными сообщениями о житье и бытѐе.

К весне Амирхан, наконец, понял, что Хажар к нему относится только как к соседу, как к младшему по возрасту человеку. Относительно возраста, действительно, это было правдой. Он ещё в прошлом году узнал, что она старше его на два года. Но тогда подумал, что же в этом странного? И его мать старше отца ровно на два года. Но,

немного поразмыслив, понял — эти примеры несравнимые. То событие, когда его отца женили на осиротевшей, но имеющей крепкий свой дом и хозяйство соседке, случилось около сорока лет назад, были совсем другие времена, другие порядки. Притом это произошло почти в глухом селе. А сейчас новая жизнь, новые порядки. Совершенно другие представления о любви, о семье.

С такими мыслями в 1927 году он возвращался в Давлеканово на летние каникулы. Сразу же после приезда зашёл к соседям повидаться. Дома были только Бурхан-абзый и жена его Бибикамал. Мачеха сказала, что Хажар в гостях у сестры. Пробыв несколько дней с родителями и повстречавшись с оставшимися здесь друзьями, Амирхан начал было подумывать о том, как организовать встречу с Хажар. Но вдруг ему принесли плохую весть: её уже нет в Давлеканове. Оказывается, на днях видели её на вокзале, она садилась с каким-то парнем в поезд. На станции их провожал зять Бурхан-абзый Хайрутдин. Кто-то говорил, что родители не знали об этом событии, что она сбежала, не сообщив об этом отцу и мачехе. А может быть, домашних такой поворот дела устраивал: торговым делам пришёл конец, магазин они вынуждены были отдать за бесценок. Дети разошлись кто куда. Дом осиротел. Только Гайша с Хайрутдином да и Хажар оставались в посёлке.

«Не скрою, было больно оттого, что надежды оборвались так внезапно... Но клянусь, успокоился я быстро... Так в Даулякане одной невестой стало меньше. Этому событию люди не придали особого значения: Хажар была купеческой дочкой. Купечество сейчас не в моде. Жених Низам, наверное, чересчур дерзкий человек, если решил похитить купеческую дочку...»

Оказывается, этот Низам был из большого мишарского села Ыслак. Приезжал сюда пить кумыс. В Ыслаке находился волостной центр. Он там, как один из первых комсомольцев, был, оказывается, в какой-то значимой должности...

«Да, пора забыть о ней, вырвать из сердца!.. Но несчастная любовь моя была дорога мне... Нет-нет да напоминала о себе!.. С годами я стал лучше разбираться в жизни. Хажар правильно поступила, сбежав с парнем из Ыслака. Ничего другого ей не оставалось. Что ждало их семью — неизвестно».

Амирхан Еники спустя более сорока лет посетил дом Хажар с Низамом. В то время Низам уже был на заслуженном отдыхе. Проживали они в своём доме в Эссенуках. Об этой встрече писатель потом напишет: «В пожилой женщине было вовсе нетрудно узнать Хажар. Фигура, лицо, глаза — всё живо напоминало былой девичий облик. Я окликнул её: «Хажар!» И добавил: «Вы узнаете меня?» Некоторое время она молча разглядывала меня, потом сказала решительно: «Нет, не узнаю...» Я назвал себя. Она чуть дрогнувшим голосом произнесла: «Ай Алла!..» И окликнула мужа: “Низам, иди сюда!..”»

Вот так завершилась первая, юношеская любовная история Амирхан-ага Еники. Но о том периоде своей жизни он потом охотно рассказывал.

Боязнь разоблачений

Ещё с начала лета 1927 года у Амирхана было неспокойно на душе. Перед самым окончанием первого курса ему подсунили записку с угрозами, что его разоблачат обязательно. Записка была без подписи, но он догадался, что это дело рук Усмана Казака. Изредка встречаясь в городе, он всегда настороженно глядел на него, был недружелюбен. Правда, по отношению к Амирхану он вроде бы открыто особой враждебности не проявлял. Как всегда, среди ребят держался гордо, был высокомерен... Наверное, считал себя проводником новой жизни, идейным последователем революционных преобразований. «Да, революция продолжала наступление на старый мир... Её цель состояла в том, чтобы путём уничтожения сословных классов построить новую жизнь... Я боялся разоблачений. Я ждал, что слушатель совпартшколы Усман когда-нибудь продемонстрирует свою «классовую бдительность». Прежде всего это касалось моего происхождения...» — напишет об этом периоде своей жизни Амирхан-ага.

В те годы и дома, в Давлеканове, об этих изменениях в укладе жизни часто шли разговоры. Хотя большинство их сородичей были «мурзами в лаптях», обычными крестьянами, но и они пришли в уныние оттого, что сословных людей повсюду унижали. Были случаи, когда членов Белебеевского дворянского собрания, то есть таких

же мурз, как и Еникиевы, всенародно посрамляли. Известные мурзы Сыртлановы, например, тогда подверглись таким гонениям. А во второй половине двадцатых годов стали усиленно преследовать и купцов разных мастей, вплоть до хозяев маленьких лавчонок, обслуживаемых самими же содержателями.

Да, в те годы и Амирхана, только-только вступавшего во взрослую жизнь, терзали такого рода сомнения. Он боялся преследований, ждал, что его могут наказать по поводу его социального происхождения. Видимо, юное его воображение воспринимало происходящее вокруг немного пугающим образом. Он был тогда чуточку мнительным, постоянно сомневающимся человеком. А можно сказать — и сверхосторожным по натуре. Помню, осенью 1970 года Союз писателей СССР выделил несколько путёвок и нашим писателям для туристической поездки в Турцию. Обзвонили ведущих писателей, составили небольшой список желающих поехать, согласовали этот список с отделом культуры Обкома КПСС и другими организациями. В этот список был включён и Амирхан Еники. Он дал согласие, представил необходимые документы. Представленные заявления и документы уже были заверены вышестоящими органами, и вдруг, перед самым отъездом, от поездки отказался Амирхан-ага. Тогда он мне, готовившему эти документы, сообщил, что боится провокации. «До этого ещё никого из татар в Турцию не выпускали. Здесь что-то неладно, наверное. Не будут ли они потом нас упрекать как националистов...» Примерно так объяснил он свой отказ. Действительно, повод для подобного рассуждения был. Земляк Амирхан-ага, журналист газеты «Социалистик Татарстан» Халяф Гарданов, после посещения Турции написал тёплые воспоминания об этой поездке. Потом его с высоких трибун не раз критиковали, «он, мол, восхваляет страну, входящую в блок НАТО...». Аяз Гилязов, Хасан Сарьян и ещё кто-то с удовольствием тогда съездили в Турцию. Правда, никаких воспоминаний об этой поездке никто из них уже не писал... Да, Амирхан-ага был с юношеских лет очень и очень осторожным человеком...

Вернёмся, однако, в двадцатые годы прошлого века.

Вот как Амирхан-ага вспоминает те времена: «Как правило, всё начиналось с доносов... Чтобы выгнали с учёбы, вполне достаточно было написать о ком-то, что

он сын муллы или торговца. Проверкой никто себя не утруждал... В доносе можно было написать что угодно... А если навалилась на тебя такая беда, то уж никто тебе не поможет...»

Вскоре один из знакомых по школе парней сообщил ему, что Усман и его друзья готовят на Амира донос — собирают подписи... Он насторожился. Дни каникул 1927 года у Амирхана прошли вот с такими тревожными мыслями. Он знал, что в учебных заведениях Казани было уже несколько случаев исключения учащихся по таким доносам.

Обуреваемый такими сомнениями, он решает уехать из Давлеканова раньше других своих друзей... И окончательный разрыв отношений с Хажар не давал покоя его душе. Многие его друзья знали, что он был влюблён в неё. При общении некоторые из них стали проявлять сочувствие по этому поводу. Амирхану были неприятны такие разговоры.

В Казани Амирхан принимает окончательное решение: лучше уйти с госрабфака самому, пока не прогнали с позором. «Желание учиться во мне не угасло. И возраст позволял надеяться, что смогу ещё поступить куда-нибудь. Необходимо было изменить социальное положение — устроиться на работу». К этой мысли его подтолкнули, конечно, и следующие события. Появились вербовщики, призывающие поехать учителями в Среднюю Азию. Амирхану сообщил об этом его знакомый Джалаяй, который был готов поехать туда учительствовать. Он и его уговаривал поехать с ним. Сначала Амирхан сомневался — примут ли их, недоучек, учителями? Посетив комиссариат просвещения, убедились: примут. Оказывается, кроме Средней Азии и в других местах была та же потребность.

Таким образом Амирхан и Джалаяй в конце августа того же года оказались в Донбассе. Амирхана назначают учителем ликбеза в Будённовском шахтном управлении, где работало много выходцев из татар, не имеющих полного начального образования. А Джалаяй был направлен на другую шахту с такими же целями. Секретарём партийной организации в Будённовке оказался тоже их земляк — мишарин Шакиров. И с его помощью Амирхан легко приступил к своим обязанностям по ликвидации неграмотности среди шахтёров. Его устроили в одну украинскую семью на квартиру. Для занятий в трёх шахтах

этого управления отвели учебные комнаты и составили списки будущих учеников. «Учениками» Амирхана были в основном сезонные рабочие, только что приехавшие на заработки. Шахтёры трудились посменно, расписание учёбы было подогнано под распорядок дня их работы. С утра он занимался с теми, кому надо было идти во вторую смену, а к концу дня — с освободившимися от первой смены. На каждой шахте вёл занятия два дня в неделю. И времени для отдыха оставалось предостаточно. Здесь он заметно окреп и повзрослел. Был чуть выше среднего роста и крепкого, мускулистого телосложения. Поэтому казался старше своих восемнадцати лет. Благодаря начитанности был признан настоящим учителем. Это он чувствовал всем своим нутром. Многие его уважали. Иногда, в дни каких-либо праздников или семейных торжеств, приглашали и в гости. Люди, приехавшие на заработки временно, с руководством не вступали ни в какие конфликты, воздерживались от употребления спиртных напитков. Амирхан эти различия в поведении приезжих и местных заметил в первые же месяцы проживания в шахтёрском посёлке.

«Жизнь моя устроилась вполне благополучно. Старшие звали меня «мугалимом». Поездка в Донбасс была для меня во всех отношениях полезна. Впервые за эти годы я чувствовал себя спокойно. Моим происхождением никто не интересовался. И моя вечная стеснительность при общении со здешними людьми вроде бы чуточку отступила».

После окончания сезона его провожали домой дружно, тепло. И украинская семья, где он провёл полгода, и сослуживцы несколько раз повторяли: «Приезжай ещё... Осенью обязательно приезжай». Эти слова тоже придавали уверенности в себе.

Естественно, и материальное положение было у Амирхана более чем удовлетворительное. «Платили мне за часы, и к концу месяца набегало рублей 90—100». Проживание в частной квартире с питанием в месяц стоило 25 рублей. Год тому назад учащиеся «Архумаса» получали 9 рублей стипендии, а он, работая курьером в магазине, — около 20 рублей. Действительно, зарплата шахтёров соответствовала их тяжёлой работе. В те же годы в Донбассе, только на другой шахте, работал и будущий писатель Наби Даули. Он рассказывал, что в первые месяцы после полочки от радости они раскладывали пяти- или

десятирублёвыми купюрами полы в комнатах общежития и считали шагами, у кого сколько квадратных метров заработка получилось.

От этой поездки Амирхан получил большое удовольствие. В конце мая 1928 года, после отъезда «сезонных шахтёров» с работы, он вернулся в Давлеканово с богатыми подарками и с достаточной суммой денег, оставшейся после покупки себе обновок. А самое главное — с определённым опытом учителя. До войны этот опыт он использовал ещё дважды: в Казани на курсах по переподготовке рабочих и в Узбекистане в школе.

Да, вернулся он из Донбасса с некоторой уверенностью в себе, в своих возможностях.

Поиски трудового пути

Дома его ждали с нетерпением. На этот раз он был от дома настолько далеко, что даже Нигметзян-атакай плохо представлял, где он находился. Ехал он домой, пересеживаясь с поезда на поезд дважды — в Пензе и Самаре. Несколько дней Бибихадича-анакай не отходила от него: потчевала и любимыми им блинами, и бялешами, и различными пирогами. Во дворе дома паслась корова, кудахтали куры, по вечерам стройным отрядом возвращались из поймы Дёмы гуси, обещая лакомые куски гусятины на зиму... Эта живность и небольшой заработок Нигметзяна были тогда достатком семьи. Илдархан пока учился. Нигметзян продолжал мастерить в своём сарайчике небольшие поделки — подставки для сковородок, кастрюлей и других надобностей. Кто их покупал, как отец ими распоряжался — Амирхан таких вопросов ему не задавал. Боялся расстроить «атакай».

Он несколько дней неотлучно находился дома. Большинство друзей ещё не приехали — до начала каникул было более полумесяца. А потому откладывались и шумные вечерние прогулки на лодках по Дёме. Обычно мальчишки и девчонки, расположившись на нескольких лодках, почти до полной темноты бороздили по этой реке вниз и вверх, распевая песни хором. Почти в каждой лодочке бывал и гармонист. Амирхану особенно нравилась полусуточная, полусерьёзная песня «Жомга». Произнося «Соловейка, сообщи мне, где же моя возлюбленная», он

всегда в воображении видел перед собой Хажар... А сейчас и Хажар не было в посёлке.

Он знал, конечно, что в шумном хоре молодёжи его голос был еле слышен. Он не умел петь. А отец и его брат Нигматулла, не успев сесть в подводу и не дожидаясь выезда за околицы села, обычно сразу же начинали петь какую-либо протяжную татарскую или башкирскую песню. Амирхан, затаив дыхание, слушал их. Да, он был лишён таланта певца. Но зато был большим любителем слушать! Ему и украинские песни пришлись по душе. Своей протяжностью они часто напоминали ему татарские народные напевы...

Честно говоря, в эти дни в Давлеканове он и не стремился встречаться с кем-либо из своих знакомых. Избегал расспросов о своей жизни, об учёбе. Зато в домашней тишине работалось легко. Он завершил здесь начатый в Донбассе большой очерк из шахтёрской жизни. Куда, кому послать этот материал? Или лучше самому поехать в Казань? В последние дни его мучили эти вопросы. Решил, не спеша, сделав остановку в Уфе, поехать в Казань. К его приезду освободятся комнаты в общежитиях, большинство знакомых разъедутся по домам (ему не хотелось со многими из них встречаться). В Казани он решит, как ему поступать дальше: учиться или работать.

Тем более что в редакции журнала «Безнец юл» находилась рукопись его рассказа, завершённого ещё в прошлом году. И вот сюрприз, в первые же дни приезда в Казань узнал, что его рассказ «Ваकытсыз сулды» («Угас безвременно») уже был напечатан. Первым об этом сообщил ему поэт Сагит Сунчелей. Сказал: «Хороший рассказ. Продолжай писать...» Такой же добрый отзыв он услышал и от уважаемого им писателя Садри Джаляля. Как преподаватель татрабфака и автор знаменитой повести «На берегах Дёмы» (их Дёмы!) этот писатель был духовно близок Амирхану. Встретившись в редакции газеты «Кызыл Татарстан», «Садри-абзый тепло отозвался о моём рассказе», — напишет он потом.

Несмотря на то что раньше несколько его лирических сочинений были напечатаны в молодёжной газете, очерк о шахтёрах он отдал редакции «Кызыл Татарстан». И тому причиной явился его давний знакомый, бывший библиотекарь, а ныне журналист Габдулхай Хабиб. Если помните, Габдулхай уже помог ему в год первого

его приезда в Казань, когда он был лишён стипендии. Это он предложил ему устроиться курьером в книжный магазин. О таких знакомствах Амирхан-ага пишет: «Я не решаюсь подойти к человеку, если не чувствую с его стороны некоторого интереса к себе. И вообще, трудно схожусь с людьми...» Да, тогда, когда он не знал что делать, к кому обратиться, Габдулхай первым начал беседу с ним. Узнав о его бедственном положении, принялся помогать ему.

И сейчас, приняв его очерк и расспросив о делах, он посоветовал ему сотрудничать с редакцией «Кызыл Татарстан» — быть внештатным корреспондентом. И ему сразу же дали задание: побывать на строительстве крупной меховой фабрики на окраине Казани. Скоро намечалось открытие этой фабрики. Необходимо было познакомиться с людьми, быть на дне открытия. Написать обо всём этом вот такой же хороший очерк...

Амирхан Еникиев принимает это предложение. В ближайшие же дни отправляется в дальний конец города — до этого незнакомого ему посёлка Новая Слобода. Трамвай ещё туда не ходили. Он несколько раз обошёл этот уголок Казани. Участвовал и в торжественном открытии фабрики. Потом ещё раз ходил по цехам, был и в новом общежитии. Тогда всё это ему понравилось. А в сентябре один за другим вышли два номера газеты с его очерками: «Яңа гудок» («Новый гудок»), посвящённый открытию новой фабрики. Чуть позже и «Кара күмер илләрәндә» («В стране чёрного угля») — о жизни шахтёров. А потом были ещё различные небольшие заметки, зарисовки, выполненные по заданию редакции.

Знакомство с этой фабрикой сыграло важную роль в жизни будущего писателя. Вскоре он решает поступить туда на работу. Ему предоставляют место в общежитии в центре города. Сначала принимают учётчиком мехового цеха. Пройдя несколько ступеней, он завершает здесь свою карьеру в должности начальника бюро изобретательства и рационализации.

Было ему тогда чуть более двадцати двух лет. На этой фабрике он проработал более пяти лет, дольше, чем где-либо. Через два года на этой же фабрике получил направление на учёбу в Институт научной организации труда. Учился он чуть больше года с сохранением прежней зарплаты. Да, без отрыва от производства их учили, как

организовать труд рабочих на местах, как их этому обучать. А после ещё более года состоял он в штате данного института, не отходя от своей фабрики, как инструктор-организатор рабочего места меховщика.

Спустя годы, возвратясь к событиям тех лет, он напишет известную повесть «Вождан» («Совесть», 1968).

* * *

Правда, в начале тридцатых годов, проработав на фабрике более двух лет и заимев статус рабочего человека, он ещё намеревался попробовать поступить в какой-либо учебный институт. Знал, что из их компании Ханиф Сирин и другие ребята собирались поступать в Восточно-педагогический институт. А Фатих Хусни уже учился в Финансово-экономическом институте. Но опять перед его глазами встал Казак Усман. Пока он и его друзья оставались в Казани, Амирхану опасно было поступать учиться. По-прежнему он боялся их. Думал, что они всё равно будут следить за ним. «Усман и его дружки непременно донесут, что я сын бывшего торговца». И постараются доказать, что он обманул советских людей, желая скрыть своё происхождение. Да, пока доносы, преследования детей «буржуев, купцов и религиозных деятелей» только-только набирали обороты. Он понял, что его «черёд не настал, надо выждать ещё какое-то время».

Изредка посещая заседания ассоциации пролетарских писателей (ТАПП), куда входили Х. Такташ, Г. Кутуй, Ш. Усманов и другие, пришедшие в литературу с начала двадцатых годов, Амирхан наблюдал, как набрасывались с критикой и на Такташа, и на других писателей, уже завоевавших любовь читателей. На этих собраниях иногда упоминалась и его фамилия. Больше с отрицательным оттенком. К этому времени он уже издал первую книгу — повесть «Дус кеше» («Друг», 1929). Правда, в те годы ещё было принято называть такие произведения «длинными рассказами». Поэтому более чем семидесятистраничное произведение А. Еники в некоторых источниках упоминается как рассказ, а в других же как повесть. Повесть «Друг» и неизданная в своё время повесть «Яз баласы» («Дитя весны») были им написаны в тёплых комнатах общежития мехового комбината. До войны он сумеет издать ещё три-четыре рассказа на страницах отдельных

газет и журнала. Последним довоенным его произведением, изданным журналом «Совет әдәбияты» (бывший «Безнең юл»), был рассказ «Көзнең бер кичендә» («Однажды осенним вечером», 1939). Но эти произведения критикой почти не были замечены. А пьесу, законченную в городе Маргилане (Узбекистан), он отошлёт в Казань. Эту пьесу тогда включают для участия в конкурсе 1940 года. Как и все остальные, и его пьеса была представлена в конкурсе под другим названием. Эту пьесу рецензировали три писателя. Наиболее подробную рецензию написал Муса Джалиль, указав на достоинства и недостатки пьесы. В середине 1980-х годов Амирхан-ага напишет, что среди старых бумаг нашёл эти рецензии. Исследователи творчества А. Еники и М. Джалиля этими двумя страницами текста поэта должны, по-моему, заинтересоваться...

В начале тридцатых годов у них с Мусой складываются дружеские отношения. В те годы Муса часто бывал в Казани. «Дружеское общение с Мусой Джалилем длилось лет пять-шесть. Наверное, вплоть до 1935 года». В те же годы они и переписывались. А сблизил их, видимо, Тухват Ченекай, признанный всеми старший друг и учитель Мусы. Известный поэт и активный общественный деятель, друг популярного в дореволюционные годы поэта Шаехзады Баби́ча. В конце 1920-х годов Тухфат переехал из Оренбурга в Казань и активно включился в общественную жизнь. Позже именно его и Наки Исанбета, ещё жившего в те годы в Уфе, назовут организаторами вышеназванного общества «Джидеган». Когда и как был Амирхан-ага связан с Т. Ченакаем — я точно не знаю. Но имеются его письменные воспоминания о нём. В одной из статей он писал, что в его архиве хранятся тетрадь со стихами Т. Ченакай и его письма.

* * *

В те далёкие годы и знакомые Амирхану люди станут жертвами преследований. В 1929 году из рядов ассоциации пролетарских писателей были исключены несколько человек. И одним из первых был исключён Шайхи Маннур, год тому назад выпустивший первый сборник стихов. Он скрыл, что его отец был муллой. То же самое произошло и с Демьяном Фатхи, в биографических данных

указавшим, что он «из бедных крестьян», а не из семьи муллы. Он, не дожидаясь дальнейших преследований, вынужден был искать счастья в далёкой Сибири. Будущий артист, автор двух пьес и сборника рассказов, очень общительный и артистично-интеллигентный Габдурахман Минский был уличён в участии в той самой эфемерной организации «Джидеган» и также вынужден был бежать из Казани. Д. Фатхи погиб на войне. А Г. Минский вернулся в Казань только в пятидесятых годах.

Как и Амирхан, потомок мурз и сын муллы Асгат Айдар вскоре был заточён в тюрьму. Вместе с ним туда же попал подающий надежды поэт Х. Сирин. Особо хочется остановиться на личности А. Айдара со схожей с Амирханом Еники судьбой.

Асгат Айдар, как и Амирхан, вырос в пристанционном посёлке между Самарой и Оренбургом. С юношеских лет увлекался литературой. Вначале каким-то образом попал в Уфимскую партшколу. Потом перебрался в Казань. Амирхан только после войны узнал, что тот был сыном ахуна — главой мулл двух десятков сёл. На литературных вечерах Асгат был, как и в жизни, активным и очень подвижным человеком. Легко ладил со сверстниками. Несмотря на разницу в возрасте, он был старше Амирхана почти на три года, они быстро сдружились. Асгат и Муса были одногодками, но оба ростом ниже и фигурой тоньше Амирхана. И это соотношение в какой-то степени, видимо, уравнивало их троих среди других лиц.

Асгат сначала увлекался поэзией. Но потом был признан неплохим прозаиком. Именно в это время, с лета 1928 года, они больше всего и общались. И их книги с первыми повестями были изданы почти одновременно — в 1929 году. После издания в начале тридцатых годов повести «Ташбай» А. Айдар становится знаменитым. Но кто-то, видимо, именно этого момента и дожидался. Сразу потянул его за «подол шинели», которую тот носил после службы в армии. Асгат попадает в тюрьму как сын муллы и враг советской власти. После отсидки в казанской тюрьме он сразу же сбежал в Среднюю Азию и исчез с литературной сцены. Появился в Казани уже после войны. Грудь его была увешана орденами и медалями. Из писателей столько наград тогда никто не имел. На войне он прославился как отличный разведчик. И новые его рассказы, естественно, были посвящены войне. Асгата и

Амирхана в Союз писателей приняли уже после войны. Амирхан-ага тогда был принят в этот коллектив благодаря своим рассказам военных лет. А перед войной в Узбекистан искать своё счастье они, оказывается, отправились почти одновременно в 1939 году. И оба там учительствовали до войны 1941 года.

В самом начале тридцатых годов Т. Ченакай и недавно приехавший в Казань Н. Исанбет тоже попадают в опалу. Оба они являлись выходцами из религиозной семьи. Их тоже сначала шумно изгоняют из ассоциации пролетарских писателей, а потом сажают в тюрьму на какое-то время как организаторов общества «Джидеган».

И судьба одного из скромнейших учащихся госрабфака — Абдуллы Гумерова завершилась в те годы очень печально. В госрабфак он поступал на год раньше Амирхана. В то время между собой они общались мало. А. Гумеров после успешного завершения учёбы в госрабфаке поступил в университет. А перед окончанием второго курса, весной 1928 года вдруг был исключён из университета, как скрывший своё происхождение. Кто-то тогда донёс, что он является сыном торговца, что его отец в годы НЭПа содержал две лавчонки в городе Оренбурге. До этого печального события и Амирхан не знал, что этот скромный парень так же является сыном купца, как и он.

Все эти примеры преследования по поводу социального происхождения отрицательно влияли на Амирхана Еники. Да, кого-то исключали из своих рядов, кому-то запрещали издаваться. А кое-кого и в тюрьму сажали. Открытые, на собраниях, или скрытые, письменные, доносы сыпались тогда со всех сторон.

В начале 1934 года, после закрытия отдела, где Амирхан Еникиев состоял в штате в вышеуказанном Институте организации труда, он решил уйти и с меховой фабрики. Амирхан — опять на перепутье. В те дни шла подготовка к организации Союза писателей СССР. На июль был намечен Первый съезд татарских писателей. Вокруг все суетились. Объединяясь меж собой, назначали своих делегатов на это серьёзное мероприятие. Не любитель таких тусовок, Амирхан оказался как бы в стороне от этих дел. К нему лично не обращались, и он, по своей привычке, вёл себя пассивно, по этому поводу ни к кому не обращался. Его принцип «трудно схожусь с людьми» сыграл и в этом случае отрицательную роль.

Он в первый поток членов и кандидатов в члены Союза писателей не попал. Хотя по количеству изданных произведений мог бы войти в список кандидатов. Но его, двадцатипятилетнего, считали, наверное, ещё слишком молодым. И ждали, видимо, от него большего. Правда, и сам он в последние годы малость отошёл от писательского дела, увлечьшись сначала учёбой на курсах-семинарах указанного выше института, а потом «внедрением» приобретённых знаний на основной работе. К тому же ещё и женившись. «Я начал отходить от литературы. Надо было как-то жить, кормить семью...»

Да, в те годы и на писательских собраниях он участвовал реже. Иногда там и выступал, часто с места, конечно. Бывало, и его не забывали упоминать на этих собраниях. Однако не ради похвалы, а ради хулы... «Я был не очень-то удобным человеком для столь сложного времени... Я и сам давал этим людям повод, не без того. Мне больше приходилось терпеть нападки за высказывания на собраниях или где-нибудь. Так что больше доставалось мне не за мои сочинения, а за высказывания», — пишет он. Иногда ведь и особо рьяных любителей правды не любят. Амирхан-ага и позже, уже являясь опытным писателем и человеком, был поборником «истинной правды».

Пробыв около двух лет в системе местной промышленности и киносети инструктором-преподавателем технического обучения по опыту того же института, он с весны 1936 года решил попытать счастья на стороне. И по подсказке одного знакомого поехал с семьёй в далёкий Азербайджан. Страны за Кавказскими горами (Каф тавы иллэре) у татар всегда считались мифическим миром. Вот он туда и отправился.

Следы борьбы на литературной ниве

А женился он в 1931 году «на хорошенькой девушке по имени Гульсум». Она тоже была по происхождению из семьи торговца. У них когда-то был свой магазин. По линии отца Шарифа она была также «из династии касимовских татар». После смерти мужа в смутные годы мать с дочерьми переехала в город Казань. Жили они тогда где-то в начале современной улицы Галактионова — недалеко от общежития, где проживал Амирхан. После женитьбы он поселился в их доме, где жили, кроме матери, ещё три

сестры Гульсум. Летом 1932 года они совершили свадебное путешествие в Давлеканово. «Последний раз побывал с молодой женой в отчем доме в Даулякане», — писал он. Потом была долгая разлука с родиной — до середины пятидесятых годов.

В Давлеканове вроде бы всё было по-старому: и отец без дела не сидел — добывал сено для коровы, откуда мог достать. А корова с курами обеспечивали их своими продуктами. Но сено на рынке уже не продавали. Организованные в посёлке колхозы косить траву вокруг их территорий не разрешали. «Атакай то и дело вздыхал: “Что же с нами будет?”»

А ещё печальнее весть была получена из Новой Каргалы. Там тоже был организован колхоз. И в семье Еникеевых случилась большая беда. Средний из братьев, «Нигматулла-дэдэй», отец Зулейхи, в октябре 1930 года вместе с некоторыми сельчанами был арестован. При организации колхоза он, наверное, по какому-либо поводу опять-таки проявил свой «мурзинский характер». Писатель, вспоминая его, пишет, что «Нигматулла-дэдэй был горяч». Он был участником войны 1914—1918 годов, побывал в плену у «германцев». Вернулся оттуда болезненным, с трудом вёл своё хозяйство. С младшим братом Мухамедьяром тоже не ладились отношения. Их мать, бабушка Амирхана, умирая, в 1921 году, завещала большой, родовой дом младшему сыну, как было принято тогда. А семья Нигматуллы осталась в меньшем, построенном рядом доме.

Пока было известно, что арестованных сначала увезли на большую станцию Буздяк, а оттуда отправили в Уфу. Жена его, Мадина-тутакай, была в Уфе, но не смогла разыскать следов мужа. В это время и Сорур с Шарифом не было в Уфе — они в том же году переехали жить в Москву. Поэтому судьба Нигматуллы долгое время оставалась неизвестной. По слухам, они были расстреляны тогда же. Во время их пребывания в Давлеканове этот слух подтвердится, что для уязвимой души Амирхана добавит отрицательных эмоций.

С учётом всех этих событий Амирхану удалось уговорить родителей продать дом, корову и переселиться в Казань. Илдархан в это время был в отъезде — находился где-то на Урале.

Осенью того же года родители так и поступили: продали дом и корову. Приехали в Казань. «Мать жены при-

ютила моих стариков, хотя, кроме нас, у неё было ещё три взрослых дочери». Большие ящики с вещами переселенцев поместили в тёмных каморках дома и в чулане.

Весной они, после долгих поисков, купили частный дом с тремя комнатами, кухней и просторным чуланом. Был ещё большой двор, более пяти сотых гектара, там же бревенчатый сарай, дровяник, ледник. Нигметзяну сразу приглянулся этот просторный двор. И дом был хорош. Еникиевы все переселяются туда — на дальний конец современной улицы Достоевского. И проживёт семья писателя Амирхана Еники в этом доме с печным отоплением до осени 1968 года.

В начале лета 1933 года это была ещё окраина Казани. Рядом находились только частные дома с садами, коровами, козами, свиньями и курами. Родители Амирхана тоже сначала развели кур, потом и корову купили. «Напротив дома был широкий луг, там с утра паслись коровы... Большой наш двор атакай превратил в сад, положив на это немало труда. В саду самым замечательным деревом была чёрно-красная вишня «владимирская». В соседних садах такая вишня была редкостью... Я тоже хорошо потрудился на этом участке...»

Несмотря на такой налаженный быт, домашний уют, в душе Амирхана было беспокойно. В эти годы он «начал постепенно отходить от литературы». Реже стал посещать различные собрания писателей. Летом 1934 года и съезд писателей прошёл для него как-то незаметно. К этому съезду он пришёл не подготовленным творчески, без новых сочинений. Он с горечью потом напишет: «В литературу многие пришли после меня... но ушли вперёд. В литературу я входил долго и трудно...»

Наверное, такие горестные размышления и всё ещё сохранявшаяся боязнь разоблачения по поводу его социального происхождения, заставили их покинуть уютный дом и поискать счастья на стороне.

В 1936 году он с женой и дочерью уезжает, оставив родителей и домашний уют, в далёкий Азербайджан.

* * *

Встретиться и поговорить со своим великим земляком — Галимджаном Ибрагимовым — Амирхану Еники удалось только ровно десять лет спустя, летом 1937 года.

И тому причиной был его старший друг Хабибрахман. До этого Амирхан-ага около двух лет работал в Азербайджане, вдали от родных мест.

Амирхану и его семье в Азербайджане жилось нелегко. Во первых, азербайджанский язык сильно отличается от нашего татарского. Наладить отношения с местной прессой, литературными журналами было очень трудно. Направлять письмом написанные «вещи» в Казань тоже было почти безнадежным делом. Пока ты не включён в список активно работающих «служителей пера», не являешься членом союза, письмом отправленные твои труды там будут лежать месяцами. Особенно в такое смутное время, как середина тридцатых годов.

Амирхан Еникиев, проработав в одной районной конторе киностудии «Азеркино», в начале лета 1937 года попытался обосноваться в городе Баку. В это время и старшая сестра Гульсум жила здесь. Она была направлена на работу в Баку после получения специальности в Казани. Амирхан не смог здесь найти достойной для себя работы. Об этом он написал в Крым Хабибрахману. Тот сразу же прислал телеграмму с приглашением к себе и некую сумму денег на дорогу.

Правда, и Амирхан около семи лет тому назад оказал другу такую же неотложную помощь. С детства болезненный Хабибрахман в год окончания университета сильно заболел — начал харкать кровью. Врачи порекомендовали ему поехать в Крым и обосноваться там. Он так и поступил. Начал работать врачом. Но через какое-то время здоровье опять ухудшилось, и его положили там в больницу. Он оказался в очень затруднительном положении. Написал об этом Амирхану. Друзья собрали тогда сколько-то денег и послали ему. Таким образом он закрепился в этом курортном раю.

А теперь он приглашал Амирхана погостить у них, подкрепить своё здоровье. Амирхан принял это предложение и почти два месяца провёл в санатории, возглавляемом Хабибрахманом. И вот тогда Хабибрахман несколько раз возил его из местечка Кориез в Ялту, бывали они и в доме Галимджана Ибрагимова. На солидном легковом автомобиле главного врача за эти дни, кроме Ялты, они объехали почти все достопримечательные места Крыма...

По рассказу Амирхан-ага, состояние здоровья Галим-

джана Ибрагимова в то лето было вполне удовлетворительным. Он расспрашивал о родине, о знакомых писателях. Делился своими творческими планами. Впоследствии Амирхан-ага напишет об этих встречах в статье «Выздоровление писателя».

А через два месяца случилось большое несчастье. Герой труда Галимджан Ибрагимов был арестован как враг советского народа. И привезён в казанскую тюрьму. Об этом поползли слухи по всей Казани...

А ещё через семнадцать лет писателю Амирхану Еники пришлось принять активное участие в восстановлении славного имени своего земляка и, как он сам считал, его великого учителя по татарской словесности — «гражданина Г. Г. Ибрагимова».

Шёл декабрь 1954 года. После смерти И. В. Сталина в стране происходили кое-какие политические изменения в сторону либерализации. Руководство Института языка, литературы и истории собрало актив из литературоведов и видных писателей для обсуждения составления плана будущей работы в связи с этими изменениями в стране. Вот что писали об этом совещании некоторые его участники.

«К тому времени классиками татарской литературы официально считались только три человека: Г. Тукай, Г. Камал и Ш. Камал. Участники совещания предложили увеличить этот список. Афзал Шамов предложил включить в этот список Фатиха Амирхана и, если позволят соответствующие органы, необоснованно репрессированного Шамиля Усманова. А Амирхан Еники предложил, опять-таки, если позволят властные органы, восстановить в списке классиков татарской литературы имя Галимджана Ибрагимова...»

В последующие дни председатель Союза писателей Гумер Баширов посоветовался по этому поводу с некоторыми руководителями республики. Однажды он как-то сказал, что самый добрый совет ему дал бывший в то время секретарь обкома партии по идеологии Салих Батыев: «Съезди-ка ты сначала в Москву, посоветуйся со своим руководством — как обстоят там дела с реабилитацией ранее репрессированных». Председатель Союза писателей в начале 1955 года так и поступил. И Александр Фадеев, председатель Союза писателей СССР, проинструктировал Г. Баширова, как поступать в таких случаях: от имени родственников направлять письмо в

Прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации. Первым делом направлять просьбы относительно тех, кого считаете явно не виновным. И такие просьбы направлять не списками, а отдельно по каждому случаю.

С такими инструкциями Г. Баширов вернулся в Казань. Опять посоветовался с С. Батыевым — с кого желательно было бы начать это дело. Решили первый запрос послать относительно Г. Ибрагимова и Ш. Усманова — они решением суда не были осуждены, так как умерли до суда в тюрьме. Ходатайство о реабилитации Ш. Усманова может послать его родной брат, живущий в Казани. А кто может ходатайствовать за Г. Ибрагимова? Баширов должен был решить этот вопрос.

Через несколько дней Г. Баширов вызвал к себе Амирхана Еники и просил его подумать о возможности написания такого письма от своего имени. На размышление дал два-три дня. Г. Баширов ему сказал: «Он твой земляк, ты признавался неоднократно, что считаешь себя его учеником. На собрании в академии сам просил включить его имя в список оправданных и предложил начать издание его произведений немедленно. К тому же ты беспартийный. Нас просили остерегаться впутывать в эти дела партийных лиц...»

Все эти доводы старшего коллеги убедили Амирхан-ага в необходимости принятия положительного решения. Конечно, в первые минуты такое предложение его сильно насторожило. Потом он рассказывал, что в эти дни осунулся, не мог нормально есть и спать спокойно. Не так-то просто первым идти в неизвестность. Но потом ум и совесть взяли верх над осторожностью. Он написал черновик письма и направился в Союз писателей — к Г. Баширову. Тот кое-что исправил, добавил и велел машинистке напечатать текст. Так это письмо от имени «беспартийного писателя, ветерана войны» было отправлено в Москву, в Центральный комитет КПСС.

Ответа ждали долго, более полугода. В начале ноября 1955 года на домашний адрес А. Н. Еникиева (ул. Достоевского, дом 85, кв.1) пришёл положительный ответ из Прокуратуры СССР, направленный из Москвы 29 октября, под № 13. В письме сообщалось, что решением Прокуратуры от 24 сентября 1955 года дело Г. Г. Ибрагимова прекращено.

Вскоре и руководство республики приняло решение о срочном издании произведений Галимджана Ибрагимова в трёх томах. Эти тома вышли из типографии в 1956–1957 годах. Подготовка этих томов и сборника воспоминаний об авторе была уже поручена Афзалу Шамову, до ареста писателя редактировавшего несколько его книг.

С копией письма А. Н. Еникиева в Москву и копией ответа я ознакомился в 1980-х годах в доме бывшей жены и соратницы Г. Г. Ибрагимова, писателя Гульсум Мухаммедовой. В те годы я редактировал три её документальные повести, посвящённые жизнедеятельности бывшего мужа. Она в начале войны 1941 года была эвакуирована из Крыма в Самарканд и жила там до конца 1960-х годов. Помню, однажды, в начале 1970-х годов она просила меня познакомить её «с писателем Еники». В то время я работал в Союзе писателей и сообщил о её просьбе Амирхан-ага. Кажется, на следующий же день они встретились в моём тесном кабинете и почти до вечера проговорили. Она тогда уже начала писать эти повести о муже и интересовалась у Амирхан-ага, как и куда ей лучше поехать, чтобы пройти по следам своего героя, с кем он рекомендовал бы встречаться в Башкортостане в случае поездки и т. д. Амирхан Еники подробно ей рассказывал о путях-дорогах Башкортостана и давал рекомендации — к кому в первую очередь нужно было бы обратиться.

В конце беседы, видимо, повторно, Гульсум Мухаммедова благодарила Амирхан-ага за его отважный поступок по реабилитации Г. Г. Ибрагимова.

Помню, что этот разговор состоялся уже после того, как торжественно отмечали 80-летие со дня рождения Галимджана Ибрагимова в феврале 1967 года. На торжества, проводившиеся тогда на родине писателя, была направлена небольшая группа писателей из Казани. Тогда Амирхану Еники впервые удалось попасть в родное село своего земляка — Султанмуратово. На срочно подготовленных к этому событию музейных экспозициях Султанмуратово в составе делегации из Татарстана побывали тогда ещё несколько человек, в том числе поэты Ильдар Юзеев и Радиф Гаташ. И позднее Амирхан Еники ещё несколько раз побудет в селе Султанмуратово, которое находится недалеко от его родного Давлеканова.

Амирхан-ага Еники в последние десятилетия периодически боролся и за восстановление доброго имени известного в своё время поэта, всеми признанного наставника юного поэта Мусы Джалиля — Тухфата Ченакая-Самави. После репрессивных мер, предпринятых в начале тридцатых годов в Казани, Ченакай уезжает в Узбекистан. Таким образом, отрывается от родной литературной среды. В пятидесятых годах его жизненный путь там и завершается.

Начиная с 1960-х годов, с периода «хрущёвской оттепели», Амирхан Еники, Наки Исанбет и другие писатели старшего поколения на собраниях и в печати выступают с заявлением о необходимости восстановления доброго имени поэта. Амирхан-ага пишет, что раньше переписывался с ним, что у него имеются и некоторые неопубликованные стихотворения поэта.

В конце шестидесятых годов бывший в то время председатель Союза писателей Ибрагим Гази специально командировал Амирхана Еники в Среднюю Азию для поиска творческого наследия этого поэта. Тогда же планировали издать сборник сочинений и восстановить доброе имя его в списке писателей Татарстана. Но после смерти И. Гази, в начале 1971 года, о судьбе Ченакая опять забыли. До сих пор имя опального поэта Тухфата Ченакая не включено ни в одно справочное издание о писателях Татарстана. И это поражение в борьбе за честь доброго имени человека Амирхан-ага переживал до конца своей жизни. Одна из последних его статей также посвящена этой теме: «Ченәкәй кем ул?» — «Кем был Ченакай?» в четвёртом номере журнала «Казан утлары» за 1998 год.

Признание пришло позже

Амирхан Нигметзянович Еники в послевоенные годы очень активно включился в литературную жизнь республики. Правда, в эти годы ему ещё приходилось совмещать свою творческую деятельность со служебными обязанностями на штатной работе сначала в редакции журнала «Совет әдәбияты», а потом заведующего отделом литературы и искусства Радиокomiteта ТАССР. А с 1953 года А. Еники — писатель-профессионал — занят только своими творческими делами.

Первые же его произведения, первые же книги привлекли внимание читателей современностью проблем. В них поднимались вопросы нравственности и правдивости, что особенно ярко проявилось в описаниях внутреннего мира героев в известных рассказах и повестях «Ялгызлык» («Одиночество», 1957), «Йөрәк сере» («Тайна сердца», 1958), «Рәшә» («Марево», 1963), «Төнге тамчылар» («Ночная капля», 1964), «Вөждан» («Совесть», 1968). Мещанский дух или стяжательство героев очень выразительно и ярко разоблачаются в известных его повестях «Саз чәчәге» («Болотный цветок», 1955), «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание», 1965), в рассказах, вошедших в сборник «Чәнечкеле чәчәкләр» («Колочие цветы», 1962), и некоторых других сочинениях.

Амирхан-ага Еники хорошо знал духовный мир своих будущих героев и без сложных сюжетных построений, лишних слов и витиеватых выражений сочным, поэтичным языком описывал этот мир своим читателям. Почти ни в одном из своих произведений он не использовал для усиления красоты выражения ни диалектных, ни других редко применяемых слов, которыми иногда злоупотребляют некоторые наши писатели. «Глубоким психологизмом, лиризмом и философской значимостью отличаются... его рассказы», — так пишет видный наш литературовед, профессор Рифат Свери́гин, анализируя рассказы автора, написанные между боями в годы Великой Отечественной войны. А совокупная оценка всего творчества А. Еники представляется этим профессором литературы такими вот словами: «Авторская философия основана на оптимистическом отношении к жизни, будущему своего народа. Изображение взаимоотношений поколений отцов и детей в его произведениях дано на уровне четкой и принципиальной идейно-эстетической концепции. Особенно удавались писателю образы людей старшего поколения с традиционными национальными чертами характера».

Как отмечают и другие исследователи творчества Амирхана Еники, в том числе профессор, литературовед, член Союза писателей СССР Фарит Хатипов, он является большим мастером описания дружеских, родственных и любовных отношений своих героев. Его отличает пристальный, вдумчивый взгляд на взаимоотношения людей. Автор предостерегает: безответственность в этих отношениях чревата неожиданными драмами. Сложные чело-

веческие судьбы убедительно и достоверно изображены не только в приведённых рассказах, но также в более крупных произведениях А. Еники — в повестях «Рәхмәт, иштәшләр!» («Спасибо, товарищи!», 1953), «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание», 1965) и в романе «Гөләндәм туташ хатирәсе» («Гуляндам», 1977), посвящённом юношеским увлечениям композитора Салиха Сайдашева. Сюжет данного романа начинается с ознакомления с дневниковыми записями самой Гуляндам уже по прошествии многих лет с их юношеского увлечения с будущим композитором — с элегантным и несколько стеснительным молодым человеком. Известно, что автор в данном случае был знаком с дневниками и прототипа Гуляндам.

И народный поэт Республики Татарстан Равиль Файзуллин в своей книге «Тернистый и славный путь» (на татарском языке, 2004), посвящённой творческой деятельности членов Союза писателей РТ, отмечает, что в 1960—1990-х годах Амирхан Еники занимал особое место среди коллег. «Его повесть «Невысказанное завещание» была особенно популярной среди татарских и башкирских читателей».

А по поводу романа «Гуляндам» мне хочется сообщить читателю, что, работая над этим произведением, Амирхан-ага Еники пользовался и дневниковыми записями своей ровесницы, младшей сестры друга юности в начальный период совместной учёбы в Казани в середине 20-х годов — Хабибрахмана Ибрагимова. В период работы над романом о юношеских годах Салиха Сайдашева он с интересом изучал эти четыре толстые тетради, написанные когда-то ровным девичьим почерком своей землячки. Эти чтения обогатили его роман искренними откровениями юности и достоверными сведениями о событиях начала XX века, волновавшими молодые сердца тех лет. Да, он использовал эти тетради для подробного изучения внутреннего мира юной Гуляндам и молодого музыканта Салиха. На самом же деле автор этих дневников не являлась прототипом Гуляндам.

Амирхана Еники более всего привлекает исследование внутреннего мира своих героев, их нравственного состояния. Поэтому-то они очень близко воспринимаются читателями его рассказов, повестей и романов. Вроде бы он описывает выражение этих чувств в предельно осторож-

ных тонах, но каждый читатель их понимает и принимает по своему темпераменту, согласно своему характеру.

В произведениях Амирхана Еники нет чётко выраженных производственных тем, не описываются производственные дела и конфликты. А такие произведения в советское время были очень востребованы и поощрялись. Злободневная тема тех лет частично отражена лишь в его повести «Спасибо, товарищи!». Повесть была сразу же замечена и оценена положительно как коллегами, так и руководящими деятелями республики. Поэтому она незамедлительно была переведена на русский язык и опубликована в столичном журнале «Дружба народов» (1954). В последующем столичные журналы на другие, написанные им по понятиям тех лет «на бытовые темы» сочинения серьёзного внимания не обращали. Да и сам автор, кажется, особого усердия для проталкивания сочинений в эти издания не проявлял. Он довольствовался выходом своих трудов на родном языке. А известные столичные книжные издательства периодически и очень охотно издавали большими тиражами почти все его произведения. Первая его книга повести и рассказов была издана в издательстве «Советский писатель» в 1955 году, через девять лет после принятия Амирхана Еники в члены Союза писателей СССР. К этому времени на родном языке им было издано уже пять сборников рассказов и повестей. Это большое достижение для писателя автономной республики. И для писателя, по своим личным качествам признанного коллегами достаточно скромным, несуетливым, но в то же время знающим себе цену человеком. В жизни он обычно не мелочился, вёл себя всегда достойным образом.

Произведения его написаны психологически очень тонко, точно и философично. И сочным, притягательным для читателя языком. Сюжеты его произведений привлекают читателей именно своей обычностью, схожестью с повседневной жизнью обыкновенного человека. Писатель не склонен формулировать свою идею прямо, навязывать своё отношение к персонажам сочинений. Беспристрастно и объективно он изображает то или иное явление, представляя делать выводы своему читателю.

«В его произведениях рельефное освещение нравственных проблем подчинено задаче эмоционального воздействия на читателя: с ювелирной точностью анализируются внутренние побуждения героев, ситуации; даются

детально разработанные мотивировки, — пишет один из исследователей его творчества. — Произведения Амирхана Еники глубоко психологичны. Разоблачение мещанства, стяжательства, двуличия и эгоизма в его повестях и рассказах порой вызывало разноречивые оценки, ожесточённые дискуссии. Но каждый раз жизнь подтверждала правильность взглядов и позиций автора...»

Здесь имеются в виду различные оценки критиками таких произведений автора, как, например, «Болотный цветок», в котором дан отрицательный образ «погрязшего в мещанском болоте» секретаря райкома партии одного из глубинных районов. Или отрицательное восприятие образов главных героев известной повести «Марево» некоторыми «ортодоксальными» партийными деятелями и литературными критиками с их пониманием «порядочности советского человека». События, связанные с повестью «Марево», разворачивались в середине шестидесятых годов, когда наряду с этой повестью была подвергнута критике и повесть другого известного писателя — Аяза Гилязева «Три аршина земли» («Оч аршин жир»). Главные герои этих произведений признавались тогда некоторыми критиками как «люди с буржуазным нутром», думающие только о себе и о своём благополучии. Помню, эта критика очень отрицательно подействовала на Амирхана Еники. Ведь в повести «Марево» он ведёт речь о разном понимании общечеловеческих ценностей, о человечности отношений между главными героями. Но «беда» заключалась в том, что в данной повести события разворачиваются на бытовой почве, а не на производственной. В защиту автора повести «Марево» в республиканской, а также и во всесоюзной печати выступили известные писатели и критики. Писатель и литературный критик Рафаэль Муштафин («Литературная газета», статья «Плюсы и минусы», 21 января 1964 года), литератор Разия Фаизова в той же «Литературной газете» — дважды. Они доказывали, что именно высокий духовный мир положительного героя раскрывается в повести «Марево», и позиция писателя в данном случае положительная...

Критик Р. Сверигин отмечает, что во всём творчестве Амирхана Еники «переживания героев часто сопровождается музыка, песня, что позволяет говорить о последовательно проводимой традиционно романтической концепции. Большое место в творчестве А. Еники занимают также

ирония, сатира и юмор, в которых отражается своеобразие художественного стиля писателя... Образный, выразительный язык, сатира, порой доходящая до сарказма, придают его рассказам и повестям неповторимую силу воздействия...»

Амирхан Еники очень увлекательно рассказал и о своём участии в Отечественной войне в повести «Без дә солдатлар идек» («И мы были солдатами», 1972). Естественно, в этой повести он не описывает свои героические подвиги на поле боя, а рассказывает о сослуживцах, их переживаниях, и, казалось бы, о случайных, несчастных случаях в солдатской жизни. Таких трагических событий на поле боя было предостаточно. А командир отделения сержант Еникиев был ответственен не только за свою судьбу, но и за судьбу других, несмотря на то, что многие солдаты охранного отделения боеприпасов были намного старше его по возрасту. Да, на командира возложены обязанности отца своих бойцов. И по этому поводу иногда возникали различные курьёзные ситуации... В этой повести жизненные коллизии военного времени описаны со знанием, захватывающим душу психологизмом.

А в «созданных в последние годы жизни писателя произведениях «Хәтердәге төеннәр» («Узелки памяти», 1983), «Соңгы китап» (1986, вышла в переводе на русский язык под названием «Страницы прошлого», 1998), «Кояш баер алдыннан» («Перед закатом солнца», 1996) автор с присущей ему обстоятельностью подытоживает свой жизненный и творческий путь, анализирует политические, общественные и литературные события уходящего XX века, размышляет об истории и будущем татарского народа и всей страны. Их можно рассматривать и как обращение, разговор с будущими поколениями читателей, и как предостережение от повторения ошибок старшего поколения», — пишет Р. Сверигин.

* * *

С конца сороковых и до середины шестидесятых годов Амирхан Еники увлекался и литературными переводами. Впоследствии он напишет, что «вынужден был заниматься художественным переводом чужих произведений...» В его переводе в коллективных сборниках или отдельными книгами вышли в те годы произведения следующих

ведущих писателей: роман Олеся Гончара «Знаменосцы» (1951), рассказы Николая Васильевича Гоголя (1952), пьеса Александра Николаевича Островского «Без вины виноватые» (1953), роман Михаила Бубеннова «Белая берёза» (в двух книгах, 1954), сборник рассказов Константина Паустовского «Летние дни» (1960), повесть Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь» (1964) и повесть Чингиза Айтматова «Первый учитель» (1965), а также отдельные небольшие произведения других авторов.

Произведения самого Амирхана Еники также переводились на другие языки народов СССР: на русский, башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, украинский, узбекский, чувашский и др. Отдельными книгами были изданы: на башкирском языке сборник повести и рассказов «Йөрәк сере» («Тайна сердца», 1963), сборник повестей под названием «Вөждан» («Совість», 1996), на русском языке сборники повести и рассказов «Спасибо, товарищи!» (1955), «Сердце знает» (1963), сборник рассказов «Шило в мешке» (1967), сборник повестей и рассказов «Марево» (1968), сборники повести и рассказов «Глядя на горы» (1974), «Одно лишь слово» (1977), роман «Гуляндам» (1978), автобиографический роман «Страницы прошлого» (1998).

Амирхан Еники, как успешный и активный писатель, был награждён орденами «Знак Почёта» (1957), «Трудового Красного Знамени» (1979), а как участник Великой Отечественной войны орденом Отечественной войны 2-й степени (1975) и боевыми медалями.

Годы общения с великим мастером

С Амирхан-ага Еники я познакомился в начале шестидесятых годов, а с творчеством был хорошо знаком намного раньше. Каждое его произведение для меня, как и для миллионов других читателей, было тогда долгожданным. Где бы ни жил в те годы, я был постоянным и активным читателем библиотек. Помню, с середины 1950-х годов проживая в городе Орск, мы, активисты национальной библиотеки имени Мулланура Вахитова, часто устраивали коллективные читки или обсуждения полюбившихся произведений. На таких литературных встречах бурно обсуждалось нами и каждое очередное произведение или книга Амирхана Еники. На этих встречах-вечерах активно уча-

ствовали преподаватели и студенты татаро-башкирского факультета Орского педагогического института.

В январе 1961 года я приехал в Казань. И первыми книгами, купленными в Казани, были тома Г. Тукая, Г. Ибрагимова и недавно изданная отдельной книгой повесть А. Еники «Тайна сердца» на татарском языке.

Скоро и с самим автором данной повести удалось познакомиться. Сначала мы часто встречались в редакции журнала «Азат хатын», где в те годы работал прозаик Хасан Сарьян, переехавший из Уфы в Казань осенью 1960 года. Я тоже приехал из Уфы. Таким образом, первоначально нас объединяла общая тема разговоров, связанная с Уфой, Башкирией. К тому же жена Сарьяна приходилась Амирхан-ага родственницей — Фирюзя тоже была из рода Еникиевых. Её отца — «Султанбек-абзыкай» Амирхан-ага часто вспоминал добрым словом. Султанбек Еникиев в двадцатых годах работал в различных организациях, а потом учительствовал в Уфе. Бывая там, Амирхан-ага иногда заглядывал и к ним.

Когда семья Хасановых обзавелась в старом, двухэтажном доме трёхкомнатной квартирой рядом с Казанским финансовым институтом (Фирюзя-ханум преподавала в этом институте), мы стали ещё чаще встречаться в их доме. Помню, кажется, осенью 1964 года, когда в казанских магазинах появились меховые шапки, с Амирхан-абый произошёл такой случай. Примеряя на свою крупную голову несколько таких шапок в старом нашем ЦУМе, который находился тогда рядом с современной площадью Г. Тукая, но не подобрав подходящего себе размера, он поспешно уехал домой. Из дома он звонит мне: «Лирон-энекэш, сходи-ка быстренько в ЦУМ, я там оставил кошелёк с большой суммой денег. Объясни женщинам, их там было двое, что мол такого-такого-то вида абзый, в таком-то пальто оставил у них на прилавке толстенький кошелёк. Сходи, пожалуйста, сейчас же, пока эти женщины меня совсем не запомнили». Тогда моё рабочее место находилось рядом с этим торговым центром. Я сразу же побежал в магазин, двум немолодым женщинам постарался подробно описать суть событий, упомянув при этом, что это был известный наш писатель Амирхан Еники. Женщины кое-что спросили, переглянулись меж собой, а потом достали из-под прилавка толстый бумажник, как я и указывал — «корич-

неватого цвета». Передавая его мне, женщины ещё раз повторили: «Мы вас вроде бы заочно знаем, часто вас видим, лицо ваше нам вроде бы знакомое. Если что-либо случится с этим кошельком, мы вас запоем. Да и этот писатель пусть к нам ещё раз заглянет, мы ему подберём хорошую шапку».

Возвратясь на работу, я тут же сообщил о результатах своего похода Амирхан-ага. Это было около четырёх часов вечера. Он, естественно, очень обрадовался и просил сразу же после работы зайти к Хасановым. «Я скоро у них буду, там и встретимся», — сказал он. В то время он жил в своём частном доме, купленном ещё его отцом в начале тридцатых годов, на улице Достоевского. Точнее, на дальнем её углу, далее поперечной улицы Товарищеской. Через полчаса мы встретились в доме Сарьяна (он им уже сообщил, что мы планируем встретиться у них). Амирхан-ага с собой прихватил мне в подарок очень изящную вещицу в виде неглубокой посуды из разноцветных камешков яшмы. Произведение явно уральского происхождения. Такие сувенирные вещи тогда изготавливали именно в тех краях: в Свердловске, Уфе, Челябинске. Сказал: «Вот тебе подарок за успокоение моей души. Я держал в нём скрепки, стиралки. А некоторые мои знакомые используют как табакерку», — сказал он. Я и сегодня храню этот дорогой подарок.

Позднее он, узнав, что я тоже поклонник творчества А. Куприна и увидев, что его книг нет в моей бедной ещё тогда библиотеке, подарил мне трёхтомное собрание сочинений этого писателя, сказав: «Я купил себе недавно новое издание, удовлетворишься пока этими томами».

В доме Сарьяна раза два был с нами и Наки-ага Исанбет. Они дружили с Амирханом Еники с послевоенных лет. В те годы Амирхан-ага был вхож в коллектив нашего главного театра. Очень недолго работал там заведующим литературной частью. Тогда же им были задуманы и вчерне выполнены два документально-литературных очерка об известных актёрах — о Нагиме Таждаровой и Шакире Шамильском (были изданы им десятилетия спустя).

Встречи эти произошли после возвращения Сарьяна с семьёй из отпуска — из Башкирии. Я их встретил на машине в речном порту. Он обычно привозил с собой несколько бутылок любимого Амирхан-ага «башкирского кумыса». А на этот раз привёз ещё и две большие стопки

исписанных тетрадей. В них были записи фольклора, собранные учащимися Бирского педагогического училища и частично студентами Башкирского педагогического института, где раньше учился и работал Сарьян. Сейчас он их привёз по заказу Наки-ага Исанбета. Помню, после «кумысолечения» мы втроём поехали на такси домой и я помог донести тетради до дома Н. Исанбета. Тогда он жил на нынешней улице 50-летия Октября. А я — чуть ниже по этой же улице.

А в конце лета 1968 года Амирхан Еники вынужден был переселиться. Их уютную, обжитую «усадебку» сносили, освобождая площадку для высотного дома. Он недели две ходил по разным кабинетам, в том числе обращался за помощью и в Союз писателей — просил, чтобы его семье дали такой же участок земли и построили там такой же дом, какой был у него. Но в те годы частные дома не строили и им пришлось переселиться в обычный пятиэтажный кирпичный дом на улице Шмидта. Тогда они жили вчетвером, вместе с младшей дочерью Флюрой и её мужем. Флюра и её муж были тогда молодыми врачами.

Амирхан-ага меня и Сарьяна просил в субботу приехать на машине и помочь им переселиться. Будущий их дом находился недалеко от старого. Днём раньше они часть вещей, которые можно было нести на руках, уже перенесли туда. Нам оставались вся мебель и сотни коробок, набитых книгами, рукописями и архивом. Мы втроём, включая нашего шофёра, трудились весь день. Гульсум-апа на третьем этаже нового дома принимала от нас вещи, указывая где и что ставить. А Амирхан-ага в старом доме подбирал и показывал, что грузить на следующий рейс.

Прощание со старым домом состоялось в круглой беседке, стоявшей посередине обширного двора. И тогда, ещё раз взглянув на узорчатые доски этого сооружения, Амирхан-ага с грустью произнёс:

— Это последняя память отца. Беседку он строил после войны. Столбы и доски год сушил в сарае. Все эти узоры мастерил сам... Знал он толк в хозяйском деле... Ох, жалко же мне покидать этот дом. Эту отцовскую веранду... Сколько приятных вечеров проводили мы здесь. Сколько интересных бесед прошло здесь...

Тогда Сарьян и говорит:

— Амирхан-абый, разреши, твою беседку я заберу к себе.

— С сегодняшнего вечера всё это уже не моё. И дом, и беседка эта... Но если завтра, за один день ты его уберёшь — беседка пусть будет твоей... Жаль только, что печь у тебя прожорливая...

Действительно, в те годы многие старые дома обогрелись ещё дровами. И в прихожей комнате Хасановых стояла огромная печь...

— Не беспокойся, Амирхан-ага, такое памятное сооружение я не пущу на дрова...

Прошёл ещё год с небольшим. В октябре 1969 года четырём коллективам творческих организаций — Союзам писателей, композиторов, художников и научным работникам Института имени Арбузова были выделены участки земли для организации садового общества «Идел» у залива Волги. Там получил свой участок в 4 сотых гектара земли и Амирхан-ага. Сидим мы однажды на недавно построенной веранде Сарьяна Хасанова, беседуем. Вдруг он прерывает беседу и говорит:

— Амирхан-ага, сохранил я дорогую вам беседку. В остов этой веранды заложены просушенные вашим отцом столбы и доски из той вашей беседки...

Помню, Амирхан-ага Еники тогда радостно заулыбался, сказав только два слова:

— Рэхмэт, Сарьян-туган!

Наши с ними участки оказались почти рядом. Особенно близок к нам был дом Амирхана Еники. Если идти по катету условного треугольника, то через участок известного поэта, участника войны Заки Нури был участок Амирхан-ага. А если идти по гипотенузе — наши участки упирались углами. В первые годы, когда ещё не было низеньких заборчиков, конечно же, мы с ним больше общались по линии гипотенузы. В нашем углу также были участки Нури Арслана, Хасана Сарьяна, Гарифа Ахунова, Атиллы Расиха. И семья будущего председателя Союза писателей, будущего активного депутата, известного драматурга Туфана Миннуллина тоже в начальные годы обживания этих участков летними месяцами жила там. Участок их находился рядом с домами Н. Арслана и Х. Сарьяна. Помнится, как иногда вечерами, при общих посиделках, приятным голосом своим запевала песни Нажиба Ихсанова и как ей отвечал словами башкирской пес-

ни «Азамат» Хасан Сарьян. В те годы Нажиба чаще всего исполняла песню «Акчарлаклар» («Чайки») из пьесы Гарифа Ахунова. Композитор, автор этой песни, Хуснулла Валиуллин тоже был нашим ближайшим соседом. Туда же часто приезжал поэт Равиль Бухараев — дом его отца находился рядом с домами двух Миннуллиных: Туфана и литературного критика Фарваза. С другой стороны к ним примыкал дом поэта, любителя исполнять татарско-кряшенские песни Гарая Рахима.

Да, дружно мы тогда жили. Дружно, помогая друг другу, обустроивали свои жилища, садовые участки. Амирхан-ага и там первым делом посадил любимые им вишни. А при посадке яблонь только он пригласил специалиста-садовода. Другие сажали то, что попадалось под руку. Жаль, что Амирхан-ага там пробыл не более пяти-шести лет. После ухода из жизни Гульсум-апа, передав участок старшей дочери Резиде, он там появлялся очень редко.

В первые годы на большом пустыре, ещё не занятом другими садоводами, рядом с нашим общим забором, мы все вместе устраивали Сабантуй. Там стоял развесистый старый дуб. Вокруг дуба пристраивались скамеечки. На них сажали старейшин садового общества. Часто там вместе оказывались писатели, композиторы, химики: Амирхан Еники, Нури Арслан, Хуснулла Валиуллин, Загид Хабибуллин, Фасиль Ахметов и др. На эти праздничные мероприятия приглашали и гостей из Казани. В одном из первых таких праздников участвовал и московский поэт Евгений Евтушенко. Он в те годы писал поэму о Казанском университете. На Сабантуй пришёл в сопровождении поэта Марса Шабаева, будущего переводчика этой поэмы. Евтушенко тогда участвовал и в борьбе куряш. После чего Наби Даули ещё долго жаловался, что костлявый москвич, упав на него, повредил ребро. В другой раз гостем праздника был известный казахский писатель, зять бывших оренбургских купцов Сатимжан Санбаев. Кстати, и зять Амирхан-ага, муж учительницы Резиды, был также из семьи бывших оренбургских купцов. И деды, прадеды бывшего подполковника, военного разведчика Сагида Тюменева были тоже родом из мурз — из тех же «тюменей». Да, раньше так и говорили: «Мурза себе невесту найдёт даже на краю света» («Морза үзенә тиң киленне жир читеннән барып та таба»).

Амирхан-абый в садовом обществе иногда присутствовал и на вечерних посиделках у костра со своими сверстниками. Такие посиделки-беседы часто устраивались во дворах двух поэтов, двух Нуриев — Заки и Арслана.

* * *

С кем же из коллег-писателей был особенно близок в эти годы писатель Амирхан Еники? Наки-ага Исанбета я уже упомянул. А с семидесятых годов они ещё оказались и ближайшими соседями — Наки-ага поселился тогда в доме, расположенном на углу улиц Достоевского и Товарищеской: через квартал от улицы Шмидта. Другими неразлучными друзьями можно назвать Фатиха Хусни, Атилли Расиха, профессоров литературы и писателей Ибрагима Нуруллина, Фарита Хатипова. И с Риза-ага Ишмуратовым у них были долгие добрые отношения. Из более молодых коллег он чаще всего общался с Аязом Гилязовым, Нуриханом Фаттахом, Хасаном Сарьяном, Рафаэлем Мустафиным, Миркасымом Усмановым, Туфаном Миннуллиным.

Из среды молодых земляков-башкортостанцев Амирхан-ага очень дружелюбно относился к братьям Юзиевым, поэтам Радифу Гаташу и Роберту Миннуллину. Он два раза выступал вместе с поэтом Нури Арсланом в защиту поэта-фронтовика Махмута Хусаинова. После принятия кандидатом в члены Союза писателей в середине пятидесятых годов его долго не утверждали членом Союза писателей. Причём это было связано с личными взаимоотношениями некоторых его коллег. (Об этом же Амирхан-ага позднее напишет в своём интересном и для литературоведов очерке «Гөмбөгэ бару» («За грибами», журнал «Казан утлары», № 10, 1997). Амирхан Еники, как всегда, выступил правдоискателем. Его правдолюбие, естественно, не всем нравилось...

* * *

Как активный, плодовитый писатель, Амирхан Еники с середины 1950-х годов пользовался ежегодно услугами Домов творчества писателей СССР. Там он общался с писателями, приехавшими со всей страны, в том числе и с коллегами из республик Средней Азии. В своих воспоминаниях он упоминает народного поэта Башкортостана Мустая

Карима, с кем он неоднократно встречался в подмосковном Доме творчества «Малеевка». И с бывшим генералом Расимом Акчуриным, потомком мурз по линии бека Бихана, познакомился впервые также в подмосковном Доме творчества «Переделкино». Тепло вспоминает он частые встречи в разных Домах творчества и дружеские беседы со своим современником, прозаиком и киносценаристом Павлом Нилиным. Иногда в этих же Домах творчества происходили встречи и с будущими переводчиками своих произведений. В общем, царила настоящая творческая атмосфера. Там же часто организовывались беседы и лекции по вопросам международных отношений, встречи с ведущими международными писателями. Амирхан-ага летом пользовался услугами таких домов у берегов Чёрного моря: в Гагре, Коктебеле, Пицунде и Ялте. Часто бывал он и в Домах творчества санаторного типа в Юрмале («Дубулта») и «Малеевке». Любил повторять, что завершающий этап работы над крупными произведениями лучше всего ему удавался в удобных условиях таких Домов творчества.

В одном из последних своих произведений «Кояш баер алдыннан» («Перед закатом солнца») он пишет, что в годы правления страной Л. И. Брежневым и его последователями, живя на пенсию в 120 рублей и тратя часть своего гонорара, ему удалось побывать во многих уголках СССР, встречаться с разными людьми. Эти поездки и встречи очень помогали ему в его творческих исканиях. Он пишет, что ему не приходилось только выезжать за границу. Даже в годы войны не пришлось ему вступать ногой на чужую землю. «Мой боевой путь завершился на нашей границе», — пишет он. Позднее его желание выехать в какую-либо страну будто бы пресекали врачи: они не рекомендовали ему такие поездки. «Но, видимо, за спиной врачей меня охраняли какие-то органы от подобных путешествий за границу. А я ещё тогда был в силах объехать весь земной шар». (Вольный, дословный перевод текста автора.) Но всё же в последние годы жизни, в середине девяностых годов, он сумел съездить на несколько дней в Турцию. Такую поездку ему организовала компания «Татурос». И там встречался с ним сам президент этой компании Рево Рамазанович Идиятуллин — один из последних секретарей Татарского обкома КПСС.

Амирхан-ага Еники долго и плодотворно работал во благо татарской литературы, а значит, и во благо своего

народа. Дожив до девяносто одного года, он почти до последнего дня не выпускал хрустального пера из своей тёплой руки. За несколько недель до его кончины мы беседовали с ним по телефону. Он сообщил, что завершает доработку своих воспоминаний о последней поездке в Алма-Ату, совершённой им осенью 1997 года. В середине сентября того года там проходили мероприятия по случаю 100-летия со дня рождения одного из классиков казахской литературы и видного академика-литературоведа Мухтара Ауэзова. С этим писателем, автором романа-трилогии о классике казахской поэзии «Абай» (роман вышел и на татарском языке в Казани), Амирхан-ага был лично знаком с 1957 года и высоко ценил его творчество. Амирхан Еники участвовал на всех мероприятиях, организованных Союзом писателей и Академией наук новой страны: Республики Казахстан. Общался там со многими старыми и новыми коллегами по перу. Был очень рад такой встрече и тому, что его, как писателя, помнят там...

В Алма-Ате же он в последний раз встретился тогда и со своей двоюродной сестрой Зулейхой, с довоенных времён преподававшей в вузах казахской столицы, и с другими родственниками.

* * *

Да, Амирхан-ага Еники навсегда останется в нашей памяти. Его произведения не теряют актуальности и в наши дни. Надеюсь, что они не устареют никогда! Любители татарской литературы в начале нового века обогатили свои библиотеки пятитомным собранием сочинений Амирхана Еники. Память о народном писателе, лауреате Тукаевской премии в настоящее время увековечен в Казани открытием улицы «Амирхан Еники» в центре города. И на родине — в селе Новая Каргала и городе Давлеканово в музейных комнатах школы и дворца культуры установлены стенды, посвящённые Амирхану Еники. При входе в Новокаргалинскую школу каждого встречает мемориальная доска с именем Амирхана Еники. По некоторым данным, в Давлеканово в сохранившемся доме Еникиевых в будущем планируют открыть музей, посвящённый великому земляку...

2012

**ОЧЕРКИ,
ЭССЕ,
СТАТЬИ**

ТУКАЙ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «КИТАП»

(К 130-летию со дня рождения Г. Тукая)

Сто девять лет исполнилось в этом году возвращению поэта Габдуллы Тукая из Уральска в Казань. За более чем столетний период после гибели поэта написаны многочисленные научные труды, посвящённые исследованию его творчества и биографии. Вышли несколько сборников воспоминаний о нём соратников и знакомых. Издавались фотоальбомы. Были изданы две объёмные книги «Габдулла Тукай» из серии ЖЗЛ («Жизнь знаменитых людей») на татарском и русском языках. Эти две книги, посвящённые его жизни и творческой деятельности, написаны были учёным-литературоведом Ибрагимом Нуруллиным. Надо отметить и то, что популярные книги из серии ЖЗЛ на русском языке в СССР начали издаваться ещё с середины 1920-х годов. Зачинателем таких изданий был Максим Горький. А в татарском мире этот труд Ибрагим-ага был первой ласточкой. Книга «Габдулла Тукай» на татарском языке увидела свет в 1979 году.

Многотомные произведения самого поэта в нашей республике издавались и издаются на родном и на русском языках регулярно и расходятся почти в течение одного-двух лет...

1

Несмотря на то что уже сделаны такие большие дела, мы ещё и сегодня не можем сказать, что полностью знакомы с творчеством и биографическими данными нашего любимого Тукая. В период существования в стране требований, по которым придавалось чрезмерное значение классовой принадлежности людей, пожалуй, и не было возможным выяснить до конца все биографические данные и полный круг общения наших великих личностей. Сейчас пришло другое время. Теперь нам, наверное, надо

снова собрать и издать воспоминания современников Тукая в том виде, в каком они были написаны, без сокращений и изменений. В том числе не было бы лишним снова опубликовать изданную в 1914 году книгу Кабира Бакира «Тукай Петербурга» («Тукай в Петербурге») и увидевшее свет в 1918 году в Москве издание Шакира Мухамедьярова «Тукай кем?» («Кто такой Тукай?»). Оба автора этих книг почти со дня возвращения Г. Тукая в Казань близко общались с ним. Они тогда входили в круг молодых писателей, объединённых вокруг своих лидеров — Фатиха Амирхана и Гаяза Исхаки. Если отдельные отрывки из книги К. Бакира ещё можно увидеть в изданиях «Воспоминания о Тукае» на татарском языке, то воспоминания Ш. Мухамедьярова, близко общавшегося с поэтом как в Казани, так и в Петербурге, кажется, до сих пор ни разу не публиковались снова. А эта книга, по моим данным, давно лежит в архиве Института языка и литературы нашей республики. Основная причина, по-моему, кроется в том, что автор в своё время был в дружеских отношениях с Гаязом Исхаки, а в советское время был репрессирован и долгое время находился в тюрьмах и лагерях СССР. Наверняка он в своей книге «Кто такой Тукай?» уделял много внимания и взаимоотношениям Тукая и Исхаки. Как известно, подобное в те недалёкие годы у нас не поощрялось. А ведь Г. Тукай был знаком с творчеством Г. Исхаки ещё в годы учёбы в Уральске. И находясь там, написал стихотворение «Кем ул?» («Кто он?»), посвящённое ему.

Только отрывками издавались и воспоминания редактора газеты «Аль-Ислах» («Реформа») Вафы Бахтиярова, с которым Тукай в первые месяцы жизни в Казани встречался почти каждый день, так как оба тогда проживали в гостинице «Булгар». Почему его воспоминания не нравились составителям и издателям книг воспоминаний — мне неизвестно. Может быть, кое-где он излишне откровенничал, выдавая личные секреты поэта, или повторял те же события, что отмечались в записях других авторов, которые стали более известными позже, после 1917 года.

В советское время чаще писали о том, что после приезда в Казань Г. Тукай был близок к кругу общения классика татарской литературы Фатиха Амирхана, организовавшемуся вокруг газеты «Аль-Ислах». Да, он с первых дней приезда в Казань размещал в этой газете свои статьи

и стихи. Например, в третьем номере газеты от 17 октября была помещена его первая статья, написанная в Казани. Имеются и не уточнённые сообщения о «временной работе Габдуллы Тукая в этой редакции». Действительно, он часто посещал редакцию данной газеты, так как комнатёнка редакции тогда находилась на первом этаже гостиницы «Булгар», где поселился и поэт после приезда в город. Особенно в воспоминаниях, написанных в 1920–1930-х годах, много сообщений о том, что поэт с первых дней приезда в Казань сблизился с Фатихом Амирханом и с людьми его круга. И при этом как бы противопоставляли их с группой издателей газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»), возглавляемой Гаязом Исхаки. В годы советской власти даже было принято за правило рассматривать «большевика Хусаина Ямашева» как входившего только в круг издателей газеты «Аль-Ислах». Хотя он несколько и не отдалялся от своего однокашника Гаяза Исхаки, с которым в одни и те же годы учился в Казанской учительской школе. Если взглянем на одну из страниц произведения писателя «Зиндан» («Тюрьма»), сразу станет ясно, что «большевик» Хусаин более всего был в дружеских отношениях именно с группой Г. Исхаки. Как повествуется в данной книге, освобождённый из тюрьмы в конце января 1907 года Г. Исхаки первым делом приходит в здание редакции и говорит посылному: «Ты сейчас же иди, скажи об этом Хусаину». А после прихода в редакцию Хусаина Ямашева и исполнявшего обязанности редактора «Таң йолдызы» Сагита Рамиева, они отправляют посылного на поиски Шакира Мухамедьярова, второго сокурсника Г. Исхаки по Учительской школе.

Да, после приезда в Казань Г. Тукай знакомится и с той, и с другой группой коллег по перу. Естественно, первый визит он совершил в издательский дом братьев Шараф и получил какую-то сумму гонорара за изданную им книгу. И как пишут друзья, эту сумму он почти сразу же потратил на приобретение осеннего пальто, штиблета и кепки. В чём потом и поехал в Большую Атню для прохождения военной комиссии. После признания его негодным для службы в армии он принимает окончательное решение остаться в Казани. И первым наносит официальный визит к коллегам из газеты «Таң йолдызы». Эта газета издавалась с мая 1906 года, и была давно известна поэту.

Гаяза Исхаки в это время уже не было в Казани. За статьи политического и национального характера он недавно был отправлен в ссылку. Тукай встречается с поэтом Сагитом Рамиевым, со стихами которого был знаком заочно и творчество которого тогда ценил выше своего. А визит к Фатиху Амирхану, видимо, был организован Вафой Бахтияровым, вторым лицом в редакции «Аль-Ислах». Они, однокашники медресе «Мухаммадия», только в начале октября приступили со своей группой к изданию газеты «Аль-Ислах». Основными сотрудниками редакции являлись они только двое: Фатих и Вафа. Денежных средств, собранных для издания этой газеты, хватало, как пишет профессор И. Нуруллин, только для оплаты услуг типографии и редактора Вафы. Небольшая сумма оставалась для того, чтобы заплатить нуждающимся авторам. Зарплата Вафы в то время была пятнадцать рублей — он был приезжим из Саратовской губернии. Возглавлявший эту компанию Ф. Амирхан зарплату не получал. Сын известного казанского муллы, начитанный молодой писатель, был духовным лидером своей группы. Но он в том же 1907 году серьёзно заболел, стал инвалидом — не мог самостоятельно ходить. Поэтому чаще работал дома, готовя и редактируя материалы к изданию. Другие активисты этой группы, в основном бывшие шакирды медресе, появлялись в редакции кому когда захочется. Но, как пишут очевидцы, комнатёнка редакции на первом этаже гостиницы «Булгар» никогда не пустовала. Дежурные сидели там иногда и по вечерам. И естественно, что Г. Тукай очень часто посещал эту комнату. Как говорилось впереди, его статья «Критика — нужная вещь» («Тәнкыйть — кирәкле шәйдер») была размещена в номере газеты за 17 октября того же года.

Фатих Амирхан так вспоминает о знакомстве с Тукаем: *«В один день Бурган, младший из братьев книгоиздателей Шарафов, привёл ко мне в дом одного молодого человека.*

— Это Габдулла Тукаев, — представил он мне гостя.

Первая встреча не позволила мне составить какого-то определённого представления о Тукаеве. Спустя несколько дней после этого события, мне передали одну его статью для опубликования в газете. Когда я сказал о необходимости убрать несколько предложений, товарищи стали говорить: «Тукаев не согласится на это».

Тогда Тукаев сам зашёл в редакцию «Аль-Ислах», чтобы поговорить о своей статье. Так мы встретились с ним во второй раз. После этого он стал часто приходить в редакцию. В очень короткое время мы стали испытывать друг к другу личное уважение. Хотя мы и часто виделись, довольно долгое время... наши разговоры касались только вопросов газетных дел, новых книг, стихов... И он всегда торопился уйти из редакции, а я его не задерживал... Он, исходя из моего опыта, был человеком правдивым, больше доверяющим чувствам, чем разуму и логике, выше всего в жизни ценящий искренность...

Пришла весна. Тукай стал чаще бывать в редакции, иногда засиживался подолгу. Как-то раз Тукай, сказав, что ему есть о чём со мной поговорить, поехал вместе со мной за город, где мы занимали дачу.

— Я не доволен своим кругом общения, в котором оказался... Я обленился в крайней степени. В моей комнате днём и ночью собираются люди, которым некуда девать время...

Он говорил в течение получаса, не ожидая от меня никакого ответа... Рассказал, что хочет заниматься делом, избавиться от этих бездельников, этих «незрелых людей без идеалов», но не находит в себе сил на это... Так как Тукай был человеком, живущим только чувствами, представление какого-то плана на будущее оставалось за пределами его возможностей... И всё же после этого случая мы с ним стали друзьями...»

Из последних слов писателя понятно, что с Г. Тукаем они стали настоящими друзьями не с первых дней знакомства. К лету 1908 года Тукай стал уже известным поэтом и автором десятков статей, посвящённых важнейшим событиям дня. Его стихи были напечатаны уже и в очень популярной в то время газете «Вақыт». Да, исходя из предложения «Пришла весна... после этого случая мы стали друзьями» становится понятно, что дружеские отношения между Фатихом Амирханом и Габдуллой Тукаем начались не сразу после приезда поэта в Казань, а лишь спустя примерно полгода. Относительно предложения «Поехал вместе со мной за город» надо, наверное, отметить следующее: Ф. Амирхан, В. Бахтияров и ещё некоторые их друзья в те годы летом «выезжали на дачу», жили в Суконной слободе на дальнем конце Нижнего Кабана.

Надеюсь, читатель позже поймёт надобность приведения здесь довольно длинного отрывка из воспоминания Фатиха Амирхана, опубликованного им в 1913 году в журнале «Аң» («Сознание»).

По поводу круга общения Тукая в ту зиму с «незрелой молодёжью без идеалов» более подробно описано в книге «Габдулла Тукай» И. Нуруллина. Это были более-менее начитанные ребята из зажиточных семей города, которые много рассуждают о литературе, о литературной деятельности, но сами пока в этом направлении мало что делают.

Впрочем, в воспоминаниях современников Тукая встречаются и неточности. К примеру, в мемуарах Галиаскара Камала говорится, что газету «Аль-Ислах» задумали выпускать только к концу октября 1907 года, уже после возвращения Г. Тукая из Уральска в Казань. Он по возрасту старше сверстников Тукая. У него был свой круг общения, мало соприкасающийся с издателями молодёжных газет. И мемуары его были опубликованы только в 1933 году, спустя более двадцати лет после тех событий. А некоторые другие современники Тукая писали воспоминания о нём гораздо позднее, уже в периоды советской власти — в тридцатых годах. Вероятно, писатель Фатих Сайфи-Казанлы обратился к ним с такой просьбой, когда взялся за составление первого трёхтомного собрания сочинений поэта. В это время уже многие из них старались действовать в угоду новым порядкам. Пытались притянуть поэта больше под влияние большевиков, отделив его от некоторых друзей-товарищей, неудобных для того периода. Поэтому ясно как день, что в случае повторного издания некоторых воспоминаний, собранных в тридцатых-сороковых годах, их необходимо будет дополнить объёмными примечаниями.

2

Сейчас более подробно хочу остановиться на одном эпизоде из биографии поэта, совершенно не освещённом в годы советской эпохи. И в книге И. Нуруллина «Габдулла Тукай» бросается в глаза одно довольно большое «белое пятно» в биографии нашего поэта. Скажем, о том, как он провёл первую зиму сразу после приезда в Казань, в тех трудах упоминается только мимоходом, второпях. Всего три-четыре предложения посвящены этому периоду его жизни, без особой конкретики, без указаний имён, с кем

он общался в эти месяцы. Мол, просматривал корректуры чьих-то книг, после выхода этих книг рассылал их, как экспедитор, по торговым точкам...

И секрет такого поведения лежит на поверхности: этой зимой он в основном близко общался с людьми из ближайшего окружения Гаяза Исхаки. С ноября 1907 года он работал под руководством Давлетшина Габдурахмана Галлямовича в издательстве «Китап». А Давлетшин был приёмным сыном бая-миллионера Ахмета Хусаинова. Таким образом, около восьми месяцев Г. Тукай близко общался с настоящим «буржуем». То есть «состоял в близких связях с богачами и приверженцами политических взглядов эсеров из окружения Г. Исхаки и Г. Давлетшина». Г. Г. Давлетшин-Хусаинов в те годы был известным меценатом. Например, спонсором и издателем нескольких книг Гаяза Исхаки («Алдым-бирдем» и другие), напечатанных в начале прошлого века, указан Г. Г. Хусаинов. Габдурахман так же опубликовал за счёт своих средств и пьесу своего однокашника по Учительской школе Идриса Багданова «Проблема с помадой» («Помада мәсьәләсе»), увидевшую свет в 1908 году. И сборник Г. Исхаки «Зиндан» был издан в 1907 году Габдурахманом. А авторами вступительного слова к этой книге являются Сагит Рамиев и тот же Г. Хусаинов — однокашник писателя в годы учёбы в Казанской Учительской школе и близкий знакомый по совместной работе в Оренбурге. Да, после окончания Учительской школы Г. Исхаки преподавал более года в оренбургском медресе «Хусаиния», где в это время учительствовал и будущий поэт, драматург Сагит Рамиев. А Давлетшин был родом из этого города.

Вернёмся и взглянем на часть воспоминаний современников, изданную в 1976 году на татарском языке («Воспоминания о Тукае»). Хорошо заметно, что очень многие воспоминания в сборнике «подогнаны под требования времени». Как пример можно привести воспоминания С. Рамиева и К. Бакира, которые пестрят многоточиями сокращённых мест. Галиаскар Камал пишет, что сразу после возвращения в Казань *«Тукай некоторое время жил на деньги, полученные за стихи, проданные издательству «Магариф» — братьям Шараф... Вскоре после этого... когда начала выходить газета «Аль-Ислах», — продолжает Г. Камал, — Тукай начал работать там, засучив рукава.* (То есть подавал статьи и стихи почти в каждый

номер. Но заработную плату не получал.) *Но одни только гонорары, получаемые из «Аль-Ислаха», издаваемого малоимущей организацией* (по сути газета издавалась за счёт личных средств, накопленных шакирдами), *не могли обеспечить Тукаю существование. Примерно в это время молодёжью было организовано одно товарищество под названием «Китап» («Книга»), и Тукая устроили туда, назначив экспедитором с месячным жалованьем в 25 рублей...»*

В этих воспоминаниях Галиаскара Камала, написанных в начале 1930-х годов, в глаза бросаются две неточности. Как я уже упоминал ранее, первая касается времени выпуска «Аль-Ислаха». Вторая — отождествление группы молодёжи, сплотившейся вокруг «Аль-Ислаха» с другой группой, имеющей отношение к организации товарищества «Китап». В первой группе верховодят шакирды, учившиеся в медресе «Мухаммадия», вроде Фатиха Амирхана, Вафы Бахтиярова, Газиза Губайдуллина. Основной их спонсор — Газиз, сын купца средней руки Салиха Губайдуллина, будущий известный учёный-историк. В литературоведении эта группа носит название «ислахчылар». Вторая группа многочисленнее и богаче. Они называются группой «таңчылар», это молодёжь, объединившаяся вокруг газеты «Таң йолдызы». Предводитель их — Гаяз Исхаки. Позднее к ним присоединится и Кабир Бакир. Правда, сразу после приезда в Казань он пытался быть «своим человеком» в обеих группах. Но вскоре его притянет к себе «Оренбургское землячество», во главе которого стояли уже тогда Г. Давлетшин и С. Рамиев.

Да, во вторую группу в основном входили воспитанники Казанской учительской школы и бывшие в какой-то мере близкие с оренбургским медресе «Хусаиния»: Гаяз Исхаки, Сагит Рамиев, Фоат Туктар, Шакир Мухамедьяров, Габдрауф Ниязбаев, Габдурахман Давлетшин-Хусаинов и другие. Сагит, Шакир и Кабир Бакир — бывшие лучшие ученики медресе «Хусаиния». Гаяз, Фоат, Габдрауф и тот же Шакир учились в Учительской школе примерно в одно время. Г. Исхаки после Учительской школы был приглашён в Оренбург и преподавал в медресе «Хусаиния» примерно в то же время, что и С. Рамиев, Г. Давлетшин, Г. Ниязбаев. (Этот список «эсеров-танчи» приводится и в работе Г. Ибрагимова «События революции 1905 года...».)

И то, что между этими двумя группами, особенно между их предводителями, набравшими славу писателями Фатихом и Гаязом, в какой-то степени присутствовал дух творческого соперничества, было заметно и со стороны. Приверженцы «Аль-Ислаха» недолюбливали представителей «Таң йолдызы», и наоборот. А приехавший в Казань недавно Габдулла Тукай, хоть и был ближе к «ислаховцам», но и с «таңчылар» поддерживал дружеские отношения. В это время он ещё считал Сагита Рамиева близким себе поэтом. В некоторых воспоминаниях приводятся слова Г. Тукая об этом. И среди тех двух-трёх человек, кого он нашёл, с кем познакомился сразу после приезда в Казань, Сагит Рамиев стоит первым.

А то, что Сагит Рамиев был в дружеских отношениях со своим земляком Габдурахманом Давлетшиным, с которым учился и преподавал в медресе примерно в одно время, не вызывает никаких сомнений. К тому же оба начали заниматься литературным творчеством в одно и то же время. Г. Давлетшин-Хусаинов первым делом перевёл комедию Н. В. Гоголя «Женитьба» и издал её в 1905 году отдельной книгой. Когда в Казани и других городах появились татарские театральные труппы, почти не осталось коллектива, который бы не поставил многократно «Женитьбу», переведённую им. Необходимо также отметить, что в четырёхлетний период обучения в Учительской школе многие учащиеся активно участвовали в театральном кружке. И почти все упоминаемые в данном очерке персонажи из этого учебного заведения имели свои «артистические псевдонимы». Например, Г. Давлетшин имел псевдоним Д. Таждаров, Ш. Мухамедьяров выступал под именем Ш. Жамирова. В будущем и свои литературные труды они часто выпускали под этими псевдонимами.

Родившийся в селе Каргала рядом с Оренбургом Габдрауф Ниязбаев тоже начал творить в это же время. Молодой человек, в первый раз ступивший на сцену во время учёбы в Учительской школе, принимавший активное участие в театральном представлении, официально организованном в Казани 22 декабря 1906 года, вскоре принялся ещё переводить и писать пьесы на татарском языке. Несколько его пьес были поставлены труппой «Сайяр» и другими труппами. Учёный Хануз Махмутов, внёсший большой вклад в изучение истории татарских театров и произведений для сцены, отмечает и то, что

Ниязбаев в начале прошлого века отправлял в Петербург, в управление цензуры, несколько переводных и оригинальных сценических произведений, пытаясь получить разрешение на их публикацию на татарском языке и постановку на татарской сцене. С подобными же прошениями к казанскому губернатору и петербургским чиновникам несколько раз обращался и его земляк Габдурахман Давлетшин. В то же время Г. Давлетшин успел написать уже и собственное произведение — драму «Яшь хатын» («Молодая жена»). Хануз Махмудов, глубоко изучивший историю театров начала XX века в книге «Доктябрьский татарский театр» (на татарском языке, 1988) заявляет, что Г. Давлетшин «пишет под псевдонимом Таждаров Д.». (О том, что автором этого произведения является Г. Давлетшин, в 1916 году писала и газета «Вақыт».) «Артисты, до 1910 года ставившие спектакли под названием «Молодёжная труппа» («Яшьләр труппасы»), только в 1907–1908 годах поставили на сцене произведения «Ике гашыйк» («Двое влюблённых») и «Алдым бирдем» («Брачный договор») Г. Исхаки, «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша») Г. Камала, «Оят, яки Күз яеше» («Стыд, или Слёзы») Я. Вали, «Яшь хатын» («Молодая жена») Д. Таждарова, добились довольно большого успеха и популярности», — сообщает учёный. А на 81-й странице той же книги пишет ещё: «Вполне понятно, что в изданном в 1907 году произведении Д. Таждарова «Молодая жена» господствуют просветительские идеи, рационализм. Драма по своему содержанию, поднятым вопросам, подаче образов превосходит большинство написанных в то время произведений». До революции эта драма часто ставилась коллективом «Сайяр» и другими труппами. Кроме «Сайяра», её ставили труппы театров «Нур» (Уфа), «Ширкат» (Оренбург), «Мохтарият» (Астрахань) и самодеятельные артисты городов Орска, Троицка и другие.

Почему пьесы «сына миллионера Ахмет-бая» не ставились после событий 1917 года, наверное, понятно всем нам.

Шакир Мухамедьяров из этой группы тоже старался не отставать от своих товарищей. В 1907 году он под псевдонимом Ш. Жамиров перевёл и опубликовал водевиль А. П. Чехова «Предложение». Труппа «Сайяр» поставила данное произведение в том же году, позже комедия многократно игралась этой и другими труппами. В 1913 году

после окончания Петербургского университета вышли в свет довольно много статей-очерков Шакира, книг по вопросам правоведения. Одним из первых в 1918 году он издаст в Москве книгу «Кто такой Тукай?», посвящённую своему известному современнику. А в 1912 году, когда Тукай приезжал в Петербург, Шакир был как раз тем «студентом, который привёл к нему врача-профессора» для осмотра.

Надо, наверное, упомянуть и то, что в 1918 году в Москве Шакир Мухамедьяров издал ещё книгу «Гаяз-эфенди», посвящённую своему бывшему однокашнику и давнему единомышленнику Г. Исхаки.

Да, Габдулла Тукай сразу после приезда в Казань, кроме молодёжи, собиравшейся вокруг «Аль-Ислаха», довольно близко общался и с молодыми людьми из группы «таңчылар». Он уже в то время читал и собственные произведения Г. Исхаки, знал его. Но в прежние годы наши учёные и некоторые современники, взявшиеся позже писать посвящённые Г. Тукаю воспоминания, не смели упомянуть «буржуя» Габдурахмана Давлетшина, внёсшего некоторый вклад в развитие татарской литературы и культуры как спонсор и издатель, и его сподвижников, «белых эмигрантов» Гаяза Исхаки, Фоата Туктарова и проведшего часть жизни в сталинских тюрьмах Шакира Мухамедьярова. По этой причине взаимоотношения Тукая с группой «таңчылар» не упоминались. Это было почти закрытой темой при изучении биографий современников Г. Исхаки.

В 1920–1930-х годах лишь Галимджан Ибрагимов часто упоминает представителей этой группы в своих трудах. Естественно, чаще всего перечисляя их «отрицательные» деяния. На странице 408 седьмого тома своих «Произведений», изданного в 1984 году на татарском языке, он пишет: «Компания Гаяза Исхакова и его товарищей... 18 мая 1906 года начали издавать в Казани газету под названием «Таң йолдызы». Большую часть требуемых этой редакции расходов (после закрытия «Таң йолдызы» — «Тавыш», «Таң маджмугасы») взяли у сыновей Бугульминского купца Шакира Хакимова и Ахмет-бая Хусаинова Габдурахмана Давлетшина». Имя сына Ш. Хакимова отдельно не упомянуто. Он тоже входил, наверное, в список окончивших Казанскую учительскую школу. Потом был в составе молодёжи из окружения Г. Исхаки.

Вот этот человек по фамилии Давлетшин-Хусаинов в начале ноября 1907 года открыл в Казани на собственные средства издательство «Китап», занимавшееся изданием и продажей книг. В начале деятельности, пригласил Габдуллу Тукая к себе в помощники. В письме к сестре Газизе Г. Тукай так и пишет, что «с сыном Ахмет-бая мы открыли одно дело». Гильмутдин Шараф, и сам с начала 1906 года занимавшийся книжным издательством, приводит об этом следующие сведения (воспоминание, опубликованное в журнале «Аң» («Сознание») в 1914 году): *«В начальных числах ноября 1907 года... (после избавления от военной службы) Тукай стали звать занять выпуск газеты «Ахбар» («Новости»)».*

Выпуск этой газеты планировали организовать под руководством Хариса Файзуллина (отца будущего композитора Завдята Файзи). После учёбы в Турции, он около десятка лет преподавал в «Хусаинии» и только недавно переехал в Казань. Видимо, планировали издавать газету и с участием того же самого Г. Давлетшина. Тогда Тукаю предложили ответственный пост в этой газете, но он не осмелился взять на себя дела этой газеты. В более поздних своих разъяснениях причину того, что не взялся за работу в «Ахбаре», он объясняет тем, что «в то время был ограничен в познаниях русского языка». А в «Ахбаре» должны были издаваться и переводные материалы из разных центральных газет.

Г. Шараф продолжает: *«Вместо поступления (на работу) в газету, в это время он стал работать экспедитором издательства «Китап», открытого недавно Габдурахманом Давлетшиным. Г. Тукай переехал жить в гостиницу «Московские номера». Там была нанята комната под контору этого издательства. (Гостиница располагалась на улице Московской, ближе к железнодорожному вокзалу.) Прожив там примерно месяц, вместе с конторой издательства «Китап» он переехал в «Уральское подворье» и жил там в конторской комнате. Тукай занимался корректурой (говоря современным языком — редактированием) книг, напечатанных по заказу издательства «Китап», относил на почту подготовленные книги. Если из типографии выходила какая-то книга, доставлял необходимое количество их*

казанским книжникам (то есть тем, кто торговал книгами)... Тукай сверх того, что проживал в конторе, ещё и получал в месяц двадцать пять рублей жалования... К осени 1908 года издательство «Китап» прекратило свою деятельность. Тукай тоже, расторгнув с ним дела, (снова) переехал жить в номера «Булгар». А перед этим, в начале августа 1908 года вышел первый номер журнала «Яшен» («Молния», издатель и редактор — Г. Камал). В этом первом номере от начала до конца только перо Тукая...» — пишет Г. Шараф.

После прочтения этого воспоминания выясняется следующее: оказывается, уже со второго месяца своего пребывания в Казани Г. Тукай жил не в номерах «Булгар», а в конторе товарищества «Китап». Там он перезимовал. Где-то в середине следующего лета, когда Г. Камал получил разрешение на издание журнала «Яшен», Г. Тукай снова вернулся в гостиницу «Булгар», уйдя с прежней работы, и начал участвовать в выпуске этого журнала. Он выполнял здесь обязанности секретаря.

Да, этот журнал с недолгой историей Г. Камал и Г. Тукай издавали вместе. Тукай даже иногда корил Г. Камала, исполнявшего кроме обязанностей издателя и редактора ещё и обязанности художника, мол, «не сдаёшь рисунки вовремя». Значит, в этом журнале он уже начал чувствовать себя серьёзным редактором. А Г. Камал его приглашал в компаньоны, видимо, потому, что знал об участии Тукая в городе Уральске в выпуске первого в татарском мире юмористического журнала «Уклар» («Стрелы»).

А судьба издательства «Китап» решилась тем временем объединением с таким же небольшим издательством «Сабах» («Рассвет»). «Сабах» был открыт братьями Ахмадуллиными в 1906 году. В руководство вновь организованного «Товарищества “Сабах”» вошёл, естественно, и Г. Давлетшин-Хусаинов. В какой степени была его активность в этом товариществе, мне неизвестно. Известно только, что принятая им для издания переводная книга Габдуллы Тукая «Алтын этэч» (поэма А. С. Пушкина «Сказка о золотом петушке») в том же 1908 году вышла уже с данными «Товарищества “Сабах”». Видимо, причиной объединения этих издательств стала и недавняя смерть Ахмет-бая Хусаинова. Какую-то часть купеческих дел могли принять на свои плечи доверенные лица, утверждённые самим Ахмет-баем. А какая-то часть легла

на плечи новоиспечённого издателя и писателя Габдурахмана. Основные торговые заведения Хусаиновых находились в Оренбурге. Поэтому, наверно, Габдурахману теперь приходилось бывать там дольше и чаще.

Теперь вернёмся к источникам другого рода, связанным с издательством «Китап». И. Нуруллин в книге «Габдулла Тукай» написал следующие два-три предложения о жизни поэта той зимой (страница 129): «Тукай... вскоре устроился экспедитором в только создаваемое под названием «Китап» маленькое издательство, с месячным жалованием в 25 рублей. Занимался корректурой, шил посылки до испарины на кончике носа, не стесняясь носил их на почту». И больше ни одного предложения об этом. Не упоминается и факт того, что Тукай более полугода жил бесплатно в гостиничном номере, арендованном для этой конторы. Словно он всё также живёт в номерах «Булгар» и оттуда ходит на работу. Да, на страницах этой книги зафиксировано проживание Г. Тукая только в номерах «Булгар». Не упомянуто и то, как в начале 1912 года, после возвращения из родного села матери Училе, где пробыл около двух месяцев, он искал квартиру, желая пожить в тёплом доме с печью, как «неделю валялся на полу, словно пустая бутылка» в доме двух сестёр, как спасая от этих хозяек, понеся убытки в три рубля. И после этого он не вернулся в «Булгар» с тесными комнатами, а заселился в гостинице «Свет» с просторными, светлыми, хорошо меблированными комнатами. «Так хорошо, красиво здесь... В комнате светло... Умывальник — мраморный... В письменном столе так много ящичков...» — написал сам Тукай об этом периоде своей жизни. Но и здесь он прожил недолго. Как только наступила весна, он отправился из этого «светлого номера» в дальний путь. Чтобы болезнь немного отступила, ему посоветовали скорее ехать на кумыс, лечиться. Он, прожив в этой «светлой, с крысами, просторной комнате» около месяца или полтора, примерно десятого апреля 1912 года отправился в Уфу. Из этого путешествия он уже вернулся только в конце лета. И после возвращения из путешествия, с кумыса, он, опять недолго прожив в гостинице «Свет», переехал в постоянно расхваливаемую его другом Габдуллой Кариевым «гостиницу «Амур» с тёплыми перемьями... что на улице Московской». Зимой 1912—1913 годов он провёл там, в тепле. В своём воспоминании, названном ««Апартаменты» поэта» («Воспоми-

нения. Татарское печатное слово», на татарском языке, 1965 год), Исмагил Рамиев описывает как раз «комнату № 9 на втором этаже этой самой гостиницы».

«Моё знакомство с поэтом приходится на 1911—1913 годы, — начинает И. Рамиев свои воспоминания. — Мне доводилось встречать поэта в различном окружении. Но я никогда не встречал его в таком состоянии, чтобы он выступал безобразно, чрезмерно вспыхнув, или чтобы растерялся... Он был немногословен... В гостиницу «Амур» поэт заселился в конце лета 1912 года, после возвращения с лечения кумысом в окрестностях Троицка... Комната Тукая была примерно семь шагов в длину и пять в ширину. Место для сна отделено фанерной ширмой. Он работал, когда гостиница затихала, пользуясь ночной тишиной». Судя по воспоминаниям других современников, комната поэта в «Булгаре» раньше была три с половиной метра в длину и два с половиной метра в ширину.

Этой зимой в соседнем 11-м номере жил Фатих Амирхан. И в воспоминаниях сказано, что там они, позабыв о всяких недоразумениях, случившихся раньше между ними, снова сдружились. Фатих Амирхан слышал через тонкую стенку между двумя комнатами, как поэт кашляет ночи напролёт, и очень переживал за него. И в Клячкинскую больницу Тукая проводили из этой комнаты. Оттуда он уже живым не вернулся.

* * *

Заработная плата Тукая, получаемая им в издательстве «Китап», некоторым людям в 1960—1970-х годах казалась недостаточной. А между тем работавшие в начале века во многих других издательствах и типографиях люди тоже имели примерно такую же заработную плату. Например, снимавший квартиру и содержавший семью в три-четыре человека Маджит Гафури в те годы работал также корректором в издательстве «Шарык» («Восток») Каримовых в Уфе, получая жалование ровно в том же объёме. Корректоры и редакторы книжного товарищества Каримовых-Хусаиновых в Оренбурге получали даже меньшую заработную плату. Об этом пишет поэт Зариф Башири, работавший там в 1908—1909 годах. Только миллионеры Рамиевы, приглашая Г. Тукая на должность корректора

в своё издательство «Вақыт», предлагали за ту же работу «сорок рублей жалования». Когда Тукай отказался, они написали письмо с приглашением Шарифу Камалу. И ему поначалу платили сорок рублей в месяц, а спустя какое-то время увеличили эту сумму до ста двадцати. Учёные и сегодня спорят, почему Габдулла Тукай не поехал в Оренбург. Есть и те, кто считает, что «двум головам в одном казане было бы тесно». Там же делами издательства и типографии верховодил поэт Дэрдменд.

Вернёмся к первой зиме, проведённой Габдуллой Тукаем в Казани. Взглянем на его собственные письма, написанные этой зимой.

Вот отрывок из письма, посланного 30 декабря 1907 года другу и режиссёру Габдулле Кариеву: *«Уважаемый друг Габдулла Хайруллин!.. Этот год был для меня удивительным... Я, увидев Казань и родные края — сёла в Заказанье, познал много поучительного и пережил много чувств... Слава Всевышнему, здесь весело... По своему желанию тружусь в «Аль-Ислахе». Жалование получаю из другого места...»*

В Уральске остались жить родная сестра и тётя поэта. Обоих их звали Газизой. Из-за одинакового имени в некоторых трудах последних лет, кажется, их даже иногда путают. А в воспоминаниях одной известной ханум, опубликованных несколько лет тому назад, старшая Газиза названа даже «злой тётушкой Тукая» за то, что после смерти мужа она «заставила его переселиться в общежитие медресе». А ведь именно она вызвала к себе Габдулла (а ещё раньше и Газизу-младшую) в Уральск и вывела этих сирот в люди. Да, старшая Газиза — жена купца средней руки Галиаскара Гусманова, родная сестрёнка отца поэта — вправе сохраниться в нашей памяти как добрая душа. А младшая Газиза, родная сестра Тукая (только матери разные), также достойна уважительной памяти. Ведь в последний период жизни в Уральске именно эта младшая Газиза стирала и штопала брату одежду, помогала и во всём другом необходимом. (В том воспоминании, где упомянута «злая тётушка», совсем другой человек представлен в качестве того, кто приводил в порядок одежду Тукая. Вернее, этим лицом указана ошибочно «абыстай Мутигулла-хазрата».) Ведь и причиной путешествия Г. Тукая в Уральск стало именно то, что как раз младшая Газиза всегда вспоминала при тёте и дяде о

братике, «живущем в сиротстве». Письма поэта к родной сестре Газизе Забировой, видимо, не сохранились. В тома сочинений Габдуллы Тукая они не включены. Воспоминания о ней, возможно, есть в книге писателя Мухаммата Гали. Впрочем, Мухаммат-ага в основном пишет о неродной сестре Тукая — Сажиде. А воспоминания, посвящённые Газизе Забировой и Тукаю, стали известны позднее, в 1960—1970-х годах, из записей её самой и сына Хусаина Забирова. Их можно было увидеть на страницах периодической печати в Казани и в книге «Воспоминаний» тех лет.

Два письма, написанные Г. Тукаем к тёте, старшей Газизе, вошли в пятый том его «Произведений» (1986 год). То письмо, что покороче, отправлено перед новым годом, 30 декабря 1907 года. Другое написано 27 марта 1908 года. Взглянем на это письмо. *«Любимая тётушка Газиза-апа! — начинает он письмо. — Я уже писал одно письмо сразу после получения от Вас гуся и красного творога с маслом. С тех пор от Вас никаких вестей... Я, как и писал раньше, жизнью в Казани очень доволен. Скажу ещё раз, друзей много... Каждый день выходят книги, одна новее другой. И сам тоже много сочиняю. За последнее время вот написал ещё одну довольно большую книгу стихов. Как только будет издана, отправлю Вам... Мы сейчас вместе с сыном Ахмет-бая открыли одно товарищество под названием «Китап». Продаём сами всяческие купленные новые книги и изданные нами. Каждый день их отправляем во всех направлениях. Я исправляю в книгах ошибки. Назначаю цену. Отправляю тем, кто заказал. Контора в моём номере. С этой работы получаю неплохое жалованье. Одним словом, дела мои хороши, слава Всевышнему... Ваш племянник Г. Тукаев».* И добавляет: *«Мой адрес: «гор. Казань, издательство «Китап». Вот и всё».*

Написанные в этом письме слова «мы открыли одно товарищество под названием “Китап“» пока ещё невозможно объяснить ничем. Сложно говорить о том, участвовал ли поэт при открытии издательства и каким образом? Или просто был приглашён для исполнения определённых обязанностей? Об этом пока нет точных данных. Говоря конкретнее — нет пока опубликованных данных о самом этом издательстве. Хотя о существовании такого издательства упоминания встречаются. Пока не будут найдены в архиве документы, разрешающие Г. Давлетшину

открыть это издательство, мы можем на основании хотя бы данного письма предполагать об участии в этом деле и Габдуллы Тукая, как участника-учредителя. Являясь ближайшим соратником уральского издателя таких заведений Камиля Мотыги, он мог быть здесь полезным и новому соратнику Габдурахману Давлетшину. Да, на основании слов «мы вместе открыли одно товарищество» можно предположить, что за это дело они взялись вместе, согласованно.

В письме от 9 июня 1908 года, адресованном Габдурахману Давлетшину, Г. Тукай пишет следующие слова: *«Если у Вас, как Вы говорили, закончились положенные мне деньги, пожалуйста, Вы отправьте сейчас мне 25 рублей денег. Я Вам, как обещал, скоро передам одну книгу»*. А в примечании в конце того же тома (страница 278) отмечено, что эта обещанная издательству «Китап» книга — «Алтын этәч» вскоре была опубликована в типографии Харитоновна, как ранее упоминали, с грифом издательства «Сабах».

Из содержания письма ясно, что с июня 1908 года Тукай уже не работает в товариществе «Китап». Значит, можно предположить, что Галиаскар Камал именно в это время уже взялся хлопотать об издании юмористического журнала «Яшен».

* * *

После кончины главы семьи Ахмета Хусаинова, Габдурахману, как наследнику, пришлось, наверное, взвалить на свои плечи торговые дела большего объёма. Пока известно лишь одно: когда в 1916 году труппа «Ширкат» в Оренбурге вознамерилась снова поставить драму «Молодая жена» Д. Таждарова, автор, то есть Г. Г. Давлетшин-Хусаинов, вновь пересмотрел это произведение и в некоторой степени изменил-подправил. Значит, в это время он уже жил в Оренбурге. Об этом сообщается в газете «Вақыт» за 30 ноября 1916 года.

В дни революции 1917 года имя Габдурахмана Давлетшина попадает на глаза. Кажется, он снова в партии левых эсеров, среди предводителей национального движения. В изданной в Казани в 1918 году книге «Всероссийская мусульманская военная шура» была опубликована его работа «Предлагаемый путь к национальной свободе

и социализму». (Если только это не труд кого-то другого с таким же именем-фамилией.)

После установления советской власти, хоть имущество и было конфисковано, большинство оставшихся в живых наследников Хусаиновых не были репрессированы. Может быть, учли и то, что эти баи открывали много школ-медресе для того, чтобы народ становился образованным, просвещённым. В 1919 году и медресе «Хусаиния» было всего лишь преобразовано в «Институт народного просвещения». Лишь глава медресе «Валия» в Оренбурге, издатель журнала «Дин вә мәгыйшәт» («Религия и жизнь») Мухамматвали-мулла Хусаинов был арестован и погиб в тюрьме в 1933 году. Большинство же остальных представителей рода Хусаиновых и их сподвижников позднее оказались в среднеазиатских республиках. Например, сын муллы мечети медресе «Хусаиния» Габдулгалляма Давлетшина, брата Габдурахмана, доктор медицинских наук Мухаммед Давлетшин ещё в 1980-х годах был заведующим кафедрой в Ташкентском институте. И о некоторых других Хусаиновых имеются отрывочные сведения. Но о дальнейшей судьбе Габдурахмана, бывшего известного мецената по изданию татарской литературы и газет, оказавшего определённую материальную и духовную помощь в самый сложный период жизни Габдулле Тукаю в Казани, пока ничего не известно.

Ватаным Татарстан. – 2009

ОТКУДА ЕСЕНИН ЗНАЛ ТУКАЯ?

Со слов наших учёных, в начале прошлого века среди местной русской интеллигенции возрос интерес к татарской литературе. Николай Ашмарин, обучавший в Казани учащихся в кряшенской школе татарскому языку, в 1901 году опубликовал книгу «Очерки литературной деятельности татар-мухамедан в 1880—1895 годах». (В 1913 году этот труд был издан и на татарском языке, в типографии Рамиевых в Оренбурге.) В 1908 году в двух номерах газеты «Волжско-Камская речь» увидели свет несколько стихов Сагита Рамиева в переводе на русский язык, которые были приняты с одобрением. В этой же газете была предпринята попытка познакомить русскую

общественность и с творчеством Габдуллы Тукая. А в 1914 году тот же Н. Ашмарин предложил его поэму «Шурале» в один из журналов, выпускаемых в столице. В 1914 году стихотворение поэта «Пар ат» («На пароконке») было опубликовано и на английском языке, в издаваемом в Лондоне журнале «Рашен ревью» («Русские известия»).

В 1985 году узбекский учёный Шерали Турдыев прислал мне ксерокопию книги Габдуллы Тукая на русском языке. Эту ксерокопию я тогда показывал многим писателям, учёным-тукаоведам и музейным работникам. Но из них никто не знал о существовании такого небольшого сборника стихов нашего классика поэзии.

Первая тоненькая книжка нашего великого поэта Г. Тукая на русском языке была издана в 1920 году в Ташкенте (Габдулла Тукаев. «Избранные стихи». Моя статья об этой книге была опубликована в журнале «Азат хатын» в 1986 году). Её составителем и автором объёмного предисловия был Ибнеамин Янбаев — уроженец города Касимова, окончивший Московский коммерческий институт перед революцией 1917 года. Видимо, волной октябрьской революции его занесло в Среднюю Азию. Известно, что с 1919 года он преподавал на рабфаке при Ташкентском университете. В то же время И. Янбаев был известным чиновником Туркестанской Автономной Советской Республики — во время подготовки этой книги к изданию был членом коллегии Комиссариата образования. В части книги, названной «Биографический очерк», И. Янбаев очень подробно знакомит любителей литературы с биографией и творчеством поэта. Стремится объяснить, почему стихи Г. Тукая были так любимы его народом. Высоко оценивает творчество поэта, отмечает, что стихи написаны простым, народным языком и содержанием близки к общенародным настроениям. «Тукай не просто привил простому народу любовь к поэзии, но и саму поэзию поднял на ступень выше», — пишет И. Янбаев. Пожалуй, этот «Биографический очерк» был самым первым подробным анализом, первым основательным высказыванием о творчестве Г. Тукая на русском языке. Жаль только, что эти слова были озвучены очень далеко от мест, где жил Тукай, сказаны в стороне от общественной среды самого Тукая. Из-за этого о существовании такой книги не знали не только любящие творчество Тукая обычные читатели, но и большинство наших учёных, занимавшихся изучением

его творчества. В те времена в Туркестанскую Советскую Республику со столицей в Ташкенте входили северные области современного Узбекистана и юго-западные области Казахстана. Значит, круг распространения этой книги был довольно обширным.

В эту небольшую книжку на русском языке под названием «Избранные произведения» вошли шесть стихов поэта. Все их перевёл на русский язык поэт Валентин Вольпин. Мне не удалось до конца выяснить творческую биографию Вольпина. Он родился в 1894 году. В годы жизни в Ташкенте были напечатаны сборники его собственных стихов, названные «Обманный путь» (1917), «Ярмо и воля» (1920). В 1919 году он составил и издал сборник стихов, посвящённых революционной теме, — книгу «Антология революционной поэзии». Известно также, что он был близок к окружению Сергея Есенина. Летом 1921 года великий русский поэт приезжал в Ташкент, жил в квартире Валентина Вольпина на улице, ныне носящей имя нашей землячки Хадичи Сулеймановой. Вероятно, именно тогда С. Есенин услышал и узнал от В. Вольпина и И. Янбаева многое о творчестве и горькой судьбе татарского поэта. Наверное, эта книжка на русском языке дала ему основание затем упомянуть о Тукае с почтением. Позднее мне стало известно о дружеских и семейных связях двух этих поэтов. Оказывается, что последней женой поэта Сергея Есенина (в московской прессе написали, что она была последней, пятой его женой) была родная сестра поэта В. Вольпина. А родившийся у них сын жил в последние годы в Америке и умер недавно. О нём дважды передавались репортажи по центральному телевидению в 2015–2016 годах.

Узбекский учёный Шерали Турдыев, изучавший литературно-культурные связи двух родственных народов, в 1985 году присылал мне ксерокопию этой книжечки. Хотя качество копии, сделанной во времена дефицита современной техники и хорошей бумаги, было не самым высоким, при открытии музея Г. Тукая Дания-ханум Багаутдинова выпросила её у меня. Первый директор музея Гусман Хабибуллин говорил даже, что планирует выставить её в экспозиции переводных книг поэта. В девяностых годах я передал Национальному музею ещё несколько книг для подобных выставок. Среди них были и сборники поэзии Г. Тукая на казахском, М. Джалиля

на узбекском языках. Только почему-то в наших музеях, похоже, не заведена традиция демонстрации на постоянных экспозициях книг наших великих поэтов и писателей, изданных на многих других языках. Именно поэтому, пожалуй, очень мало тех, кто видел и знает вторую переводную книгу Г. Тукая «Разбитая надежда», изданную в 1921 году в Казани на русском языке. (Эту книгу перевёл и издал проживавший в Казани художник и поэт Павел Радимов.)

Пользуясь случаем, хочется высказать свою озабоченность по поводу выявления и учёта книг татарских писателей, изданных в других регионах, на других языках. Даже в годы, когда существовал установленный советской властью жёсткий порядок, их учёт так и не был доведён до должного уровня. Скажем, в ежегодных списках, публикуемых сборниках, которые издавались на основании собранных Книжной палатой сведений, тоже иногда встречались неточности. А сейчас, кажется, уже трудно даже вести учёт всего, что выпускают многочисленные издательства, работающие только в нашей республике. А уж узнать, кто и что публикует на других языках, и вовсе невозможно. К примеру, во времена советской власти в Казахстане и Узбекистане книги Г. Тукая, М. Джалиля регулярно издавались каждые пять—десять лет. И произведения Г. Ибрагимова в промежутке шестидесятых—восьмидесятых годов публиковались многократно. Активно занимались в Узбекистане изданием татарской литературы на узбекском языке творившие в этой республике представители татарского народа Асгат Мухтар, Абдулла Уразаев. В Казахстане Жакан Сыздыков, Жобан Мулдагалиев, наш соотечественник Бари Мазитов переводили с любовью произведения Г. Тукая, М. Джалиля, Г. Ибрагимова, Г. Баширова. Если в союзных республиках принимались меры по поощрению людей, занимавшихся почётным делом в области взаимодействия двух литератур, у нас же были редкостью даже случаи направления благодарности тем, кто активно пропагандировал произведения наших великих писателей в других республиках.

К изданию более полных сборников стихов и поэм Г. Тукая на русском языке в братских республиках чаще стали обращаться в послевоенные годы. В период пятидесятых—восьмидесятых годов толстые издания избранных произведений нашего великого поэта на русском

языке публиковались в Казани и Москве каждые десять лет. Но перевод большинства стихов, вошедших в эти «Избранные произведения», не мог удовлетворить читателя, знающего оба языка. Содержание многих стихов, перевод которых был выполнен на основе подстрочников, было довольно обеднено. Сильно упрощался смысл того, что хотел довести поэт до своего читателя. Из-за незнания особенностей обоих языков и среды, где жил другой поэт, неудачными получались переводы и у поэтов, считавшихся большими талантами в мире русской литературы. Наверное, поэтому приходилось добавлять всё новые и новые переводы в каждое очередное издание произведений Г. Тукая. Если в первые годы большинство переводов были выполнены с помощью наспех слепленных подстрочников, со временем были даны возможности попробовать свои силы и молодому поколению переводчиков, в совершенстве владеющих обоими языками. Так, в ряды переводчиков стихов Тукая настороженно вступили такие наши поэты, как Виль Ганеев, Шамиль Махмудов-Анак, Равиль Бухараев. В последние годы в этой области плодотворно работает наша соотечественница Венера-ханум Валиева.

Да, точный перевод поэтического слога на другой, особенно на русский язык, — очень сложный, тяжёлый труд. Поэтому и по сей день не приходилось ещё видеть в достойном виде на русском языке произведения таких особенных поэтов, считающихся нашей национальной гордостью, как Г. Тукай, Х. Такташ, Дэрдменд. Большой вклад в эту область внесло в своё время правление Союза писателей Татарстана, непосредственно занимающееся доведением до русскоязычного читателя произведений наших классиков. Заключались отдельные соглашения с достигшими успехов в деле перевода тюрко-татарской поэзии поэтами, такими как Семён Липкин, Михаил Львов, Рувим Моран, Сергей Иванов, для них готовились многократно переработанные подстрочники. В надежде на то, что они лучше освоятся в татарской среде, их часто приглашали в гости в Казань. Признав успешным перевод Сергеем Липкиным поэмы «Шурале» и некоторых стихов, ему была вручена высшая награда нашей республики: он был удостоен Государственной премии имени Г. Тукая. Только вот поэт Арсений Тарковский, прославившийся мастерским переводом тюркоязычных стихов, почему-то

не смог проявить активность в представлении татарской поэзии широкой общественности. Хорошо помню, как пытались привлечь к себе Тарковского, бывшего родом из среды кумыкско-нугайского языка, который мог бы считаться одним из ответвлений татарского языка. (Тарковские из рода ханов-султанов Дагестанского региона. Семейное древо уходит корнями к роду Ширин-бека периода Золотой Орды.) В семидесятых годах, во время подготовки к великому юбилею Г. Тукая, были попытки привезти его в Казань. Но так как его здоровье было сильно подорвано после пребывания в тюрьмах-лагерях сталинского времени, он не смог сюда приехать. Мне запомнилось, что он начал переводить несколько стихотворений Г. Тукая в Подмосковном доме творчества. Его главным помощником и консультантом в этом деле был покойный Шамиль Анак.

В ходе тех же событий по предложению поэта, в то время заместителя председателя Союза писателей, Равиля Файзуллина и Шамиля Анака было заключено соглашение о создании научно обоснованных дословных (подстрочных) переводов избранных стихов Г. Тукая. Это предложение было поддержано руководством республики, в том числе и заместителем председателя кабинета министров, учёным-литературоведом Мансуром Хасановым. Спустя несколько лет Ш. Анак завершил этот научный труд и сдал его в Союз писателей. Образцы перевода каждого стихотворения Г. Тукая были выполнены в нескольких вариантах: дословный перевод, смысловая связка слов, изложение мысли, идеи поэта, которую он хотел довести до читателя и др. За этот труд Ш. Анаку заплатили приличную сумму. Немного позже народный поэт Башкортостана Мустай Карим написал об этом в журнале «Волга» (1982, № 5) следующее: «Поэт Ш. Анак завершил научно-филологические переводы поэтических произведений классика татарской литературы Габдуллы Тукая. В них впервые наиболее полно и точно зазвучало на русском языке всё поэтическое наследие поэта. Научно-филологический перевод — понятие новое, он сочетает в себе максимальную точность... образного мышления поэта». Если не ошибаюсь, этот труд был отпечатан на машинке в шести экземплярах. Два экземпляра были переданы заплатившим автору деньги бухгалтериям Союза писателей и Национального музея, один-два экземпляра

также были переданы в правление Союза писателей в целях издания сорока-пятидесяти экземпляров. Главной целью составления этого труда было его издание в большом количестве и распространение среди переводчиков. Но труд по каким-то причинам не передали вовремя в типографию, и он не был растиражирован. Впрочем, и публикация новых, более совершенных переводов стихов Г. Тукая, его новых изданий какое-то время тоже была приостановлена. Вследствие наступления в стране хаоса, вопросы переиздания произведений писателей-классиков были отложены на потом. Сейчас вроде планируем снова, засучив рукава взяться за такое дело. Конечно, первоочередной задачей должно стать создание новых переводов «Избранных произведений» Габдуллы Тукая. В связи с этим полезно будет вспомнить и о том самом научно-филологическом труде Шамиля Махмудова-Анака, оставшемся в стороне в течение десятков лет. Произведения татарских писателей-классиков в переводе на другие языки никто, кроме нас самих, не будет издавать. Это нужно нам, нашему народу. Наши дети тоже вправе гордиться успехом великих татарских деятелей, набираться жизненных сил на их примере.

Вот такие размышления возникли в душе после просмотра первой небольшой книги «Избранные произведения» Г. Тукая на русском языке. А переводчиком этих стихов был московский поэт, друг Сергея Есенина Валентин Вольпин. К сожалению, ксерокопию данной книги, переданной мной лично первому директору Музея Габдуллы Тукая, я при посещении этого музея не обнаружил. И нынешние сотрудники о ней ничего не знают. А ведь за эти двадцать лет можно было бы привести из Ташкента улучшенную копию, а может быть, даже оригинал данной книги, договорившись с руководством Академии наук Республики Узбекистан.

Казан утлары. – 1985. – № 9

ПЕРВЫЙ НАСТАВНИК ТУКАЯ

Где-то в конце XIX века Закир Рамиев-Дэрдменд в ходе беседы со своими товарищами, сетуя на отсутствие татарской периодической печати, высказал примерно следующую мысль: мол, в нынешнее время литература, не

имеющая собственной печати, не может развиваться. В те годы ещё многие только мечтали об издании газет и журналов на татарском языке. Царское правительство не давало тогда татарам Поволжья и Урала разрешения основать свои газеты и журналы, предпочитало управлять необразованным народом, необразованной нацией. Лишь народное восстание 1905 года открыло путь татарской печати.

В феврале того же года татарская интеллигенция Казани, собравшись в доме Ахмет-бая Хусаинова на набережной озера Кабан под предлогом проведения «званого обеда», написала прошение — петицию на имя Царского Высочества. Основные их требования заключались в том, что все народы России должны быть равными в правах и необходимо дать им разрешение на издание своей, в том числе и татарской, национальной периодической печати. Позднее под этим письмом подписались около двухсот человек, имевших в России большой авторитет — братья Хусаиновы, Рамиевы, Юнусовы, крупные фабриканты Акчурины, Дибердиевы. Доставить это письмо в столицу и передать адресату вызвались фабрикант Ибрагим Акчурин, Юсуф Акчура (автор проекта данной петиции) и кадий Рашит Ибрагимов. Вполне возможно, что это письмо татарской интеллигенции тоже повлияло на издание осенью 1905 года царского манифеста, обещавшего и свободу печати.

В России подлинно на татарском языке первой начала издаваться газета «Фикер» («Мысль») в городе Уральске. Первый номер газеты вышел 26 ноября 1905 года. Её издателем и редактором был Камиль Мутыги-Тухватуллин — наставник и учитель нашего великого Тукая.

Камиль Мутыгуллович Тухватуллин видится мне представителем татарской молодёжи, жившей надеждой о том, что наступят дни национальной свободы и независимости. В начале XX века его имя очень быстро распространилось среди просвещённой молодёжи. Откуда такая слава у этого учителя, родившегося и выросшего в городе Уральске, расположенном в стороне от краёв, где наш народ проживает сообща? Он достиг этого в начале прошлого века распространением собственноручно издаваемого в нескольких экземплярах рукописного журнала «Аль-гаср эль-джадит» («Новый век»). Также среди городской молодёжи и шакирдов медресе распространялась его рукописная газета «Мәғариф» («Просвещение»). Всё это Камиль делал с на-

чала 1903 года при содействии шакирдов возглавляемого его отцом медресе «Мутыгия» и своих близких друзей. И занимался этим без устали, месяц за месяцем, вплоть до получения разрешения издания печатных газет-журналов после известного манифеста царя 1905 года. Как говорится, у нас каждому школьнику известно, что эта деятельность Камилля Мутыги была тесно связана с начальным периодом творчества Габдуллы Тукая. И в рукописном «Аль-гаср эль-джадит», и в одноимённом первом печатном татарском журнале, который начал выходить с 1906 года, часто встречаются пробы пера нашего будущего великого поэта: он там отметилсЯ и стихами, и небольшими статьями на предложенные учителем темы, и трудами по переводу. Как считают некоторые учёные-литературоведы, если бы Г. Тукай не общался в те годы с Камилем Мутыги, не участвовал в делах издаваемых им газет и журналов, вряд ли он смог бы так быстро выйти на литературную арену.

Камиль-махдум, несмотря на то, что был всего на три-четыре года старше своих учеников, был глубоко образованным информированным человеком. В молодости он жил в Турции, слушал уроки-лекции, которые вели в высших учебных заведениях Стамбула и Каира великие просветители своего времени. Общался с молодёжью, которая находилась под влиянием «тёплых течений» из Европы. В 1902 году, сразу после возвращения на родину, старался как можно более полно удовлетворить потребность своего народа в повышении уровня образования. Вернувшись в 1902 году в свой родной город Уральск, он вместе с обучением шакирдов в медресе, которое держал его отец Мутыгулла-ахун-хазрат, принялся также и за организацию в этом городе культурных вечеров.

Я ещё помню, как его сын — бывший оперный певец Хамит-ага Тухватуллин — приносил показывать на встречу со студентами консерватории некоторые памятные источники, отражавшие общественную деятельность его отца в то время. Среди них были и красиво написанные от руки приглашения на «вечеринки», номера тех самых рукописной газеты и толстого рукописного журнала. Насколько мне известно, позже он пытался отдать несколько номеров рукописного журнала и некоторые другие письменные источники в дар Государственному музею. Со слов его дочери Надия-апа, в музей приняли только часть

из них — те экземпляры, где были следы труда известного его шакирда Тукая. Ещё и в начале XXI века большая часть этого исторического наследия и очень интересные с исторической точки зрения фотографии К. Мутыги хранились у Надии, дочери Хамит-ага. Позднее, возможно, эти памятные вещи были увезены в Большие Кайбицы. Ведь в прессе были сообщения о том, что в музее, открытом в этом районном центре, создаётся отдельная экспозиция, посвящённая личностям из рода Тухватуллиных. Но в те годы, когда мы встречались с окончившей консерваторию и работавшей музыковедом Надия-ханум, эти «будущие музейные экспонаты» всё ещё хранились у неё. Пользуясь случаем, можно, пожалуй, упомянуть и то, что супруга видного учёного Гилема Камая тоже была из рода Мутыгулла-хазрата.

Осенью 1905 года, не дожидаясь официального разрешения из Санкт-Петербурга, К. Мутыги в «своей типографии» начал издавать газету «Фикер», а с января 1906 года — журнал «Аль-гаср эль-джадит». В июне того же года уже принялся печатать татарский юмористическо-сатирический журнал «Уклар» («Стрелы»). Таким образом, в одиночку выпускал одновременно три издания, считавшиеся первыми ласточками у татар. Сам же был редактором этих изданий и автором, пишущим на литературные, культурные, исторические и политические темы. Судя по воспоминаниям Хамит-ага, в издании журнала «Уклар» он в основном полагался на своего ученика Тукая, считал его неофициальным редактором журнала.

Откуда же у Камиль-эфенди было столько энергии, просвещённости, и, конечно же, довольно большое материальное богатство, необходимое для издания нескольких газет-журналов? В денежном вопросе, понятно, в первую очередь велика была помощь его отца, Мутыгулла-хазрата Тухватуллина, достигшего в этих краях большой славы. Этот человек родом из села Малые Кайбицы нынешнего Кайбицкого района, после получения образования в Кышкарском медресе в Заказанье, уехал в Египет и окончил там университет «Аль Азгар». А приехав оттуда, обосновался в новом городе, возникшем на землях братского казахского народа — в Уральске. Не ограничившись обычными проповедями, «б्याлишами для муллы», открыл в конце семидесятых годов XIX века медресе, в котором могли получать образование и казахские, и татарские дети, и стал

учить, «раздавать» свои знания молодому поколению. Довольно много примеров тому, что Мутыгулла-хазрат был достаточно образованным, просвещённым для своего времени. Он был сведущим человеком и в области поэзии. В семье воспитал смышлёных и старательных детей. Это видно и по тому, как год от года росла и крепла слава медресе «Мутыгия». В воспоминаниях отмечено, что кроме уроков, свойственных медресе, Мутыгулла-хазрат уделял серьёзное внимание преподаванию литературы. Сам он был увлечён кроме средневековых арабских и персидских поэтов, писателей, и творчеством своих современников, особенно тюркоязычной литературой. Постоянно выписывал газеты и журналы, издававшиеся в регионах Кавказа, Турции.

В одном из посвящённых Тукаю воспоминаний говорится, что хазрат обучал своих шакирдов «гыйльме гаруз» (строению стиха). И сам хазрат, подразумевая своего ученика Г. Тукая, пишет в 1914 году: «Начал переводить некоторые вещи из турецких книг, иногда газет, журналов, также из русской литературы... Для удобства брал образцы стихотворных размеров из таких произведений, как «Мухаммадия» или «Бакырган». Особо близкое отношение хазрата к Тукаю, было, наверное, связано и с тем, что он учился вместе с его отцом Мухамметгарифом в Кышкарском медресе.

Ранее была высказана мысль, что у Камиля Мутыги имелась собственная типография. История этой типографии описана примерно так. Оказывается, у типографии русскоязычной газеты «Уралец», издаваемой в городе, было с десятков хозяев. Как говорится, «общее богатство никого не заботит», и в один день стало известно, что типография обанкротилась. К. Мутыги и до этого вёл переговоры с такими людьми, как Ш. Шагидуллин в Казани, Г. Карими, который только недавно открыл в Оренбурге собственную типографию, о том, чтобы организовать такое же дело и в городе Уральске. Прознав в 1905 году про бедственное положение, в котором оказалась типография в его городе, собрал кое-какие деньги и стал одним из главных пайщиков «Уральца». Его тут же избрали руководителем типографии. Конечно, вряд ли в это время обошлось без помощи тестя, который в городе считался богатым купцом, и друзей, которые промышляли торговлей. Камиль-махдум, несмотря на то, что типография

общая, быстренько съездил в Казань, заказал татарские буквы, нанял и привёз с собой двух наборщиков. Так в городе Уральске было создано отделение татарской типографии «Тараккый» («Прогресс»). В дополнение надо сказать и то, что он обладал большим авторитетом и среди журналистов газеты «Уралец». В одно время он исполнял и обязанности редактора русской газеты. А ему самому тогда не было ещё и двадцати пяти лет. (Он родился 25 февраля 1883 года.)

У садоводов есть такая примета, что «слишком ранние всходы бывают биты заморозками». Вот и в нашем случае так вышло. В 1907 году Камиль-эфенди пришлось испытать на себе и зависть, конкуренцию среди себе подобных, и другие препоны и препятствия, связанные с тем, что рановато поднял голову в российских условиях. Как известно, отвоёванную до этого года независимость и свободу слова тоже вскоре начали ограничивать. Царские чиновники дотошно проверяли, контролировали каждую статью, стихотворение, опубликованные в газетах-журналах под редакцией К. Мутыги. Скажем, как они могли принять без подозрений статью-обращение его современника и единомышленника, казахского интеллигента Бахтижана Каратаева, опубликованную в газете «Фикер» в начале 1906 года? В ней ведь казахский адвокат требует для своего народа права на создание автономии. Заявляет, что если требование казахского народа не будет удовлетворено, то придётся взять себе это право военным путём.

Не прошла бесследно также и критика, пускание стрел в адрес некоторых необразованных мулл, тёмных баев, и размещение на страницах газет-журналов таких стихов Тукая, как «Сорыкортларга» («Трутням»), «Пыяла баш» («Стеклянная голова»). Участились случаи угроз махдumu Камилю и его близким, распространения ужасных домыслов. Нашлись и те, кто желал отомстить ему, разгромив типографию, а самого побив. Количество тех, кто был с ним одной национальности и растравливал друг друга против него, росло от месяца к месяцу.

Даже газета «Баян эль-хак» («Вестник истины»), издаваемая в далёкой Казани, «залаяла» вслед за этой толпой, публиковала резкие статьи со злыми намерениями, обвиняла молодого редактора, представившего широкие площади мыслям демократической молодёжи, в безбожии,

вольномудстве. В этих условиях Г. Тукай опубликовал стихотворение «Мөхәрриргә» («Редактору»), написанное в защиту своего наставника. Будет неправильно не упомянуть здесь и о том, что первые произведения начального этапа творчества Гаяза Исхаки тоже увидели свет в типографии Камиль-махдума. И это дело, видимо, в Казани кое-кому не понравилось.

После многочисленных предупреждений и штрафов представителей губернской власти, в конце ноября 1906 года было вынесено решение о закрытии журнала «Уклар». А ещё спустя несколько месяцев, «с помощью» некоторых людей нашей же национальности, был раскрыт один «серьёзный» обман К. Мутыги. Оказывается, он неправильно указал год своего рождения в бумагах, которые подавал для получения разрешения на издание газеты и журнала. Для работы издателем и редактором был установлен возрастной ценз — 25 лет. Так было указано в государственном постановлении. А в то время, когда Камиль подавал прошение об издании «Фикер» и «Аль-гаср эль-джадит», ему ещё не было 25 лет. Вняв мольбам сына, Мутыгулла-хазрат выдал ему тогда поддельное свидетельство. И кто-то заявил об этом в губернское управление. На отца и сына Тухватуллиных подали в суд. Камиль-махдум решением губернатора был лишён прав на занятие издательством и редакторством.

Чтобы не погубить издательство и типографию, в создание которых было вложено столько сил, он и его близкие были вынуждены умолять считавшегося самым большим баем города Уральска Муртазу Губайдуллина, одного из тех самых «трутней», чтобы он принял на себя эти обязанности. Он сначала согласился взвалить на свои плечи эти дела. Муртаза Губайдуллин сохранил на несколько месяцев под своим именем и типографию К. Мутыги «Тараккый», и газету «Фикер» с журналом «Аль-гаср эль-джадит». Редактором этих изданий он назначил Валиулла Хамидуллина, руководителя прежнего городского Благотворительного общества. О доброй деятельности Валиуллы в упомянутом обществе раньше была в рукописном журнале и статья Тукая.

Но... тёмному баю, купцу ведь не нужна борьба за свободу, независимость нации, лишь бы был денежный доход. Вот и Муртаза-бай, почувствовав, что прибыли ждать от издательской деятельности не приходится, а рас-

ходы растут, примерно в середине 1907 года прекратил выпуск газеты и журнала.

Оставшийся без работы К. Мутыги, прослышав, что губернатор угрожает «сослать его в Сибирь», был вынужден покинуть родной город. Не имея возможности взяться вновь за редакторское дело, стал зарабатывать на жизнь ремеслом певца-артиста, переезжая из города в город, вплоть до свержения их высочества царя в 1917 году. Сначала примерно год прожил он в городе Саратове. С помощью профессоров Саратовской консерватории научился правильному пению. Если учесть, что его младшая сестрёнка Галия Тухватуллина-Кайбицкая и сын Хамит-ага были певцами с красивыми сильными голосами, которые хотелось слушать и слушать, пожалуй, и у Камиля Мутыги голос был неплох. В 1928 году в Казани было проведено большое торжество по случаю его двадцатилетнего артистического юбилея с участием друзей — прославленных артистов. А назначение ему в 1935 году правительством Татарстана персональной пенсии ещё до достижения пенсионного возраста, надо полагать, было как раз результатом того, что были учтены и его певческий труд, и что он был первой ласточкой, первым журналистом татарской печати. В это время его сын Хамит жил в Москве, был руководителем недавно открытой Татарской оперной студии и одновременно обучающимся исполнению оперных арий студийцем. (И сестра его, Галия Кайбицкая, в той же студии готовилась стать оперной певицей.)

Но судьба Камиля Мутыги всё равно закончилась плачевно. В конце 1937 года его сына, директора студии Хамита, «внука муллы», арестовали в Москве. И ему самому тоже перестали выплачивать до этого торжественно назначенную пенсию. Из написанных в последние годы трёх сценических произведений было опубликовано всего одно. Бывший знаменитый певец, человек, открывший путь первой татарской печати, на склоне лет был лишён средств к существованию. Он и его жена, в прошлом «дочь богатого купца», оказались в трудном положении. Не вынеся такого позора, Камиль Мутыги 26 января 1941 года наложил на себя руки. В то время они жили в одном из стареньких двухэтажных домов за зданием нынешнего театра оперы. Его мёртвое тело было обнаружено на захламлённом чердаке этого дома...

Судьба же сына, Хамита Тухватуллина, сложилась немного иначе: через семнадцать лет он вернулся в Казань, был реабилитирован. Правда, он уже один раз возвращался в Казань в военные годы. Даже был принят певцом в оперный театр. Но в 1948 году его снова увезли в Норильский лагерь. И только в середине пятидесятых годов он вернулся, освободившись совсем. Вернувшись оттуда, пусть и с опозданием, но взялся за обобщение наследия предков. Большая часть экземпляров газет, журналов, которые потом будут сданы в музеи, была собрана его стараниями. Может быть, он начинал собирать и плоды литературного творчества своего отца. Если мне не изменяет память, Хамит-ага Тухватуллин скончался в восьмидесятых годах. Незадолго до смерти его даже как-то показали по телевизору. Там он, лёжа, то и дело вскидывая одну руку вверх, жизнерадостным голосом исполнял оперные арии. Возможно, эта историческая запись ещё хранится в архиве телестудии...

Чуть раньше было заявлено, что К. Мутыги написал три сценических произведения. Из этих произведений, написанных в двадцатых-тридцатых годах, одно, названное «Тозак» («Западня»), было издано отдельной книгой, пьесы «Шайтан өне» («Глас дьявола») и «Көрәш» («Борьба») так и остались в рукописи. Его деятельность в области литературы началась сразу после возвращения с учёбы в Турции. Пожалуй, никто не сомневается, что многочисленные ежедневные статьи, очерки, фельетоны печатались в издаваемых им газетах и журналах. В журнале «Аль-гаср эль-джадит» до читателя были доведены его объёмные заметки путешественника «Путешествие в Египет», написанные после возвращения из Турции, и некоторые рассказы. В 1903 году в городе Санкт-Петербурге, в типографии крымского татарина И. Бораганского был издан его роман «Бәхетле Мәрьям» («Счастливая Марьям»), в 1906 году — сборник рассказов «Мөнкарыйз» («Завершение»). И после запрета издания газет-журналов, выходивших в его собственной редакции, в газете «Яңа тормыш» («Новая жизнь», 1907—1909), издававшейся от имени его близкого друга Гали Мусина, были опубликованы его многочисленные политические памфлеты под названиями «Сновидение», «Сонник». Об этом тоже сообщал нам Хамит-ага.

На основании приведённых примеров мы вправе признать, что К. Мутыги в начале XX века был довольно ак-

тивным писателем. Но его литературное наследие почему-то до сих пор не изучено. Кроме информации в сносках, размещённых в томах Г. Тукая и Г. Ибрагимова, можно сказать, ни в одном из трудов, посвящённых литературе начала XX века, имя и литературные произведения К. Мутыги не упоминаются. Почему так? Причина в том, что эти произведения не отражают классово-борьбы? Или же потому, что несовершенны в части литературного исполнения? Мне, например, как любителю литературы, читателю, очень хочется об этом узнать. Если в области театра первыми ласточками были И. Кудашев-Ашказарский, С. Волжская, Г. Кариев, К. Тинчурин, в музыке — С. Сайдаш, С. Габаши, то Камиль Мутыги-Тухватуллин представляется мне личностью, достойной стоять в одном ряду с основателями периодической печати Хади Максуди, Фатихом Карими, Юсуфом Акчурой, Гаязом Исхаки и братьями Рамиевыми. В данном своём труде я не стал упоминать, что он открыл и основал ещё несколько новых газет после свержения царской власти. Но всё же хочу привести лишь короткое предложение из одного труда Г. Ибрагимова о самой первой газете, издававшейся с осени 1917 года в Санкт-Петербурге, — «Ярлы халык» («Беднота»): «Был создан центральный мусульманский комиссариат, получено мнение-согласие ликвидировать «Ярлы халык» и основать большую, серьёзную газету», — пишет он. Значит, основой для «одной серьёзной газеты» — для «Чулпан» стала та самая газета, издававшаяся Камиль-эфенди от имени мусульманского комитета при Петроградском Совете. После 1917 года К. Мутыги вдохнул жизнь ещё нескольким газетам в Самаре и Уральске.

Когда произносится имя Камилля Мутыги, у меня перед глазами почему-то встаёт главный герой произведения Чингиза Айтматова «Первый учитель» — непосредственный, искренний Дюйшен с беспокойной и доброй душой. Он ведь тоже, пытаясь расширить взгляды односельчан на мир, поднять их уровень образования, носится днём и ночью, не жалея сил, обрекает себя на различные притеснения, попадает в опасные ситуации. Но не сходит со своего пути, не бросает взятую на плечи «ношу» на половине пути. Не сгибаясь под жизненными трудностями, он продолжает выбранный путь. По сути своей и наставник нашего великого Тукая Камиль Мутыги был

таким человеком. Он первым среди татар взялся за издание газет-журналов. Человек, освоивший искусство пения при помощи профессоров Саратовской консерватории и посвятивший более двадцати лет жизни татарской сцене. Мы не должны о нём забывать и за эти направления деятельности, и за то, что был первым наставником нашего великого Тукая. Он — беспокойный, искренний и трудолюбивый Дюйшен нашего национального села.

Казан утлары. — 2012. — № 6

РАЗДУМЬЯ О НАСЛЕДИИ ПОЭТА

Муса Джалиль, как поэт и личность, дорог каждому из нас. Как человек, выросший в Оренбуржье и считающий себя его земляком, я с давних пор собираю о нём различные сведения. В особой папке долго сохранялся и бейт его матери, посвящённый трагической судьбе поэта.

Так же, как и юный Муса, я несколько лет проработал в городе Орске бывшей в то время Чкаловской области. Это были годы триумфального возвращения доброго имени поэта из небытия — вторая половина пятидесятых годов. В городе ещё были живы многие соратники юного комсомольца Мусы: кто-то с ним вместе работал, кто-то участвовал вместе с ним в художественной самодеятельности или просто ходил с будущим поэтом, прогуливаясь по городу.

Осенью 1959 года в город приезжали его коллеги — поэт Ахмет Ерикеев из Москвы и композитор, бывший оренбуржец Джаудат Файзи из Казани. Встречи с ними проходили в двух дворцах культуры города — «Нефтянике» и «Строителе». На эти встречи пришло очень много орчан, и выступления гостей тогда перемежались с воспоминаниями горожан. Мы их слушали затаив дыхание.

В ту пору в местной газете «Орский рабочий» и областных газетах «Чкаловская правда» и «Комсомольское племя» часто печатались воспоминания бывших друзей и знакомых Мусы Джалиля. Мне особенно запомнились некоторые статьи любителей его поэтического наследия. Некоторые из них уверяли, что вместе с Мусой посещали такие-то газетные редакции, и что поэт там оставлял, мол, свои стихотворения. И частенько писали о том, что

такое-то стихотворение, вышедшее в таком-то печатном органе или прочтённое автором на таком-то собрании или встрече, не обнаружено в недавно изданных сборниках поэта. Действительно, это могло так и быть. Видимо, часть ранее напечатанных или прочтённых на каком-то вечере, клубе стихотворений поэт впоследствии перерабатывал заново или изменял название. Или считал их пройденным этапом, не насущным для повторного издания. Например, Ибатулла Таналин, хорошо знавший Мусу и как шакирд медресе «Хусаиния», и как односельчанин поэта Тухфата Ченакая — наставника молодого поэта, писал в областной газете о таких случаях «исчезновения стихотворений» своего современника, точно указав названия их и место опубликования или всенародного оповещения самим автором...

В период между пятидесятыми и девяностыми годами прошлого века творческое наследие Мусы Джалиля изучали и освещали в печати многие деятели литературы всего Советского Союза. О героической жизни его сложены песни, написаны стихи, поэмы, а также его судьба была отражена и на страницах некоторых крупных прозаических произведений. Если собрать всё это вместе, можно было бы заполнить несколько книжных томов. Я помню, что известный писатель из Башкортостана, бывший шакирд медресе «Хусаиния» Сагит Агиш отразил период их совместной учёбы и начало творческих исканий в годы установления советской власти в Оренбуржье в одной из своих повестей. (Название повести сейчас не помню, читал её в начале семидесятых годов.) И казахский писатель Турсунбек Какишев во время одной из встреч как-то вспоминал, что образ Мусы Джалиля отражён в его книге. Но расспросить об этом подробнее и записать для себя название книги почему-то не сумел. Этот разговор состоялся в дни юбилея классика казахской литературы Сабита Муканова (1900—1973) в Алма-Ате летом 1990 года. Тогда было также сообщено, что в автобиографической трилогии С. Муканова «Школа жизни» (1949—1964) отражён образ и молодого поэта, активного журналиста Мусы Джалиля конца двадцатых, начала тридцатых годов. Сабит-ага в двадцатых годах учился в Оренбургском рабфаке, где, естественно, общался с активной татарской молодёжью города тех лет. А потом они с Джалилем, видимо, встре-

чались и в Москве. Об этом когда-то говорил мне Гази-ага Кашшаф. Но, к сожалению, роман-трилогию академика Академии Казахской ССР в годы советской власти нам не удалось перевести на татарский язык. Объём романа был очень большим для нашего издательства. (Фактически в те годы обмену литературных произведений между родственными народами уделялось много внимания.) Небольшая часть этой трилогии, охватывающая начальные годы жизни автора, была переведена на татарский язык и издана в 1960 году тоненькой книжечкой под названием «Мәктәп» («Школа»). Надо также отметить, что в 1990 году в библиотеке дома-музея Сабита Муканова в Алма-Ате было много книг на татарском языке. И часть из них была подарена ему авторами этих книг. И книги Мусы Джалиля, изданные на казахском и татарском языках, имелись на полках этой библиотеки.

Да, в 1970–1980-х годах я много общался с писателями и другими деятелями республик Средней Азии: казахами, узбеками, каракалпаками. Знаю их любовно-трепетное отношение к творчеством классиков нашей литературы. Например, произведениям Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля, Галимджана Ибрагимова переводились часто и издавались регулярно во всех среднеазиатских республиках. А поэты и прозаики этих же республик создавали также и свои произведения, посвящённые Г. Тукаю и М. Джалилю. В последние годы особенно много внимания уделялось личности Мусы Джалиля и героическим подвигам джалиловцев. Но множество таких творческих трудов наших собратьев остаются пока неизвестными джалиловедам и читателям. На татарский язык переведено всего несколько подобных трудов. Например, один из первых поэтических трудов, посвящённых героизму Мусы Джалиля, написал казахский акын, бывший участник боёв на том же Волховском фронте Жубан Мулдагалиев. Его поэма «Үлемсез жыр» («Бессмертная песня») вышла в издательстве «Жазушы» в Алма-Ате в 1956 году. На татарский язык поэма была переведена в 1962 году.

В Узбекистане активными пропагандистами татарской литературы, татарской поэзии были также писатели старшего поколения. В организации перевода произведений Мусы Джалиля и выпуске их сборника особое усердие проявляли поэт и прозаик Асгать Мухтар, автор-переводчик Абулла Уразаев. А поиском соратников М. Джалиля и

джалиловцев среди бывших пленников фашистов в период Великой Отечественной войны занимался наш земляк, проживавший после войны в Ташкенте Исхак Забиров. В те годы он собрал большое количество воспоминаний о борьбе наших соотечественников с фашистами в их тылу. И среди них было много новых известий о деятельности джалиловцев. Жаль только, что не все собранные И. Забировым воспоминания героев войны были изданы у нас. А опубликованные им в Узбекистане материалы, к сожалению, не дошли до нас.

И русские писатели приняли самое активное участие в пропаганде бессмертных стихов М. Джалиля из цикла «Моабитских тетрадей». Благодаря Константину Симонову и Александру Фадееву этот цикл стихов был пущен в оборот сразу же после смерти И. В. Сталина, считавшего всех пленённых немцами наших бойцов врагами родины. «Для меня нет пленных, есть только предатели», — говорил он. День 25 апреля 1953 года все мы должны признать вторым днём рождения великого нашего поэта. Именно в этот день в «Литературной газете» Союза писателей СССР вышли некоторые значимые стихи из «Моабитских тетрадей» М. Джалиля в переводе его доверенного друга Ильи Френкеля. Эта страница газеты начинается с небольшого вступительного слова главного редактора Константина Симонова. Это он, находясь в командировке в Бельгии, разузнал о судьбе второго (фактически первым вынесенного из Моабитской тюрьмы Берлина) блокнота Мусы Джалиля со стихами из этого цикла. Из тюрьмы их вынес, спрятав в лохмотьях одежды, бельгиец Андре Тиммерманц. Случайно узнав об этом событии в посольстве Бельгии, К. Симонов разыскал этого человека, расспросил о судьбе его сокамерника Мусы Джалиля. Узнал, за что поэт и его товарищи были посажены в тюрьму и т. д. Возвратившись в Москву, он сообщил о своём мнении относительно судьбы Мусы и остальных джалиловцев бывшему в те годы первым секретарём Союза писателей СССР Александру Фадееву. А у Фадеева к тому времени были уже кое-какие сведения о судьбе поэта, знакомого ему по совместной работе. (В середине тридцатых годов Муса Джалиль был активным участником Московской организации Союза писателей СССР, являясь членом секции татарских писателей. А потом, возглавив Союз писателей Татарской АССР, находился в непосредствен-

ном подчинении А. А. Фадееву.) А. Фадееву уже было доложено о нахождении среди различных бумаг, захваченных после взятия Берлина, записки поэта с сообщением о своей судьбе. Об этом тогда же он уведомил и жену поэта — Амину. Но доказать невиновность М. Джалиля перед высшими органами, основываясь только на этой записке, он не мог. А потом, через год, ему было также доложено о возвращении на родину первого блокнота со стихами из цикла «Моабитских тетрадей». Это произошло летом 1946 года.

Об этом случае нам когда-то подробно рассказывал и участник данного события Гази-ага Кашшаф. В середине сентября 1967 года нас, трёх писателей, отправили в Москву для участия в похоронах поэта Ахмета Ерикеева. Председатель правления Мирсай-ага Амир по какой-то причине не смог тогда поехать сам, отправил двух заместителей: Гази Кашшафа, Заки Нури и меня, как представителя Литфонда СССР. После чаепития, когда в купе поезда мы остались только втроём, я спросил у Гази Кашшафа: «Как произошло это трагическое событие, связанное с возвращением первого экземпляра «Моабитских тетрадей»?» Некоторые писатели старшего поколения об этом событии кое-что знали. Но подробностей не сообщали. О том, что в тот день в Союз писателей были приглашены ещё несколько человек, в их числе и Гази-ага, состоявший тогда в штате Союза писателей как редактор журнала, я слышал. В этот вечер в купе и Заки Нури поддержал меня, сказав: «Расскажи, расскажи Гази-ага, и я, может быть, подробнее узнаю о событиях этого дня от живого свидетеля». Вот о чём поведал нам друг и доверенное лицо Мусы Джалиля.

Некий капитан Нигъмат Терегулов приехал тогда в Казань, имея на руках блокнот со стихами Мусы Джалиля. Он тоже был в плену, состоял в одном из батальонов легионеров, направленных фашистами для подавления отряда участников французского сопротивления. Этот батальон сразу же покинул свои позиции и, перейдя на сторону французов, активно боролся против немцев. Когда закончилась война, всех бывших пленных собрали в различные фильтрационные лагеря для проверки их степени виновности. Нигъмат имел на руках хорошую характеристику, выданную французским командованием. Поэтому следственная комиссия, созданная для фильтра-

ции, отпустила его домой без особой волокиты. Вот тогда кто-то ему и дал рукописи стихов поэта для передачи в Союз писателей Татарстана. (Гази-ага назвал и фамилию того человека, но я сейчас уже не помню его. Надеюсь на память, не записал в блокнот.) Вот так, выполняя своё завещание перед бывшими товарищами, и приехал в то время Нигъмат Терегулов из Башкортостана в Казань. Здесь его арестовали, прямо в присутствии сотрудников аппарата Союза писателей. Да, кто-то об этом человеке успел доложить в органы государственной безопасности. И его вместе с блокнотом стихов поэта увезли тогда в небытие. (Гази-ага знал и сообщил нам тогда и имя предателя. Но для сегодняшнего читателя, думаю, оно не так уж интересно. Дело это было давно и притом в очень и очень сложное время, когда любого человека могли посадить и расстрелять ни за что.) Судьба Нигъмата Терегулова, кажется, до сих пор не выяснена.

Но один положительный факт от этой истории остался — сохранена рукопись стихов поэта. Мы сейчас ежегодно в день рождения Мусы Джалиля можем поддержать в руках блокнот «Моабитских тетрадей», хранимый на надёжных полках архива. По рассказу Гази-ага Кашшафа, эта рукопись сыграла свою важную роль при возвращении доброго имени Мусы Джалиля в апреле 1953 года. При активном содействии в то время первого секретаря областного комитета КПСС Зиннята Ибятovichа Муратова с рукописными стихами поэта тогда сумели познакомиться он и Кави Наджми, очень уважаемый в партийных органах республики человек. Тогда именно Кави Наджми было поручено подготовить к изданию солидную книгу о татарстанцах-Героях Советского Союза. Вскоре эта книга была издана на татарском и русском языках. Не являясь официальным руководителем Союза писателей Татарстана, он часто бывал в Москве, встречался с А. Фадеевым. Гази-ага Кашшаф вспоминал, как он, будучи штатным заместителем часто сменяющихся в то время друг-друга председателей Союза писателей, несколько раз побывал вместе с Кави Наджи в кабинете Фадеева... Именно в эти годы они и организовывали, неофициально, подстрочные переводы стихов из цикла «Моабитских тетрадей». Как я понял из рассказов Гази-ага, такую идею им подал сам З. И. Муратов, подсказав о необходимости использования этих заготовок при первой же возможности. И такая воз-

можность появилась сразу же после неожиданной смерти вождя страны.

Через месяц после похоронных мероприятий по случаю смерти Иосифа Сталина и вышла данная страница газеты с извещением о героической судьбе М. Джалиля. И в обеих столицах сразу приступили к подготовке к изданию сборника стихов из цикла «Моабитских тетрадей». И в том же году они попали в руки любителей поэзии. В Казани эта книга с предисловием Гази Кашшафа вышла под названием «Моабит төрмәсендә язылган шигырьләр» («Стихи, написанные в тюрьме Моабит»), а в Москве как «Моабитские тетради». (Не имея сейчас на руках данной книги, не могу назвать читателям участников подготовки его к изданию.)

После этих же событий писатель Юрий Корольков приступил к созданию своей известной повести, посвящённой М. Джалилю и джалиловцам, «Через сорок смертей». Эта повесть скоро была издана отдельной книгой и стала тогда очень популярной среди читателей. Помню, как в городе Орске во всех библиотеках были составлены списки очередности....

2005

НА РОДИНЕ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Шёл 1985 год. До дня рождения Мусы Джалиля — до 15 февраля оставалось ещё чуть более полугода.

Тогда в масштабе всей страны с почестями планировали отмечать большой юбилей — 80-летие со дня рождения героического сына нашего народа, знаменитого поэта и известного деятеля искусств Мусы Джалиля. Точнее, начали готовиться к мероприятиям, посвящённым празднованию великого юбилея. Да, эти мероприятия не должны были ограничиваться только территорией Татарстана. Планировали провести такие же масштабные праздничные дни и на родине поэта — в Оренбургской области, а также и в Москве. Личность Мусы Джалиля, несомненно, достойна таких торжеств. Даже не было бы лишним и почаще повторять такие празднества. Как же иначе, ведь он один из тех наших редких личностей, прославивших татарский народ на всю мировую общественность.

А помнят ли нашего великого деятеля в родных краях, когда и как его память собираются почтить на малой родине?

И вот почти за полгода до начала торжеств бывший в то время председателем Союза писателей ТАССР Туфан Миннуллин пригласил меня к себе и говорит:

— Ты ведь хорошо знаешь Оренбургский край. И в городе Орске ты работал. Съезди-ка ты, браток, туда, разузнай, какие мероприятия готовят они к юбилею своего великого земляка. Заодно, может быть, и кое-какие новые сведения о Мусе разузнаешь там...

Да, Туфан, обращаясь к кому-либо из сверстников, обычно всегда употреблял слова «брат», «туган». И этим обращением как бы настраивал собеседника к откровенному разговору. В этом случае и я, несмотря на кучу дел дома, сразу же согласился отправиться в дальнюю командировку, оставив личные дела на потом.

Давайте вместе прогуляемся по следам молодости поэта Мусы Джалиля.

Орск

Мне, как человеку, выросшему в родных краях нашего великого поэта и в какой-то мере прошедшего дороги его молодости, очень близки жизнь и творчество Мусы Джалиля. В середине пятидесятых годов, когда я только начинал работать в городе Орске, ещё были живы люди, знавшие «комсомольца Мусу» лично, общавшиеся с ним. Скажем, одной из таких была купеческая дочь, сверстница поэта, бойкая, симпатичная Марьям Бикбова. Марьям-апа, которая и в пятьдесят лет душевно пела наши древние протяжные напевы, была в юности Мусе «коллегой по сцене» в «Восточном клубе». Когда она пела, поэт играл на мандолине, аккомпанировал ей. «Бывало, парни и девушки — все вместе в выходные дни отправлялись в горы или в степь. Меня не всегда с ними пускали. Помню, как Муса однажды преподнёс мне целую охапку диких, ярких тюльпанов. Тогда у подножий гор, где раскинулся сейчас Новый город, люди с ранней весной собирали и уксым (дикий лук), и жёлто-красные тюльпаны», — вспоминала она.

Второй его современник, Габдулла Мустафин, в 1926 году работал вместе с ним в уездном комсомольском комитете, а потом, когда Мусе разрешили уехать

в Оренбург, принимал у него инструкторские дела. В пятидесятых годах Габдулла-ага Мустафин был секретарём райкома партии в Старом городе. На встречах с молодежью рассказывал о том, как они вместе с Мусой ездили в окрестные сёла и различные организации города. Муса Джалиль той весной и летом какое-то время даже пожил у Габдуллы — их дом был неподалёку от уездного комитета, прямо за круглым озером, что в начале нынешней Советской улицы Старого города. Семья Габдуллы тогда даже обрадовалась, что Муса согласился у них жить. Их сын только начинал в то лето свою трудовую деятельность.

В пятидесятых годах в городе Орске Мусу хорошо знала и Ситдика-апа Чудина. Чудиной она стала, конечно, после замужества. А какая у неё была фамилия в годы их встреч с Мусой в Москве, я тогда почему-то не спросил. Ситдика-апа была землячкой будущего писателя Абдурахмана Абсалямова. В юности училась в Москве, и вместе с односельчанином Абдурахманом посещала литературный кружок, организованный Мусой Джалилем. У неё была и коллективная фотография этого литературного кружка, где в центре кружковцев сидит Муса Джалиль. В восьмидесятых годах это фото она передала в городской музей.

В тех годах в издаваемой в городе газете «Орский рабочий», в выпускаемых в Оренбурге газетах «Чкаловская правда», «Комсомольское племя» печатались многочисленные воспоминания, посвящённые Мусе Джалилю. Помню, что несколько объёмных статей старшей из сестрёнок поэта Зайнап Залиловой были размещены в областных газетах. А в 1985 году с частью этих публикаций я ознакомился в фондах городского музея города Орска. Там же были установлены и два небольших стенда, посвящённых поэту. На одном из них отражён период его работы инструктором в уездном комитете, там же размещена и фотография, где он снят вместе со своими товарищами по работе. (Это фото имеется и в альбомах «Муса Джалиль».) Более обширный второй стенд находится в одном из центральных залов музея, посвящённом Великой Отечественной войне. Здесь наверху помещён портрет поэта в военной форме и надпись о том, что Мусе Джалилю за его боевой и поэтический подвиг присвоено звание Героя Советского Союза, а за творческий подвиг ему присуждена ещё и Ленинская премия. Там же были размещены

копии постановлений Правительства о присуждении этих наград и переводы на русский язык нескольких стихов из цикла «Моабитская тетрадь».

В доме, где когда-то размещался Орский уездный комитет комсомола, была установлена мемориальная доска с надписью на русском языке: «Здесь работал Муса Джалиль...» Это здание находится на улице Пионерской Старого города. В годы работы здесь Мусы Джалиля Нового города ещё не было. За рекой Урал, в европейской части Губерлинской возвышенности (части Уральских гор) только в начале тридцатых годов начали строить Новый город. Кроме многоэтажных современных домов, а частично и многочисленных бараков, до войны в трёх километрах от Старого города были построены такие крупнейшие на Южном Урале заводы и комбинаты, как Южуралмашзавод с десятками тысяч рабочих, Никелькомбинат, расположенный недалеко от железнодорожной станции «Никель» и др. При одной из встреч со мной на этой станции сотрудник отдела культуры горисполкома даже пошутил, сказав, что у них в городе железнодорожных станций чуть-чуть меньше, чем в Москве, — их целых пять. При Мусе этих строек ещё не было. Даже железная дорога, связывающая города Оренбург и Челябинск не была тогда доведена до главной станции Орск, тоже находившейся в трёх километрах от Старого города, только в обратную от реки Урал сторону — в сторону казахской степи. В годы, когда здесь работал Муса, с большими трудностями начали строить только громадный мост через реку Урал.

Ещё один дом в Старом городе — по улице Карла Маркса — напоминает о поэте. На полуподвальном этаже этого старого деревянного дома жила семья близких родственников известного драматурга Мирхайдара Файзи. В год приезда сюда Муса жил у них. В альбоме имеется фото, где он снят с одиннадцатилетней дочерью хозяев дома. На прикреплённой к стене белой мраморной плите читаем надпись на русском языке: «В 1925—1926 годах здесь жил Муса Джалиль...» Позднее, в конце шестидесятых годов, в построенной в стороне от центра города слободе «Биофабрика» появилась и улица, носящая имя Мусы Джалиля. (Жаль, но ездившие в конце девяностых годов в Орск артисты театра имени Г. Камала сообщили, что мемориальная доска на стене дома, где жил Муса, снята. Такая же судьба была и у мемориальной доски,

установленной в 1972 году на фасаде дома, где жил Мирхайдар Файзи.)

Старый город помнит и ещё одного известного поэта и крупного общественного деятеля и мецената — Закира Рамиева-Дэрдменда. В юношеские годы он здесь учился в медресе. Отсюда уехал в Турцию с целью ознакомления с литературно-культурной жизнью столицы этой империи. Возвратившись оттуда через год, в этом городе познакомился с дочерью старшего компаньона отца по торговле мануфактурой. Вернее, в этот раз он, чаще обычного посещая дом самого богатого купца города Мустафы Бурнаева, влюбился в старшую их дочь Махубджамал. Да, успешный золотопромышленник, а до этого обычный сельский торговец Мухаммедсадык Рамиев, и став богатым «золотошником», не совсем отошёл от торговых дел. В уездном городе Орске он содержал крупный магазин, где покупателям предлагались, кроме мануфактуры, доставляемой Бурнаевым из Москвы, и другие изделия. В том числе и мыло, изготавливаемое на мыловаренном «заводе» (т. е. в небольшом сарае) села Юлук самими Рамиевыми. Вообще-то торговые заведения орчан имели хорошую прибыль, так как башкирские джайляу и казахские поселения с редкими городами, значит и редкими торговыми заведениями, начинались почти с околицы города Орска. Такое же положение было и в городе Троицке, построенном тоже на границе с башкирскими и казахскими земельными владениями. Местные купцы Яушевы, потомки мурз из Заказанья, да и оренбургские купцы-миллионеры Хусаиновы зарабатывали свои миллионы тоже, в основном, за счёт торговли с этими жителями. Оттуда за бесценок покупались ими поголовья скота и нужная для мануфактурных фабрик шерсть. А туда отправлялись мануфактура и товары постоянного спроса...

Поэт Дэрдменд женился в городе Орске на своей возлюбленной в 1882 году, и почти через год они перебрались в столицу губернии — в город Оренбург, построив там большой кирпичный дом с обширным подворьем. Но ежегодно неделями жили в доме тестя, когда ехали до своих приисков, расположенных от Орска почти в двухстах километрах, и на обратном пути. А в феврале 1918 года, после взятия Оренбурга красными, они перебрались в родной город Махубджамал, поселившись

временно в доме её младшего брата Мухаметзяна (оставшемся от их отца). В городе ещё хозяйничали белые офицеры. Но через год и их владычеству пришёл конец. Но Рамиевы и после этого продолжали здесь жить, так как отсюда было близко до их десятков приисков. Почти за ними же приехал сюда с семьёй и их старший сын Искандер, горный инженер, с 1914 года возложивший на свои плечи главные заботы по приисковым делам. Летом 1920 года семье Дэрдменда почему-то пришлось переселиться из дома тестя в другое место. Может быть, этот добротный кирпичный дом отобрала у семьи Мухаметзяна новая власть. (Это я не сумел уточнить. Но точно знаю дом, снесённый в 1984 году. У меня имеется и фотография этого дома, присланная местным фотографом, сыном одного из приказчиков семьи купца М. Бурнаева.) Затем семья Дэрдменда, прожив лето в доме брата матери Махубджамал, арендовала частный дом у одного мелкого торговца и в конце лета 1920 года переехала в новое жилище. В ту поездку 1985 года я сфотографировал этот одноэтажный деревянный дом с пятью окнами, выходящими на переулок Поля Лафарга, поперечной улице Пионерской. В октябре 1921 года Дэрдменда в последний путь провожали именно из этого дома. Ещё в середине пятидесятых годов я записывал об услышанных событиях в блокноте, но тогда не догадался сфотографировать его. Многие старожилы города, в том числе дочь одного из доверенных лиц купцов Бурнаевых Шакира-апа и бывшая гимназистка Марьям-апа Бикбова рассказывали мне об этих перемещениях семьи Дэрдменда летом 1920 года. А путешествуя по следам Закира Рамиева-Дэрдменда с фотографом Зуфаром Башировым в 1994 году, мы снова сфотографировали этот дом, и другие места и здания, связанные с жизнью в городе Орске бывшего издателя газеты «Вақыт», журнала «Шура» и содержателя типографии, где выпускались основные труды классиков татарской литературы Шарифа Камала, Галимджана Ибрагимова, Ризы Фахретдина. Даже Фатих Карими, имеющий свою частную типографию, часть своих трудов, в особенности более объёмных, вроде книги «Истанбул мәктүпләре» («Письма из Истанбула») также выпускал в издательстве Рамиевых.

Необходимо отметить, что Муса Джалиль очень почитал поэта и общественного деятеля Дэрдменда. Считал

его одним из своих учителей. Видимо, ещё мальчишкой посещал он и издательский дом Рамиевых в Оренбурге, где в предреволюционные годы работал его родной брат Ибрагим.

* * *

Хочу остановиться ещё на одном факте, связанном с городом Орском. В мемуарах свояка поэта, писателя Махмуда Максуда упоминается, что Муса в годы учёбы в Москве какое-то время жил на квартире у Давлетшина. Имя хозяина квартиры не упоминается. Это, должно быть, Габдулла Давлетшин, родившийся в селе рядом с Орском, примерно в одно время с Мусой обучавшийся в медресе «Хусаиния» и начавший преподавать там же в год начала революции. Г. Давлетшин в 1920–1921 годах был большим «начальником» в Орске — уездным комиссаром по национальным делам. В те же годы он издавал там газету «Ирек йолдызы» («Звезда свободы»). В единственном номере газеты, сохранившемся в фондах городского музея, опубликовано и одно стихотворение Тухфата Ченакая, учителя Мусы. Тогда же Габдулла Давлетшин женился на бывшей гимназистке Халиме, сестрёнке Мирхайдара Файзи. В августе 1921 года их направили в Москву — на учёбу в Коммунистический университет. Почти до конца тридцатых годов жили они в доме Асадуллаева. И в годы работы Мусы в городе Орске они, видимо, как-то общались. Когда в 1926 году Мусу принимали в кандидаты в члены партии, одним из рекомендующих был указан тот же Г. Давлетшин. Не сомневаюсь, что Муса в Москве прожил какое-то время именно в квартире этого бывшего комиссара, своего знакомого по «Хусаинии» Габдуллы Давлетшина. Об этом же сообщает и известный композитор Латиф Хамиди. В те годы, когда учился там в Государственном университете имени Ломоносова Муса, Л. Хамиди был учащимся Московского музыкального техникума и часто посещал дом, носящий имя строителя Асадуллаева. В этом же здании размещалась тогда и Московская татарская средняя школа. Там же жил бывший учитель Л. Хамиди. Поэтому он часто бывал в этом доме. Именно здесь они повторно встретились с Мусой и надолго подружились. А первая их непродолжительная встреча была в Казани, когда М. Джалиль учился на рабфаке.

Я начал тогда своё путешествие с Орска, связанного с воспоминаниями о юных годах Мусы Джалиля. К 1985 году город ещё вырос, расширился. Количество его жителей приблизилось к 300 тысячам. Как и раньше, определённую часть жителей составляли татары и башкиры. (А по данным переписи населения 1897 года их было в городе примерно 22 процента.) В небольшом количестве встречаются и казахи — город ведь расположен на границе с Казахстаном. Но сфера национальной культуры в городе к 1985 году была существенно обедневшей. После объявления указа третьего руководителя империи СССР Никиты Хрущёва (кажется, в 1958 году) примерное содержание которого заключалось в том, что «судьбу национальных школ, расположенных за пределами национальных республик, решают сами родители», начались очень тревожные события для национальных школ и культурных учреждений, расположенных за пределами национальных республик. В начале 1960-х годов в педагогических институтах Оренбурга и Орска были ликвидированы татаро-башкирские отделения, закрылись национальные педагогические училища, работавшие в двух районах области. Впрочем, этот указ коснулся не только учебных заведений, но и очагов культуры. Оказались закрытыми и татарский клуб, работавший в Орске с начала XX века. (С 1930-х годов это был клуб имени Первого мая.) Закрыли и национальную библиотеку. Она размещалась раньше в центре Старого города, в одноэтажном здании, когда-то купленном городскими зажиточными людьми для этой цели. В советское время библиотека носила имя комиссара Мулланура Вахитова. (Эта библиотека раньше была местом общения, сохраняющим национальный дух, его заведующая Лина Аблаисова была как бы председателем этого общества.) Книжный фонд библиотеки был передан Центральной библиотеке, отдалённой от жителей Старого города — основных посетителей этого культурного заведения. Бывший «Восточный клуб», превращённый ещё раньше в кинотеатр, и здание библиотеки хранили следы Дэрдменда, Мирхайдара Файзи, Мусы Джалиля, родившегося и выросшего в этом городе композитора Загида Хабибуллина, известных мастеров сцены Мифтаха Абсалямова (первый Герой Труда из артистов), Галии

Нигматуллиной, Хакима Салимжанова. А первые шаги по организации этого «Восточного клуба» в начале XX века сделал бывший орчанин, выпускник Казанской учительской школы, однокашник и друг Г. Исхаки Шакир Мухамедьяров. До поступления в 1909 году в Петербургский университет именно он в родном городе хотел создать театральный коллектив и с помощью недавно организованного благотворительного общества открыть здесь клуб. После него этой идеей жил Мирхайдар Файзи, через несколько лет сумевший поставить здесь первый спектакль на татарском языке. Можно сказать, закрыв эти заведения в начале шестидесятых годов, как бы навсегда вычеркнули, стёрли из памяти части городского населения и их, известных личностей города. Правда, некоторые из них вроде упоминаются в краеведческом музее в Новом городе. В маленькой комнатке у входа размещены детская тубетейка М. Файзи, обложка когда-то подаренной мной в музей книги З. Хабибуллина, афиша одного спектакля с участием супругов Салимжановых, обложка книги Дэрденда 1959 года выпуска.

В дополнение к этим людям, оставившим какой-то след в городе, можно назвать ещё и имя Кутлу-Мухаммеда Тевкелева — полковника периода Петра I, участника основания этого города. В центре Старого города, на вершине Яшмовой горы в пятидесятых годах ещё возвышалась высокая старая каланча. В те годы на языке горожан эта возвышенность и каланча именовались «полковничьей горой» и «полковничьей каланчой». Во время руководства строительством новой крепости на берегу реки Урал, именно этот полковник устанавливал свои угрожающие пушки на высоте, на площадке той самой каланчи, защищаясь от нападков казахов, не желавших строительства города на их приграничной земле. Сейчас и эта каланча изменила свой облик, переставь быть «охранной каланчой» этого полковника.

* * *

В 1985 году секретарь по идеологии Орского городского партийного комитета и заведующий отделом культуры исполнительного комитета пообещали основательно взяться за подготовку к юбилею поэта-героя, даже перечислили некоторые из запланированных ими дел. Городской музей

будет расширен, ему выделяют дополнительное здание, там же планируют создать целый самостоятельный раздел, посвящённый М. Джалилю. И остальные экспонаты, хранящиеся пока в фонде и имеющие отношение к другим деятелям татарской национальности, судьба которых была связана с городом, тоже займут своё место в этом новом музее. Может быть, имя поэта будет присвоено одной из школ в Старом городе. Сказали, что городской театр давно мечтает поставить какую-нибудь пьесу Мирхайдара Файзи. Несколько раз, мол, обращались в Казань с просьбой направить его хорошую пьесу, переведённую на русский язык, но положительного ответа не получили. «Казанские театры и сами тоже к нам на гастроли не приезжают», — посетовал ещё Абдулла Ильясов, возглавлявший тогда городской отдел культуры. Затем оба руководителя в один голос сказали: «Всё это можно сделать, если поможет правительство Татарстана. Вон Украина каждые пять лет проводит у нас Дни Шевченко. Они помогли деньгами поставить памятник Тарасу Шевченко и открыть его самостоятельный музей». (Борец за национальную свободу Украины Тарас Шевченко был в Орске в ссылке, написал здесь некоторые свои значимые произведения. Возможно, и поездка М. Джалиля в 1939 году в Киев на юбилей Т. Шевченко была связана с воспоминаниями орского периода жизни этого поэта.)

К сожалению, беседы, проведённые накануне восьмидесятилетнего юбилея поэта, остались безрезультатными. Как обычно, юбилейные торжества в Оренбургской области ограничились празднествами, встречами в областном городе и в родном селе М. Джалиля. В 1994 году, снова приехав в Орск по следам Дэрдменда, мы стали свидетелями того, что запланированные почти десять лет тому назад дела не были исполнены. Мой старый знакомый Абдулла Ильясов недавно был назначен директором краеведческого музея. «Основная причина тому, что ничего не сделано, — здание, предназначенное для музея, так и не было нам передано. А прежние экспонаты, стенды все остались на своих местах», — сказал он. По словам А. Ильясова, план проведения юбилейных мероприятий, посвящённых восьмидесятилетию поэта, был им составлен и отправлен в Оренбург. А в конце 1985 года им сообщили, что проведение этих мероприятий в городе Орске отменены по согласованию с руководством Татарстана. Видимо, кто-то

посчитал, что проведение таких мероприятий в трёх населённых пунктах области будет накладно. С подобными доводами согласилось и руководство Татарстана. А ведь народ ждал этот праздник, посвящённый их знаменитому земляку. По словам А. Ильясова, на юбилейные торжества должны были приехать несколько сот человек и из окрестных татарских сёл. Для них участие в таких мероприятиях стало бы большим событием.

Такое вот отношение было в Орском крае к Мусе Джалилю и другим деятелям татарской культуры, связанным с этим крупным промышленным городом. Нам и самим хотя бы накануне значимых юбилеев наших известных личностей надо усилить активность при проведении юбилейных мероприятий на местах, связанных с их биографией, не надеясь только на руководство данных регионов. Но пока так не получается.

Нам надо почаще вспоминать об Орске, где провели определённые периоды жизни около двух десятков наших известных личностей. Да, город этот очень отдалён от нас, и после Оренбурга надо ещё преодолевать более трёхсот километров. Но в этой глубинке живут многочисленные наши соотечественники, жаждающие услышать живое слово на своём родном языке от дорогих гостей из нашей столицы. Рядом с городом Орском есть десятки сёл с татарским населением. И в небольших городах, расположенных в той же зоне, — в Новотроицке, Кувандыке, Медногорск, Гае также живёт много наших соотечественников. В некоторых из этих городов татар и родственных им башкир в совокупности наберётся даже более половины из общего числа населения. Если мы не хотим, чтобы татарский народ, проживающий в отдалённых от Казани краях, не забыл о национальных корнях и национальных звёздах, на местах — время от времени — встречи с ними необходимы. Эти встречи будут напоминать им о своих корнях и о родном языке. Следует, наверное, отметить, что здесь, вдали от областного центра, живёт много татар. Это и в сёлах вдоль рек Урал, Сакмар, Губерля, Таналык и других... В полутора десятках километрах от Орска, за хребтом Губерлинских гор — город Новотроицк с населением более ста тысяч человек, основной «дом» известного всей стране Орско-Халиловского металлургического комбината. В сорока пяти километрах — пятидесяти-шестидесятитысячный город шахтёров Гай,

добывающий медную руду, в семидесяти-восемидесяти километрах — города таких же добытчиков меди: Кувандык, Медногорск. (Надо также отметить, что нынешний город Новотроицк — это бывшее село Хабарное, в котором часто бывал комсомольский инструктор Муса.)

Отсюда и до города Актюбинска, являющегося столицей одной из областей Казахстана, всего сто сорок вёрст. А там со дня основания города сохранилась татарская слобода. Орчанин, будущий композитор Загид Хабибуллин там учился играть на скрипке, будущий писатель Шамиль Усманов с шестнадцати лет работал там на мельнице, хозяевами которой были родственники фабрикантов Акчуриных. И юношеские годы нашего писателя-классика Кави Наджми, довоенные годы Гайнана Курмашева, признанного сейчас руководителем группы джалиловцев, боровшихся против врага, связаны с этим самым городом — Актюбинском. Бурной осенью 1919 года по улицам этого города «с песчаными бурями» прошли деды многих из нас — бойцы Первой Татбригады...

И не забыть бы ещё вот о чём — осенью 1986 года предполагался и юбилей другого нашего великого писателя, жившего в Орске и написавшего там свои самые проникновенные произведения — Мирхайдара Файзи: 1 ноября со дня его рождения исполнялся 95 лет. Он родился недалеко от этого города. С начала XX века жил и учился здесь. Их дом, построенный отцом в те годы, и сейчас сохранился. Перед намечаемым на осень 1971 года восьмидесятилетием писателя-драматурга я дважды приезжал в этот город с ходатайством от имени правления Союза писателей ТАССР об установке на стене этого дома — по улице Пугачёва, 60 — памятного знака. Мемориальная доска здесь была установлена в начале 1972 года. Тогда ещё на той же улице Пугачёва сохранялся и дом, где жил в юности народный артист ТАССР Хаким Салимзянов.

Оренбург

Известное дело, что в этом городе было намного больше тех, кто знал Мусу Джалиля. Да, здесь вспоминали о нём чаще, чем в Орске. В этом городе значительно больше поклонников его поэтического таланта. В 1985 году ещё была жива и его младшая сестрёнка Хадича. До этого я поддерживал связь с ней и с некоторыми другими зна-

комыми поэта через переписку. Был ранее знаком и с работавшими в области образования и культуры людьми, с теми, кто интересовался историей края, судьбой интеллигенции, оставившей здесь свой светлый след. В этом городе в те годы жили такие известные, начитанные люди, как краевед Мадина Рахимкулова, бывшие сотрудники издававшейся здесь до войны на татарском языке газеты «Коммунист» Сабит-ага Якупов, Мидхат Пономарёв, бывший директор 10-й татарской школы Якуб-ага Шабакеев, заведующая национальной библиотекой Назия Мухсинова, руководители национально-культурного движения, активный участник Гражданской войны в этой зоне Фатих-ага Султанов, инженер крупного завода Зиннур Шакиров. Они же были и организаторами частых торжественных собраний и вечеров на городском уровне, посвящённых юбилеям таких известных людей, как Дэрдменд, Риза Фахретдинов, Г. Тукай, Ш. Камал, Х. Такташ, М. Джалиль, С. Сайдашев и другие. Им в этом деле помогли артисты «татарской театральной бригады» (теперь на её основе создан театр имени М. Файзи). Оренбургский татарский театр, организованный в 1915 году, не прерывал свою деятельность даже в военные годы. Правда, как отдельная «театральная бригада» входила тогда в состав областной филармонии. В этом же городе тогда жил и журналист Владимир Григорьевич Альтов, писавший посвящённые М. Джалилю статьи и издавший о нём книгу «Юность Мусы Джалиля» (1969). А в 1981 году он составил и издал в Челябинском издательстве трёхтомник из произведений поэта на русском языке. Его объёмную статью «Подвиг Джалиля», опубликованную 25 августа 1984 года в областной газете «Южный Урал», мне давали читать ещё в Орске.

Сразу после приезда в город я встретился и пообщался именно с ними. Был и на квартире немного приболевшей Хадича-апа, записал её советы-предложения. Я брал с собой её книгу воспоминаний, посвящённую брату, и вновь перечитал её по пути сюда...

Будущий поэт впервые попал в этот город в шестилетнем возрасте. Его отца, Мустафу, с многочисленной семьёй позвал сюда свояк Хаммат Сайфутдинов. «Трудно, наверное, прокормить восемь ртов на трёх подушных наделах. С торговым делом ты знаком, может, в городе тебе повезёт», — сказал он тогда, наверное, ему. Он сам

был тоже из Мустафино, а в городе начинал работать простым плотником. И вот он уже «Мастер Хаммат», участвовавший в постройке в центре города усадьбы большого медресе. Видимо, баи Хусаиновы тепло относились к Хаммату потому, что он был одним из мастеров-прорабов строительства трёхэтажного основного здания «Хусаинии», мечети, дома имама, двухэтажного дома, возведённого для служащих и преподавателей медресе. И когда он собрался переводить свояка в город, тому выделили отдельное жильё в доме служащих медресе. Да, Мустафу Джалилова приняли тогда в штат хозяйственных работников медресе по просьбе его свояка Хаммата. «В Оренбурге мы сначала жили... во дворе «Хусаинии», — пишет брат поэта. Таким образом, Муса ещё до того, как стал учиться в этом медресе, начал общаться с его учителями, как их сосед. Позже Хаммат и его жена Ракия снова протянули руку помощи семье Мусы. В 1926—1927 годах, когда Муса забрал к себе маму и сестрёнку Хадичу, они более года прожили в малом доме усадьбы младшей сестры Рахимы в Зауральной роще. Период жизни Мусы в Зауральной роще упоминается во многих воспоминаниях современников. Заведующий отделом национальных меньшинств уездного комсомольского комитета Фатих Исхаков пишет, что какое-то время жил у Мусы в этом доме. И Зиннат Абдрашитов сообщает, что «часто вместе возвращались в «Рощу», мои родственники жили подальше, чем его». И один из двоюродных братишек Мусы — Тагир Курбанов, обучавшийся тогда в Оренбургском педагогическом техникуме, вспоминает, что «время от времени ездил ночевать в «Рощу». Правда, не говорит точно, у кого там ночевал. Наверное, и ему находилось место у тётки Ракии, которая была родной сестрой и его матери. Имя дочери Хаммата и Ракии — Марьям Сайфутдиновой часто встречается в воспоминаниях, связанных с оренбургским периодом жизни Мусы. А вот их сына, молодого учителя медресе «Хусаиния», преподавателя арабского языка Амиржана-хаджи Сайфутдинова комсомольцы того времени почему-то «забывают» упомянуть. Потому что эти воспоминания написаны не в те годы, когда можно было упоминать человека, получившего образование в восточных странах и вернувшегося оттуда, совершив хадж. Лишь Гази-ага Кашшаф в своей книге, посвящённой М. Джалилову, один раз назвал его «живой энциклопедией».

Направляясь в Оренбург, я очень надеялся на встречу с одним из двух этих двоюродных брата и сестры Мусы Джалиля. Или хотя бы с их детьми. Но в Оренбурге их не знали. И Хадича Джалилова сообщила, что с ними она связи не имеет, т. к. они не живут в этом городе.

По следам наследия поэта

Причина того, что я в этом своём очерке, посвящённом великому юбилею Мусы Джалиля, остановился чуть подробнее на одной из ветвей родословной, ранее упоминавшейся лишь намёками, отстранённо, была, наверное, в моём желании в какой-то степени объять круг людей, близко общавшихся с поэтом в юности. Ведь очень может быть, что в семьях тех же Марьям, Амиржана по сей день хранятся связанные с Мусой Джалилем какие-либо записи воспоминаний, письма, фото. Гази Кашшаф сумел же раздобыть фото Марьям и включить её в альбом. А вот фото Амиржана, ещё в середине пятидесятых годов являвшегося одним из уважаемых преподавателей Жёлтинского педагогического училища той же области, почему-то в альбом не включил. Хотя отзывался о нём очень положительно, назвав большим знатоком событий в этом городе начала двадцатых годов. Да, эти люди, а также долгие годы преподававший в Казанском педагогическом институте Тагир Курбанов были двоюродными братьями и сестрой поэта по материнской линии. А есть ли кто-то со стороны отца? В первую очередь, конечно, надо назвать народного артиста СССР Халиля Абжалилова. Т. Курбанов в книге «Кызыл чәчәкләр» («Красные цветы», Казань, 1990) в той части, где описывает события приезда известного артиста в село и организации совместно с Мусой детского театра, пишет: «Муса... сначала опирался на помощь своего брата Халиля. Ведь их отцы из одного рода — рода деда Абжалиля». Муса Джалиль тоже в одной из автобиографий записал, что он из рода «деда Габделжалиля». Впрочем, известный артист тоже до 1928 года носил фамилию Джалилов. Мне неизвестно, упоминает ли Халиль-ага где-либо своего двоюродного братишку, который был младше его на десять лет. Тагир Курбанов вспоминал, что когда Муса с семьёй, вернувшись из Москвы, жил в доме № 4 по улице Н. Ершова (напротив парка отдыха), он иногда встречал их там вместе. А Габдурахман Абжа-

лилов, который приходится Халиль-ага братишкой, был в тридцатых годах директором Оренбургского татарского педагогического техникума...

Как уже упоминалось, будучи в Оренбурге в 1985 году, мне довелось встретиться с некоторыми людьми, близко общавшимися с поэтом, запечатлеть на бумаге их воспоминания. Было и несколько находок. Сын Фатиха Султанова, бывшего в 1920-х годах представителем по делам национальностей исполнительного комитета РСФСР при Оренбургском губернском исполнительном комитете, подарил одно большое фото. На той коллективной фотографии, снятой в апреле 1927 года, Муса и Фатих стоят рядом. Среди сидящих в первом ряду есть друзья Мусы: Фатих Исхаков, Фатима Габина, Загид Шарки-Юсупов. Был интересен и второй подарок Надира Султанова, переданный им для музея Мусы Джалиля в Казани. Муса подарил своему старшему другу Фатиху в 1927 году, в день исполнения Надиру одного года, фотоальбом «В. И. Ленин» очень маленького формата, написав тёплые слова поздравлений. (Этот подарок я передал в музей сразу после возвращения. Заведовавшая в те годы музеем И. Мингазова писала об этом в газете.)

Встречались и с двумя дамами пожилого возраста, знавшими Мусу Джалиля. Воспоминания учительницы Гульсум Хусаиновой, в молодости близко общавшейся с поэтами Ченакаем, Бабичем, Джалилем, были ранее включены в книгу воспоминаний, посвящённую Мусе Джалилю. По её словам, они опубликованы в сокращённом виде. Она была очень огорчена тем, что интересные отношения Мусы к старшему товарищу по перу Тухфату Ченакаю были зачёркнуты кем-то.

А Майшакар-апа Юсупова, партийная активистка, долгие годы проработавшая в партийных органах области, была недовольна тем, что её совсем не приглашали составители книг воспоминаний. Она является родной сестрой известного журналиста края Загида Шарки-Юсупова, была знакома с будущим поэтом с юношеских лет. «Он же бывал у нас и дома, и в редакциях газет мы иногда встречались», — говорила она. Да, Муса и Загид Юсупов учились в медресе «Хусаиния» в одно время, но в разных группах. Загид был на три-четыре года старше его.

Кто же он — Загид Шарки-Юсупов? В воспоминаниях современников Мусы его имя упоминается редко. Был он

родом из села Зубачи, находящегося в семидесяти километрах от города, на берегу Урала-реки. Значит, приходится односельчанином Кабиру Бакиру, известному журналисту первых молодёжных газет Казани периода Г. Тукая, С. Рамиева, был заместителем (вторым редактором) Ризы Фахретдина при журнале «Шура» в 1914–1917 годах. Загид, начиная с 1914–1915 годов, одновременно с обучением в «Хусаинии», освоил в типографии Рамиевых «Вақыт» («Время») ремесло наборщика и корректора. Может быть, писал и небольшие сообщения в газету. Его называют учеником Шарифа Камала. Наверное, так и было. Ведь не отрицается, что Шариф Камал тоже работал корректором в типографии «Вақыт». Тауфик-ага Сабитов, другая «живая энциклопедия» этого края, говорил, что Ш. Камала Рамиевы специально сюда пригласили как корректора, после отказа Г. Тукая приехать в Оренбург для работы при их издательстве. А Тауфик-ага эти сведения стали известны, наверное, от тестя, известного писателя Шакира Мухаммедова, прожившего в этом городе более двадцати лет.

В одно и то же время с Загидом Юсуповым в типографии «Вақыт» работал и брат Мусы — Ибрагим. Значит, они встречались раньше не только в медресе, но и в этой типографии. (Наверное, и глубокое уважение Мусы к Шарифу Камалу тоже зародилось в те годы. И к Дэрдмэнду питал он глубокое почтение. Как отмечает писатель Махмут Максуд, стихи начального периода творчества Мусы написаны тоже под влиянием Дэрдмэнда.)

В конце января 1918 года в Оренбурге установилась советская власть. Судя по воспоминаниям современников и родственников, Загид Юсупов участвовал при приёмке типографии «Вақыт» от хозяев, как представитель группы сочувствующих советской власти. И с тех пор он стал известен как сотрудник и редактор различных газет. Часто пользовался псевдонимом «Шарки» («Восточный»). По утверждению Сабит-ага Якупова, занимавшегося в 1970-х годах подборкой и описанием в Оренбургском государственном архиве газет и журналов, издававшихся на арабском шрифте, Загид Юсупов в феврале — июне 1918 года был редактором газеты «Оренбург мөхбире» («Оренбургский корреспондент»). Эта версия подтверждается и небольшим сообщением в документальной повести Ш. Усманова «Легион юлы» («Путь легиона»). В на-

чале июля город завоевали войска Дутова. Эти события описаны и в произведении Ш. Усманова. Там есть такое предложение, в котором сказано, что «перед нашим отступлением из города пришёл Загид со своей газетой в руках». В «Татарском энциклопедическом словаре» факт работы в этой газете З. Юсупова не зафиксирован.

В январе 1919 года город снова был взят большевиками, снова стали публиковаться газеты, поддерживающие советскую власть. Загид, получивший тяжёлую контузию в ходе одного из боёв за освобождение города, выздоровев, снова взялся за своё дело. Поначалу на него были возложены обязанности по изданию газеты «Башкортостан хэбәрләре» («Новости Башкортостана») на татарском и башкирском языках. После перевода этой газеты той же осенью в Стерлитамак он стал работать в появившейся на свет в мае 1920 года газете «Юксыллар сүзе» («Голос бедноты»). По отъезде из Оренбурга редактора газеты Афзала Тагирова остался на его месте. (В те же годы Х. Такташ был секретарём этой газеты.) Когда закрыли «Голос бедноты», бывшую в ведении Оренбургского губернского исполнительного комитета, Казахстанский областной комитет РКП(б) доверил Загиду издание газет «Юл» («Путь»), затем «Сабан» («Плуг»). А после перевода в середине 1925 года столицы Казахской (в те годы Киргиз-Кайсацкой) Автономной Республики в Кызыл-Орду Загид Шарки-Юсупов ещё в 1926–1927 годах редактировал татарскую газету «Очкын» («Искра»). Потом был направлен на учёбу в Москву, а по окончании учёбы был распределён в Донбасс, в редакцию издававшейся на татарском языке газеты «Пролетар» («Пролетарий»). Как-то в одном разговоре Наби-ага Даули говорил: «Он взял меня на работу в эту газету, вывел в люди». Вновь вернувшись в Москву, в начале 1933 года Загид был назначен заместителем редактора издававшейся на татарском языке газеты «Коммунист». Как считают С. Якупов, М. Юсупова и дочь Загида — Азат (жила в городе Долгопрудном), Загид Шарки-Юсупов всю жизнь был благожелателен к Мусе, размещал его произведения в тех печатных изданиях, в которых работал, и самого брал на работу, когда была такая для Мусы необходимость. Сохранился документ, подтверждающий, что летом 1924 года Муса работал в газете «Юл». Пожалуй, есть истина и в предположении, что и на работу в газету «Коммунист» его позвал земляк.

После закрытия «Коммуниста» Загид два года учился в Институте красной профессуры, по окончании которого в 1937 году был направлен на работу в отдел национальных литератур «Литературной газеты». В сентябре 1941 года Загида Юсупова направили на партийную работу в один из отдалённых районов Башкортостана. Позже в Уфе он некоторое время работал в Институте языка и литературы. Умер весной 1961 года. Есть сведения, что некоторые стихи Мусы были при нём изданы в газете «Юксыллар сүзе».

Пусть читатель простит, что я довольно долго остановился на биографии этой личности. Пожалуй, всем понятно, что его трудовой путь был тесно переплетён с довоенной судьбой, биографией Мусы Джалиля. Но надо выяснить, уточнить до конца, в какой степени, как переплеталось их сотрудничество. По-моему, до настоящего времени ещё никто не занимался тщательным изучением газет и журналов, издававшихся в Оренбурге в 1917–1928 годах. Наверное, пока это и не так просто сделать. В Оренбурге собраны лишь редкие экземпляры газет-журналов, издававшихся в те годы. Большая их сохранившаяся часть в настоящее время должна быть в государственном архиве города Кзыл-Орда. В советское время не нашлось никого, кто бы поехал в тот архив, где хранятся тысячи страниц нашего письменного наследия. А ведь в печати встречались сообщения о том архиве, перевезённом из Оренбурга после 1925 года.

В Оренбурге и позже, в 1935–1940 годах, издавалась газета «Коммунист» на татарском языке. Ф. Киргизбаев, заведовавший там отделом в последние годы, сообщает, что «в одном из номеров «Коммуниста», посвящённом В. И. Ленину, были использованы стихи и переводы стихов других авторов, присланные Мусой Джалилем и Фатыхом Каримом». Знаю, что Шамси-ага Хамматов ездил, изучал номера Оренбургского «Коммуниста», сохранившиеся в архиве областного комитета КПСС. После возвращения оттуда он говорил мне: «Там есть интересные находки». Но, кажется, не успел сообщить об этом на страницах печати.

В автобиографии Муса Джалиль указывает, что начал писать стихи с 1916 года. Значит, его подростковые записи могли попасть в архивы некоторых редакций, не будучи опубликованными. Из современников Мусы оренбургского периода башкирский писатель Сагит Агиш и партийный ветеран Гумер Баязитов, потом проживавший

в Казани, в своих воспоминаниях заявляют: «Его стихи публиковались в газете «Голос бедноты». А кто возьмётся утверждать, что в тех газетах нет произведений либо работ иного вида, принадлежащих проживавшим в те годы в Оренбурге и творившим здесь Дэрдменду, Фатиху Карими, Шарифу Камалу, Махмуту Галаю, Хади Такташу, Шаехзаде Бабичу, Афзалу Тагирову? Шамиль Усманов сообщает, что в 1919 году написал в Оренбурге две пьесы. И у Шарки-Юсупова в те годы три-четыре пьесы были поставлены на сцене Оренбургского «Восточного театра». Вроде известны и названия пьес Мусы, поставленных в Казани, Оренбурге и Уфе. Шамси-ага Хамматов внёс большой вклад в изучение жизни и творчества Мусы Джалиля, издал несколько книг богатого содержания. Им была опубликована и одна объёмная статья, посвящённая драматическим произведениям Мусы, историям постановок некоторых из них. Есть вероятность, что и в его архиве сохранились значимые документы, интересные воспоминания. У него была ещё и рукопись пьесы «Кала малае» («Городской мальчик»), написанная Мусой во время учёбы в Татрабфаке. (Помню, как мы использовали несколько страниц этой рукописи при редактировании книги Тагира Курбанова, посвящённой Мусе.)

Пожалуй, пришла уже пора ознакомиться и с архивом Габдерахмана Шафи Алмаса, имя которого в прежние годы даже упоминать было нельзя, не оскорбив его. Родился он в Оренбургских краях, был зятем казанского успешного купца Габдельхамита Казакова, во времена НЭПа жил в столице. (Сбежавший из Казанской тюрьмы Г. Баттал вспоминает, что встречался с ним в 1921 году в Москве. Он поддержал его мнение о том, что надо бежать из этой страны.) Шафи после войны уехал с семьёй из Берлина в Турцию, скончался там в 1954 году. Его жена Амина и три дочери остались жить в Турции. Возможно, они ещё помнят и поэта. И наверняка у них сохранились и кое-какие записи, а может быть, даже какое-то количество стихов Мусы Джалиля. В Оренбурге с Хадичой Джалиловой мы говорили и об этом. Я даже спросил её: «Не собирается ли она как-то связаться с этой семьёй? Выяснить подробности жизни брата в Берлине?» Другим людям в то время запрещали бы связаться с этой семьёй. Но Хадича-апа тогда чувствовала себя неважно. Конкретно ничего не сказала.

Относительно стихов Мусы, возможно, напечатанных

в 1917–1923 годах в газетах Оренбурга. Да, в областном архиве эти газеты почти не сохранились. Их надо искать в архиве города Кызыл-Орды. Но некоторые говорят, имеет ли смысл их искать. Да, если судить из требований нынешнего дня, произведения двадцатых годов, может быть, и сыроваты, и не доработаны. Но они ценны как зеркало, отражающее то сложное время, тот период, когда наша общественная жизнь сделала крутой поворот на сто восемьдесят градусов. (Среди них могут быть и очень зрелые, но не подходящие по содержанию для тридцатых годов – периода различных гонений и репрессий за инакомыслие, и потому не упомянутые Мусой в биографических данных тех лет.)

В данном случае имеется в виду не только наследие М. Джалиля. В том архиве могут и должны быть произведения и многих других авторов, связанных с Оренбургом. Или очень важные сведения о них. Эти труды, пока находящиеся вдали от нас, собранные воедино как наследие татарского народа, должны храниться в фондах наших научных организаций. Поэтому очень важно искать и найти их. Не мешало бы взглянуть и на казахские печатные издания, в те же годы публиковавшиеся в Оренбурге и в одно же время перевезённые в архив Кызыл-Орды. Ведь много писали о том, что Муса хорошо владел казахским языком. Достаточно доказательств и тому, что он был в дружеских отношениях с казахскими писателями своего времени. Скажем, будущий Герой Социалистического Труда Габит Мусрепов и Муса женились на девушках из одной слободы Москвы «Загорянки». По словам Латифа Хамиди, тесть Габита Гимад Тимербаев сделал в те годы первый пожизненный бюст Мусы Джалиля. Одновременно с Мусой комсомольцем в Оренбурге работали поэты Сакен Сейфуллин, ученик Галимджана Ибрагимова Бембет Майлин, Мухтар Ауэзов (позже стал известен как прозаик). На рабфаке, образовавшемся на основе медресе «Хусаиния», учились Сабит Муканов, Габидин Мустафин, Габит Мусрепов. И другие наши аксакалы в те годы очень тесно общались с казахскими коллегами по перу. Даже если в казахской печати того времени и не было их собственных произведений, там могли быть размещены интересные сведения о них. В промежутке 1920–1925 годов в Оренбурге издавались следующие ежедневные и еженедельные издания: «Кызыл Казакъстан» («Красный

Казахстан», литературно-политический журнал), газеты «Енбекше казакъ» («Работящий казах»), «Жас казакъ» («Молодой казах»), журнал «Ортак» («Товарищ»).

Издававшаяся в Оренбурге татарская и казахская периодика, печатавшаяся в те годы книги на татарском и казахском языках почти все выходили в свет из бывшей типографии Рамиевых «Вақыт». Наверное, во время переезда столицы автономии из Оренбурга в Кзыл-Орду в 1925 году и богатый архив этой типографии тоже оказался там. (Изучавший историю типографий Абрар-ага Каримуллин ошибочно пишет, что «в 1920 году типография «Вақыт» была ликвидирована». По-моему, она не была ликвидирована, а лишь сменила хозяев.)

Весь наш народ с нетерпением ожидает каждый юбилей Мусы Джалиля, возлагая большие надежды на то, что состоятся незабываемые встречи. Не хочется также терять надежду, что будут и новые открытия, новые находки, касающиеся жизни и творчества М. Джалиля. Руководство нашей республики заранее заботится о подготовке к юбилеям, выделяя значительные суммы денег. Российское правительство тоже не остаётся в стороне — утверждает государственную комиссию по организации торжеств и выделяет определённые средства. Остаётся только провести эти юбилейные дни на достойном уровне, растянув на недели, месяцы. Хотелось бы, чтобы юбилейные, праздничные торжества были проведены в соответствии с нашей главной целью дальнейшего объединения, внутреннего сближения татарской нации, разбросанной по всей стране, по всему миру. Много раз уже было так, что мы проводили значимые юбилеи, наспех съездив куда-то, спев и сплясав там. Кажется, пришли уже времена серьёзного общения, обмена мнениями с представителями нашего народа, которые нас ждут не дождутся там, куда мы приезжаем.

В дополнение ко всему хочу выразить своё мнение и предложение относительно киноискусства. Многие давно ждут, что будет снят основательный, серьёзный документальный фильм, отражающий жизненный путь Мусы Джалиля, воспевающий его творчество. Не могу сказать, делается ли такой фильм сейчас или нет. Когда эта тема была затронута у нас накануне восьмидесятилетия поэта, ответ был таков, что нет денег, нет плёнки, некому этим заниматься. Ссылаясь на те самые «нет», по сей день не можем организовать даже серьёзную телевизи-

онную передачу, посвящённую жившим и творившим за пределами Татарстана таким нашим великим личностям, как Дэрдмэнд, Риза Фахретдинов, Мирхайдар Файзи. Впрочем, в 1980-х годах проживавшая в Москве кинорежиссёр Юлдыз Карамышева мечтала снять 4-серийный телевизионный фильм. Почему-то мне не довелось увидеть этот её труд. Даже если съёмки не завершены, наверное, стоит раз за разом предлагать фильм вниманию общественности. Я полагаю, что документальный фильм, посвящённый Мусе Джалилю, должен состоять из трёх самостоятельных частей и быть в виде трилогии согласно требованиям литературного жанра. Первая часть должна охватить годы молодости Мусы, его судьбу, связанную с селом Мустафино, городами Орск, Оренбург, во вторую часть должны войти годы работы в Москве и Казани, в третьей части должны быть освещены последние, трагические месяцы его жизни. В эпилоге надо дать рассуждения великих людей о нём и его творчестве.

Мэдэни жомга. — 2006

ТАТАРСКИЙ ТЕАТР И МИРХАЙДАР ФАЙЗИ

В 2006 году исполнилось 100 лет со дня, когда в Казани был сыгран первый официальный, с разрешения губернатора, национальный спектакль, 115 лет со дня рождения известного татарского драматурга Мирхайдара Файзи. Впрочем, 1906 год памятен не только созданием первого национального театра. То был год, в целом богатый очень запоминающимися, историческими для татарского народа, татарской общественности событиями. Именно в том году во многих местах компактного проживания татар — в городах Казани, Уральске, Оренбурге, Астрахани, Уфе стали печататься многочисленные газеты и журналы на нашем родном языке. В Государственную Думу первого созыва, начавшую свою работу весной того же года, было избрано чуть более десятка представителей нашей нации. Среди депутатов первого созыва этой Думы были известные общественные деятели — издатель одной из популярнейших газет тех лет «Вақыт» (Оренбург) поэт Закир Рамиев-Дэрдмэнд, видный адвокат из города Казани и издатель газеты «Казан мөхбире» Саидгирей Алкин,

торговец из Чистополя Гариф Бадамшин, активные деятели Белебеевского земства мурзы Шайхайдар Сыртланов, Котлумухаммед Тевкелев и др. Впервые в истории за период господства царской России они получили право с государственной трибуны открыто говорить о проблемах, волнующих татарский народ. Объявление 2006 года указом нашего уважаемого Президента Минтимера Шаймиева по случаю векового юбилея таких серьезных событий «Годом литературы и искусства» поддержали все.

Первые артисты татарского театра

Эти годы на рубеже XIX и XX веков представляются эпохой нового пробуждения, культурного и духовного подъема татарского народа. В это время наравне с общественно-исторической и религиозно-духовной литературой были достигнуты значительные успехи и в области художественной литературы. По примеру русской и западной литературы были написаны очень популярные тогда романы и драматические произведения. Появилась потребность постановки спектаклей на татарском языке. Кроме столицы татарского мира Казани организация первых театральных коллективов наблюдалась и в таких городах, как Астрахань, Оренбург, Уфа, Уральск, Касимово, Орск, Троицк, Чистополь. Касимовские, нижегородские и пензенские татары с давних пор состояли в тесной связи со столичными татарскими обществами Санкт-Петербурга и Москвы. А когда там начали организовываться официальные благотворительные организации для оказания помощи особо нуждающимся или для проведения общественных мероприятий, первыми среди татар такую инициативу подхватили касимовцы. Они тоже создали официальную Благотворительную организацию. Тогда в столице среди их земляков было много известных купцов и общественных деятелей. А именно благодаря им и активной помощи этого общества в городе Касимове были поставлены первые театральные представления. Согласно информации театроведа Хануза Махмудова, «в Касимове... в 1899–1901 годах состоялись первые публичные спектакли на татарском языке». Да, раньше среди татар в современном представлении таких театральных действий не наблюдалось. И среди других тюркских народов подобные театральные представления возникли

сравнительно поздно. Например, первым из российских тюрков, написавшим драматургические произведения, был азербайджанский писатель Фатихали Ахундов. Его сценические произведения написаны в пятидесятых годах XIX века. Но и они были сыграны на сцене только ближе к концу того же века.

А на татарском языке первые драматургические произведения были созданы в восьмидесятых годах XIX века. Драма (да, автор определил своё произведение словом «фажига») Габдерахмана Ильяси «Бичара кыз» («Бедная девушка») написана в 1886 году и через год вышла отдельной книжкой. Но она была официально сыграна только в начале XX века. Другой казанец, Фатих Халиди, откликнулся на это сочинение своей драмой «Рәдде бичара кыз» (дословный перевод: «Противоположность бедной девушки»). А в последние годы уходящего века сели за сочинение первых своих сценических произведений и будущие классики татарской литературы и драматургии Гаяз Исхаки и Галиаскар Камал. В 1900 году Г. Камал издал две свои пьесы, одна из которой — «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша») сразу же стала популярной среди зрителей. Тогда же были переведены две пьесы турецкого писателя Намыйк Кемала: «Кызганыч бала» («Жалкое дитя,» перевод Г. Камала) и «Гыйшык баласе» («Несчастливая любовь», перевод Габдерахмана Кэрама). В 1900 году издал своё первое драматургическое произведение «Өч хатын белән тормыш» («Жизнь с тремя жёнами») и Гаяз Исхаки. А до этого он отличился от своих сверстников как преуспевающий прозаик, издав вначале в переводе популярную повесть Александра Пушкина «Капитанская дочка», написав повесть «Кәләпүшче кыз» («Девушка-мастерица», 1898) и роман «Бай угылы» («Сын богача», 1899). В эти же годы Ф. Халиди напишет вторую свою пьесу — «Морад Салимов». Почти все эти сценические произведения с первых дней организаций театральных постановок активно игрались на сцене. Надо так же отметить, что ровно половину из первой шестёрки драматургов составляли бывшие или продолжавшие обучаться учащиеся Учительской школы: Г. Исхаки, Г. Кулахметов, Г. Ниязбаев. А в начале XX века и Шакир Мухамедьяров встал в их ряды, переведя комедию А. П. Чехова «Предложение», используя как автор перевода свой сценический псевдоним «Ш. Джамиров».

В Казани первый официальный театральный вечер для

татар в пользу Казанского благотворительного общества был организован 27 января 1901 года. Как пишет тот же Хануз Махмудов, «на этот спектакль пришли около четырёхсот татарских зрителей». Правда, этот спектакль для татар пока играли русские артисты и на русском языке. Естественно, и сценические действия шли тогда по пьесе русскоязычного автора. Как пишет тот же автор, старания Загида Шамиля, одного из сопредседателей этого Благотворительного общества, внука боровшегося за свободу кавказских народов известного шейха Шамиля поставить этот спектакль хотя бы наполовину на татарском языке, были отвергнуты правительственными чиновниками и «доверенными» лицами нашего собственного народа.

А о том, что татары и раньше посещали театральные представления, написал ещё в тридцатых годах XIX века в своей книге «Краткая история города Казани» (1834) известный историк Михаил Рыбушкин. Он писал, что татары любили посещать такие постановки и иногда приходили в театр со своими детьми. Но несмотря на имевшуюся потребность среди населения, творителей подобных зрелищных произведений среди татар тогда почему-то не было. Видимо, это было связано с религиозными представлениями самих татар.

Изначально идея постановки в Казани спектакля на татарском языке родилась среди молодёжи Татарской учительской школы, готовившей «русских учителей» для татарских медресе. Они ещё в 1898 году обратились с такой просьбой к чиновникам. Но из столицы им было дано дозволение «играть театральные представления только на русском языке». Но и это разрешение принесло в будущем большую пользу. Молодёжь, получившая опыт игры в спектаклях на русском языке, стала ключевой силой, заложившей основу татарских театров. В их первых рядах мы видим Гаяза Исхаки, Гафура Кулахметова, Хусаина Ямашева, Шакира Мухамедьярова, Ильясбека Кудашева-Ашказарского, Габдурахмана Мустафина, Габдрауфа Ниязбаева, Шарифа Сунчелея и других. Большая часть этой молодёжи получила начальное образование в медресе и школах, расположенных вдали от Казани, и в будущем они должны были вернуться в свои учебные заведения как преподаватели. Какая-то часть учащихся этой школы потом участвовала и в организации театрального кружка «Шимбә» («Суббота») в Казани. Эти кружковцы и уча-

щиеся Казанской учительской школы в 1905—1906 годах провели первые, разрешённые чиновниками официальные театральные представления в Клубе приказчиков и в Новом клубе города Казани.

Официальной датой открытия театральных постановок на татарском языке в Казани считается 22 декабря 1906 года. Вечер организовала молодёжь. Главные роли в пьесах «Кызганыч бала» и «Гыйшык бэлесе» исполняли Рабига Габитова, Суфия Кулахметова, Зейнаб Саинова, Шакир Мухамедьяров, Акрам Кайбышев, Шариф Сунчелей и другие.

* * *

А ровно за год до этого в городе Оренбурге была предпринята попытка проведения такого же мероприятия на сцене городского русского театра. Но она была сорвана за два дня до начала спектакля.

Начиная с девяностых годов XIX столетия в Казанскую учительскую школу стали направлять ежегодно по четыре шакирда за счёт стипендии купца Ахмеда Хусайнова и из оренбургского медресе «Хусаиния». В списках вторых-третьих групп, отправленных сюда из Оренбурга, встречаем имена Заки Ишаева, Мирсаяфа Туктамышева, Ильясбека Кудашева, Шакира Мухамедьярова и других. Они стали первыми шакирдами из дальней глубинки, впоследствии ступившими на сцену во время учёбы в Казани в качестве артистов-любителей.

Да, и позже они внесли весомый вклад в основание татарского театра в Оренбургском крае и в целом по России. Ведущими среди них были И. Кудашев, Ш. Мухамедьяров, Г. Ниязбаев и др. Весьма искусно игравший на гармонии, скрипке и пианино, свободно владевший родным и русским языками оренбуржец Ильясбек Кудашев в годы учёбы в Казани активно участвовал в театральных играх и концертных вечерах учащихся школы учителей. В театральных действиях он играл под псевдонимом Ашказарским. А позже и в быту его стали именовать Кудашевым-Ашказарским. А в 1904 году вернувшись после окончания учёбы в Казани в «Хусаинию», он засучив рукава принялся за организацию театрального коллектива в городе Оренбурге. Сплотив вокруг себя таких же устремлённых в будущее шакирдов, как Вали Муртазин,

Исхак Альмашев, Ахмат Ишмуратов, Габдурахман Мангушев, Нури Сакаев, начал проводить репетиции. После почти годовой подготовки, в начале осени 1905 года в Оренбурге они планировали открытие театрального сезона. Но в губернской канцелярии разрешение на проведение этого мероприятия не дали. Тогда И. Кудашев-Ашказарский поехал в столицу и получил разрешение на постановку «В чужом пиру похмелье» А. Островского на татарском языке и «Горе от ума» А. Грибоедова на русском. С руководством городского театра составили арендный договор. В газеты дали объявления на двух языках о том, что на 3 декабря 1905 года намечается театральное представление. Указаны были и названия планируемых к постановке пьес. Драма А. Островского давно была переведена самим Ашказарским. А сцены из «Горя от ума» должны были сыграть артисты русского театра и сам Ашказарский.

В те годы, по данным Ризы Фахрутдинова (книга «Ахмет-бай», 1911), четверть населения Оренбурга составляли мусульмане, в основном татары и башкиры. В городе проживали и достаточно просвещённые люди: общественно активные братья Рамиевы, из четырёх созывов Государственной думы в три из них избранный депутатом мурза, преподаватель медресе «Хусаиния» Гайса Еникиев; после завершения учёбы в вузах Турции вернувшиеся на родину преподаватели того же медресе писатель Фатих Карими; отец будущего композитора Джаудата Файзи — Харис Файзуллин; отец будущего юного комиссара, впоследствии ставшего писателем, Шамиля Усманова — Хайрулла Усманов; сын купца-миллионера Махмуда Хусаинова — Хусаин Хусаинов, в декабре того же года избранный председателем издательской компании «Хусаинов, Каримов»; из рода тех же Хусаиновых, держателей медресе «Хусаиния», — Газиз Хусаинов, также недавно избранный одним из руководителей губернского Благотворительного общества татар; активные местные писатели тех лет Шакир Мухаммедов, Ярулла Валиев, Тимерша Соловьёв-Саллави и другие.

Но после выхода газет с сообщениями о предстоящем татарском театре, группа религиозных деятелей посетила губернатора и потребовала запретить выступление молодых артистов. Таким образом спектакль, намеченный на 3 декабря 1905 года молодой труппой И. Кудашева-

Ашказарского, был сорван. Занимавшаяся регионоведческими поисками культурного наследия татар Оренбуржья Мадина Рахимкулова в 1970–1980-х годах сумела разыскать от жителей Оренбурга, любителей старины, несколько единиц билетов, проданных на это мероприятие и программу вечера с указанием исполнителей ролей, а также номера газет с приглашением посетить это зрелищное мероприятие. Также перед своей смертью жена И. Кудашева-Ашказарского, артистка Хадича Тагирова-Ханская оставила ей два альбома с некоторыми документами и многочисленными фотографиями мужа и организованного им театрального коллектива. Но некоторое время назад умерла и сама беспокойная искательница интересных следов прошлого из жизни оренбургских татар. В чьих руках сейчас собранные ею коллекции материалов, отражающих культурно-литературно-художественную жизнь горожан, — мне неизвестно.

Организаторы театра «Сайяр»

И после запрета постановки намеченного на начало декабря 1905 года спектакля группа молодёжи под руководством И. Кудашева-Ашказарского продолжила репетиции. Кроме пьесы А. Островского, переведённого на татарский язык самим Ильясбеком, и «Предложения» А. Чехова в переводе Ш. Мухамедьярова, они репетировали в это время и пьесы татарских писателей: «Мурад Салимов» Ф. Халиди, оренбургского автора Яруллы Валиева «Стыд, или Слезы» («Гөнаһ, яки Күз яше»). Сначала эти пьесы игрались на небольших площадках, где зрителями в основном была молодёжь. А потом при помощи местной общественности и Благотворительного общества добились разрешения на театральную постановку в Народном доме города Оренбурга. Это событие произошло 3 апреля 1907 года. На сцене исполнялись драма Ф. Халиди «Мурад Салимов» и водевиль А. Чехова «Предложение». Сначала в местных, а потом и в центральных газетах были опубликованы одобрительные статьи об этом спектакле. В театральном мире этот день считается первым официальным днём рождения театральной труппы «Сайяр». Правда, такое название эта труппа получила в том же году, но чуть позже, после успешных гастролей по городам Поволжья. Тогда в спектакле участвовали семь человек. Женские роли исполнялись

переодетыми мужчинами. Естественно, в афишах были указаны только их псевдонимы. Руководитель и режиссёр труппы Ильясбек Кудашев был там указан Ашказарским, Вали Муртазин — Иманским, Ахмет Ишмуратов стал Кулалаевым и т. д. Эти псевдонимы, наряду с настоящими именами, потом сохранились до конца их жизни.

В мае эта небольшая труппа начала свои гастроли по другим городам страны. Видимо, по желанию сотрудника газеты «Вақыт», автора пьесы «Стыд, или Слезы» Яруллы Валиева, они делают первую остановку в городе Бузулуке. Недавний выходец из этого уездного города, начинающий писатель Я. Валиев почему-то не сумел договориться с местным руководством, и намеченная постановка его пьесы здесь была сорвана. Потом они в конце мая с трудом, с помощью местной татарской общественности, получают разрешение на постановку перевода пьесы А. Островского в губернском городе Самаре. По данным Х. Махмудова, это событие было отмечено и на странице газеты «Голос Самары». Там написали, что «в субботу небольшой Театральный клуб был наполнен исключительно мусульманами, которые пришли сюда впервые послушать на родном языке театральное представление». Автор статьи особо отметил игру «развитого молодого человека с неоспоримыми сценическими данными» Ашказарского и «живость, естественность и непринуждённость» Иманского. И в будущем оба они на сцене останутся такими же любимцами публики, а Вали Муртазин-Иманский в десятых годах возглавит ещё и свою труппу «Ширкат» («Товарищество»).

И в Симбирске они, с трудом добываясь разрешения на постановку той же пьесы А. Островского, достигли хорошего успеха. И часть мусульман, ранее рвавшая афишы на улицах города, приняла их выступление с рукоплесканием. Также и местная газета «Волжские вести» не оставила их без внимания. Автор статьи отметил, что переводчик пьесы сконцентрировал полсотни лет назад написанную мысль А. Островского о насильственной женитьбе, так как эта мысль «имеет для татар важное значение и в настоящее время».

Затем эта небольшая труппа направляется в город Казань. В Казани в то время также собиралась небольшая группа, впоследствии названная «Молодёжной». Основу этой группы составляли те же вчерашние учащиеся

Казанской учительской школы и группы «Шимбә», состоящей из гимназисток и студентов города. После спектакля от 22 декабря 1906 года они усиленно готовились к предстоящим встречам с городской публикой. А с осени 1907 года, со дня открытия известного татарского «Шарык клубы» («Восточный клуб»), они стали чаще выступать перед городским населением. С этой группой активно сотрудничали Г. Камал, Г. Исхаки, один из организаторов кружка «Шимбә» писатель Ф. Амирхан, Г. Кулахметов, Габдурахман Давлетшин-Хусаинов, — также сокурсник Г. Исхаки по Учительской школе. В 1907–1908 годах эта группа удачно сыграла на различных городских клубах пьесы Г. Исхаки «Двое влюблённых» («Ике гашыйк») и «Взял и отдал» («Алдым-бирдем»), Г. Камала «Несчастный юноша» («Бәхетсез егет»), Яруллы Валиева «Стыд, или Слёзы», Д. Таждарова (сценическо-артистический псевдоним Г. Давлетшина-Хусаинова) «Молодая жена» («Яшь хатын»). Часть выше перечисленных авторов пьес и сами выступали в составе этой группы и имели свои сценические псевдонимы. Драматург Г. Кулахметов как актёр был известен под именем Ширгалиев, поэт и драматург Сагит Рамиев выступал от имени Сабуктагина, Гумер Терегулов был известен как Адамантов, А. Терегулова носила псевдоним Галиевой, одна из организаторов кружка «Шимбә» Р. Габитова была известна на сцене как Тарханова. Но эта группа свою более активную деятельность начала только к концу 1907 года. До приезда оренбургской труппы Ашказарского они ещё только изредка появлялись на публике на небольших, почти домашних площадках.

В Казани труппа Ашказарского выступила на сцене летнего сада «Аркадия». Играли тот же перевод пьесы А. Островского и миниатюру «Хирургия» А. Чехова. Эта миниатюра, хотя и была исполнена на русском языке, чёткость игры Ашказарского и второго выступающего также удовлетворяют городского зрителя. Как пишет Хануз Махмудов, это выступление труппы Ашказарского в Казани посмотрела и будущая знаменитая артистка Сахибжамал Волжская. После спектакля она сообщила молодым артистам труппы, что женские роли они исполняют не убедительно. И тогда Ильясбек Ашказарский и говорит ей: «Вступайте в нашу труппу, и этот вопрос будет решён!» И Сахибжамал обещает ему поговорить с родителями и посоветоваться с подругой Фатимой Ша-

гимардановой. А до этого они уже посещали мероприятия кружка «Шимбә», участвовали на их посиделках, так сказать, были частично заинтересованы театральной деятельностью. И в будущем они действительно станут первыми девушками-артистками татарской театральной труппы «Сайяр». Но это уже произойдёт чуть позже, в дни гастролей труппы в Нижнем Новгороде. И с того дня Сахибжамал Гиззатуллина станет артисткой с приставкой сценической имени Волжской.

После Казани труппа отправится в город Чистополь. Поставив здесь один спектакль, они опять возвращаются в Казань. А оттуда уже напрямик направляются в Нижний Новгород, где в те дни начиналась всемирно известная Макарьевская ярмарка. Как известно, большинство купцов-татар, где бы они ни проживали, обязательно старались участвовать на этой ярмарке. И на ярмарочной театральной площадке для них ежегодно устраивались различные концертные и цирковые представления. То есть посетители этих ярмарок уже заранее были готовы к зрелищным мероприятиям.

Именно по подсказке казанской общественности труппа Ашказарского стала именоваться «передвижной гастрوليрующей труппой», т. е. труппой «Сайяр». В воспоминаниях некоторых современников указывается даже имя Фатиха Амирхана, подсказавшего якобы первым такое название этой труппе.

В отличие от других городов, в Нижнем Новгороде их встречают особенно тепло. Губернатор сразу же дал им разрешение выступать на сцене городского парка. И сам лично присутствовал на одном из спектаклей. В тот день на сцене играли драму Яруллы Валиева «Стыд, или Слезы». Игра труппы была принята одобрительно губернатором и присутствовавшими местными журналистами. Удачным было и решение труппы пригласить местного артиста русского театра А. Левицкого для ознакомления зрителей перед началом спектаклей. После репетиций он же советовал делать кое-какие изменения в представляемых образах на сцене. В свой первый приезд труппа включила здесь в репертуар и новые пьесы: «Жизнь с тремя жёнами» Г. Исхаки, «Бедное дитя» Намык Кемаля (в переводе Г. Кэрама) и комедию молодого автора Хабибрахмана Забири «Указ бәласе» («Проблемный указ»).

В дни гастролей на Макарьевской ярмарке из Казани

приезжает Сахибжамал Гизатуллина и сразу же приступает к репетициям. В этот приезд она сыграла здесь женские роли в пьесах трёх авторов: А. Островского, Н. Кемаля и Г. Исхаки. И сразу же завоевала симпатию зрителей. Случайно оказавшемуся на Макарьевской ярмарке бывшему шакирду медресе города Уральска Габдулле Хайруллину тоже очень понравились выступления артистов. И его тоже приняли в труппу. Он удачно сыграл здесь роли татарских баев и мулл. А выступал он под псевдонимом Кариев. Да, первые удачи этого человека на сцене подарили зрителю своеобразного, талантливого артиста и будущего режиссёра Габдуллу Кариева.

В этом сезоне молодёжный коллектив «Сайяр» имел самый большой успех как национальная театральная труппа. Именно после выступления в Казани и Нижнем Новгороде популярность этой труппы стала известной всей стране. Спектакли, поставленные именно в дни Макарьевской ярмарки, дали такую прибыль, которую участники мероприятия вовсе не ожидали. Это событие имело большое значение для предстоящих гастролей. Похвальные рецензии об их выступлениях в дни ярмарки были напечатаны в местных газетах «Волгарь», «Нижегородский листок». Не осталась в стороне и казанская пресса. Особенно похвальная статья была тогда напечатана в газете «Йолдыз» («Звезда»). Автором этой статьи являлся будущий активный театальный критик Г. Кэрам.

Так триумфально завершила свой первый летний гастрольный сезон организованная шакирдами оренбургского медресе «Хусаиния» труппа под руководством своего учителя Ильясбека Кудашева. А в их успехе была и большая доля театрального кружка Казанской учительской школы, где Ашказарский был одним из активнейших участников и накопил там достаточный опыт как артист в русскоязычных спектаклях.

Осенний сезон труппа решила начать в городе Касимове, бывшей столице известного Касимовского ханства. Но, несмотря на то, что в городе жило достаточное количество татар, поездка в этот город оказалась не совсем удачной. Сначала им долго не выдавали разрешение на игры. Потом они два дня выступали в Городском манеже при малом количестве зрителей. А ставили они здесь «Стыд, или Слёзы» Я. Валиева и «Жалкое дитя» Н. Кемаля. Потом такие же трудности их ожидали и в Москве.

Да, бывшая столица России тогда новую национальную труппу приняла очень холодно. Почти месяц они добивались разрешения сыграть здесь два спектакля. Фактически состоялся только один спектакль, назначенный на 10 ноября, и сыграли они в этот день пьесу Г. Исхаки «Жизнь с тремя жёнами».

Видимо, в эти дни возникли и некоторые разногласия среди коллектива. Второй из намеченных спектаклей ими был сорван. Вскоре И. Кудашев-Ашказарский отошёл от руководства труппой, большинством на это место был предложен Габдулла Кариев. Он руководил труппой «Сайяр» до конца своей короткой жизни — до начала 1920 года. А Ильясбек после этого стал уделять больше внимания музыкально-драматической деятельности. В 1926 году ему, как режиссёру и актёру, дали звание Героя Труда. Умер он в 1942 году в своём родном городе Оренбурге. А Сахибжамал Волжская рассталась с любимым своим коллективом «Сайяр», организовав в мае 1912 года в городе Уфе свою труппу «Нур» («Сияние»). Эти коллективы до начала Гражданской войны много гастролировали почти по всей России. Но особенно их хорошо принимали в городах Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии.

* * *

В 1910-х годах, а особенно после установления советской власти, во многих городах образовывались свои стационарные или полустационарные театральные коллективы. В Оренбурге советская власть установилась в январе 1919 года. На основе передвижной труппы артистов драмы «Ширкат» (1915—1919) вскоре появился официально зарегистрированный Оренбургский стационарный татарский театр. Официально его оформил Исхак Мухамеджанович Альмашев, бывший артист труппы «Сайяр» и «Нур», в то время возглавлявший направление искусства в отделе образования Губернского исполнительного комитета. До назначения на работу в губисполком Исхак успел участвовать в Первой мировой и Гражданской войнах. А в 1920 году в Оренбург приехала большая группа выпускников Самарской театральной студии. Если бы здесь не было тогда крепкой базы и перспективы развития, их бы столько человек не прислали. Среди тех, кто был направлен с этих курсов в декабре 1920 года

на работу в Оренбургский театр, были такие в будущем видные деятели театра, как Тази Гиззат, Рифкат Файзи, Хусаин Уразиков, Асгат Мазитов. Правда, начавшийся голод 1921 года заставил некоторых из них после окончания зимнего сезона покинуть этот город. Тем же поездом уехавший из Оренбурга в Ташкент поэт Хади Такташ позднее вспоминал, что их, знавших друг друга лиц, набралось тогда почти целый вагон. И они, очутившись в Ташкенте, той же осенью открыли там при Доме приказчиков свой театр. В эти годы с ними близко общался классик узбекской драматургии Хамза Хакимзада Ниязи. В сообщениях узбекских литературоведов упоминаются и случаи их совместной деятельности. В это же время там оказался и Салих Сайдашев. Он тоже общался с Хамзой Ниязи, так писали в середине восьмидесятых годов в одном литературоведческом журнале Узбекистана.

Известно, что Тази Гиззат осенью 1922 года именно отсюда был приглашён в Казань — в Татарский академический театр.

С середины 1930-х годов Оренбургский театр стал передвижным, а с 1949 года его ввели в штат государственной филармонии в виде отдельной театральной единицы. Так театр просуществовал до периода перестроек в стране, а в 1989 году вновь получил статус самостоятельной организации, обрёл собственное здание. Сейчас этот театр носит имя Мирхайдара Файзи. В его репертуаре, кроме произведений татарских и башкирских драматургов, есть и произведения русских, а также и западных авторов.

Бывший одним из ведущих артистов труппы «Сайяр», а потом руководителем и режиссёром труппы «Ширкат» и Оренбургского татарского театра Вали Муртазин-Иманский в 1921 году был приглашён в бывшую то время столицу Башкирской автономии — в город Стерлитамак. Там на него была возложена задача создания Башкирского драматического театра. Так бывшие соратники И. Кудашева-Ашказарского, используя свой опыт, продолжали организовывать новые и новые театры на местах.

Мы видим, что стараниями любящей свою нацию интеллигенции Оренбурга в этом городе в течение ста лет непрерывно работали и драматический театр, и открывшаяся в 1906 году национальная библиотека. Эти две организации играют огромную роль в сохранении в данном регионе татарского языка, духовности. Они стали крепкой основой

для всех вновь организованных в восьмидесятых годах официальных национальных обществ. Кстати, и областная национальная библиотека, с 1925 года носящая имя Хусаина Ямашева, в 2006 году отметила столетие со дня своего основания. В первые годы после открытия она именовалась домом «Белек» («Знание»), в 1914–1925 годах носила имя Исмагила Гаспринского. До 1919 года эта библиотека содержалась за счёт средств Благотворительного общества татар. В это общество тогда вкладывали большие средства братья золотопромышленники Шакир и Закир Рамиевы, известные купцы, братья Хусаиновы и их наследники, и большинство добропорядочных граждан города.

Необходимо отметить также, что в одном из крупных уездных центров Оренбургской губернии — в городе Орске тоже действовала своя самостоятельная театральная группа, многие годы возглавляемая поэтом и драматургом Мирхайдаром Мустафовичем Файзуллиным.

Мирхайдар Файзи

В то время, когда группа учителей и шакирдов медресе «Хусаиния» грезил мечтами об организации театральных представлений на татарском языке, осенью 1906 года в это учебное заведение поступил Мирхайдар Файзи, душой тяготевший к искусству. Он был одним из молодых людей, которые постоянно читали публиковавшиеся в Казани, Оренбурге и других городах татарские газеты и художественные произведения, интересовались судьбой страны и мира. К тому же за четыре зимы, проведённые им в медресе города Орска, стал и сам пробовать писать. Кроме отдельных стихотворных строк и байтов, он до этого написал ещё и одноактное произведение для сцены под названием «Татарская свадьба». Его многочисленные тётушки и родственницы, которым он прочитал эту пьесу, были сильно впечатлены. Естественно, сразу же после поступления в медресе «Хусаиния», он старался быть ближе к шакирдам, собиравшимся вокруг учителя Ильяса Кудашева.

Мирхайдар родился 1 ноября 1891 года, был одиннадцатым ребёнком в семье. Так как был самым младшим, рос баловнем. Деревня Кукшелово, в которой они жили, расположена в пятидесяти километрах северо-западнее бывшего уездного центра города Орска. Эта маленькая деревушка из тридцати дворов у реки Губерли находилась

среди вершин-холмов Губерлинских гор, являющихся одним из ответвлений гор Уральских. Этот «хутор Кукшелово» лет тридцать тому назад был основан отцом будущего драматурга Мустафой для сотрудников пастбищных земель купцов Хусаиновых. Эти купцы, закупив за малую цену большие отары овец у степных казахов, пригоняли их сюда и откармливали на здешних пастбищах. Мустафа, сын муллы, родился в селе Шахмаево Чистопольского уезда (нынче входит в состав Новошешминского района Татарстана). В 1854 году, в девятнадцать лет, он приехал в город Орск и устроился к одному купцу помощником. Однажды баи Хусаиновы выкупили просторные земли-пастбища, чтобы откармливать стада привезённого из Казахстана скота. И понадобился управляющий, способный всё это содержать. Им предложили «сына муллы мишарина Мустафу». Он исполнял обязанности управляющего этими земельными владениями братьев Хусаиновых до 1905 года. Мустафа был человеком довольно образованным, несколько зим он проучился в Чистопольском медресе ишана Закира Камалова, а одну зиму — в Казани, в медресе Шигабутдина Марджани. Да, для своего времени был более-менее грамотным человеком. Со дня издания выписывал газету «Тарджеман». Его супруга Зайнап, родившаяся в современном селе Татарская Каргала рядом с Оренбургом, тоже была женщиной грамотной. (Упомяну, что лично участвовал в организации передачи в фонд рукописного отдела библиотеки Казанского университета толстой записной книжки Мустафы Файзуллина, в которой им были описаны события своей жизни. Там же составлено и «фамильное древо», уходящее к бекам-мурзам времён Казанского ханства.)

Как мы видим, Мирхайдар Файзи родился в достаточно образованной для своего времени семье. Он вырос здесь воспитанным юношей и внешне был очень красив, художав. «Всегда был аккуратно, опрятно одет. Имел терпеливый нрав, был скромным», — вспоминают о нём знавшие его близко люди. Он с детства объездил много мест, имел счастье общаться с различными интеллигентными людьми из разных сословий. Его старшую сестру Фатиму выдали замуж за просвещённого человека города Малмыж — Камала Музафарова. Впоследствии он был известнейшим человеком в тех краях, входящих в состав Татарской АССР с мая 1920 года. Сайтгарей Файзуллин,

один из старших братьев Мирхайдара, также получил образование в медресе Ишми-ишана в селе Тюнтер Малмыжского уезда. В 1901 году он женился на дочери ишана Фатиме. Писатель Рафик Шарафеев в одном своём объёмном очерке о музеях Балтасинского района пишет, что проживающие в этих краях родственники не знают, каким образом родные брат и сестра М. Файзи оказались в отдалённых от Орска на полторы тысячи километров местах — Малмыже, Балтасях, Тюнтере. Два сына муллы Саитгарея — Сагит и Икрам Файзуллины были известными в Татарстане журналистами. (Наверное, где-то в районе Малмыжа и Балтасей проживали и продолжатели рода Фатимы и Камала Музафаровых. Но их имена мне неизвестны.) Автор задаётся вопросом, почему Саитгарей «приехал в это религиозное медресе? Почему именно в Тюнтер?» (Казан утлары. — 1997. — № 4). Вероятно, на эти вопросы можно ответить только выяснив, с кем вместе учился, с кем дружил в медресе Чистополя и Казани отец этих детей Мустафа Файзуллин. Во всяком случае, полагаю, что в связи с ранее описанными событиями можно в какой-то степени объяснить его тесные связи с жителями Малмыжа Ятской губернии и самым авторитетным религиозным деятелем того региона Ишмухаметом Динмухаметовым (т. е. Ишми-ишаном). Вторая связующая нить дома Мустафы Файзуллина с людьми этого края, возможно, тянется к Шагимардан-хазрату Утяганову, содержавшему в конце XIX века в Оренбурге известное медресе. Этот уроженец села Тюнтер в 1880-х годах был мударрисом авторитетного в Оренбургской местности «медресе Дамеллы Шагимардан-хазрата». После присоединения своего учебного заведения в 1889 году к медресе «Хусаиния» долгие годы исполнял там обязанности заведующего учебным отделом. Третий контакт мог быть организован посредничеством Хакимова Шакира, приехавшего из Тюнтера и занимавшегося в Оренбурге торговлей. Со слов жителя этого села Рафгата Зарипова, Мухаметкамал Музафаров и тот самый «бай Хакимов» приходились родственниками.

* * *

Мирхайдар в первый раз вместе с отцом и матерью совершил путешествие в этот край в десятилетнем возрасте. Тогда они приезжали в современную окраину Республики

Татарстан для участия на свадьбе брата Саитгарея. Сначала они, проехав на повозке более трёхсот километров, доехали до Оренбурга. От Оренбурга до Самары путешествовали на поезде. Из Самары добирались сначала на большом пароходе по Волге и Каме до Чистополя, оттуда уже на малом пароходике по Вятке добирались до Малмыжа. Неудивительно, что мгновения этого путешествия отпечатались в памяти чувствительного, сообразительного десятилетнего ребёнка навечно. На ту свадьбу приехали из Оренбурга Махмут-бай Хусаинов с супругой и работавший в его конторе брат Файзуллы Махмутгарей тоже с супругой. Из Казани на этой свадьбе был и купец, фабрикант Габдурахман Ишмуратов с двумя жёнами. Также на свадьбе были и муллы из разных мест, почитавшие ишан-хазрата, его друзья и единомышленники.

На обратном пути Файзуллины сделали остановку в Чистополе, затем съездили в село Шахмаево, откуда был родом Мустафа. Позже Мирхайдар записал в дневнике, как красива природа в Шахмаево. Также он написал, что в центре этого села красуется двухэтажный дом из красного кирпича его деда Ахматжана. Но они остановились в другом доме, так как Мустафа недолго любил свою мачеху, вынудившую его отправиться в далёкое и почти незнакомое Оренбуржье. Они остановились в доме родной сестры Мустафы Губайда-абыстай. Из Чистополя приехали в Казань. Несколько дней гостили в доме Ахмет-бая Хусаинова на берегу озера Кабан. Гуляли по городу, осматривая мечети и базары. Однако, похоже, тогда ещё Мирхайдар не поднимался в верхнюю часть города, к университету, гимназии. Наверно, Мустафа не разрешал тогда своему мальчику хождение «на крещёную русскую сторону».

Летом 1906 года Файзуллины вновь побывали в Казани, Малмыже и селе Шуда, где Саитгарей должен был стать муллой. Так как уже имелась только что отстроенная железная дорога между Оренбургом и Ташкентом (она была запущена в конце 1905 года), путешествие семьи Мирхайдара немного изменилось. Сначала они направились на повозке в город Актюбинск, расположенный в ста сорока километрах от Орска. В пути ознакомились и с укладом жизни казахского народа. Оттуда на поезде прибыли в Оренбург. (Отмечу, что идея написанной в будущем драмы «Асылъяр» («Прекрасная») зародилась как раз в связи с этой дорогой Орск — Актобе.)

Конечно, подобные путешествия, близкое общение с людьми разного уровня, разного нрава расширили горизонты юношеского сознания Мирхайдара, развили способность писателя мастерски описывать персонажей с различными характерами в своих будущих произведениях.

Во время учёбы в Оренбурге он жил у своего брата Махмутгарея и тётки Фарихи, в их доме. И после уроков много читал, писал. Предлагал свои стихи-баиты, статьи-сообщения в газеты-журналы. Некоторые из них были опубликованы в издаваемом Тимуршой Соловьёвым журнале «Чүкеч» («Молот») и в издаваемой в Казани газете «Аль-Ислах», а также и в других изданиях. В те дни он записал в дневнике: «Учителя здесь не похожи на бессердечных надзоров... Меня очень быстро вовлекло в эту новую жизнь. В голове царят новые мысли, новые мечты. Я помешался на мыслях стать поэтом, артистом, музыкантом».

* * *

Но Мирхайдару не суждено было учиться в медресе «Хусаиния» долгое время. Из-за того, что много читал, писал по вечерам, не поднимая головы, его здоровье было подорвано. Весной 1907 года врач объявил, что у него врождённый порок сердца. Посоветовал жить в сельской местности, оберегая себя от сердечных приступов, не расходуя физическую силу. В то время, когда учитель Ильяс Кудашев собирался поставить первый общегородской публичный спектакль, в конце марта, Мирхайдару пришлось покинуть Оренбург. Он приехал в семью брата, проживавшего в деревне Юнаево, недалеко от Орска. В то время его родители уже переехали из деревни в собственный двухэтажный дом, построенный на одной из центральных улиц Орска. Какое-то время Мирхайдар почти не общался со сверстниками. Жизнь, омрачившаяся из-за болезни, не скоро стала светлей и после возвращения зимой в город, потому что почти все знакомые вокруг твердили: «С пороком сердца долго не живут». Эти слова подстерегали его всю жизнь и обрекли прожить холостяком.

А в это время молодёжь Орска бурлит, горит желанием поставить театр. Взяться за это дело их уговорил приехавший погостить из Казани земляк Шакир Мухамедьяров. «Давайте, — говорит, — парни, откроем в городе татарский театр». Но сплотившаяся вокруг него первая

группа ограничилась обсуждениями во время уединённых посиделок. Да и Шакир не смог снова приехать в город в скором времени. Как активному члену возглавляемой Гаязом Исхаки партии «Таңчи», ему пришлось осенью того же года покинуть Казань надолго. С целью осуществления своей мечты об учёбе в университете он обосновался в очень далёком от Орска Санкт-Петербурге. В родном же городе остались только его сподвижники — успевшие пристраститься к театральным представлениям молодые люди Габдулла Мангутов, Ахматгали Багданов, Магсум Шамсутдинов, трое братьев Губайдуллиных. Только после возвращения в город Мирхайдара эта группа оживилась, активизировалась.

В 1907 году просвещённые и состоятельные люди Орска объединились в Благотворительное общество, добились открытия в городе книжного магазина под названием «Восточная библиотека». В его читальную комнату выписывались газеты и журналы, издававшиеся на татарском, русском и турецком языках. Там их мог почитать любой желающий. Сама «Восточная библиотека» тоже издала несколько современных книг, заказав их в типографиях Оренбурга и Казани. (К примеру, книговеды заявляют, что роман Г. Ибрагимова «Молодые сердца» был напечатан в Казани по заказу этого товарищества.) На средства данного товарищества увидел свет и первый сборник стихов Мирхайдара. В этот «читальный дом», расположенный ближе к Форштадтской слободе, вскоре с огромным удовольствием стал ходить и Мирхайдар Файзи. В 1911 году Благотворительное общество выкупило просторное здание в центре города, чтобы открыть там самостоятельную библиотеку. Та национальная библиотека, расположенная на углу улицы, где жили Файзуллины, прослужила горожанам до 1962 года. В период советской власти носила имя Муллаура Вахитова. И эта библиотека в годы открытия становится вторым домом для Мирхайдара Файзи.

В уездную столицу Орск, находившуюся на границе между Сибирью и вольными казахскими землями, иногда заезжали русские театральные труппы. А учителя гимназии и городская молодёжь сами иногда ставили спектакли. (В них впервые попробовала себя в роли артистки другая наша землячка, известная писательница периода СССР Лидия Сайфуллина. Со стороны отца Ахмета она также связана с Чистопольским уездом.) Мирхайдар тоже хо-

дил иногда вместе с товарищами на эти спектакли. И вот после одного такого представления, зимой 1909 года он написал пьесу «Ике Хэсән» («Два Хасана»). Пьеса была встречена сверстниками с одобрением. Эта пьеса стала толчком к окончательному сплочению молодёжи, мечтающей поставить театральное представление в городе. Как позже рассказывал Магсум-ага Шамсутдинов, стоявший в первых рядах тех самых молодых людей, пьесу «Два Хасана» сыграли несколько раз на посиделках для своих сверстников, однако им не было разрешено выходить на сцену к широкой публике.

В 1908–1911 годах М. Файзи сочинил довольно много стихов. Как образец, ориентир выбирал чаще всего поэзию Тукая. В эти годы стихи Мирхайдара охотно печатали газеты-журналы, издававшиеся в Казани, Астрахани, Троицке. В 1912 году в Казани его стихи были представлены на суд читателя в виде книги. В тот же период выполнил он перевод пьесы Клавдии Лукашевич «Среди цветов», и этот перевод напечатала казанская книжная фирма «Сабах». Пьеса стала первым произведением, прославившим Мирхайдара Файзи среди театралов. В те годы пьесу «Среди цветов» ставили многие любительские театры. В дневнике писателя указаны названия городов и городков, где было инсценировано это произведение.

1911 год считается годом полного расцвета многогранного творчества Мирхайдара Файзи. Летом того года в Орск прибыла труппа «Сайяр». Они привлекли наиболее подготовленную молодёжь к своим представлениям. В двух из поставленных ими трёх спектаклей участвовал и Мирхайдар. Об этом событии он написал в дневнике следующие слова: «Хотя в истории Орска татарский спектакль первой сыграла труппа «Сайяр», всё же сказать первое слово со сцены было суждено мне. Первым на сцену ступил я в роли Махи из драмы “Стыд, или Слезы”», — писал он об этом. Немного раньше отмечал он на страницах дневника: «Ещё зимой принялись за репетиции в надежде поставить спектакль. Собираемся в доме то одного, то другого друга и репетируем». Но по каким-то причинам тогда они не смогли выйти на большую сцену. Вероятно, запоздало губернаторское разрешение на постановку спектакля. А вот почти сразу после отъезда труппы «Сайяр», в течение двух-трёх месяцев были проведены три больших театральных вечера. 9 августа 1911 года на

большой сцене были поставлены пьесы «Югалган хатын» («Потерявшаяся женщина»), «Түләшү» («Плата»), 11 сентября — «Бүләк өчен» («За подарок»), «Кияү эзләү» («Поиски жениха»), «Кызлар шулай кызык итэләр» («Девчата так шутят»), некоторые из этих пьес написаны были автором дневника. А 10 декабря сыграли «Яшь хатын» («Молодая жена») Дж. Таждарова. В их инсценировке участвовали тринадцать ребят: братья Губайдуллины, Габдулла Хасанов, Гариф Галиакберов и другие.

Мирхайдар в каждой из этих пьес исполнял женские роли. (Начиная с афиши «Сайяр», за ним закрепился сценический псевдоним — М. Мирфанская.) После этих событий молодёжь Орска принялась ставить по четыре-пять спектаклей каждый год. Большую часть прибыли от спектаклей передавали в Благотворительное общество. К первой труппе «артистов» присоединились скоро и два старших брата будущего народного артиста Хакима Салимжанова и артист Мифтах Апсаламов, который потом будет играть на сцене главного театра Казани и одним из первых из татарской театральной общестственности получит звание Героя Труда. После того как в 1918 году в городе была установлена советская власть, труппа была существенно расширена, на неё возложили новые задачи, и она стала называться «Организацией тюрко-татарской молодёжи». Первым большим делом «Тюрко-татарской молодёжи» стала новая постановка пьесы «Галиябану» М. Файзи. А первоначальная постановка этой драмы была осуществлена в марте 1917 года в городе Оренбурге коллективом «Ширкат». А вторая — с участием самого автора — осуществилась в декабре того же года в Орске, где главную партию — партию Галиябану сыграла тогда будущая народная артистка Башкирской АССР Магибадар Юсупова.

В 1911 году Мирхайдар Файзи закончил комедию «Яшьләр алдатмыйлар» («Молодёжь не даст обмануть себя»), которая очень быстро стала популярной и была поставлена многими театральными коллективами. В том же году он в соавторстве со своим коллегой из труппы и единомышленником Габдуллой Аминовым написал комедию «Бизәнү» («Прихорашивание»). Скорое издание пьесы «Молодёжь не даст обмануть себя» в виде книги и её инсценировка труппой «Сайяр» прибавили Мирхайдару Файзи творческого вдохновения.

В 1913 году в Казани была опубликована вторая книга его стихов — «Яшь күнел» («Молодость души»). Той же зимой закончил он в Орске несколько драматических произведений. Из них драма «Кызганыч» («Жалко») в следующем, 1914 году была издана в Казани отдельной книгой. Драму «Тәкъдирнең шаяруы» («Шутка судьбы») также написал в Орске, а в летние месяцы в деревне Юнаево дописал одноактную шутовскую пьесу «Авыл бәйрәме» («Сельский праздник»). Все три произведения в те же годы ставились разными коллективами в разных местах. В 1921 году автор доработал «Сельский праздник» до двух актов и сам первым поставил на сцене вместе с молодёжью деревни Юлук. (Эта пьеса была издана в Казани в 1924 году.) Все написанные в эти годы Мирхайдаром Файзи пьесы один за другим ставились на сценах многих городов различными театральными коллективами.

Но всё же созданное Мирхайдаром Файзи и ставшее величайшим наследием татарского народа произведение — музыкальная драма «Галиябану». Эту драму очень любили ставить и театры братских народов. Произведение в течение десятков лет осталось не тускнеющей жемчужиной татарской сцены. В своё время драму с большим желанием и любовью ставили почти все сельские самодеятельные театры. Впрочем, наверное, и среди театров, работавших на территории бывшего СССР на тюркских языках, сложно найти тех, кто не ставил бы «Галиябану» на своей сцене. Это произведение и по сей день популярно среди зрителей. Недавно и театр имени Г. Камала вновь приступил к репетициям всенародно любимого произведения великого нашего драматурга.

* * *

Мирхайдар Файзи в летние месяцы предпочитал жить в деревне, как и советовал ему оренбургский врач. Он считал сельскую молодёжь более искренней, простой в общении между собой, как и он сам. В его дневниках много записей, подтверждающих эту мысль. С тех пор как они переехали жить в город, он проводил лето в деревне, расположенном в километрах тридцати от города. Юнаево, как и его родной хутор Кукшелово, приютилось в объятиях Губерлинских холмов с крутыми склонами и плоскими вершинами. В лощинах, где гора встречается с горой, по-

падают и рожицы из растущих в ряд осин или берёз. Деревня невелика. Здесь живут, промышляя хлебопашеством, родные братья Мирхайдара — Ахметгарей, Мухаметгарей, Шакирзян. В этой же деревне вместе с ними проживают сводные братишки деда Мустафы, рождённые от другой матери. Они носили фамилию Ахметзяновы, от имени деда Ахметзяна. В конце двадцатых годов они, часть Файзуллиных и Ахметзяновых, как бывшие кулаки окажутся на строительстве будущего города Магнитогорска. Большинство остальных жителей Юнаева были выходцами из села Дюрткуль, занимавшего довольно большую площадь на противоположном берегу Губерли. У гор здесь валялись огромные каменные валуны. Часто случалось так, что Мирхайдар, поднявшись на пригорок и сев на такие плоские плиты, читал или писал что-либо. С вершины холма, как на ладони, было видно всё происходящее в обеих деревнях. Временами, сидя на камне на вершине горы или работая на покосе у подножия горы, Мирхайдар воодушевлялся и запевал какую-либо протяжную песню. «Его своеобразное, очень красивое пение иногда раздавалось над обеими деревнями», — вспоминала живущая в Дюрткуле Закия-апа Файзуллина. Ещё он душевно, лирично, очень увлечённо играл народные мелодии на мандолине. Мирхайдар позже записал в дневнике, что он помнит и исполнил более пятидесяти мелодий и песен, упомянул и названия.

Вот записи о сценах свадьбы, состоявшейся в Юнаеве в декабре 1913 года. Писатель участвовал на этой свадьбе активиста драмкружка Гарифа Галиакберова в качестве друга жениха. «У (дома) невесты собрались парни из Юнаева и Дюрткуля. Гостей встречали играя на гармонии и распевая песни. Угощения были изобильные: гусятина полными чашами и другие вкуснятины. Потом начались игры, песни, пляски. Совсем молодые юноши поют удивительно красивыми голосами. Затем один за другим пускаются в зажигательный пляс. О Всевышний, оказывается, ты всю красоту излил только на село... Песни восемнадцатилетнего парня из Дюрткуля по имени Хасан Зуфаров пронзили мне сердце, оказали очень сильное впечатление. Если уж у народа, у которого есть такие парни с чистыми, красивыми голосами, не будет счастья...»

Читатель вскоре поймёт, почему приведён такой длинный отрывок из дневника. Мы приближаемся к тому времени, когда в душе автора зародилась идея музыкаль-

ной драмы «Галиябану» — высокого творческого шедевра Мирхайдара Файзи, по сей день не сходящего со сцены. В промежутке 1913—1916 годов Мирхайдар часто участвовал на вечеринках молодёжи Юнаева и Дюрткуля. Отмечал, что на вечерних играх молодые держатся на равных, достойно. Постоянно записывал в дневнике своё восхищение тем, что эти молодые люди могут петь без всяких уговоров, резво пуститься в пляс, притопывая. сетовал, что городская молодёжь иная, не могут они вести себя так искренно и свободно. Отмечал, что никогда не оставляет свою мандолину, когда едет в деревню.

Вот запись от 12 июля 1914 года: «Мамяшевы устроили для молодёжи большое застолье. Пришло довольно много парней и девушек из Дюрткуля, в том числе и Хасан. Гатиятулла, Хаким — искусные гармонисты, Хасан, Шагидулла, Хаким — славные певцы, Хамкай, Лукман, Фатхулла — замечательные танцоры... Лихо сыплем!» Но такие весёлые вечера продолжались недолго. Начавшаяся в августе того же года Первая мировая война уничтожит или покалечит многих из этих молодых людей. Вскоре и певец Хасан попадёт туда вместе с друзьями. Мирхайдар сам провозжал до города отбывающего на фронт Хасана на своей лошади. Потом долгое время не мог забыть его последние песни, полные грусти и горькой печали. После получения известия о смерти Хасана в госпитале он очень терзался. Вот запись в дневнике от 28 октября 1916 года: «Я застонал, услышав о смерти в лазарете Хасана, который был так близок моему сердцу. О друг, пусть твоя лиричная душа вечно пребывает в прекрасном!.. Душевный друг мой, ты умер, наверно, в мучениях и от того, что больше не увидишь родной земли! Твоя смерть духовно мучает меня... Твои красивые движения, твой прекрасный голос певца будут бережно храниться в моей душе, мой брат! Я был знаком с тобой два года. Мы виделись двадцать раз. Были приятные прогулки, весёлые посиделки. Всё ушло, ты умер, прощай!» У писателя есть и стихотворение, названное «Певцу Хасану». Одна его часть заканчивается следующим двустишием:

Я люблю свой народ, ты же — золото народа,
Пламя твоей молодой души рвётся наружу вместе с мелодией.

(Подстр. пер.)

Мирхайдар Файзи именно той осенью приступает к написанию своей пьесы, первоначально названной им «Сагадатбану». По рекомендации режиссёра Вали Муртазина-Иманского он потом изменит название пьесы на «Галиябану». В образе главного героя этой пьесы Халиля просматривается и трагическая судьба искусного певца Хасана из Дюрткуля. (Ещё хочется упомянуть, что исполнительница роли Галиябану в декабре 1917 года на орской сцене, будущая известная артистка Бадар Юсупова тоже была родом из Дюрткуля. Сейчас официально это село называется «Гайнуллино».)

В 1914–1915 годах отдельные стихи Мирхайдара были опубликованы в печати. И ещё один перевод пьесы К. Лукашевич увидел свет под названием «Трубочист» в журнале «Ак юл» («Светлый путь»). За эти два года молодёжь Орска семь раз ставила спектакли. Больше всего радовало Мирхайдара то, что, наконец, на сцене появилась молодая артистка. До этого женские роли исполнялись юношами, а чаще всего самим Мирхайдаром. В 1915 году он пишет в дневнике: «Три раза играли спектакль. Камиля-туташ Гумерова стала первой героиней из числа девушек в сценической истории Орска». А перед этим описывается встреча-знакомство с искусным гармонистом Вафой Адгамовым. Они встретились тем же летом в Юнаеве. «2 августа. Встреча с юлукскими рекрутами. Они были у нас по пути в город. Один из них, по имени Вафа, завоевал искреннюю дружбу моей души своей удивительно красивой и приятной игрой на гармонии...» А возвратясь из города, эти ребята опять останавливаются в Юнаеве. «Снова была посиделка с Вафой. В Орске их мобилизацию отсрочили на год. Исполненные Вафой красивые мелодии породили в моей душе красивые типы, красивые мысли», — написал Мирхайдар, вспоминая после эту встречу. После знакомства с искусным гармонистом Вафой, мне кажется, в образ будущего сценического героя Халиля добавляются ещё дополнительные штрихи.

Вспомним ещё об одном событии, глубоко потрясшем его душу в годы той войны. Во время одной из вечерних посиделок в Дюрткуле молодой человек, вернувшийся с войны покалеченным, спел душераздирающую песню вроде байта — песню «Сагадатбану», посвящённую трагичной, неразделённой любви. Послушав эту песню, Мирхайдар был потрясён. Он запомнил песню и после стал петь её в

моменты душевной грусти. Именно об одном таком случае он пишет в дневнике. Летом 1916 года сидел он в городском саду города Малмыж, с грустью, вполголоса пел песни «Джамия», «Сагадатбану». На его душе почему-то было грустно. Воспоминания в связи с этой песней упоминаются и в записках племянника Мирхайдара, сына Саитгарея — Сагит-ага Файзуллина, известного журналиста. Он находился тогда рядом с дядей. По воспоминаниям родственников, в особо грустные моменты и в других случаях чаще всего напевал он мелодии этой песни. И естественно появление этой песни как название одной из грустных пьес драматурга, начатой в том же году.

Путешествия и путевые заметки Файзи

Познакомимся поближе с селом Юлук, расположенным от Орска в ста сорока километрах, откуда приезжал гармонист Вафа. Это село находилось на дальней окраине Орского уезда. Как отмечал писатель в своём дневнике, территория Орского уезда тогда была равна землям-владениям среднего Европейского государства, а по российским меркам была больше площади Курской губернии. И вот в феврале 1919 года, после долгой болезни Мирхайдара, новое советское руководство уезда решило направить его в село Юлук заведующим библиотекой. Это почти родовое село известных общественных деятелей и золотопромышленников Оренбургской губернии — Рамиевых. Они же являются и крупными издателями этого края, в Оренбурге издавали популярную среди населения газету «Вақыт» («Время») и журнал «Шура» («Совет»), в своей типографии выпускали художественную литературу и учебники. В то время ещё живой Закир Рамиев был известным поэтом и подписывался псевдонимом Дэрдменд. Мирхайдар Файзи хорошо знал об их делах. А в Юлуке при содействии этих Рамиевых когда-то была открыта общественная библиотека. И заведовала этой библиотекой семья муэдзина мечети, построенной Рамиевыми. Семье муэдзина они доплачивали за содержание библиотеки. С целью сохранить эту библиотеку и направлялся Мирхайдар Файзи в село Юлук, потому что в уездный центр дошли сведения, что народ начал растаскивать имущество баев Рамиевых.

С этого времени основным местом работы М. Файзи будет библиотека. Да, он около восьми лет проработал

в рабочих библиотеках в местах добычи и переработки золота, таких как Юлук, Баймак и Темясево. При нём на одном из клочков территории бывшего уезда образуется Баймакский район, но уже входящий в Башкирскую автономную республику. Правда, одну из холодных зим — зиму 1924 года — он провёл, замерзая, в Казани, являясь заведующим отделением детской литературы Центральной восточной библиотеки. (Наверное, именно в эту зиму в его душе и зародилась мысль написать новое произведение на основе поэмы Г. Тукая «Шурале». На фактах, подтверждающих это предположение, остановимся дальше.) Да, Казань притягивала его к себе давно. Но поездка в том году в Казань оказалась не совсем удачной. Признаки начавшейся лёгочной болезни опять вернули его на родину — в кумысный край.

В некоторых довольно серьёзных трудах рассказывает, что Мирхайдар Файзи ещё в десятых годах объездил сёла Башкирской стороны, скажем, побывал в очень отдалённых от Орска деревнях Бура, Балтачево, где будто бы собирал образцы народного творчества. Другие пытаются его раньше времени, ещё с десятых годов, показать работающим библиотекарем. Ещё раз необходимо отметить, что в дневниках автора не зафиксированы подобные путешествия или случаи работы его библиотекарем в те годы. В первом примере, вероятно, авторы пытались связать со своим регионом путешествия писателя в сёла, когда-то входящие в Малмыжский уезд. Сёла Балтасы, Тюнтер, Шуда, куда он раньше часто ездил, и сегодня граничат с вятской землёй. А библиотекарем он стал, как уже было сказано ранее, только с февраля 1919 года. Да и тогда он взялся за эту работу случайно. Длительный и самый тяжёлый период Гражданской войны в окрестностях Уральских гор и реки Урал пришёлся на середину 1918 — начало 1919 года. После этих длительных боёв-сражений в этой местности распространились такие болезни, как холера, тиф. Эти болезни в основном появляются тогда, когда трупы людей и животных вовремя не преданы земле. Они подстерегают каждого, независимо, богат ты или беден. Поздней осенью 1918 года и Мирхайдар болел более месяца. И одна девушка из самого богатого рода города, из семьи купца второй гильдии Бурнаева, тоже не избежала трагической участи. Гульсира Бурнаева, с которой Мирхайдар обменивался письмами и фотографиями,

встречался и ухаживал за ней, в начале ноября скончалась от холеры. После всех этих событий родственники задумались о том, чтобы отправить Мирхайдара подальше от города, охваченного смертельными болезнями. И он получил направление в село Юлук, расположенное между склонами высоких гор Иряндык. Эти места упоминаются в башкирских народных песнях. Ландшафт здесь отличный. К югу от Юлука течёт воспетая в песнях река Сакмар. Для восстановления расшатанного здоровья лучшего места не сыскать.

Да, Мирхайдар Файзи после обнаружения у него болезни сердца особо себя не жалел. Зимой он большую часть дня проводил за прилавками магазинов братьев, исполняя чаще обязанности кассира. А потом всё остальное свободное время использовал для творчества и организации театрального кружка. Как советовали родственники, для восстановления здоровья ему нужен был покой. Но до этого дня, до задуманной поездки в Юлук в феврале 1919 года он не мог оторваться от главного своего увлечения — от театра.

Летом 1916 года в Орск приезжали артисты театра «Нур». Руководитель театра Сахибжамал Гизатуллина и Мирхайдар Файзи были знакомы ещё со времён первого путешествия труппы «Сайяр» в их город. И в этот раз он исполнил вместе с ними несколько ролей на сцене. Но не успев распрощаться с артистами, вынужден был собраться в дальний путь — в Малмыж.

Из далёкого Малмыжа было получено тревожное известие: оказывается, его сестра Фатима в очень тяжёлом состоянии. Надо было отправляться в хлопотное, длительное путешествие. Они с пятнадцатилетним Сагитом — сыном брата Саитгарея, приехавшим в гости в Орск, отправились в путь утром 7 июля. (Сагит Гареевич Файзуллин долгие годы работал в Татарском книжном издательстве редактором, переводчиком. Он же составил изданный в 1957 году двухтомник М. Файзи и передал в фонд Казанского университета основное письменное наследие писателя.) Благополучно добравшись до Малмыжа и прожив там неделю, они с Сагитом выехали в село Шуда, где жил его брат, мулла Саитгарей. (Это село сейчас относится к Балтасинскому району Татарстана.) В дневнике писателя довольно много страниц посвящено описанию пейзажей в окрестностях села Шуда, традиций сельских жителей

этих мест. Их читаешь запоем, словно это не страницы дневника, а настоящее литературное произведение. «Даже манера одеваться у людей здесь, можно сказать, прямо противоположная тому, что у нас. Здесь и у женщин на ногах лапти и длинные шерстяные чулки. Большинство женщин одеты в красные платья. На талиях девушек красивые передники. Девушки очень наряжаются, когда идут с поля... То, как они проходят — с блестящими серпами в руках, крепко ступая мелкими шажками, — можно считать самым красивым зрелищем в деревне», — пишет он. Рядом с этими словами есть и такие строки: «В здешних татарских сёлах пока не получили распространения хлебоуборочные машины, хлеба жнут вручную. Всё поле бывает усеяно тётушками в красных платках».

Но больше всего в этом селе Мирхайдару пришлось по душе, что молодые собирались пообщаться у родника, устраивали там же, на лугу, вечерние игры. Несмотря на то, что он уже был старше их, но оставался молод душой, любил негромко петь и играть на мандолине, и тоже присоединялся к их играм. Даже смог стать другом, хранителем тайн девушек гораздо моложе себя... Особенно памятен приезд Мирхайдара в Шуду в 1923 году. У него сложились очень близкие отношения с соседской красавицей Гилембану, которой было около семнадцати-восемнадцати лет. И он стал её сердечным другом. Позабыв, что ему уже за тридцать, он влюбился в эту девушку. «Дни в Шуде проходят очень весело. Особенно красивый вид у воды совсем меня околдовал... Гилембану стала венцом моих дней в Шуде. Каждый разговор при встрече с ней кажется приятнее тысяч удовольствий...» Узнав, что у девушки уже есть любимый парень, Мирхайдар даже какое-то время хранил в сердце месть к нему. «Когда вспоминаю имя Гилембану — радуюсь, когда вспоминаю об Ибрае — огорчаюсь», — написал он тогда в дневнике. Лишь поняв, что горит в огне любви и не может ничего с этим поделать, он решил быстрее уехать из села. Вздыхая пишет: «Сам уезжаю, сердце остаётся... Прощай, Шуда, прощай». Но и после отъезда из этого села его сердце не скоро успокоилось. Гилембану и любивший её парень-мельник не забывались. Щепотку своих чувств к этой девушке он отразил в написанных после отъезда из Шуды рассказе «Сарвиназ» и стихотворении «Рядом с возлюбленной Ибрая»:

На берегу Сабир, Габдулла и я,
Под нами девушки воду набирают;
Как только с алыми ведрами, мелко ступая,
Приходит Гилембану, этот «ребёнок»,
Радуется, словно перед ним стоит счастье,
Возносящее его на небеса, —

(Подстр. пер.)

пишет он о себе.

В последней строфе стихотворения есть намёк и на то, что влюблённый в девушку и собиравшийся на ней жениться Ибрай приходился другом автору стихотворения:

Убери руки, не заставляй ревновать её парня,
Не бери душу молодому Ибраю!
Не разрушай невольно дружбу,
Не замарай красоту зрелища у воды!

А в рассказе «Сарвиназ» тот же самый любовный треугольник представлен немного по-другому.

У Мирхайдара Файзи также довольно много стихов, записанных в дневниках и альбомах родственников и друзей, в направленных друзьям и родственникам письмах и на обороте отдельных фотографий. В семидесятых годах была предпринята попытка собрать какую-то часть этих записей мною, а другую часть — сотрудниками музея города Орска. В этом деле особенно успешными были поиски Татьяны Черкасс (некоторые её письма хранятся у меня). И редактором газеты «Орский рабочий» Михаилом Секретом были произведены успешные поиски. Он хранил у себя некоторые письма и редкие фотографии М. Файзи, опубликовал в своей и областных газетах статьи о результатах своих поисков. М. Секрет мечтал написать про М. Файзи документальную повесть на русском языке, даже публиковал небольшие отрывки из своего произведения в редактируемой им газете. И в тех стихотворных памятных надписях Мирхайдара сохранилась пара куплетов, связанных со случившимися событиями в Шуде. К примеру, в альбоме сына брата, будущего инженера Искандера он написал следующие слова:

Играли лишь вдвоём;
Ушла припозднившись,
Набрав воды.
Подарила платок.
С коромыслом на плече,
Приласканная своим парнем,

Ушла, пожелав здоровья;
Я пел песню ей вслед
И махал платком,
Вышитым душенькой моей!

(Подстр. пер.)

О том, что такое свидание с Гилембану у родника состоялось, отмечено и в альбоме Искандера: «В действительности на месте «сельской девушки» была Гилембану. Я записал в твой альбом очень дорогое для меня воспоминание. Твой дядя Мирхайдар Файзи. 1924, 2 сентября, Юнаево».

В селе Шуда, в бывшем доме муллы Саитгарея сейчас работает музей, посвящённый жизни и творчеству Мирхайдара Файзи. Он был открыт стараниями правительства Татарстана и руководства Балтасинского района в 1991 году, в дни 100-летия со дня рождения писателя. Там уделено внимание и лунолицой, черноволосой Гилембану — горячо любимой Мирхайдаром, бывшей его последней любовью, и Ибраю, вынудившему уже взрослому писателю метаться между двух огней.

Основные персонажи главного труда драматурга

После одной из поездок в Малмыж и Шуду Мирхайдар заявил в дневнике, что задумал написать новое произведение. Вот его запись в дневнике от 8 октября 1916 года: «Объездил сёла на Казанской стороне. Родилась мысль написать пьесу под названием «Сагадатбану», используя увиденные в сёлах этого края красивые моменты. Все дни сейчас будут посвящены этому делу». А спустя лишь несколько страниц после этих строк записаны полные горя и печали слова, связанные с известием о смерти «в лазарете» любимого им певца из Дюрткуля Хасана. Из записей в дневнике ясно, что при создании образов героев будущей пьесы Халиля, Исмагиля, Галиябану автор представлял не только жизнь и обычаи молодёжи села Шуда, но и взаимоотношения молодых людей из Юнаева и Дюрткуля. Основой для образа Халиля стал не только Юлукский искусный гармонист и певец Вафа Адгамов, как пишут авторы некоторых трудов. За Халилем, который будет застрелен на сцене, скрывается и трагическая судьба певца Хасана. Также прослеживается и прототип образа Исмагиля — это отражение

событий из села Шуда 1916 года. И образ Галиябану тоже не просто копия какой-то мифической Сагадатбану. В этом образе можно увидеть и отражения сельских девушек из Шуды, Юнаева и Дюрткуля, а также и намёк на судьбу Камиля-туташ Гумеровой, с «идеальной внешностью», блиставшей одну зиму на сцене города Орска. (Камилю как раз примерно в это время выдали замуж за нелюбимого человека, намного старше её.) Касательно первого названия пьесы с некоторыми тоже хочется поспорить. Если перевести значение имени Сагадатбану с арабо-персидского языка — получится Счастливая Бану. А счастлива ли девушка, олицетворённая в пьесе? Нет, конечно. Девушка, на глазах у которой застрелили любимого, никак не может быть счастливой. Мне кажется, что, приступая к написанию этой пьесы, Мирхайдар Файзи собирался создать образ счастливой девушки. Но когда заканчивал пьесу, он поменял её судьбу. А вначале, возможно, на выбор названия повлияло произведение его кумира Галимджана Ибрагимова «Сёю — сәгадәт» («Любовь — это счастье»). Мирхайдар тоже под положительным воздействием взаимоотношений сельской молодёжи, искренней любви между ними сел писать это своё произведение. (Не будем забывать и том, что после прочтения романа Г. Ибрагимова «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца») впечатлённый Мирхайдар срочно написал статью сразу же после выхода романа и опубликовал её в астраханской газете «Идель» в том же 1912 году.)

В последние годы в татарской и башкирской печати (особенно у соседей в Башкортостане) было высказано и написано довольно много ошибочных суждений относительно времени написания произведения «Галиябану» и о том, на почве каких событий оно было создано. Якобы эта пьеса была написана в селе Юлук, в связи с событиями в Юлуке. (Как уже упоминалось ранее, Мирхайдар был направлен на работу в Юлук только в начале 1919 года. В Юлуке он в 1921 году написал драму, по названию подходящую тому времени, — «Кызыл йолдыз» («Красная звезда».) Ещё только в 2006 году один проживавший в Башкортостане татарский журналист в своей статье, опубликованной в Казани, выступил с мыслью, что «Галиябану» отражает события, происходившие в Баймакском районе. Мол, и произведение написано там же. А ведь автор драмы тогда ещё совсем не знал, где находятся эти Баймаки, Юлуки. После прочтения подобных «на-

учных изысканий» возникает один вопрос: а брали ли в руки, читали ли эти деятели пера и некоторые литературоведы дневники самого Мирхайдара? Ходили ли по следам Мирхайдара? Ведь в этих дневниках чёрным по белому написано: пьеса «Галиябану» была начата в октябре 1916 года и через три месяца завершена в городе Орске. В начале 1917 года рукопись «Сагадатбану» была направлена в Оренбург режиссёру труппы «Ширкат» Валию Муртазину-Иманскому. Вали вернул пьесу, изложив свои предложения. В том числе он предлагал сменить имя главной героини, так как по смыслу содержания пьесы героиня не может быть «Счастливой Бану». И рекомендовал назвать пьесу именем «Галиябану», по смыслу близкой к «замечательная», «видная». Известно же, в те времена имена детям давались в основном мутлами. А они старались чаще подбирать коранические имена.

Мирхайдар Файзи внёс в рукопись те изменения, какие сам посчитал нужными, конечно, учитывая и рекомендации режиссёра. И в скором времени снова передал рукопись в Оренбург. После прочтения там, артистам произведение понравилось, они его поддержали и очень быстро подготовили постановку. Пьеса «Галиябану» была представлена народу вечером 19 марта того же года в здании Оренбургского русского городского театра. На сцене мастерски исполнили свои роли следующие артисты: роль Галиябану играла будущая известная артистка татарского народа, обладающая душевным тембром голоса Сара Байкина, Халилия — сам режиссёр Вали Муртазин, Исмагила — Гусман Садыков. Народ выразил одобрение их игре бурными овациями. 15 декабря этого же года пьеса была вновь сыграна в Оренбурге. Зимой 1918 года её уже ставили на сцене Казани. А в 1922 году пьеса вышла в Казани отдельной книгой, с хвалебным вступительным словом самого Галимджана Ибрагимова.

Невозможно не упомянуть ещё один прискорбный факт, искажающий данные о первой постановке «Галиябану» на сцене. Во втором томе «Татарской энциклопедии», призванной долгие годы хранить, вносить ясность и пропагандировать авторитет и славу нашей нации, в статье, посвящённой этому произведению, театровед И. Илялова пишет, что «в первый раз её ставила труппа «Нур» в Оренбурге». А в посвящённых специально этой труппе статьях сказано, что труппа «Нур» ещё весной 1916 года

уехала из Оренбурга, а осенью того же года продолжила свою деятельность в Уфе». И этот случай, по-моему, тоже показывает, как некоторые из нас неосторожны в отношении творчества и наследия Мирхайдара Файзи. В печати уже были некоторые суждения о том, как неосторожно обошёлся автор одного кинофильма, сделанного по мотивам пьесы «Галиябану». Не только в произведении Мирхайдара «Галиябану», но и в любом другом его произведении невозможно встретить неуважительного отношения к женщине, очернения образа женщины. Он сам всю жизнь был человеком с чистой совестью, настоящим интеллигентом, воспитанным человеком. И произведения его лгут чистой, искренностью.

Молодые артисты города Орска тоже инсценировали произведение «Галиябану»: в первый раз в декабре 1917 года с участием самого автора. Тогда зрителям особенно понравилась учащаяся учительских курсов Майбадар (как её звали тогда), исполнившая роль Галиябану. Она прекрасно чувствовала себя на сцене, очень душевно исполняла песенные куплеты. Это было её второе выступление с группой Мирхайдара Файзи. До этого Майбадар сыграла роль русской женщины под псевдонимом Люси в пьесе Идриса Багданова «Югалган хатын» («Потерявшаяся женщина») в 1917 году. И позже на сцене Орска она исполняла роли с песнями и танцами ещё в нескольких пьесах. В том числе и в первой постановке пьесы «Асылъяр» М. Файзи, так же под псевдонимом Люси, Бадар исполнила главную роль. С даром талантливой артистки Бадар-Майбадар Юсупова после окончания учительских курсов ещё несколько лет преподавала в разных татарских и башкирских школах. Только в 1926 году самостоятельную артистку Бадар приняли в Башкирский государственный театр, где в то время был главным режиссёром Вали Муртазин-Иманский. Очень скоро она стала драгоценной жемчужиной этого театра. (Жители Дюрткуля хвалятся, мол, детство Майбадар прошло у нас, её родители из нашего села.)

Если многие самостоятельные театральные коллективы после установления советской власти стали стационарными театрами, то орской группе в этом смысле не повезло. Советская власть окончательно здесь была установлена в 1919 году. Как отметили раньше, именно в эти дни Мирхайдар Файзи был направлен библиотекарем в дальнее село этого уезда. Большинство участников из его драм-

кружка прошедшими войнами были разбросаны кто-куда, а более молодые, видимо, не осмелились заявить о своём желании организовать в городе такой театр. Но тяга к театральным зрелищам среди жителей города не совсем заглохла. Из воспоминаний народного артиста Хакима Салимжанова нам известно, что в первые месяцы советской власти в этом городе оказался Габдулла Кариев. И сразу же после его приезда активизировалась работа драмкружка, в котором активно участвовали и два его брата, бывшие приказчики в торговых заведениях известного купца Бурнаева. Г. Кариев и раньше часто бывал в Орске со своей труппой «Сайяр», знал многих любителей театра из группы Мирхайдара Файзи. Поэтому он очень быстро сумел сплотить вокруг себя способных ребят и начал репетиции, когда в этих краях беды войны ещё не были оставлены в прошлом. Известный артист Хаким-ага Салимжанов, хорошо знакомый с событиями тех лет, так описывает эти дни: «Вдруг прибыл Габдулла Кариев. Сразу после приезда организовал труппу. К моему счастью, мои братья тоже стали играть под его руководством. После приезда Кариева народ заинтересовался театром больше. В то время ставить спектакли, ходить в театр стало в прямом смысле слова модным». Но Кариеву здесь долго задерживаться не пришлось. После двух постановок, где-то в середине лета его вызвали в Казань. И оставшегося на его месте Мифтаха Абсалямова «Казань вскоре так же утянула к себе». А Мирхайдар Файзи в это время уже занимается культурным просвещением населения в Баймакском районе. После отъезда Абсалямова деятельность театрального коллектива Орска опять на некоторое время заглохла. Но совсем не потухла.

В конце того же лета комиссаром по работе среди национальных меньшинств назначается бывший преподаватель медресе «Хусаиния» Габдулла Давлетшин, выросший в посёлке недалеко от Орска. Он сразу же организует выпуск газеты на татарском языке «Ирек йолдызы» («Звезда свободы») и из оставшихся в городе «артистов» создаёт «Молодёжный театральный коллектив». Какие пьесы ставил этот коллектив и до какого года работал — у меня таких данных нет. Известно только, что Давлетшин скоро был отправлен в Москву учиться и был женат на дочери старшего брата Мирхайдара — гимназистке Халиме. С Халима-апа Файзуллиной я встречался в Москве

в 1972 году, и узнав о том, что у неё хранится дневник деда Мустафы, сообщил об этом сотрудникам библиотеки Казанского университета. Этот дневник и кое-какие документы она потом подарила профессору Хатиб-ага Усманову. Я сообщил ему её адрес и телефон. Халима-апа хорошо помнила и студента Московского университета Мусу Джалиля. Джалиль был знаком с её мужем ещё в годы учёбы в медресе «Хусаиния». А приехав в Москву учиться, он некоторое время жил у них на квартире в известном Доме Асадуллаева. И потом он часто бывал у них.

С отъездом Давлетшина из Орска Молодёжный театральный коллектив, наверно, постепенно распустился. Живя в этом городе почти два года, с августа 1925 до весны 1927 года, Муса Джалиль, кажется, о драмкружковцах не вспоминает. Хотя в те годы он был частым гостем Татарского клуба, чуть позже переименованного в клуб имени Первого мая. Кстати, этот красивый дом в центре старого города был построен одним из близких родственников народной артистки Галии Нигматуллиной в 1911 году как кинотеатр. И начиная с тридцатых годов театральная жизнь в этом клубе велась очень активно. Например, в пятидесятых годах, когда я работал в этом городе, в штате клуба числились два оплачиваемых сотрудника, ответственные за работу драмкружка. И одним из этих лиц, руководителем и режиссёром драматического кружка являлся тогда бывший артист Оренбургского театра Гата Сабиров-Камский — дед известного сегодня шахматиста Гаты Камского. Но клуб Первого мая летом 1961 года передали в распоряжение местного пединститута. Часть коллективов художественной самодеятельности передали во Дворец строителей, расположенный в Новом городе. (Новый город с крупными промышленными комбинатами был построен в тридцатых годах за рекой Урал.) Видимо, с тех пор в городе прекратились и постановки театральных представлений. Потребность татарского народа по этой части сейчас удовлетворяют во время своих гастролей Оренбургский татарский и Баймакский башкирский театры.

В 1920 году в Самарскую студию драматических артистов, открытую под руководством Зайни Султанова и Карима Тинчурина, из Орска на учёбу было отправлено десять человек из числа самодеятельных артистов. Так как в родном городе театр официально так и не был открыт,

такие артисты, как Магинур Казакова, Магинур Хасанова, Рифгат Файзи, Мифтах Абсалямов, Зиннур Садыков, после учёбы вынуждены были выбирать себе иные сцены. Скажем, приходящийся Мирхайдару племянником Рифгат Шакирзянович Файзи позже прославился как артист и режиссёр на сцене Башкирского драматического театра. Зиннур Садыков после нескольких лет самодеятельной работы в родном городе стал первым организатором колхоза в районе. И в драматическом кружке в ведении клуба имени Первого мая были настоящие артисты, в течение десятков лет не сходявшие со сцены и завоевавшие любовь зрителей. Например, горожане в конце 1950-х годов с любовью вспоминали Зайнап Зарипову, с семнадцати лет считавшую сцену клуба вторым местом работы и которой одинаково хорошо удавались как весёлые роли с песнями и плясками, так и серьёзные персонажи. Хурмат Хасиятуллин, кроме искусного исполнения ролей различных типажей в спектаклях, вёл ещё вечера и концерты. Также артистично, живаясь в произведение, читал со сцены произведения Г. Тукая, Х. Такташа, М. Джалиля. Он был украшением сцены Орска в пятидесятых годах. Да, в 1961 году, после издания отрицательных указов Н. Хрущёва по национальным вопросам, этот клуб закрылся. Как следствие, распался и имевший пятидесятилетнюю историю самодеятельный национальный театр города Орска, основанный известным драматургом и организатором театральных постановок Мирхайдаром Файзи.

Место действия меняется

За свой творческий путь длиной в четверть века Мирхайдар Файзи прославился как автор 16 оригинальных и 7 переводных пьес (не считая нескольких произведений, сохранившихся в виде рукописей). Две книги стихов, составленный им самим сборник «Народные песни», рассказы, которых наберётся на небольшую книгу, и вобравшие в себя более семидесяти тетрадей дневники — это тоже плоды творчества, созданные его беглым пером. Все его драматические произведения — комедия «Авыл бэйрәме» («Сельский праздник», первый вариант — 1913, Юнаево, второй — 1921, Юлук), драмы «Галиябану» (1916, Орск), «Урал суы буенда» («На берегу Урал-реки», 1918, Орск), «Асылъяр» (1919, Орск), «Кызыл йолдыз» («Красная звезда», 1921,

Юлук), «Ак калфак» («Белый калфак», 1922, Темясево), «Адашкан күнел» («Заблудшая душа», начато в Темясево, закончено в 1923 году в Уфе) — многократно поставлены на сцене татарскими и башкирскими театрами. Пьесы «Красная звезда» и «Заблудшая душа» — произведения, занявшие первые места на конкурсах, организованных на уровне Республики Татарстан. Перечисленные пьесы, в том числе «Галиябану», «Асылъяр», «Ак калфак», «Кызыл йолдыз» и другие, неоднократно ставились и на сцене Татарского государственного академического театра имени Г. Камала. Редким драматургам доставалось такое счастье. Список счастливых невелик. Музыкальная драма «Галиябану», пожалуй, и как первая татарская пьеса в таком жанре, и как совершенное, точное, зрелое произведение по оформлению, является одной из первых наших национальных шедевров. Это произведение — неугасимая звезда татарской сцены. Наверное, не было ни одного тюркоязычного театра, работавшего на территории бывшего государства СССР, не ставившего «Галиябану». Но особой популярностью пьеса пользовалась, кроме Татарстана, ещё в Башкортостане, Казахстане и Узбекистане. Если бы такое произведение являлось плодом творчества какого-нибудь другого народа, то оно давно бы уже было переведено на русский и другие языки страны и мира. Но автор уже умер и больше никому позаботиться о переводе чужого и в какой-то степени конкурентного для современных авторов произведения.

Известно, что в наследии писателя, переданном в отдел рукописей библиотеки Казанского университета, хранятся ещё несколько произведений. Вот что пишет об этом Диляра-ханум Абдуллина, долгие годы проработавшая в этой библиотеке, участвовавшая в издании на русском языке одной тонкой книжки, посвящённой жизни и творчеству Мирхайдара Файзи: «В архиве есть рукописи пьес, нигде до сих пор не опубликованных и даже не имеющих точных названий. Например, «Китап» («Книга», в трёх актах), «Чүмеч баш» («Задира», одноактное комическое произведение), «Әмәти улы Мәмәти» («Мамати, сын Амати», одноактное комическое произведение), «Ватык көзге янында» («У разбитого зеркала», одноактная пьеса в переводе)... Достаточно произведений писателя и в других жанрах». Например, более семидесяти тетрадей дневниковых записей писателя разве не заинтересуют вас? Необходимо отметить, что рукописи М. Файзи кроме этого фонда

ещё хранятся и в архивах научного Института языка, литературы и искусства Академии наук и Национального музея. Интересно, что там имеется?

Родившийся в начале прошлого века в Орске и проживший всю жизнь в этом городе инженер и фотожурналист Абдулла Исанбаев рассказывал ещё об одной пьесе Мирхайдара. Оказывается, он написал эту детскую пьесу в двадцатых годах по мотивам произведения Габдуллы Тукая «Шурале». Летом 1924 года пытался поставить её с городскими детьми на сцене. Но тогда было время борьбы против баев, кулаков, мулл... И нашлись те, кто не одобрял работу с учениками «сына Мустафа-бая», обучавшего внуков и правнуков в гимназиях. Мирхайдар Файзи был вынужден уехать из родного города. Со слов А. Исанбаева, рукопись той пьесы должна была у него сохраниться. Он пообещал мне в конце 1971 года: «Если найду, когда буду перебирать книжные шкафы, я тебе сообщу». Но вскоре Абдулла-ага ушёл в мир иной. А вот несколько его писем и снятая им фотография дома Мустафы Файзуллина хранятся у меня. Была ещё и фотография этого дома, сделанная после установки на нём мемориальной доски, но её не вернули из какой-то редакции, осталась лишь копия, опубликованная в той газете. А в 1994 году мы с Зуфаром Башировым не обнаружили на стене этого дома и той мемориальной доски. Такой же случай был нами замечен и у дома, где когда-то квартировал Муса Джалиль, и в пятидесятых годах там к стене дома была прикреплена мемориальная доска с надписью, что здесь жил когда-то поэт-герой. Тогда с подобной ситуацией мы столкнулись и на могиле Мирхайдара Файзи. Он был похоронен на небольшом, так называемом мемориальном кладбище красных коммунаров, в центре города Баймак. На месте намогильного камня торчал только железный штырь. Но у меня сохранился небольшой любительский снимок этого намогильного памятника, фотографированный мною ещё в 1982 году.

Из описанных ранее фактов видим — вклад драматурга Мирхайдара Файзи в столетний значимый юбилей татарского театра огромен. Мы вправе без сомнений назвать его одним из основателей татарского национального театра. Как драматург, он достиг того, что большинство его пьес были своевременно поставлены, добились успеха на сцене. Значит, его произведения способствовали развитию, росту артистов многочисленных государственных театров и самодеятельных трупп. Во-вторых, достоин уважения

его труд в организации театральных постановок в родном городе Орске. Это дело было начато его земляком, таким же беспокойным и целеустремлённым, как он, — Шакиром Мухамедьяровым. Шакир, стремясь получить высшее образование, в 1908 году ещё раз покинул родной город. И отправившись отсюда, с глубинки в столицу, добился своего: через некоторое время окончил Петербургский университет и стал одним из опытных юристов, защищавших интересы своей нации. Да, он же ещё и организатор первых общегородских спектаклей среди мусульман города Орска. Значит, без сомнений можем сказать, что и он должен стоять рядом с Мирхайдаром Файзи как основатель первого театра в городе Орске.

Перед тем как сесть за этот труд, я заглянул в несколько библиотек в центре города и поинтересовался двухтомником Мирхайдара Файзи 1957 года выпуска. В общегородских библиотеках этих книг не обнаружил. Да, в фонде Национальной библиотеки они хранятся. Но и эти двухтомники, пройдя через тысячи рук, уже истрепались, обветшали. Конечно, прискорбно, что книги такого великого деятеля, как Мирхайдар Файзи, за пятьдесят лет ни разу не были изданы повторно. Наверно, уже пришла пора издать хотя бы один том его самых популярных произведений, а также напечатать отдельной книгой его личные дневники и дневники отца, хранящиеся сейчас в рукописном отделе Университетской библиотеки.

Казан утлары. — 2007. — № 2

ДВЕ БИОГРАФИИ ОДНОЙ ЛИЧНОСТИ

Известный историк, литературовед и языковед, с 1921 года живший в эмиграции Абдулла Баттал-Таймас родился в России. В 1880—1921 годах был известен как Габдельбари Габдулла-улы Батталов. В периодической печати до 1930-х годов у нас он чаще обозначен усечённым именем Бари (Бари Баттал). А в эмиграции же он был известен как Абдулла Баттал-Таймас. По архивным данным, опубликованным профессором-историком Булатом Султанбековым в очерке «Одиссея Бари Баттала»¹, годом его рождения

¹ *Султанбеков Б.* Страницы секретных архивов. — Казань, 1994. — С. 56.

отмечен 1880 год. Такую же дату указывает и автор кратких энциклопедических исследований о видных дореволюционных деятелях-татарах Исмагил Рамиев¹. Эта же дата отмечена и в реабилитационном документе, выданном родственникам Г. Г. Батталова 3 августа 2005 года Управлением Федеральной службы безопасности РФ по Республике Татарстан (копия документа у меня имеется): «Абдулбари Абдуллович Батталов, 1880 года рождения, проживавший в Казани по ул. Набережная Кабана, д. 86, заключением Прокуратора РТ от 28 февраля 2000 г. реабилитирован...» В Турции же он считался родившимся в 1883 году.

В первый приезд в Турцию, в 1904–1908 годах, он проживал по документу, выданному ему там на имя Мусы Абдуллы. После возвращения в Россию весной 1908 года он издавал некоторые свои книги также от имени Мусы Абдуллы².

После бурных событий в России 1917–1920 годов он оказался в эмиграции сначала в Финляндии, а потом оттуда выехал в Турцию с подложными документами, выданными на имя Абдуллы Баттала. Тогда же изменил и дату своего рождения с 1880 года на 1883 год, надеясь таким образом избежать преследований со стороны органов правосудия бывшей Родины. А опасаться ему было отчего – в Финляндии он оказался контрабандным путём после побега из Казанской тюрьмы в августе 1920 года. Тогда Финляндия была ещё в добрососедских отношениях с СССР, отпустившим её с имперских объятий царской России по особому декрету в марте 1918 года.

Таким образом, с осени 1921 года Габдельбари Баттал, автор нескольких книг, изданных и под своим настоящим именем, и под именем Мусы Абдуллы, стал как бы другим человеком, с другой датой рождения. Хотя новое своё имя и дату рождения он выбирал из среды своих же близких родственников – Габдуллой (Абдуллой) звали его отца, а в 1883 году родился один из его братьев. Но в воспоминаниях он из четырёх братьев упоминает только старшего – Гарифуллу, потому что оренбургский мулла Гарифулла Батталов частенько помогал ему в необходимых случаях и был как бы маяком в период его перехода

¹ Рамиев И., Даутов Р. Эдәби сүзлек. – Казан, 2001. – 38–39 б.

² Баттал Г. Казан төркиләре. – Казан, 1996, 179 б.

из крестьянского состояния. И его поездка в 1904 году в Турцию для продолжения обучения, видимо, была первоначально одобрена им, старшим братом.

После установления советской власти судьба самого Гарифуллы закончилась печально. Как имам-хатиб Форштадтской мечети города Оренбурга он был арестован в 1930-х годах и умер в одном из Сибирских лагерей в 1942 году. И реабилитировали его, как самых злостных противников большевиков, только в начале 1990-х годов.

С этим документом я ознакомился в 1996 году в городе Оренбурге, в семье сына Гарифуллы-муллы — Юсуфджана. На страницах книги «Казанские тюрки» Г. Г. Баттал только старшего брата вспоминает добрым словом, может быть, и потому, что именно Гарифулла сумел организовать отправку жены и сына брата за границу после его побега из страны.

* * *

Да, пока в разных публикациях имя нашего Габдельбари Баттала и дата его рождения указываются по-разному. И список его творческих трудов поэтому указывается не полностью. Например, в биобиблиографическом справочнике «Әдипләребез»¹ список трудов его неполный. И имя автора, каким он пользовался в эмиграции, там не указано.

Родился он в татарском селе Яңа Актау (Новая Белогорка, для населения соседних сёл — Янавыл) Бузулукского уезда Самарской (до 1851 года Оренбургской) губернии. С 1934 года село относится к Сорочинскому району Оренбургской области. Мать Бибимасура была из рода потомственных мулл. А отец Габдулла после женитьбы был произведён сначала в муэдзины, а затем стал вторым имамом при мечети тестя. Впоследствии он занял место первого имама родного села и служил там до 1916 года. В семье родились пять сыновей, и почти все они получили хорошее образование в известных медресе Оренбурга, находившегося от родного очага Батталовых в ста сорока километрах.

С середины 1980-х годов я общался с сыном бывшего имама Оренбурга Юсуфом Батталовым (1909—1996).

¹ Әдипләребез. — Казан, 2009. — Т. 1. — 158 б.

А с другими родственниками, живущими в Н. Белогорке, был знаком раньше.

Г. Г. Баттал после получения начального образования дома был отправлен в Оренбург в медресе «Каравансарая». Проучившись там около двух лет, перешёл в одно из медресе Татарской Каргалы (в восемнадцати километрах от Оренбурга). Причиной для перехода, по рассказам Юсуфа и Абдуллы Батталовых (1908 г. р.), было то, что младшая сестра его отца Марфуга вышла замуж за одного из каргалинских купцов. Из этой семьи впоследствии известной стала их дочь Гафифа, прославившаяся в 1920-х годах артисткой Оренбургского татарского театра под именем Г. Уральская, а затем переведённая с мужем Субаевым в Бухару для организации там нового театра.

Повзрослев, став более самостоятельным, Г. Баттал переехал в город Троицк и стал шакирдом медресе «Расулия», одновременно являясь и одним из мюридов руководителя данного медресе ишана Зайнуллы Расулева. Окончил он это медресе в 1904 году и уехал в Турцию. Видимо, по подсказке Зайнулла-ишана он мечтал поступить в Каирский университет «Аль-Азхар». Но до этого ему пришлось ещё испытать много трудностей, жить в разных городах Турции почти год. А затем, получив каким-то путём паспорт¹ на имя «гражданина Османской империи Мусы Абдуллы», он добрался до города Каира, входившего тогда под влияние этой империи. Студентом желанного университета он из-за финансовых затруднений не стал, но посещал лекции некоторых преподавателей вольным слушателем. В те годы он общался с людьми из ближайшего окружения известных исламоведов Джамалетдина Афгани и Мухаммеда Габдуха.

В Каире он зарабатывал на жизнь как журналист газет «Аль-Мюэйд», «Аль-Мукатдам», «Аль-Джарида», журнала «Аль-Минар». Журналистские труды его в этих изданиях выходили под именем Мусы Абдуллы, а иногда и под инициалами «М. А.», «М. Г.». В 1907 году крымский мурза Исмагил Гаспринский в Каире начал издавать газету «Аль-Нахда» («Эл Нәһзә»)², пригласил к себе сотрудником Г. Баттала. Но вскоре газета была закрыта, Г. Баттал остался без работы и решил вернуться в Россию.

¹ *Баттал Г.* Казан төркиләре. — Казан, 1996. — 179 б.

² Там же. — 178–179 б.

В Каире, пользуясь трудами турецких и арабских авторов, он написал книгу «Ислам философы Жамалетдин Афгани вә шәех Мөхәммәд Габдеһ» («Мусульманские философы Джамалетдин Афгани и шейх Мухаммед Габдух». — Казань, 1908) и начал перевод двух книг сирийского араба Николы Хаддата «Мәгыйшәт юллари» («Дороги жизни». — Казань, 1908) и «Сөймәк вә өйләнмәк — өйләнмәк вә үкенмәк» («Полюбив — женился, женившись — разочаровался» — название этой книги в разных источниках приводится по-разному; вышла в 1909 году в Оренбурге).

Сразу же после возвращения на родину он был призван в армию. Но при помощи влиятельных знакомых через какое-то время был отпущен из армии (вроде бы, по причине болезни).

В Оренбурге он сначала жил в семье брата Гарифуллы — в доме Форштадтской поселковой муллы. Был принят на работу в редакцию газеты «Вақыт» братьев Рамиевых. А со дня выхода издаваемого ими же журнала «Шура», стал писать статьи и для журнала. В эти годы в газете «Вақыт» кроме различных статей им было напечатано в нескольких номерах и очерк «Кавказия мәктүпләре» («Письма из Кавказа», 1910), а в журнале вышли несколько интересных рецензий и статей на книги видных в то время философов и теологов России и стран Ближнего Востока, а также материалы, посвящённые развитию татарского языка¹.

В 1910 году его приглашают преподавателем арабского, турецкого языков и истории в медресе города Троицка. В те годы в Троицке, кроме «Расулии», существовали ещё три учебных заведения почти такого же уровня, содержащиеся на средства татар. Это близкая по программам обучения к русским гимназиям «Мухаммадия», открытая купцами-миллионерами, мурзами Яушевыми; «Рахманкулия», находившаяся на попечительстве уездного ахуна Ахмед-хаджи Рахманкулова и «Вазифа». По данным Джамала Валиди — известного литературоведа и педагога, почти в те же годы преподававшего в медресе «Хусаиния» (Оренбург), Г. Баттал был приглашён в «Вазифу». Но кто содержал это медресе — он не сообщает. Возможно, это учебное заведение тоже находилось под попечительством

¹ Марданов Р. «Шура» журналы (1908–1917). — Казан, 2001.

купцов — братьев Яушевых. По данным турецкого учёного Али Биринджи, А. Баттал-Таймас преподавал в 1910—1913 годах в медресе «Рахманкулия»¹. По сведениям же родственников, он был приглашён купцами Яушевыми. Видимо, он там преподавал в нескольких медресе, в том числе и в «Мухаммадии» Яушевых вёл уроки истории тюркских народов. При этом он пользовался историческими трудами некоторых турецких авторов и книгами крупных религиозных деятелей из татар, авторов и исторических книг — Шигабутдина Марджани; редактора журнала «Шура» Ризаэддина Фахрутдинова; бывшего казия Духовного управления мусульман России Хасангата Габяши. Исторический труд последнего «Мөфассал тарих кауме төрек» («Полная история тюркских народов») была недавно издана в Казани (1909).

* * *

В эти годы Г. Г. Баттал дважды женился. Зимой 1910 года — на троюродной сестре Кафие, дочери известного в Новом Актау Вали-бая Батталова. Недалеко от села, где родился Г. Баттал, в междуречье рек Ток и Бузулук имелись земельные угодья царской семьи. Управляющим этих угодий был «русский барин», а его помощником — тесть Г. Баттала. Но Кафия скоро умерла от какой-то болезни. Г. Баттал вторично женился в 1913 году в городе Троицке на учительнице русского языка Газизе Шамовой (Шамлы). Она была родом из Вятской губернии. После их переезда в Казань, летом 1913 года она окончила медицинские курсы и стала стоматологом. В Казани в 1915 году у них родился сын — будущий врач Билгивар Таймас, лечивший впоследствии земляка и соратника своего отца, писателя Гаяза Исхаки.

Летом 1913 года Г. Баттала приглашает в Казань Ахметхади Максуди — издатель и редактор газеты «Юлдуз», старший брат будущего известного политического деятеля России и Турции, учёного-юриста Садри Максуди-Арсала. Братья Максуди с начала XX века активно общались с богатыми меценатами Оренбуржья. Известный купец Габдулгани-бай Хусаинов денежно помогал Хади

¹ *Биринджи А.* Габдулла Баттал-Таймас // Научный Татарстан. — 2011. — № 2, 3.

Максуди в его издательских делах. Этот же купец выделил определённую сумму денег для поездки на учёбу в Париж и Садри Максуди¹. А после женитьбы Садри осенью 1910 года на дочери золотопромышленника Шакира Рамиева эти связи ещё больше укрепились. Именно эти связи каким-то образом отразились, видимо, и на судьбе Г. Баттала. Он стал вторым лицом в редакции достаточно популярной тогда газеты «Юлдуз». Здесь он скоро стал очень известным журналистом. В одном из писем Г. Ибрагимова (1914) встречаются и слова о том, что А. Максуди как редактор очень осторожен и желательно было бы видеть на этом посту Г. Баттала.

Г. Баттал одновременно активно сотрудничал и с редакциями других изданий: писал для них статьи, рецензии и другие материалы. В эти годы его имя часто можно было встретить на страницах журналов «Шура», «Аң», «Сююмбике», «Мектеб»...

В редакции газеты «Юлдуз» он работал до конца апреля 1917 года. С начала июля 1917 года Г. Баттал — заместитель редактора, а затем и редактор общественно-политической газеты мусульманского революционного комитета «Курултай». Редактором вначале был Фуад Туктаров. А 4 апреля 1918 года издание газеты было приостановлено большевиками. Редакционный комитет под редакцией Г. Баттала тогда выпустил 13 номеров новой газеты «Алтай» (с 8 апреля по 23 мая 1918 года). За печатание противобольшевистских статей в этих газетах Г. Баттал летом 1918 года был арестован. Дав подписку об отказе работать в антибольшевистской печати, он вскоре вышел из тюрьмы и уехал в Уфу.

* * *

О дореволюционном периоде деятельности Г. Баттала его соратник по газете «Курултай» Джамал Валиди пишет следующее (запись сделана в 1931 году в тюрьме по требованию следователя): «Бари Баттал был одним из самых передовых представителей дореволюционной татарской интеллигенции, имел солидное к тому времени образование, хорошо владел пером. Политические его взгляды (мне) не ясны: он был больше писателем, чем политиче-

¹ *Шәрәф Б.* Гани бай. — Оренбург, 1913.

ским борцом... (Избран) членом Миллэт Меджлиси... Был высокого мнения о Садри Максуди...»¹ Г. Г. Баттал в 1917–1918 годах — участник нескольких мусульманских собраний в России. Был депутатом Миллэт Меджлиси (Национального Собрания тюрко-татар), заседания которого проходили в городе Уфе с 20 ноября 1917 года до середины января 1918 года. Был избран членом Милли Идарэ (Правления будущей национальной автономии). На заседаниях Миллэт Меджлиси он сначала был сторонником его председателя С. Максуди, выступавшего за создание эфемерной «культурной автономии» татар в России. Затем присоединился к депутатам, ратующим за организацию реальной автономии с определёнными границами в виде «Штатов Идель-Урал».

Второй приезд Г. Баттала в Уфу летом 1918 года продолжился недолго. Он активно включился в работу в составе Милли Идарэ. Но большевики вскоре запретили существование этого правления. А когда в сентябре 1918 года они насовсем завоевали Уфу, часть членов Милли Идарэ во главе с заместителем председателя, юристом И. Ахтямовым переехала в город Петропавловск. Там же обосновалось правление алаш-ордынцев, мечтавших создать свою «самостийную» Казахскую Республику. В Петропавловске (по казахски — Кызылжар) Г. Баттал, Ф. Туктаров, Г. Исхаки и другие издают газету «Маяк». В книге «Алимджан Баруди» (Иstanbul, 1958) Г. Баттал пишет, что под его редакцией до 19 апреля 1919 года они выпустили тридцать один номер данной газеты на татарском языке. Об этом периоде его жизни историк Б. Султанбеков пишет: «Пик политической деятельности Г. Г. Баттала, как и многих других татарских интеллигентов того поколения, пришёлся на 1917–1918 годы. Он разделял взгляды тех представителей национального движения, которые связывали будущее татарского и других народов с созданием новой государственности»².

После взятия Петропавловска большевиками в начале лета 1919 года Г. Баттал уезжает из города, какое-то время колесит по всей Сибири и на некоторое время останавливается в городе Томске, где уже существовала советская

¹ *Рахимов С.* Архивные материалы // Гасырлар авазы (Эхо веков). — 1996. — № 1, 2.

² *Султанбеков Б.* Страницы секретных архивов... — С. 57.

власть. Он там преподаёт на педагогических курсах. В том же городе находился и другой известный журналист из Казани — Загид Нуркин. Они вдвоём издают в Томске учебник по татарской литературе «Уку китабы» (1920). Это был второй учебник, изданный с участием Г. Баттала. Первую хрестоматию по литературе «Яңа әдәбият» («Новая литература») они издали с Г. Ибрагимовым ещё в Казани.

* * *

В марте 1920 года с документами, выданными большевиками, Г. Баттал возвращается в Казань. Он должен был подобрать здесь учебники для татарских учебных заведений Томска. Но в Казани по доносу мусульманской секции большевиков Г. Баттал был в конце марта вторично арестован. А в середине августа того же года сумел с одним товарищем убежать из тюремного лагеря и скрытно скитался по всей России более года. (Документы для побега были подготовлены при помощи жены Газизы.) Однажды в Москве он встретил бывшего земляка, купца Шафи Алмаса, в то время работавшего в каком-то ведомстве при Советах. Тот посоветовал ему «скорее бежать из России». Вскоре и сам последовал своему совету и оказался в Германии.

Г. Г. Батталу в сентябре 1921 года удалось ночью выбраться из Петербурга в Финляндию. Позже жена и сын его таким же скрытным путём добрались до Турции, где они и встретились в Анкаре в 1928 году¹.

Российский период жизни Г. Г. Баттала этим разделом заканчивается. Дальше начинается долгая жизнь и творческая биография Абдуллы Баттал-Таймаса, изложенные им самим в нескольких его произведениях, включая и биобиблиографический отдел книги «Казан төркиләре», которым и я пользовался.

О его литературных и научных трудах, изданных в России за период с 1903 по 1921 год уже кое-что сообщалось. Ещё находясь в Троицке, в 1910—1912 годах, он начал готовиться к изданию своей первой исторической книги «Төрки-татар тарихы» («История тюрков-татар») и в 1912 году издал её в Казани в издательстве «Умид».

¹ *Баттал Г.* Мин бер яктылык эзләгән идем. — Казан, 2003. — 56 б.

Третье издание книги также вышло в Казани в 1916 году, а четвёртое издание на татарском языке было выполнено в 1938 году в городе Мукдене. А в 1996 году этот труд его был переиздан в трёх номерах журнала «Аргамак» в городе Набережные Челны Республики Татарстан. Труд Г. Баттала был высоко оценён современниками. Об этой книге — первом учебнике по истории татар, изданном на родном языке (до него такие книги издавались на смешанном с арабо-персидскими словами языке) говорилось и на Бакинской конференции тюркологов в 1926 году¹.

В том же 1912 году издан был труд и учителя казанского медресе Заки Валиди под названием «Төрөк вә татар тарихы» («История тюрков и татар»). А. Биринджи дату издания этой книги относит к 1911 году. Фактически в том году печаталась только часть труда З. Валиди в журнальном варианте.

Литературно-творческую деятельность Г. Баттал начал ещё учась в медресе «Расулия». По данным учёного-филолога Масгуда Гайнутдинова, свой первый поэтический труд он написал вместе с будущим известным татарским поэтом Маджитом Гафури в 1903 году в городе Троицке. Это была небольшая мэрсия-поэма по случаю несчастной гибели пятнадцатилетнего сына Зайнулла-ишана Расулева. Второй его труд тоже был написан там же, в кельях медресе «Расулия». В книге Г. Баттала «Казан төркиләре» и в известном труде Али Биринджи, вышедшем в журнале «Научный Татарстан» за 2011 год, первой его книгой, изданной в 1903 году, указан «Акмулла». Но в этом сообщении имеется некоторая неточность. Он только составитель первой книги погибшего недавно поэта Акмуллы.

Очерк крупного учёного Али Биринджи об Абдулле Баттал-Таймасае, вышедший в этом журнале в русском переводе, читается с большим интересом. Во-первых, там ясно указывается, что Габдельбари Баттал(ов) и Абдулла Баттал-Таймас — это одно лицо и откуда возникло такое двуличье одного человека. Да, виноваты здесь события 1917–1920 годов. В период революционных событий тех лет Г. Баттал выступал против политики большевиков, боролся за идеи национального равенства народов России. Был дважды арестован. А эмигрировав из своей родины,

¹ *Султанбеков Б.* Страницы секретных архивов... — С. 55.

стал носить другое имя. Вскоре появилась и приставка к фамилии, принятая в Турции в конце 1920-х годов. При издании «Татарской энциклопедии» мы, сотрудники Института энциклопедии, постарались также создать единый образ этого человека, написав сначала личное его имя, присвоенное ему со дня рождения, и добавив в скобках турецкий вариант имени и фамилии¹. И включили большинство его трудов, изданных в России и Турции.

Но в очерке А. Биринджи встречаются и некоторые неточности. Например, при упоминании о подготовке к изданию книги «Акмулла» допущены и ошибочные мнения. Во первых, Мифтахутдина Камалетдин-углы Акмуллу (1831—1895), чьи произведения вошли в эту книгу, Али Биринджи ошибочно признаёт только казахским поэтом. Он пишет, что «первое произведение А. Баттал-Таймаса «Акмулла» посвящена казахскому поэту». Во вторых, эта книга была подготовлена несколькими лицами. Она была задумана Зайнулла-хазратом Расулевым и осуществлена с участием некоторых других мугаллимов и шакирдов медресе.

Поэт Акмулла родился в татарском селе на территории современного Башкортостана. Учился в медресе татарского села Стерлибаш, известного своими многими шакирдами, впоследствии ставшими поэтами, писателями. Затем переехал в город Троицк и продолжил учёбу в «Расулие». Писал стихи на татарском, башкирском, позднее и на казахском языках. После окончания «Расулии» вёл кочевой образ жизни вокруг города Троицка, где большинство населения состояло из казахов. Участвовал на состязаниях акынов. За нелестный отзыв об одном из известных казахских баев на этих состязаниях был посажен в тюрьму города Троицка. Позже был убит грабителями недалеко от города Миасс. После смерти Акмуллы Зайнулла-хазрат решил собрать его сочинения и издать их. Окончательную подготовку этого сборника к изданию поручил своему мюриду Г. Батталу. Предисловие к книге и примечания были написаны «Габдулбари ибне Габдулла эл-Сэеди» (т. е. Г. Батталом). Данная книга была издана в Казани в 1904 году².

¹ Татарская энциклопедия. — Казань, 2002. — Т. 1. — С. 312.

² Татар әдәбияты тарихы. — Казан, 1985. — Т. 2. — 440 б.

В начале XX века в Турции Г. Г. Батталом были подготовлены и потом изданы в России вышеуказанные три книги (в том числе две переводные) от имени Мусы Абдуллы и от своего имени. С 1910 года все написанные им и изданные в России сочинения и научные труды, а также переводы с других языков выходят только от имени Г. Г. Баттала. В 1913 году в Оренбурге он издаёт небольшую книгу о крупном татарском меценате, одном из содержателей Троицкого медресе «Мухаммадия» Габдулвали Яушеве «Габделвали вә хатирәт ияләреннән». Г. Ибрагимов в одной из своих статей за 1922 год положительно отзывается об этой книге, ставя её в один ряд с известными книгами Ризы Фахрутдинова «Әхмәд бай» (об известном купце-меценате Ахмеде Хусаинове) и Бурхана Шарафа «Гани бай» (о деятельности брата того же купца, о Г. Хусаинове).

В Казани в том же году Г. Баттал издаёт свой научно-теоретический труд по литературе «Назарияте әдәбия» и в Оренбурге перевод книги с русского языка научно-философского содержания «Һинд пәйгамбәре Будда Сакия Муни. Аның собаты вә фәлсәфи гамәлләре» («Индийский пророк Будда и его философские взгляды»). А в 1914 году, как отмечалось выше, они с Г. Ибрагимовым издают литературную хрестоматию. В те же годы в Оренбурге Г. Баттал издаёт книжечку-рисале о своих бывших наставниках: «Зәйнулла хәзрәт Рәсүли вә Әхмәт хәжи Рахманколы рисаләсе» («Книга о Зайнулла-хазрате Расулеве и Ахмет-хаджи Рахманкулы»).

В бурные революционные 1917–1918 годы он напишет и издаст в Казани ещё три небольшие по объёму, но очень содержательные книжечки: «Өч төрле идарә ысуллары: чикләnmәгән монархия, чикләнгән монархия һәм жәмһүрият» («Три способа управления государством: неограниченная монархия, ограниченная монархия и джумгирият-федерация», 1917), «Ана теле сарыфы» («Родной язык: морфология», 1918, соавтор М. Курбангалиев) и «Сөембикә манарасы хакында» («О башне Сююмбике», 1918). Он тогда лично участвовал при сбросе с этой башни символа царской России. И активно писал в газетах о необходимости передачи архитектурного наследия татарского народа — сооружений Казанского Кремля под ответственность самих татар.

В Турции первая более-менее подробная биография и библиография Г. Баттала была включена в книгу «Казан түрклері» 1966 года издания. Восьмидесятишестилетний автор сам ли написал это приложение к книге или с его слов кем-то оно было записано — мне неизвестно. Возможно, это было дополнительным изданием к ранее написанной им самим биографии. Например, там указывается, что сыну Билгивару Таймасу 26 лет. А он родился ещё в Казани. И список написанных им и изданных трудов там неполный. Не говоря уж об отдельных, значимых его статьях, там не указаны и некоторые его книги и «рисале», изданные между 1913—1920 годами.

В Финляндии он жил четыре года, с осени 1921 по конец ноября 1925 года. Находясь там, крупных, значимых произведений вроде бы не издавал. Он учил детей местных татар в открытой им школе, активно участвовал на общественных мероприятиях, организованных местной диаспорой татар. Изучал финский язык и при помощи одной из учительниц данной школы приступил к изучению французского языка. Изучение этого языка он продолжил потом и в Турции. Некоторые его очерки и статьи, написанные в Финляндии, вышли в турецких изданиях, подписанные под псевдонимом Казанлы. А в 1923 году Г. Баттал более месяца провёл в Берлине — встречался там и с некоторыми бывшими соратниками (с Фуадом Туктаром, например), интересовался научными изданиями о татарах.

Финляндия до 1918 года входила в состав России. В библиотеках и архивах города Хельсинки хранилось множество документов и исторической литературы, изданной на русском языке. Г. Баттал воспользовался ими и написал там свой исторический труд «Казан төркиләре тарихы вә сәяси көрәшләре» («История казанских тюрок и их политическая борьба»), который был издан в 1925 году в Истанбуле на турецком языке с укороченным названием «Казан түрклері». В том же году и автор книги переехал жить в Турцию. Сначала он обосновался в Истанбуле, бывшей столице Османской империи. Истанбул издавна привлекал к себе многих татар, там существовала большая диаспора земляков Г. Баттала — выходцев из России. Находясь в Финляндии, он заочно познакомился с известным учёным-литературоведом, директором Инсти-

тута тюркологии и тюркской филологии Турции Фуадом Копрюлю. Его интересный очерк о творчестве Габдуллы Тукая, напечатанный в журнале «Түрк йурду» («Төрөк йорты»), Г. Баттал читал ещё в Казани.

После переезда в Истанбул Г. Баттала принимают в данный институт штатным сотрудником. Он выполнял здесь в основном переводы русскоязычных трудов на турецкий и писал статьи по теме данного института. В первые же годы приезда им были написаны и напечатаны в том же журнале «Түрк йурду», основанном в 1911 году при активном участии его земляка Юсуфа Акчуры, очерки и статьи об отдельных тюркоязычных народах России: о татарах Крыма, о разных народностях Дагестана и т. д.

Скоро его пригласят в новую столицу государства — в Анкару. 15 июня 1927 года он был принят на работу в Главное управление по печати (Матбугат гомум мөдирлеге) для выполнения работ по переводу различных трудов и документов. К этому времени он хорошо владел следующими иностранными для Турции языками: арабским, русским, французским, финским, татарским и большинством наречий среднеазиатских республик. А после слияния этого министерства с Министерством иностранных дел Турции, с начала декабря 1931 года до выхода на пенсию в августе 1947 года, Г. А. Баттал-Таймас является известным сотрудником данного министерства. В эти же годы он активно участвует во многих мероприятиях, посвящённых определению и изучению роли истории и языка тюркских народов. Первым таким памятным явлением было его участие на I Конференции по изучению тюркских языков в 1932 году, где он выступил с докладом о взаимосвязях чагатайского (средневекового тюркского) и турецкого языков.

Эта и такие же другие конференции и мероприятия по изучению исторических и языковых связей тюркских народов в те годы организовывались под непосредственным руководством и участием главы Республики Турции Кемалем Ататюрком. Об этом очень подробно пишет в своей книге об отце «Sadri Maksudi Arsal» и Адила Айда-Максуди. Там описывается активное участие Садри Максуди на заседаниях этого общества. Готовясь к этим мероприятиям, он в те годы написал ряд трудов по изучению тюркских языков и истории тюркских народов. В 1930-х годах он написал, например, большой труд об

устройстве среднеазиатских тюркских государств (Orta Asya turk dewletleri. — Анкара, 1934).

Как сообщается в книге «Казан төркиләре», Г. Баттал к работе по созданию «Словаря якутского языка» и перевода двухтомного «Большого киргизского словника» профессора Юдахина приступил именно по рекомендации главы Республики Турции. Двухтомник киргизского словаря был издан им уже после войны — в Анкаре в 1945 и в Истанбуле в 1948 году. А с начала 1990-х годов, когда установились взаимоотношения между республиками Киргизстан и Турция, по сообщению А. Биринджи, этот труд Г. Баттала был переиздан трижды. А «Словарь якутского языка» также издан в 1945 году в Анкаре, но это был уже коллективный труд (с участием Г. Г. Баттала).

Вскоре после переезда в Турцию его принимают членом «Общества по изучению турецкого языка», и он участвует почти во всех его мероприятиях. Некоторые его труды по языкознанию написаны и выполнены по заданию данного общества. Он издаёт отдельной книгой в 1934 году тюркскую часть словаря Джамалетдина ибне Мухинна «Ибне Мөһанна лүгәте». По данным Али Биринджи, Дж. Мухинна являлся последователем и учеником Махмуда Кашгари.

Другой важной его работой в области языкознания является не изданный до сих пор перевод труда татарского автора XIX века Габделкаюма Насыри «Ләһжәи татари» («Татарские наречия», с предисловием и комментариями переводчика). По некоторым сведениям, рукопись этого перевода Г. Баттала хранится в настоящее время в библиотеке данного общества, переименованного после войны в «Общество языка» — «Дел жимһүрияте».

При содействии данного общества в 1968 году в Анкаре Г. А. Баттал-Таймас издал отдельной книгой на турецком языке «Казан төркичәсендә мәкальләр вә әйтемнәр» («Пословицы и поговорки на казанском тюрки», 151 страница текста). Это был его последний труд за 65-летний период его творческой деятельности, изданный при его жизни. Книга повторно вышла в Анкаре в 1988 году.

К этой же категории трудов можно отнести его некоторые очерки и статьи, вышедшие в коллективных книгах. По данным Али Биринджи, в книге Юсуфа Акчуры «Түрк Yılı», изданном на турецком языке в 1928 году, разделы «Город Анкара» и «Казанские тюрки» писал Г. Баттал. И во 2-м томе книги, изданном в Висбадене в 1964 году на

французском языке, посвящённом тюркоязычной литературе, разделы по литературе казанских и крымских татар также были написаны им. А в книге «Казан төркиләре» имеются сведения об изданном на немецком языке в издательстве Холланда Брилл сборника «Handbuch der Orientalistik», где вышла его статья, посвящённая новым представителям татарской литературы.

В журнале «Төркият мәжмугасы» («Тюркский сборник») в 1955 году он напечатал большую статью об известном крымском поэте: «Кырымлы Бәкер Чобанзаде шигырьләре». А в журнале, издаваемом в Мюнхене (Германия) на тюркских языках «Dergi» им были напечатаны обширные статьи об известных общественных и политических деятелях, выходцах из татар: в № 7 за 1956 год «Об известном мыслителе и историке Ризе Фахрутдинове», в № 9 за 1957 год о Садри Максуди-Арсал, в № 13 за 1959 год о Галимджане Баруди и в № 22 за 1960 год статья «Национальные традиции Казанских тюрков».

В те же годы в двух журналах Турции вышли его интересные статьи-воспоминания о Гаязе Исхаки («Türk Dili», 1954), о Габдулле Тукае, Юсуфе Акчура, о казанских писателях начала века Фатихе Амирхане и Джамалетдине Валиди, об Исмагиле Гаспринском («Türk Kulturu», 1963–1968). Также вышли в Истанбуле отдельным изданием четыре книги, посвящённые бывшим его учителям и соратникам: 1) «Ризаэддин Фахретдин углы», 1958 год; 2) «Муса Жарулла Биги», 1958 год; 3) «Алимжан Баруди», 1958 год. В этой книге, имеющейся в моей библиотеке, также можно найти сведения о следующих деятелях из татар, имевших общие взаимоотношения с будущим муфтием мусульман России Галимджаном Баруди: четыре брата Шараф — книжные издатели, журналисты; драматург, издатель журнала, соратник Г. Тукая по журналистским делам Галиаскар Камал; артист, драматург Карим Тинчурин; доктор Абдулбари Кошай; бывший шакирд Баруди — Сибгатулла Давлетгильдиев; военный врач Абдулхай Идель. Трое последних после революции жили и работали в Турции; 4) «Ике Максуди: Садри Арсал, Әхмәд һади», 1959 год. Последняя книга издана и в Казани: в издательстве «Фэн» в 1999 году в переводе на татарский и русский языки академиком-филологом Аббаром Каримуллиным.

В период жизни в Турции Г. А. Баттал-Таймас сотрудничал со многими газетно-журнальными изданиями

как в самой Турции, так и за пределами страны. Так, он активно участвовал в некоторых изданиях, выходящих под редакцией его давнего соратника Гаяза Исхаки. Например, в журнале «Яңа милли юл», издававшейся в Берлине в 1928—1939 годах на татарском языке. В Турции также выходили газеты и журналы на крымско-татарском, азербайджанском языках. Например, в «Яңа Кафказии», издававшейся в 1920-х годах Мехмедом Расул-заде, его статьи появлялись ещё в период его жизни в Финляндии. Также выходили издания на языках среднеазиатских тюркских народов («Яңа Төркестан», например). Габдельбари Баттал сотрудничал и с этими изданиями.

Какие заметные произведения были написаны и изданы Г. А. Батталом-Таймасом в Турции? Вышли три издания книги «Казан түрклері» — в 1925, 1966 и 1989 годах. В переводе на татарский язык книга увидела свет в 1996 году. Первым значительным трудом, написанным им в Турции и изданным отдельной книгой в Анкаре в 1927 году, считается «Рәсәйдән киткән милләтләр» («Нации, покинувшие Россию»). После войны, в 1947 году в Истанбуле вышла его книга, посвящённая событиям революционных лет в России — «Рус ихтилялыннан хатирәләр» («Воспоминания о русской революции»). Учёный А. Биринджи пишет, что эта книга представляет собой редкий источник по политической деятельности тюрков (татар) и о тюркской интеллигенции периода революции (в России). Книга была частично дополнена и повторно издана в Истанбуле в 1968 году.

Второй том воспоминаний об этом периоде жизни автора и о событиях тех лет был издан в Истанбуле в 1962 году и назывался «Мин бер яктылык эзләгән идем» («Я искал светлое будущее»). В 2000 году эти книги вышли в Турции повторно. В переводе на татарский язык вторая книга была издана в 2003 году в Казани Татарским книжным издательством.

После путешествия в город Ризу, в 1950 году он издаёт в Анкаре книгу «Яшел Ризе вә аның иле (өлкәсе)» («Зелёный Ризе и его область»).

Умер Г. А. Баттал-Таймас почти в 89-летнем возрасте 26 апреля 1969 года в городе Истанбуле. Похоронен на старинном кладбище Караджа-Ахмет, где покоятся также многие видные деятели Турции. Среди написавших впоследствии о нём и о его жизни в Турции есть и дочь Гаяза Исхаки — Сэгадаты-ханум Чагатай. Она также отмечала,

что Г. А. Баттал-Таймас в последние годы был занят написанием воспоминаний о годах жизни в Турции. Но судьба этой рукописи пока неизвестна.

Долгие годы он сосредоточенно изучал всемирно известный труд Махмуда Кашгари «Диване лугәте түрк» и работал по его пропаганде. Первые его статьи об этом уйгурском авторе и его труде были им изданы в журнале «Төркият мәжмугасы» (Истанбул) в 1940—1950-х годах. Это были критические статьи к переводу данного труда, выполненного Ахметом Бесимом Аталаем. Согласно некоторым воспоминаниям, и в последние годы жизни он обращался к этому интересному труду Махмуда Кашгари. Но его изыскания вроде бы остались тогда только в рукописях. Возможно, рукописи потом были использованы его последователями и этот труд был издан ими. Такую надежду оставляет у нас ниже приводимый текст. Да, об этой серьёзной работе Г. А. Баттал-Таймаса есть обнадеживающие сведения в очерке профессора Али Биринджи, изданном в 2011 году у нас в журнале «Научный Татарстан»: «Являясь членом Турецкого лингвистического общества, Г. Баттал внёс огромный вклад в создание языкового и культурного богатства Турецкой Республики; перевёл или принимал участие в переводе словарей... Одна из важных работ — «Divanu Lugatit-Türk» тоже вышла из-под его пера».

У нас, на его родине, о творческом наследии Г. Г. Баттала пока мало известно. Многие делегации, побывавшие в Турции, например, почти каждый раз посещают могилы Ю. Акчуры, Г. Исхаки, привозят фотографии этих могил. Но пока никто из них не побывал на могиле стоящего почти на том же уровне по творческому наследию общественного деятеля, историка, писателя и лингвиста Г. Баттала. Потому — что многие не знают его трудов, не интересуются ими. Считают, что эти труды нужны и важны были только для турецкой общественности, для Турции.

Опять обратимся к вышеуказанному труду турецкого учёного-филолога и прочтём его оценку деятельности нашего земляка. «Несомненно, Г. Баттал-Таймас один из заслуживающих внимания мыслителей и лингвистов XX века... Он всю жизнь занимался самообразованием. Владел арабским, персидским, русским, французским, финским и несколькими тюркскими языками. С этой точки зрения найти подобных ему из современников практически невозможно... Его книги и статьи являются простым доказательством этого... Он много писал о Казани. (Доба-

вим от себя — и о многих деятелях-казанцах.) Возможно, больше всех... Своими трудами он внёс вклад не только в историю Казани, но и в жизнь турецкую. Он, вероятно, является одним из самых достойных и преданных писателей тюркского мира XX века...»¹

В дни первого Всемирного конгресса татар — осенью 1992 года я немного общался с Махмудом Алюкаем, приехавшим из Истанбула. Он с начала 1970-х годов являлся одним из руководителей татарской диаспоры в Турции. Участвовал в организации издания там журнала «Казан». Был хорошо знаком со многими выходцами из России. Особенно тепло отзывался он об Адиле Айде — дочери С. Максуди. (Наша Гадилэ родилась в 1912 году в Петербурге, до отъезда осенью 1922 года за отцом в Берлин почти десять лет жила в Казани и Оренбурге.) Говорил, что в Татарстане её, видимо, не признают. Интересные и очень важные и для татар её труды на родине не издаются. Вспомнил он о её большом труде «Этрускар түрк иделәр» («Этруски были тюрками»)... А семьи Г. Г. Баттала и Махмуд-ага, по его словам, дружили давно. И сообщил он, что некоторые его труды ещё не напечатаны. После смерти его жены, он о судьбе творческого наследия Г. Баттала ничего не знает...

Да, Батталовы после выхода Газизы на пенсию в 1953 году, переехали опять в Истанбул — «ближе к родине». Газиза умерла в 1975 году. Сын их Билгивар в девяностых годах жил в другом городе. «Дочери его Зайнап и Улькер заняты своими делами, архивом деда не интересуются...» Вот так грустно мы попрощались тогда с Махмуд-ага Алюкаем. В те годы ещё у нас никаких сведений о Г. Г. Баттале, кроме иногда появлявшихся в печати набора слов «белые эмигранты Г. Исхаки, Г. Баттал, Ф. Туктаров...», ничего и не было. К переводу его исторической книги «Казанские тюрки» по рекомендации известного историка и археолога Р. Фахрутдинова приступили в 1994 году. Я являюсь редактором этой книги и автором небольшой ознакомительной статьи. Перевод книги был выполнен доцентом Казанского университета Асиёй Рахимовой. Книга издана на татарском языке в 1996 году.

¹ *Биринджи А. Габдулла Баттал-Таймас // Научный Татарстан. — 2011.*

Габдельбари Баттал и Абдулла Баттал-Таймас — одно лицо, одна личность. Пора уже нам создать единый образ, соединив российского и турецкого Баттала. Он же един и разделила его биографию (и творчество) только злая судьба времени. И пора уж и нашим учёным обратить внимание на отдельные научные его труды. И переиздать их для дальнейшего усвоения и углубления этих знаний, накопленных нашими учёными умами, созданными им за рубежом.

И небольшое сообщение для любителей писать его фамилию как «Саетбатталов». У меня имеются выписки из архивов Оренбурга и Самары, где ни один из представителей рода прадеда Саетбаттала не зафиксирован такой фамилией. В период нахождения в России Габдельбари, может быть, иногда как псевдоним использовал имя прадеда. Но официально он и тогда носил фамилию Батталов.

2010

ЛЮБИМЕЦ ДВУХ РЕСПУБЛИК

Достойная уважения черта татар — стараться быть всегда на виду при исполнении им порученного дела. Будь хоть на войне, или на мирном покосе — большинство татар постараются выполнить порученное дело добротнo, вовремя, хотя бы ценой своей жизни. Такое качество воинов-татар отмечено как бывшими царскими полководцами, так и советскими генералами. Некоторые участники последней крупной войны вспоминали: чтобы достичь победы над врагом на битве при Курской дуге даже маршал Жуков применил тактику использования в авангарде атаки полков, сгруппированных из наших соплеменников.

И сегодня татары, где бы они ни жили, стремятся быть впереди, занимать высокие должности. Среди представителей нашего народа довольно много тех, кто добился славы на избранном поприще. Такого успеха они достигли благодаря тому, что были более талантливее, искуснее в выполнении выбранного ими дела. Не останавливаясь пофамильно на героях Великой Отечественной войны, укажем только, что, согласно сведениям историков, наши соотечественники при пропорциональном подсчёте занимают одно из первых мест. Или возьмём другие сферы деятель-

ности. Из современников, к примеру, достигших значительных высот в таком крупном государстве, как Китай, можно считать нашего земляка из Буинского уезда — Бургана Шахиди, или учёных, получивших почётные звания мирового уровня, — Роальда Сагдиева, Гаруна Тазиева, Рашида Сюняева, танцоров Рудольфа Нуриева, Ирека Мухамедова. Или вспомним нашего академика, историка, литературоведа Миркасима Усманова, получившего начальное образование в далёком китайском городке. В том же ряду и родившиеся в Узбекистане братья Акчурины, архитектор Мидхат Булатов, родившийся и выросший на Дальнем Востоке певец Гали Ильясов, выросший в Сибири шахматист Гата Камский. Деда его, неутомимого театрального режиссёра Гату Сабирова-Камского из города Орска, граничащего с Казахстаном, я знал лично. Ещё много-много наших современников оставили свой яркий след в том бурном веке. Все они выходцы из нашего народа. Надо лишь не забывать об их существовании, вспоминать их чаще.

* * *

С казахским государством, с казахским народом наши деды были в особенно близких отношениях. Потому что из родственных тюркских языков их речь наиболее близка к нашей. Ближе, чем их язык, наверное, только башкирский и каракалпакский языки, конечно, если не брать в счёт кумыкский и карачаевский языки, которые не распространены на больших территориях. Необходимо также отметить, что казахский народ, в основном, называет нас ногайцами, потому что когда-то граничившее с их страной одно из татарских государств называлось ногайским.

Казахский народ вёл преимущественно кочевой образ жизни, не строил больших сёл и городов, из-за этого у них были редки и постоянно работающие школы-медресе. Поэтому большая часть казахской молодёжи, желавшей получить образование, училась в татарских медресе, расположенных у границ степи в Оренбурге, Троицке, Омске, Орске, Уфе. Таким образом, будущая интеллигенция обоих народов общалась между собой ещё с юношеских лет. Пожалуй, будет уместным привести и несколько примеров. Один из прославленных личностей казахского народа Абай (имя, данное муллою — Ибрагим), сын Кунан-

бая — султана своего рода, получил образование в медресе Ахмета Ризы в городе Семипалатинске. Там раскрылся его литературный талант — были написаны первые произведения. Во время учёбы в медресе он начал знакомиться с трудами восточных литературных и общественных мыслителей. Отмечается, что позднее он уделял внимание и книгам Шигабутдина Марджани. Всю жизнь общался с представителями татарского народа. И его семейные связи служат тому примером: средний сын Абиш (Абдурахман) женился на девушке из нашего народа Магрифе, младшая дочь Кинже была выдана замуж за Салимгазия, внука муллы рода Кунанбаевых. Надо, наверное, упомянуть и то, что первые книги Абая, изданные посмертно на казахском языке, тоже увидели свет в татарских типографиях: книга «Стихи Ибрагима Кунанбаева» издана в 1909 году в Санкт-Петербурге в типографии крымского татарина Ильяса Бораганского. Второй сборник — «Абай тирмәсе» («Юрта Абая») напечатан в 1916 году в Оренбурге в типографии Рамиевых..

Поучительна и судьба Чокана Валиханова, сына другого султана, потомка большой династии ханов. Начальное образование он получил также в татарском медресе в Омске. Потом его отдали в расположенную в том же городе военную школу. Там он учился вместе с Шагимарданом Ибрагимовым, выходцем из рода оренбургских мурз. Начав издавать в 1870 году в Ташкенте на казахском и узбекском языках еженедельную газету «Төркестан вилаяте гәжите» (выпускалась наряду с «Туркестанскими ведомостями»), Шагимардан одним из первых разместил в ней произведения Чокана Валиханова. Хочу напомнить, что это была первая тюркоязычная газета в Царской России. Значит, можем утверждать, что первое использование печатного казахского языка известно с этого времени. Вторые-третьи тюркоязычные газеты начали выходить через несколько лет в городах Баку и Тифлисе на языке «кавказских татар», то есть на азербайджанском. А следующая газета на казахском языке — «Дала вилаяте гәжите» («Газета степной области») издавалась в городе Акмолинске с 1888 года. Как указано в одной работе, в 1890-х годах её тираж достигал 1300 экземпляров. В деятельности этой газеты тоже активно участвовали наши соплеменники, в ней постоянно можно было увидеть статьи, напечатанные в переводе с

татарского. Кроме стихов акынов того времени, таких как Абай, на страницах данной газеты увидели свет и первые печатные рассказы. Автором этих рассказов был Ибрай Алтынсарин — учитель русско-казахской школы в городе Оренбурге...

Велик и список представителей нашего народа, родившихся в государстве братского казахского народа или ставших на ноги в том краю и оттуда выступивших на широкую арену. Когда речь заходила о начальном периоде творчества Тукая, некоторые наши учёные раньше тоже поговаривали, что «если бы он не попал в Уральский гольфстрим, возможно, и не смог бы достичь таких высот». Известный дирижёр, академик музыкальных искусств, народный артист ТАССР, Казахской ССР и Российской Федерации, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая Фуат Мансуров — деятель, родившийся в слободке рядом с городом Алма-Ата, получивший начальное образование в музыкальных школах этого города. И первые творческие шаги в игре на скрипке наш будущий знаменитый композитор Загид Хабибуллин тоже начал делать в городе Актюбинске этого государства. Родившийся в Агрызском районе Сабир Шарипов с шестнадцати лет жил среди наших близких братьев, именно там прославился и как писатель, и как общественный деятель. Позже, в тридцатых годах, на него было возложено руководство освоением открытого в устье реки Эмба, на Каспийском побережье крупного нефтяного месторождения. В конце тридцатых годов он уже был назначен в Иране одним из руководителей совместной с СССР нефтяной компании. Знаем мы и двух братьев нашей национальности — Муслима и Ришата Абдуллиных, родившихся в Казахстане, достигших больших высот, умело исполняя арии в Казахском театре оперы и балета имени Абая, и удостоенных звания народного артиста СССР. Раньше они по радио частенько исполняли очень искусно и наши национальные мелодии... Перечисленные личности — это ещё только те, кто на самой поверхности закров памяти. Общих сынов и дочерей двух братских народов очень и очень много.

Сегодня я хочу написать подробнее об одном из таких прославленных наших личностей. Да, известный в татарском и казахском мире, знаменитый композитор Латиф Хамиди тоже из таких особ. В семидесятых годах мне

суждено было два раза встречаться и подолгу говорить с ним в Алма-Ате. А в пятидесятых годах прошлого века я четыре года учился в городе Актюбинске. И в то время мне часто доводилось слышать его песни, симфонические произведения, арии из опер по радио. И проживавшие в том городе наши многочисленные соотечественники часто вспоминали его, называя «безнец кеше» («наш человек»). После этого мы виделись с композитором и в Казани. Помню, как после какого-то торжественного вечера в оперном театре мой земляк Джаудат Файзи указал на своего расторопного, немного худощавого спутника и познакомил с ним, сказав: «Это вот Латиф-ага Хамиди». В то время он ещё часто приезжал в родные края. Из его близких друзей, с которыми вместе учились в Московской оперной студии, тогда ещё были в полном здравии и творили с широким размахом Джаудат Файзи, Мансур Музафаров, Загид Хабибуллин и другие. Их музыкальные произведения не сходили со сцен. Почти на каждом вечере исполняли их полюбившиеся народному сердцу песни. Несколько произведений Л. Хамиди тоже очень часто повторялись на литературно-музыкальных вечерах, организованных в Казани. Зрители с особенной любовью принимали его песню «Былбыл» («Соловей»), которую он написал, связав воедино татарскую и казахскую лиричность и звучность. Лучше всех у нас эту песню исполняла раньше Наджия Теркулова. А в Казахстане — в настоящих соловьёв превращались народные артисты Куляш Байсентова, Бибигуль Тулегенова. В своё время также были очень популярны его песни: «Первый вальс» — написанная на слова Мусы Джалиля, и «Казахский вальс» на стихи одного из основателей казахской советской литературы Сабита Муканова.

Латиф Хамиди очень своеобразный композитор. Детство своё провёл в Средней Азии, среди татар, казахов и узбеков. Даже в его мелодии с татарским звучанием вливаются напевы наших братских казахских и узбекских народов, обогащая мотив музыки. Как примеры своеобразного выражения такого явления надо, наверное, перечислить те самые популярные песни «Соловей», «Казахский вальс» и «Первый вальс». И его «Татарская сюита» — очень интересное произведение. Но, кажется, с 1990-х годов она у нас не исполняется.

Наша первая встреча с народным артистом Казахской ССР Латифом Хамиди в Алма-Ате случилась неожиданно. Руководство Союза писателей Татарстана где-то в середине октября 1974 года направило меня по работе в Союз писателей Казахстана для укрепления взаимного сотрудничества, уточнения-выяснения возможностей публикации произведений татарских писателей в Казахстане, казахских — в Татарстане. В те годы ведь октябрь был и месяцем оформления подписки на периодические издания. Как там идёт подписка среди наших братьев на журналы «Казан утлары», «Азат хатын», «Чаян», сколько в республике наших абонентов? Поручено было уточнить и это. В то время на земле родственного нам казахского народа проживало около четырёхсот тысяч татар. Сходил я в управление братской республики, организующее подписку на печатные издания. Там очень порадовали словами: «Ваши земляки очень охотно подписываются на газеты и журналы. А в нашем центральном управлении и в областных управлениях работает довольно много женщин-татарок, в период подписной компании они очень активно участвуют в распространении вашей прессы. Татарские журналы у нас расходятся не меньше, чем журналы на казахском языке». В газете «Казахская литература» также поместили мою небольшую заметку, посвящённую деятельности журнала «Казан утлары» в следующем году.

В то время ещё наши соотечественники, проживающие в казахской, узбекской братской республиках, поддерживали тесную связь со своими родными краями, могли выписывать газеты-журналы за довольно низкую плату. Скажем, в семидесятых годах годовая подписка на журнал «Казан утлары» даже в расположенном на краю земли Владивостоке ведь стоила, как и в Казани, всего шесть рублей...

Естественно, как только прибыл в Алма-Ату, я в первую очередь отправился в здание Союза писателей. С председателем правления союза Ануаром Алимжановым мы уже один раз встречались раньше в Москве. Он в основном писал произведения, связанные с историей своего народа. А. Алимжанов подарил тогда мне свой роман «Гонец», где одним из главных героев был изображён наш человек

Кутлу-Мухаммед Тевкелев. В середине XVIII века царским правительством Тевкелев был послан в Казахстан для ведения переговоров с казахским ханом Абульхайром. И роман был посвящён этим событиям. В те же годы я перевёл на татарский язык повесть Ануара «Сувенир из Отрара», описывающую историю рода хана Бабура, завоевавшего когда-то Индию. Значит, творчество А. Алимжанова было мне уже немного знакомо.

Сидим разговариваем в просторном рабочем кабинете Ануара. С самого начала он рассказал, что его супруга тоже нашей национальности и поэтому он издавна интересуется татарской культурой, татарской литературой. Сказал тогда, мол, не пропускаем ни одного выступления артистов, приезжающих из Татарстана и Башкортостана. Особенно любим пение Ильхама Шакирова и Рената Ибрагимова. «Никогда не возвращаюсь из Москвы, не купив какую-либо татарскую книгу», — сказал он тогда.

Позже, когда я стал ближе общаться с казахскими друзьями, выяснил, что многие из их интеллигенции советского периода в той или иной степени были в родстве с представителями моего народа. Из известных писателей, с которыми общались по-дружески, такими личностями были Шерхан Муртазаев, Саин Муратбеков, Сатимжан Санбаев, Мурат Ауэзов, Анас Сараев. У них — если не супруга, то мать или бабушка нашей национальности. А среди интеллигенции более старшего поколения таких смешанных семей ещё больше. Говорили, что и супруга удостоенного звания Героя Социалистического Труда писателя Габита Мусрепова тоже татарка, выросшая в Москве. Такие смешанные семьи были в те годы распространены и среди учёных, композиторов, артистов.

Конечно, мы поговорили с Ануаром и о работе союзов писателей, о деятельности книжных, журнальных издательств. И, видимо, засиделись надолго за разговором. Секретарь, зайдя в кабинет вновь с чашками чая, спросила:

— Там Вас дожидается председатель Союза композиторов. Когда ей разрешите зайти?

Ануар ответил:

— Пусть заходит, у нас нет секретов.

В кабинет вошла очень симпатичная ханум. Ануар представил меня этой стройной, приятного вида, среднего возраста ханум:

— Лирон Хамидуллин. Из Казани...

— Газиза Жубанова, — сказала ханум, здороваясь.

С композитором Ахметом Жубановым я был знаком понаслышке. Это человек, написавший несколько опер вместе с Л. Хамиди. Он был родом из Актюбинской области и часто бывал в этом городе как избранный отсюда депутат.

— Мне приходилось слышать, читать о композиторе Ахмете Жубанове. Он ведь из Актюбинской области... Вы тоже из этого рода? — спросил я.

Ханум улыбнулась, а ответил Ануар:

— Да, покойный Ахмет-ага — отец Газизы. Сейчас она исполняет обязанности отца, руководит композиторами и является ректором нашей консерватории.

Газиза тоже присоединилась к разговору, спросила:

— Вы знаете композитора Латифа Хамиди?

— Знаю. Один раз даже встречались в Казани. Он ведь написал несколько опер вместе с Вашим отцом...

Газиза расспросила меня, на сколько дней я приехал, где остановился.

— Гость издалека, мы разместили его в центре, в гостинице рядом с театром оперы, — ответил за меня Ануар.

— Не скажете номер Вашей комнаты?

Я не стал уточнять, для чего она спросила, назвал номер комнаты. И ушёл, распрощавшись, полагая, что у двух руководителей, наверное, есть свои темы для разговора, обсуждения. А вечером, стоило только вернуться в номер после ужина, тут же кто-то позвонил:

— Вы Лирон Хамидуллин? Если я приду сейчас, сможем пообщаться? Это Латиф-ага Хамиди говорит.

Значит, Газиза Жубанова спрашивала мой номер в гостинице, чтобы угодить Латиф-ага. И фамилию мою уточняла несколько раз: видимо, учла и то, что Хамидуллин и Хамиди близки друг к другу.

Латиф-ага очень быстро пришёл в гостиницу. В руках свёртки с изюмом, яблоками...

— Я ведь живу тут, на улице Тулебаева, рядом с оперным театром. Да, недалеко отсюда. И с народным артистом СССР, покойным Муканом Тулебаевым были соавторами, друзьями. И гимн Казахстана вместе писали. Третьим соавтором позже прикрепили к нам Е. Брусилковского...

Латиф-ага родился в 1906 году в деревне Бували, входящей в состав нынешнего Кайбицкого района Татарстана. С семи лет жил в городе Каттакурган, ныне входящем в состав братской Узбекской Республики. За годы учёбы там он научился играть на мандолине. А потом, посещая открывшуюся после 1917 года музыкальную школу, — на фортепиано. Вскоре в стране начались большие перемены. В апреле 1918 года в Ташкенте была создана новая власть, призванная защищать интересы всех национальностей в регионе, где жили Хамидуллины, — Туркестанская Советская Автономная Республика. В неё входили южно-западная часть современного Казахстана и северные области земель, где проживали узбеки. Правда, почему-то эту автономную республику, созданную одной из первых на территории СССР, советское правительство потом редко вспоминало. Кажется, она была излишне самостоятельной. В изданном в 1940 году объёмном официальном справочнике и она, и созданная в 1920 году Казахская Автономная Республика упоминаются только мельком. А для остальных республик в этом справочнике отведены целые страницы. Вероятно, причину надо искать и в том, что в 1937—1938 годах были уничтожены организаторы Туркестанской национальной автономии, в том числе её председатель, «националист» Турар Ырыскулов.

В 1919 году руководителем Комиссариата народного просвещения Республики Туркестан был назначен татарский писатель Шагит Ахмадеев. (И на многие другие руководящие органы пришли представители нашего народа. Скажем, Карим Хакимов, прошедший становление в медресе «Хусаиния», вскоре станет во главе коммунистов Туркестанской АССР.) В 1920 году в столице автономии Ташкенте начал работать Дом знаний («Белем йорты»), объединивший тюркские народы. Там же открылся Институт народного просвещения с татарскими, узбекскими, казахскими отделениями. Латиф Хамиди тоже поступил в этот институт и окончил его в 1926 году. Среди преподавателей института из известных нам личностей можно было встретить Габдурахмана Сагди, Гибада Алпарова, Кабира Бакира, Зарифа Башири. Поэт Хади Такташ тоже какое-то время преподавал там.

Этот Институт народного просвещения отовсюду притягивал к себе молодёжь, жаждавшую получить образование. В одно время в учебном заведении стал появляться и Мухтар Ауэзов. Один из бывших руководителей Казахской Автономной Республики, организованной в апреле 1920 года в городе Оренбурге. Заведённое в те годы знакомство с «комиссаром Мухтаром», ещё и пишущим рассказы с интересным содержанием, оставит большой след в дальнейшей судьбе молодого музыканта Латифа.

Для Л. Хамиди годы, проведённые в этом Доме знаний, стали временем творческой закалки, становления на ноги. В этот период он участвовал в музыкальном оформлении некоторых сценических произведений. Там родились его первые мелодии. Там он иногда исполнял их на мандолине и фортепьяно на культурно-художественных вечерах. В тиражируемом здесь на гектографе журнале «Дом знаний» рядом со стихами узбека Гафура Гуляма, казаха Мухтара Ауэзова, Хади Такташа и многих других поэтов размещались и образцы поэтического творчества Л. Хамиди. Преподаватель литературы в этом институте Габдурахман Сагди не сомневался, что в будущем он сможет прославиться как поэт.

Да, во время учёбы в этом институте и проживания в этой особенной среде стали исполняться первые песни Л. Хамиди. Здесь он написал татарскую песню, названную впоследствии «Первый вальс». (Позднее эта мелодия вместе со словами Мусы Джалиля была опубликована в московском журнале «Октябрь баласы» («Октябрёнок») под названием «Песня урожая»). С Мусой Джалилем они встретились в первый раз в Казани в 1924 году. Наблюдавшие творческое развитие Латифа соотечественники посоветовали ему ехать в Казань, поступать во вновь открывшийся Восточный музыкальный техникум. Руководитель института, творчески мыслящий Габдулла Мустакаев, довольно много стихов которого были опубликованы когда-то в журнале «Шура», тоже поддержал эту идею. Посоветовал: «Езжай, решайся!». Весной 1924 года Латиф собрался в дальний путь. Но поездка оказалась неудачной, его не приняли в Казанский музыкальный техникум. Вернувшись в Ташкент, он продолжил учёбу в институте.

После получения свидетельства об окончании института он принял решение поступать в Московский музыкальный техникум. В это время уже и его учитель по Каттакурганской музыкальной школе, искусно играющий на мандолине наставник Гимад Тимербулатов вернулся и обосновался в Москве. Он очень тепло встретил Латифи в Москве. Разместил в своей квартире в известном доме Асадуллаева. И после поступления на отделение композиции Первого Московского музыкального техникума и переезда в общежитие техникума он частенько приходил в гости к Гимад-ага. В один из визитов, осенью, он рядом с этим домом снова встретился с Мусой. Оказалось, и Муса в 1927 году приехал на учёбу в Москву и поселился на квартире у давних знакомых Давлетшиных, живущих тоже в доме Асадуллаева. С той осени завязалась творческая дружба двух известных деятелей. И продолжалась более десяти лет.

Они вместе написали слова и музыку нескольких очень популярных в то время песен. Это в основном адресованные молодёжи и детям «Комсомол жыры» («Комсомольская песня»), «Көз житте» («Осень»), «Күңелле яшьләр» («Весёлая молодёжь»), «Ленин турында жыр» («Песня о Ленине»). Молодёжь с удовольствием распевала их и на улице, и в учебных заведениях. И «Кызыл очкыч жыры» («Песня о красном самолёте»), как марш, пришлась по душе многим, а романс «Син дулкыннар тавышын тыңладыңмы?» («Слушал ли ты шум волн?») запомнился внесением новизны в татарскую музыку. Латиф Хамиди написал несколько мелодий и на стихи Ахмета Ерикяя, проживавшего тогда в Москве. Многие из этих песен были опубликованы в журналах, в которых Муса Джалиль работал редактором.

Л. Хамиди окончил техникум в 1931 году. Но, не пожелав расставаться с друзьями и творческой работой, остался жить в Москве. В это время его уже назначили заведующим отделом музыки журнала «Октябрь баласы». И работал он там до закрытия журнала в декабре 1932 года. Вёл также уроки музыки в татарской школе, расположенной в том же доме Асадуллаева, сотрудничал с «Центриздатом», издававшим книги на национальных языках. Лишь после распределения на работу в Казахстан его отношения с московскими друзьями немного охладели.

Латиф-ага примерно так объяснял мне причины своего первого распределения на работу в Казахстан. Во-первых, он до этого жил в Средней Азии, общался там с представителями разных национальностей, знает обычаи, языки проживающих там народов. Как бы подтверждая всё это, Латиф-ага сказал тогда:

— Казахские друзья и сейчас иногда шутят, мол, «стоит тебе только оказаться в Ташкенте, тут же в узбека превращаешься».

Во-вторых, это было время, когда центр уделял большое внимание развитию казахской культуры. В начале тридцатых годов в таких крупных городах Казахстана, как Алма-Ата, Кзыл-Орда, Семипалатинск, один за другим были созданы несколько национальных театров. Было принято постановление об основании оперного театра. И в 1933 году он уже был открыт.

— Почему для казахского края были такие ускоренные меры? Ведь не знаете вы... В России никто не знает ни про ужас здешнего голода тридцатого года, ни про народный бунт. И у нас об этом ничего не пишут. Об этом нельзя ни писать, ни говорить. Это всё я тебе говорю только по секрету...

Да, есть некоторая информация о восстании казахского, киргизского народа в 1916 году против царской России. Но и эти сведения не выходят за пределы двадцатых годов прошлого века. В томах «Большой Советской энциклопедии», изданных в последние годы, мне подобная информация не встречалась. Возможно, я не смог правильно определить название статьи, посвящённой этому бунту. А уж о получивших широкое распространение восстаниях 1930 года и говорить нечего. Об этом можно только в какой-то степени догадываться, читая биографии некоторых известных людей, участвовавших в тех событиях, понёсших наказание и позже реабилитированных. Впрочем, в одном или двух своих произведениях покойный Ануар Алимжанов тоже намёками упоминал об этих событиях так, чтобы только знающие люди могли понять.

Да, про восстание части казахского народа в 1930 году у нас не опубликовано никакой информации. Наверное, забыты и те сообщения, которые были в чужих краях. Но после этих событий взгляд советского правительства на жизнь и быт казахского народа поменялся в корне. Было ускорено возведение новых промышленных соору-

жений на бескрайних казахских просторах. Из разных концов страны сюда были направлены опытные специалисты. Наравне с теми, кто приезжал самостоятельно, по собственному желанию, здесь находилось место и многочисленным учёным, профессорам для отбывания срока «ссылки». Мне кажется, эта же волна захлестнула и потянула за собой и нашего Латиф-ага Хамиди.

* * *

В 1933 году в «Центриздате» увидел свет сборник этнографа и композитора Александра Затаевича «Пятьдесят песен казахстанских татар». Редактором книги был Л. Хамиди. И казахской интеллигенцией книга была принята с одобрением. Они пригласили Латифа Хамиди возглавить музыкальный отдел открытого в Алма-Ате Казахского драматического театра. Оказывается, одним из основателей этого театра был Мухтар Ауэзов, давний знакомый Латифа. Он же был одним из организаторов приглашения его в Алма-Ату. На Л. Хамиди была возложена обязанность по музыкальному оформлению нескольких его пьес, запланированных к постановке в этом театре. Среди них была и драма «Абай». Таким образом, Л. Хамиди здесь впервые вблизи познакомился с жизнью и творчеством Абая. После пьесы М. Ауэзова, основанной на эпосе «Кубланды-батыр», он также написал музыку к его драме «Абай». Одновременно на Л. Хамиди была возложена задача организации коллектива хора при радиокомитете Казахской ССР. В течение этих двух-трёх лет родились его первые казахские песни, написанные в стиле казахских народных лиричных мелодий. Очень удачной получилась песня, написанная на стихотворение Ильаса Жансыгурова «Кызыл кыран» («Красный сокол»), посвящённое Красной Армии. Её хвалили, пели всюду...

В эти годы ещё Латиф Хамиди не совсем отошёл от своих коллег по творчеству в Казани и Москве. Жил мечтами поработать в Казахстане какое-то время, набраться опыта и вернуться в родные края. Поддерживал связь с Мусой Джалилем, Мансуром Музафаровым, с которыми общался в годы учёбы в Москве. Знал и о том, что при Московской консерватории открывается татарская оперная студия. Ему также сообщили о возможности быть принятым в эту студию и получить высшее музыкальное образование. И в 1936 году он снова прибыл в Москву.

Начал постигать здесь секреты создания серьёзных музыкальных произведений вместе с прежними и новыми друзьями, товарищами по творчеству. В этот период вместе с ним за партами сидели Салих Сайдашев, Мансур Музафаров, Джаудат Файзи, Загид Хабибуллин, Фарит Яруллин, Назип Жиганов. Именно в эти годы Латиф-ага начал обрабатывать для хора и записывать на ноты такие любимые татарским народом мелодии, как «Галиябану», «Каз канаты» («Гусиное крыло»), «Ком бураны» («Песчаная буря»), «Су буйлап» («По воде»), «Сарман» («Сарманово»), «Шомыртым» («Моя черёмуха») и другие. Он и позже не охладел к этому занятию, а когда накопил запасов на целую книгу, издал их в 1964 году в Москве. Оканчивая студию, в качестве дипломной работы сочинил и записал на ноты музыкальное произведение «Татар бию көйлэрэнэ сюита» («Сюита на татарские плясовые мелодии»). Руководитель курса, профессор Г. Литинский воспринял эту симфоническую сюиту как очень успешное произведение. Кто-то из товарищей по творческому курсу писал балетную, кто-то оперную музыку.

В начале 1938 года учёба закончилась. Пришла пора распределения на работу. Некоторые уже заранее были определены в театр оперы, который вскоре должен был открыться в Казани. С. Сайдашев вернулся к своей прежней работе: уехал возглавлять музыкальный отдел Государственного драматического театра. Приглашение из Управления культуры республики, которое ожидалось, для Л. Хамиди и ещё для некоторых композиторов всё ещё не приходило. Видимо, в Татарстане так долго подыскивали место для будущей их работы. Именно в это время в Москве заявили казахские знакомые. Они возвращались из поездки в Ленинград. Среди казахских артистов был и Мухтар Ауэзов. Мухтар и другие знакомые артисты стали уговаривать его ехать в Алма-Ату. «У нас начал работать оркестр народных музыкальных инструментов, им дирижёр нужен. Ты для этой работы идеально подходишь», — сказал ему М. Ауэзов. Так судьба снова увела талантливого композитора в сторону от родных краёв. Впрочем, в Алма-Ате его встретили с почестями. Выделили квартиру на всю семью. (В это время семьи многих студийцев, вернувшихся в Казань, были размещены в гостиничных номерах.) Той же осенью он был определён главным режиссёром и художественным руководителем того самого оркестра. Наш земляк пять лет руководил

этим Государственным оркестром, который и в настоящее время продолжает успешную деятельность, не перестаёт гастролировать по миру и носит имя Курмангазы — композитора и искусного комузиста, скрипача XIX века. В последний раз этот оркестр приезжал в Казань в 2003 году. Исполняли несколько произведений и нашего земляка Латифа Хамиди, в том числе песню «Былбыл».

В этот период его работы в Алма-Ате из произведений, принёсших пожизненную славу, родились «Казахский вальс» на слова Сабита Муканова (1940), а чуть позже известная песня «Былбыл» (1945). Количество песен, написанных нашим земляком в период его работы в Казахстане, приближается к трёмстам. По случаю проведения в начале шестидесятых годов Дней татарской литературы и культуры в Казахстане и вскоре такого же мероприятия в Казани, Латиф-ага Хамиди написал ещё несколько мелодий, основанных на татарских стихах. Пожалуй, самая знаменитая из них, чаще всего звучавшая со сцены, — песня «Иртәләрен, кичләрен» («По утрам и вечерам»). Слова этой песни принадлежат народному поэту Татарстана Хасану Туфану.

* * *

Известно, что за годы жизни в Казахстане Латиф Хамиди написал три оперы, одну оперетту, несколько сюит и несколько десятков песен на слова казахских и татарских поэтов, полюбившихся народу. Обработал для оркестра произведения сочинителей XIX века — Курмангазы, Даулетгарея, Биржана и других. Составил и издал учебники «Фортепианные произведения для детей», «Детские песни», «Школа игры на домбре» и другие.

Вскоре писатель Мухтар Ауэзов на основе драмы «Абай» подготовил либретто оперы. За основу взяли музыку Л. Хамиди, написанную им в период создания драматического спектакля «Абай». Доработать его до полноценной оперы было поручено председателю вновь образованного Союза композиторов Ахмату Жубанову и проучившемуся в оперной студии Латифу Хамиди. Это поручение пришлось как раз на тяжёлое военное время. Надо ведь и продолжить работу в оркестре народных инструментов, и писать песни о героях войны, и вдохнуть жизнь в оперу. В эти же годы Латиф Хамиди был преподавателем основ музыки: с 1942 года в музыкальном

училище, а с 1944 года ещё и во вновь открытой консерватории. До последних дней своей жизни он являлся почётным доцентом консерватории.

— В годы войны мы работали и днём, и ночью. Днём преподавательская и всякая общественная работа. По вечерам приходилось и дирижировать в оперном театре, и заниматься над созданием оперы «Абай», да и другие дела появлялись... По возвращении домой оставались силы только чтобы упасть на подушку. В годы войны написал десятки песен для поднятия духа народа и воинов. Мои песни, посвящённые Герою Советского Союза Маншук Маметовой, воинам Панфиловской дивизии, партизанам, и сегодня звучат на радиопередачах...

После долгих стараний, многих испытаний, наконец, опера «Абай» была дописана. Принялись за постановку при помощи эвакуированных из Москвы, Киева, Ленинграда музыкальных и сценических специалистов. В 1944 году зрители встретили оперу бурными аплодисментами. «Абай» — первая национальная опера, написанная местными национальными кадрами. Правда, и до него, ещё в 1934 году был один такой опыт. На сцене оперного театра было исполнено музыкальное произведение, подготовленное на основе эпоса «Кыз жибек» («Шёлковая девушка»). Но автором музыки в этом случае был представитель другой национальности — Евгений Брусиловский.

Опера «Абай» — самое успешное произведение казахской оперной сцены. До сих пор не было ни одного года, чтобы его не поставили, не исполняли. И в мероприятиях в Москве, посвящённых казахской культуре, «Абай» всегда в центре внимания на сцене. Исполнители главных ролей в этой опере Куляш Байсеитова, Роза Жаманова, Бибигуль Тулегенова, Ермек Серкебаев, двое братьев нашей национальности Ришат и Муслим Абдуллины стали артистами мирового уровня известности, исполняя главные роли в этой опере.

Как было упомянуто ранее, в 1945 году тремя композиторами был создан собственный гимн Казахской ССР. Одновременно Л. Хамиди написал одноактную оперу «Джамбул и Айкуныс» (1946), посвятив её столетию акына Джамбула. Позже, в 1949 году, опера была дополнена, переработана и под названием «Джамбул» поставлена на сцене в 1952 году. Начатая ещё в военное время и немного приподнявшаяся по разным причинам опера «Тулеген

Туктаров» тоже, наконец, была завершена и поставлена на сцене в 1947 году. Эта опера, посвящённая герою войны, — тоже плод совместного творчества Латифа Хамиди и Ахмата Жубанова.

— В конце тридцатых годов мы с Ахматом вместе начинали работать в оркестре имени Курмангазы. И Союз композиторов Казахстана в 1939 году вместе основали. С первых дней я состою там членом правления. Опубликовал сотни статей, очерков, посвящённых музыке и музыкальной жизни республики. Уже несколько десятков лет как стал председателем Музыкального фонда республики. Часто случается, что являюсь председателем или членом жюри на различных музыкальных мероприятиях. Мне не на что обижаться. Нет ощущения, что меня хотят отодвинуть в сторону.

Латиф-ага прав. Его авторитет в Казахстане был велик. В 1942 году ему было присвоено звание заслуженного артиста, а в 1966 году — народного артиста Казахской ССР. В 1978 году он стал лауреатом государственной премии имени Куляш Байсеитовой. Награждён несколькими орденами, медалями. Постановление об учреждении государственных премий Казахской ССР для деятелей в области литературы и искусства было принято в 1944 году. Сейчас эти премии для литературных деятелей названы именем Абая, а для мастеров музыки, театра — именем Куляш Байсеитовой.

Куляш (Көләч) — знаменитая первая казахская оперная певица. Ей ещё в 1936 году было присвоено звание народной артистки СССР. Тогда ей было двадцать четыре года. Впрочем, в казахском оперном искусстве и в области музыки довольно много тех, кто достиг этого самого высокого государственного звания в молодом возрасте. Роза Жаманова, Мукан Тулебаев, Ермек Серкебаев были удостоены званий народных артистов СССР в 1959 году, Бибигуль Тулегенова и Ришат Абдуллин — в 1967 году. На момент присвоения такого высокого звания Розе было тридцать один, а Ермеку — тридцать три года. Надо, наверное, брать пример с умения казахстанцев своевременно оценивать талантливых, одарённых людей искусства.

Скажем в дополнение и то, что Куляш Байсеитова считается одной из первых исполнительниц, с особым лиризмом и воодушевлением спевшей «Казахский вальс» и песню «Былбыл» Латиф-ага Хамиди.

— Если бы не ушла от нас так рано, мы бы ещё много чего вместе создали, — говорит композитор, вспоминая годы их творческого сотрудничества. — Она скончалась в 1957 году, когда ей исполнилось сорок пять лет... Но её песни, арии и сейчас остаются в репертуарах, исполняются на радио и телевидении.

В 1948 году Латиф Хамиди сочинил оперетту «Балбулак» на либретто Н. Баймухамедова. Это произведение — его последний труд в данном направлении. В его наследии есть ещё несколько объёмных симфонических произведений — сюит. Кроме ранее созданной и постоянно исполнявшейся в Казахстане «Сюита на татарские плясовые мелодии», надо, наверное, упомянуть высоко оценённые товарищами по творчеству и любителями музыки сюиты «Кубланды» и «Алма-Ата».

Он написал и издал также несколько учебных пособий. Например, «Школа игры на домбре» (1950), «Основы дирижирования» (соавтор, 1966) и другие.

Латиф Габдулхаевич Хамиди скончался в 1983 году, в возрасте семидесяти семи лет в городе Алма-Ате. Всего на два-три года раньше ушла в мир иной и его жена Саня, с которой прожили долгую жизнь. До этого мы ещё раз разговоривали с ним подолгу в просторной комнате всё той же гостиницы. Это было в начале июня 1980 года, в дни празднования восьмидесятилетнего юбилея его современника, известного писателя Сабита Муканова. Латиф-ага подарил мне тогда свой буклет (описание творческого пути), выпущенный к его семидесятилетию. (Торжество по случаю его семидесятилетнего юбилея было проведено на очень высоком уровне 8 декабря 1976 года в Театре оперы и балета имени Абая.) На той встрече Латиф-ага Хамиди дал знать, что про них вдвоём с Ахматом Жубановым написана повесть, но пока у него самого этого произведения не имеется. Я тогда записал на листе блокнота: «Автор повести Лия Жаганова». Музыковеды А. Юсфин в 1964 году в Москве, Б. Ерзакович в 1978 году в Алма-Ате издали свои труды, посвящённые Латифу Хамиди. В четвёртом томе «Энциклопедии Казахской ССР» есть основательная статья, посвящённая нашему земляку. А на 626-й странице «Татарского энциклопедического словаря» размещена краткая ознакомительная статья о нём.

Казан утлары. — 2007. — № 2

НАШ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В УЗБЕКИСТАНЕ

Жизнь писателя, известного общественного деятеля Габдуллы Гиматдиновича Уразаева прошла в стороне от родных краёв — в Узбекистане. Родом он из села Средняя Кандаля Мелекесского уезда Самарской губернии. То есть уроженец современного села Абдулово Старомайнского района Ульяновской области. Официальный год рождения — 1904-й. Родное его село расположено примерно в тридцати километрах южнее границ современного Татарстана. Но Габдулла недолго прожил в том селе — их семья вскоре переехала в город Мелекесс. Его отец там работал извозчиком. В Мелекессе Габдулла семь лет проучился в медресе «Исламия» ахуна Гатаулла-хазрата. В «Исламие» они учились вместе с будущим известным артистом Асгатом Мазитом. И позже судьба водила их примерно одними дорогами. Правда, если судить по свидетельству, оформленному официально уже взрослым, во время поездок по чужбине, Габдулла был младше Асгата на четыре года. На самом деле вряд ли разница в возрасте была столь велика.

В одном из воспоминаний, рассказанных писателю Тауфику Айди, Габдулла-ага говорил, что его отец выписывал домой из Оренбурга газету «Вақыт», журнал «Шура», они росли, читая их и другие татарские периодические издания. Во время учёбы в старших классах «Исламии» он поддерживал связь с газетой «Мәләкәс тавышы» («Голос Мелекесса»), которую начали издавать в городе. А в последние годы учёбы даже работал помощником наборщика в типографии данной газеты. Он вспоминал: «С четырнадцати лет я освоил ремесло наборщика». Это ремесло пригодится ему и в будущем.

После событий 1917 года советская власть открыла в городе Симбирске курсы подготовки учителей. Они поступили туда вместе с другом Асгатом Мазитом. Там же учились будущий писатель Кави Наджми и будущий артист Сеит Булатов. С большим удовольствием все вместе ходили в драматический кружок «Красная звезда», организованный Бари Тархановым. Тесно общались с драматургом, редактором газеты «Көн» («День») Фатхи Бурнашем и молодым татарским комиссаром Бякером Белоусовым. В 1919 году Габдуллу взяли наборщиком в газету «Кызыл яу» («Красная Армия»), издававшуюся Пятой Красной Армией. «Комиссар Гилемдар Баимбетов

сам назначил меня на эту работу, сказав, что воевать я росто́м не вышел. Одновременно я был суфлёром татарской театральной труппы при армии. Нами были завоёваны города Бугульма, Белебей, Чишма, Уфа. В каждом занятом селе, городе мы ставили спектакли. В нашей армейской труппе играли тогда Камал I, Шакир Шамильский, Гиляз Казанский, артисты-певцы Фаттах Латыпов, Амин Зубаиров», — так рассказывал мне Габдулла-ага во время одной встречи. В те годы у Габдуллы зародилась идея написать пьесу «Мәхәббәт чәчәкләре» («Цветы любви») — его первый литературный труд, но не законченный.

В Уфе он заболел и вернулся обратно в свой город, После чего Г. Уразаева в августе 1920 года избрали в состав руководства Мелекесского уездного комсомольского комитета. На него были возложены обязанности по работе с представителями «национальных меньшинств». Он принимал участие в выпуске газеты «Яшьләр бәйнәлмиллә» («Молодёжный интернационал»). Работавший среди татар и башкир Самарской губернии комиссар Халик Садри надеялся оживить вместе с ним работу губернской национальной типографии и издательства. Но...

Но в дни, когда на Поволжье надвигалось невиданное до сих пор бедствие голода, в начале лета 1921 года, Центральный комитет комсомола направил Габдуллу на работу в Туркестанскую Советскую Автономную Республику — заместителем начальника отдела в ЧК города Ходжент. А в 1924 году, после учёбы в Самаркандской партийной школе, его назначают на партийную работу.

Душой он тянулся в родные края. И заведующая учебной частью Самаркандской партийной школы, поэт Загида Бурнашева тоже советовала ему вернуться в Казань. Где-то в конце лета 1925 года он в кожаной одежде, как тогда было принято у молодых комиссаров, прибыл в Казань. Поступил в рабфак при университете. Из прежних знакомых в городе отыскал Кави Наджми, Асгата Мазита, начал общаться с Галимджаном Ибрагимовым, Шамилем Усмановым, «самарцем» Аделем Кутуем и другими. И сам снова взялся за перо. Его лирика в прозе, стихи и статьи с удовольствием печатали в местной прессе. Вместе с Асгатом Мазитом, Ризой Ишмуратом и другими играл в театральных постановках. И сам «оживил» три пьесы. Его пьесы «Ике көрәш» («Две борьбы») и «Еллар карынында» («В глубине веков») были сыграны на вечерах учащейся моло-

дѣжи, пьеса под названием «Серле шалаш» («Таинственный шалаш») была опубликована в 1927 году в Москве, в издательстве «Центриздат», отдельной книгой. Если найдётся желающий собрать воедино литературные произведения Габдулла-ага, опубликованные в конце двадцатых годов прошлого века в татарской периодической печати, пусть ищет их под авторскими псевдонимами Вил Уразай или Абдулла Вилдан. В те годы и позже произведения Габдулла-ага печатались под этими именами. В годы жизни в Казани он был ближе к литературной группе «Сулф» Аделя Кутуя. Они же земляки, из одной губернии. (В книге Ризы Ишмората «Дусларым, остазларым» («Мои друзья, наставники») упоминается и наш земляк.)

* * *

С заслуженным деятелем культуры Узбекской ССР, известным там ветераном труда в области общественно-литературной деятельности Габдулла-ага Уразаевым я познакомился в октябре 1976 года в городе Ташкенте. С ним меня познакомил мой коллега в Ташкенте, директор Узбекского отделения Литературного фонда СССР Шамиль-ага Алядин. Мы уже встречались с этим крымским татаринном в прежние годы несколько раз в Москве. Он передавал мне небольшую информацию о живущих в Узбекистане писателях нашей национальности — Асгате Мухтаре, Габдулле Уразаеве, Зиннате Фатхуллине, Джаудате Ильясове. «Казанские татары и в узбекской литературе в первых рядах, не подкачали», — с этими словами он немного остановился и на творчестве каждого из них. После этого я перевёл очень расхваленный в то время роман Асгата Мухтара — «Чинар» («Платан»). (Родители А. Мухтара родом из нынешнего Благоварского района Башкортостана. Они с Амирханом Еники были из соседних сёл.) Позже, после встречи с Габдулла-ага, я «нашёл» там ещё нескольких писателей-земляков: оказалось, что Равиль Мирхайдаров — из города Актюбинска, где и я когда-то учился, Рауф Галимов — из Челябинской области, Мерва Джалалетдинова — из села Куакбаш, что находится рядом с нашим «нефтяным» Шугурово. Также выяснилось, что из писателей, носящих русскую фамилию, но разговаривающих с земляками на татарском языке, в Ташкенте живут уроженец Черемшана Сергей

Волгин, выходец из села Малая Кандаля Старомайнского района Константин Волков.

Габдулла-ага с первой же встречи счёл меня своим, кажется, даже раскрыл какие-то свои секреты. Узнав, что я родом из села рядом с Мелекесом, он сказал: «Мы, оказывается, вдвойне земляки — ещё и из одной области», — и сообщил, что сам тоже из Старомайнского района Ульяновской области. Между тем в справке Союза писателей Узбекистана он был записан как выходец из Татарстана. Воспоминание о городе Мелекесе было дорого нам обоим.

На мой вопрос: «А почему же после рабфака не остались в Казани только?» — он ответил так: «Мы же солдаты партии. В то время в Средней Азии была нехватка кадров с русским образованием. Меня снова направили туда. Видимо, учли, что я раньше там работал. Назначили меня заведующим отделом печати Зарафшанского областного комитета партии. Тогда, в 1929 году, я опубликовал две книжки о печати, основал журнал «Мухбирлар юлдашы» («Спутник корреспондентов»)...

Впрочем, направили его на очень почётную для того времени должность. Такому предложению каждый был бы рад. Но и о своём желании поступить учиться в институт Габдулла не забывал. В одно время, когда срок действия свидетельства рабфака подходил к концу, он поступил на учёбу в Ташкентский педагогический институт и успешно его закончил, не отрываясь от основной работы, от исполнения партийных обязанностей. В это время его пригласили на работу в Ташкент, в Центральный комитет партии. На него была возложена задача по осуществлению перевода на узбекский язык трудов Ленина. Для этих целей в Центральном комитете был организован специальный отдел истории партии. Одним из руководителей этого отдела был Г. Уразаев. После успешного завершения этого дела, в конце тридцатых годов Г. Уразаева назначили главным редактором республиканской газеты «Совет Ўзбекстаны» («Советский Узбекистан»). И в сложные военные годы он продолжал работать там же.

К тому времени и Великая Отечественная война завершилась. Пришла пора ставить на ноги, восстанавливать обветшавшие, развалившиеся за годы войны отрасли хозяйств. И упрямого мишарина, способного взяться за любое дело засучив рукава и успешно его выполнить, «бросили» на новый фронт работ — в 1945 году

его назначили председателем радиокomiteта при Совете Министров Узбекской ССР. Когда Габдулла Уразаев приступал здесь к своим обязанностям, радио транслировало всего лишь четырёхчасовую передачу на узбекском языке. Здание старое, тесное, оборудование обветшало. Габдулле в условиях тяжёлых послевоенных лет пришлось заниматься вопросами строительства просторного здания, в котором могли бы работать несколько студий, приобретения и установки нового оборудования-аппаратуры. К началу пятидесятих годов Г. Уразаев со свойственной ему настойчивостью довёл всё это до конца. Завершил строительство большого здания, в котором одновременно могли работать четыре студии, обеспечил новой аппаратурой. Довёл время радиовещания на узбекском языке до шестнадцати часов в сутки. Проживающим в республике уйгурам, таджикам открыл возможность вести передачи на своих языках. При радиокomiteте был создан национальный оркестр. Надо сказать, что именно в эти годы на Узбекском радио был отведён один час для передач на татарском языке, и этот порядок сохранялся до начала девяностых годов. Как-то, проезжая мимо здания радиокomiteта, он мне с радостью сообщил: «Вон смотри на это розоватое здание. Красиво ведь? Это я строил».

После исполнения поставленных задач на занимаемое им кресло посадили представителя титульной нации, а Уразаева же перевели на новое место, вершить новые начинания. Несколько лет жизни он посвятил налаживанию работы издательства «Укытучы» («Учитель»), выпускающего учебники. Был там главным редактором, а потом и директором. После его назначили директором более крупного издательства, занимающегося опубликованием литературно-художественных произведений. С конца шестидесятих годов это издательство носит имя Гафура Гуляма. Народный поэт Узбекистана Гафур Гулям ещё в юные годы в Ташкенте общался с Хади Такташем, хорошо знал поэзию Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля. Был желанным гостем на юбилейных торжествах по случаю 60-летия Мусы Джалиля.

С конца пятидесятих и в начале шестидесятих годов Габдулла Уразаев являлся ответственным секретарём Союза писателей Узбекистана.

Последнее место работы моего земляка — в должности директора Узбекского отделения в Бюро пропаганды

литературы. Ушёл он оттуда на заслуженный отдых в середине шестидесятых годов.

Г. Уразаев ещё в середине тридцатых годов был принят в ряды Союза писателей СССР. Основным направлением его творчества было распространение и пропаганда татарской литературы на узбекском языке. С первых дней своей жизни в Ташкенте он писал и публиковал многочисленные очерки, статьи, посвящённые творчеству Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова, Хади Такташа, Шамиля Усманова и многих других. Перевёл на узбекский язык романы Г. Ибрагимова «Тирэн тамырлар» («Глубокие корни»), «Казакъ кызы» («Дочь степи») (по два издания), фантастическое произведение Ш. Усманова «Памирдан радио» («Радио из Памира»). Позднее его пером были доведены до узбекского читателя романы «Тукай» Ахмета Файзи, «Язгы жилләр» («Весенние ветры») Кави Наджми, повесть «Йөзек кашы» («Перстень») Фатиха Хусни. Г. Уразаев принимал участие в составлении всех «Избранных произведений» Габдуллы Тукая, увидевших свет до 1976 года на узбекском языке, в большинстве случаев был и автором вступительного слова.

В 1979 году было принято решение собрать и опубликовать на узбекском языке современные татарские рассказы. Во время поездки в Ташкент я сообщил об этом Габдулла-ага. Спросил: «Не возьмётесь за издание этой книги?» Он тогда ответил: «У меня пока руки заняты, я собрался переводить произведения Амирхана Еники». Человеку ведь уже семьдесят пять, мы не стали его больше донимать. Перевод сборника рассказов «Йиллар ва йуллар» («Годы и дороги»), изданного в 1981 году в серии «Библиотека дружбы», выполнил узбекский писатель Хайрулла Эргашев.

С моим дорогим земляком Габдулла-ага мы в последний раз виделись в конце июня 1981 года в Крыму, в Доме творчества писателей в Коктебеле. Они отдыхали вдвоём с небольшого роста, очень приветливой, миловидной женой. До их отъезда оставалось всего два дня.

— Только отдыхали или и работали немного? — спросил я.

Первой на мой вопрос ответила его супруга Зайнапапа:

— Он совсем не умеет сидеть сложа руки. Никак не может без дела, — сказала она.

Кажется, в её речи вместе с узбекским звучанием слы-

шались и мишарские нотки. Но, увлѣкшись беседой, я забыл спросить, в каком краю она родилась-выросла.

А Габдулла-ага добавил немного погоды:

— В журнале «Казан утлары» часто публикуются произведения Гарифа Ахунова. И мой однокашник по рабфаку Гариф Миннуллин в один из приездов вспоминал о его творчестве с похвалой. Вот взялся за перевод его повести «Чиклэвек төше» («Ядро ореха»). Посмотрим, что получится...

После той встречи мне не довелось больше бывать в Ташкенте. (Не учитывая случаи перелётов в Нукус и Бишкек через Ташкент.) Спустя несколько лет, во время встречи в Москве где-то в середине 1980-х годов, секретарь правления Союза писателей Узбекистана, поэт Нарморад Нарзуллаев донёс печальную весть: «Скончался Абдулла-ака». Во время последней встречи Габдулла-ага говорил нам: «Давно уже никак не получается побывать в родных краях. Очень скучаю по родному селу, Мелекессу». У живших на чужбине и могила чаще всего остаётся на чужбине. Кажется, он так и не смог приехать, увидеть родной край. Если бы приехал — земляки бы запомнили. Редактор довольно успешно издающейся в Ульяновске газеты «Өмет» («Надежда»), его земляк Исхак Халимов такого случая не припоминает.

Не могу сказать, жив ли кто-нибудь из его семьи сейчас в Ташкенте. В 1981 году в Коктебеле отдыхал и его сын — мужчина средних лет старше меня. Рассказывал, что переводит прозаические произведения с узбекского языка на русский. Общались на нашем родном языке. А имя уже забылось...

* * *

Я написал эти воспоминания после встреч, посвящённых поэту Сахабу Урайскому, которые прошли 14 ноября 2007 года в селе Татарское Урайкино (Иске Кызылсу). А Татарское Урайкино и Абдулово (Средняя Кандала) — соседние сёла. В школе Татарского Урайкино была установлена мемориальная доска, посвящённая С. Урайскому. На это торжество с почтением к памяти поэта приехало и руководство Ульяновского областного правительства. На тех встречах часто упоминали и родившегося в том же селе известного учёного, специалиста по татарскому языку и литературе Латифа Залялетдиновича Залялетди-

нова, учившегося примерно в одно время с Г. Уразаевым в медресе «Исламия» города Мелекесса. Имя нашего поэта-классика Габдельджаббара Кандаля, выходца из села этого же Старомайнского района, тоже здесь часто звучало. Земляки заявили, что его большой юбилей — двухсотдесятилетие со дня рождения — будут торжественно отмечать в городе Мелекессе (нынешний Димитровград).

Возможно, кому-то будут интересны мои размышления, родившиеся после этого литературного вечера, состоявшегося в краю за пределами Татарстана, воспоминания о моём земляке, прожившем жизнь на чужбине. Они позволяют гордиться тем, что из нашего народа вышли такие люди, как Габдулла Уразаев.

Мэдэни жомга. — 2008

ИЗДАНИЕ, ПОДОБНОЕ ЗНАМЕНИ НАШЕЙ НАЦИИ

(К 90-летию журнала «Казан утлары»)

1

У каждой нации, живущей сплочённым обществом, бывает какой-то свойственный ей символ — свой маяк, своё знамя. Уже прошло много веков с тех пор, как татарский народ потерял своё официально признанное знамя. Но национальные патриоты, ратующие за то, чтобы народ продолжал существовать, даже лишившись знамени, умели предпринять такие практические меры, которые могли бы быть достойным их знамени. Скажем, для евреев, около двух тысяч лет живших без своего государства, передававшиеся из уст в уста заветы старейшин подобны были их национальному знамени.

Известные просвещённые деятели татарского народа в качестве такой меры выбирали распространение исторических письменных источников и письменной литературы. Нам известно из книг, что раньше почти в каждой татарской деревне жили старцы и шакирды, имевшие пристрастие к переписыванию книг. В сёлах с крупными медресе, таких как Каргала, Кизляу, Кышкар, Стерлибаш, подобные рукописные книги производились сотнями. Эти письменные «истории», в большом количестве распространяемые среди народа, помогали росту самосознания наше-

го народа, позволяли чувствовать себя единым народом. (Несмотря на то, что в тридцатые годы эти рукописные труды сжигали горами, зарывали в землю под предлогом «чтобы святые книги не попали в руки злодеев», такие книги всё ещё обнаруживаются.) И современная татарская печать зародилась на этой почве. Национальная пресса — это наше национальное знамя. Мы знаем, что примерами изданий, снискавших особую славу в сознании татарского народа, можно считать газеты «Вақыт» («Время»), «Йолдыз» («Звезда»), журналы «Аң» («Сознание»), «Аль-гаср эль-джадит» («Новый век»), «Шура» («Совет»). При советской власти их обязательства переняли на себя такие наши издания, как предшествовавшие журналу «Казан утлары» («Огни Казани») журналы «Безнең юл» («Наш путь», 1922–1930), «Яңалиф» («Новый алфавит», 1930–1932), «Совет әдәбияты» («Советская литература», 1933–1965), «Азат хатын» («Освобождённая женщина») и газеты «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») и «Татарстан яшьләре» («Молодёжь Татарстана»). Сегодня этой благой цели служат журналы «Идел» («Идель»), «Майдан», «Мирас» («Наследие»), «Сююмбике», «Гасырлар авазы» («Эхо веков»), «Татарстан» и несколько газет: «Ватаным Татарстан», «Мәдәни җомга» («Литературно-культурная пятница») и другие.

2

Конечно, ведущая за собой, идущая впереди национальная печать нашего народа сегодня — это журнал «Казан утлары». Разные слои населения ждут его с нетерпением, читают с любовью. В нём печатаются и образцы художественной литературы, которые придутся по душе всем, и очерки-статьи о национальном искусстве, и серьёзные труды, предназначенные вниманию учёных. Возглавлявший редакцию журнала более двадцати лет народный поэт Равиль Файзуллин по праву пишет об этом: «Журнал, несомненно, будет на первом месте для исследователей духа татарского народа, его литературно-культурного наследия. Хотим мы того или нет, ему суждена такая историческая миссия... Журнал всегда стоял на защите народных интересов. Судьба страны — его судьба». Да, «Казан утлары» и его предшественники в течение более восьмидесяти лет являли собой чистый облик нашего народа. Даже самый широко распространяе-

мый в своё время журнал «Азат хатын» и его преемница «Сююмбике», и существующие на современной арене печати уже более двадцати лет журналы «Идель», «Мирас», «Майдан» пока не могут достигнуть высот, завоёванных журналом «Казан утлары». Потому что у каждого из них есть свои особенности, своё направление и свои читатели. Скажем, один из них отдаёт предпочтение только молодёжи, второй — в основном только событиям в своём регионе. У нашей «Сююмбике», очень высоко оцениваемой по содержанию и художественному оформлению, также имеется только свой круг распространения. Это семейный журнал. В девяностых годах и «Татарстан», публикуемый на самой простой газетной бумаге, в части внимания к прошлому очень приблизился к нашему основному журналу — знаменосцу, когда редакторами, двигавшими журнал вперёд, были «страстно преданные нации» Дамир Шарафутдинов, Рафаэль Мустафин, Раис Даутов, Тауфик Айди, Султан Шамси. Но в последние десятилетия этот журнал обрёл другое лицо, отойдя от общенациональных проблем народа.

На страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Казан утлары», кроме литературных произведений, постоянно публикуются и многочисленные очерки, труды научного содержания, посвящённые повседневной жизни татарского народа, его прошлому и будущему. И сегодня он не сходит с намеченного пути. Поэтому его авторитет среди читателей непоколебим. На страницах «Казан утлары» печаталось и печатается довольно много публикаций, посвящённых прошлой и настоящей судьбе татарского народа, которые могут послужить поучительным примером для каждого. Число подписавшихся на этот наш толстый журнал с серьёзным содержанием в семидесятых годах превышало сто тысяч человек в месяц. Наши собственные и сидевшие выше чиновники были вынуждены тогда принять меры для сокращения тиража: урезали бумажный фонд. Главному редактору Заки Нури был тогда объявлен выговор. Руководству соседних республик и областей сверху были даны указания сократить подписку на этот журнал. (Во время поездок в Казахстан и Узбекистан о существовании таких ограничений подписки рассказывали мне наши земляки, работавшие в управлениях распространения печати.)

Но журнал не сошёл со своего пути, продолжает издаваться.

Нам уже посчастливилось увидеть и тысячный номер нашего ведущего журнала. В феврале 2006 года вышел юбилейный номер «Казан утлары». Этот факт был отмечен с почестями на уровне республики. Редакцию журнала поздравил наш Первый Президент Минтимер Шарипович Шаймиев. Особенно близко сердцу одно предложение из его поздравительного адреса. «В период Великой Отечественной войны закрылись многие издания. А этот журнал издавался непрерывно. Значит, он был нужен народу так же, как оружие и хлеб», — такими словами наш Первый Президент дал очень высокую оценку деятельности журнала. Да, для нашего народа наш единственный в то время журнал был так же дорог, как хлеб и оружие!

В дни ожидания выхода тысячного номера журнала главный редактор Равиль Файзуллин и его заместитель Рафик Юнус взялись за ещё один большой научный труд. Задумали издать отдельной книгой некоторую, имеющую историческую значимость, часть нашего письменного наследия, собранного на страницах журнала на протяжении более чем восьмидесяти лет. То есть взвалили на свои плечи очень и очень тяжёлый воз... И преодолели все трудности, уже в 2006 году в руки к читателю подали довольно объёмную антологию с богатым и серьёзным содержанием. И назвали они свой труд «Сүнмәс утлар балкышы» («Сияние огней неугасимых»). Пожалуй, не всякий может представить, сколько надо было работать, провести сколько бессонных ночей, чтобы составить и издать такой сборник, подобный энциклопедиям. Для этого ведь надо было прочесть и проверить каждый из номеров журнала, изданных в течение восьмидесяти лет. Да, просмотреть и прочитать постранично каждый материал, включаемый в этот сборник, — это очень большой труд. Пожалуй, и человек, проживший сто лет и обладающий ясной памятью, не мог бы уверенно сказать, что печаталось в этих журналах в прежние годы и что из этого надо выбрать для такого большого и серьёзного сборника. Изучить содержание тысячи экземпляров журнала — это труд, подобный поиску нужной тебе травинки в стоге сена. Как сообщают составители книги, в неё вошли около трёхсот работ, ранее увидевших свет на страницах журналов «Безнең юл», «Яңалиф», «Атака», «Совет әдәбияты» и «Казан утлары». В этот научно-энциклопедический сбор-

ник были подобраны 45 стихотворений, 25 прозаических произведений, 30 воспоминаний, 40 научных и научно-популярных трудов, 10 документов, имеющих отношение к судьбе татарского народа. Значит, сборник вобрал в себя довольно большую часть нашего письменного наследия. Каждый, кто интересуется судьбой и пройденным путём своего народа, в любой момент, взяв его в руки, очень быстро найдёт нужную себе информацию. Если бы такого сборника не было, пришлось бы ещё довольно долго копаться в архивных полках, чтобы обнаружить такой же материал. И с этой точки зрения книга «Сүнмәс утлар балкышы» — уникальный труд. Эта антология состоит из семи частей.

4

Первая часть посвящена нашей жизни — существованию татарского народа до революции 1917 года и названа «У нас в истории свой след» («Без тарихта эзлебез»). В этой части приведены 26 публикаций и один документ. Среди них как наиболее важные труды, посвящённые прошлому народа, надо, наверное, указать научные исследования и размышления известных народных писателей: Нурихана Фаттаха «Тарих битләрен актарганда» («Листая страницы истории»), Мухаммата Магдеева «Иж-бубинское медресе», академиков литературных и исторических наук Миркасыма Усманова «Язма мирасыбызның күтәреләсе катламнары» («Пласты письменного наследия, требующие извлечения на свет»), Талгата Галиуллина «Тарихны онытсаң — юк киләчәгең» («Забудешь историю — нет у тебя будущего»). В этой же части размещены воспоминания современников, посвящённые Габдулле Тукаю, Фатиху Амирхану, Салиху Сайдашеву, объёмные собственные воспоминания Сахибжамал Гизатуллиной-Волжской. Здесь же нашло своё место «Завещание» первого российского императора Петра I — его указания преемникам, что надо сделать в будущем, какие страны-земли завоевать в целях усиления и расширения империи. Этот документ, завершающийся указанием «держатъ в тайне», журнал разместил в первом номере 1992 года со вступительным словом писателя Тауфика Айди. Писатель пишет: «Несмотря на то, что сменились эпохи... значимость исторического документа не теряется. Да, ведь всё ещё не обходится без тех, кто и сегодня готов использовать указания того завещания. В конце семидеся-

тых годов ввод войск в соседний Афганистан, тоже, видимо, было связано с этим завещанием Великого Петра.

В этом разделе из литературных произведений, посвящённых нашему историческому прошлому, есть стихи и поэмы Ркаила Зайдуллы «Тюрки», Харраса Аюпа «Кул Гали», Ахмета Рашитова «Кул Шариф».

Вторая часть включает в себя события периода 1917–1936 годов и названа «Кручина швырнёт корабль страны родной» («Ил корабын жил сөрә» — строка из стихотворения Дэрдменда «Кораб»). В ней размещены 32 публикации и документы. В этой части можно ознакомиться с копиями многих документов, касающихся трагических событий, пережитых нашим народом в двадцатых-тридцатых годах. Отложим ненадолго рассмотрение этих документов, остановимся пока на работах, посвящённых татарской литературе. В эту часть вошли: воспоминания Хади Такташа о путешествии в 1930 году в регион Донбасса, часть сохранившихся дневников Шамиля Усманова, репрессированного в 1937 году, воспоминания Мубины Тагировой о нескольких литературных вечерах с участием Хади Такташа, Аделя Кутуя, Кави Наджми, Мусы Джалиля, «Размышления» («Уйланулар») Гумера Баширова о тридцатых годах и дневники I съезда писателей Татарстана, состоявшегося в конце июля 1934 года. Здесь же размещена статья языковеда Гибада Алпарова «Латин түгел, гарәб калсын» («Не латиница, а арабица»), опубликованная в 1926 году в журнале «Безнең юл». В ней он доказывает, какой урон татарскому народу принесёт переход на латиницу. Тысячелетнее письменное наследие татарского народа, зафиксированное на арабской письменности, сгинет навсегда. Будущее поколение народа будет оторвано от своих корней. А напоследок он пишет, что нам предпочтительнее перейти на русский шрифт, чем на латинский алфавит. «Мы, — пишет он, — теперь обречены постоянно читать на этом шрифте. Нам гораздо более знаком сейчас русский шрифт».

Третья часть антологии приводится под названием «Болгавыр еллар» («Смутное время», 1937–1941). В этой короткой части размещено постановление о переводе татарского письма «на алфавит на основе русской графики». Как результат исследований 1990 года, здесь рассказывается также о «последних днях» трагических судеб Галимджана Ибрагимова, Карима Тинчурина и Фатхи Бурнаша, репрессированных в тридцатых годах.

Часть антологии, посвящённая 1941–1945 годам, конечно же, открывается словами нашего Габдуллы Тукая: «Как тигры, смелы мы в годы войны» («Без сугышта юлбарыстан көчлебез»). Здесь 27 работ. Из них можно выделить перевод написанной в годы войны для зарубежной прессы статьи русского писателя Ильи Эренбурга «Татары» и статью Миркасыма Усманова «Татар язмышына кизэнгән карар» («Постановление, замахнувшееся на судьбу татар»). В последней статье речь идёт о «коварном постановлении» Центрального комитета ВКП(б), изданном в 1944 году. В том постановлении отмечено, что опубликованные в 1940 году в журнале «Совет әдәбияты» эпос «Идегей» и некоторые другие «труды, воспевающие эпоху ханов-султанов», являются серьёзной политической ошибкой. То есть некоторым национальностям было дано указание «прекратить копаться в истории своих народов».

Пятой части сборника дано очень глубокомысленное название — «Выпрямляйтесь, джалиловцы!» («Торыгыз, Мусалар!»). Это звучит как намёк на судьбу нашего народа, вынужденного веками жить коленопреклонённым. Здесь приведены девятнадцать материалов, касающихся периода, охватывающего 1945–1965 годы. Сюда же вошло и содержание письма под названием «Мәгънави васыятем кебек калсын» («Пусть это останется моим духовным завещанием»), написанного Гаязом Исхаки где-то в середине апреля 1954 года, перед смертью. К публикации в журнале его подготовил литературовед Хатип Миннегулов (после обнаружения этого завещания во время поездки в Финляндию в 1990 году).

Две довольно объёмные части последних периодов времени, включающих годы жизни большинства из нас, названы «На берегах судеб» («Язмышлар ярында», 1965–1990) и «Мы приговорены жить» («Без яшәргә хөкем ителгән», 1990–2006). Конечно же, большую часть в них занимают литературные произведения. Есть и собственные воспоминания или записки о пережитом отдельных личностей. Пожалуй, самая важная для будущего татарского народа публикация, размещённая в последней части, — это, конечно же, объёмный труд академика Индуса Тагирова «Победа не даётся легко» («Жиңүләр жиңел бирелми»). В этом произведении, опубликованном в восьмом номере журнала за 2001 год, очень ясно описаны события, связанные с заключением первого до-

говора о разграничении полномочий между Россией и Татарстаном, попытки некоторых чинить препятствия стремлению Татарстана быть более самостоятельным. И действительно, в душе каждого, кто прочитает эту объёмную статью, зародится вера в то, что поговорка «Мы приговорены жить» близка к истине.

Во всех частях книги приводятся одиночные или коллективные фотографии известных людей и писателей, живших в то время, фотокопии тех или иных документов. Они размещены в общей сложности на 21 отдельной странице, а также внутри текста многих публикаций и статей.

5

Остановимся на некоторых, оказавших серьёзное влияние на жизнь нашего народа документах, когда-то опубликованных на страницах нашего журнала. Они хоть и размещены в основном в первых частях антологии «Сияние огней неугасимых», на страницы журнала попали очень поздно, лишь в дни распада империи СССР. В дни, когда начали давать свободу более самостоятельному мышлению.

Да, исторические источники, особенно поучительные для нашего народа, начали обнаруживаться только в 1990-х годах. Идеологию СССР в отношении национальных вопросов политики многих европейских стран и Америки уже давно оценивали как «двуличную». Наши же чиновники всегда пытались это отрицать. Впрочем, у нас ведь и про многие исторические факты, известные всему миру, пытались в послевоенные годы доказать, что «такого не было». Например, о тайном соглашении 1939 года между СССР и Германией, в течение десятков лет, почти с первых дней войны 1941 года, средства печати об этом не сообщали. А ведь тогда ещё были живы сотни тысяч свидетелей, участвовавших в мероприятиях, связанных с данными соглашениями. Например, в 1939–1941 годах на страницах многих центральных газет печатались материалы о дружеских встречах войск СССР с войсками вермахта, печатались фотографии с общих их парадов. А потом вдруг все вроде бы об этих событиях забыли, часть газет были сожжены или спрятаны. А большинство ветеранов войны об этих событиях, об общих маршах с будущими врагами ещё помнили. Иногда осторожно рассказывали и нам — юношам послевоенных лет. Толь-

ко в 1990 году, когда некоторые свидетели с трибуны Верховного Совета СССР на фактах показали, что это обман, что тайное соглашение 1939 года с гитлеровцами доказывается документами, многие депутаты тогда были вынуждены признать, что «оказывается, так и было». У нас часто повторяются подобные факты. В том числе и в вопросах, непосредственно затрагивающих татар. Скажем, примером этому может быть то, что, несмотря на постоянные разговоры о «равноправии всех народов страны», потихоньку закрывались национальные школы, национальные факультеты в высших учебных заведениях в большинстве регионов РСФСР, после известного постановления Верховного Совета СССР при Н. С. Хрущёве. Да, в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов во многих областях РСФСР стали закрываться национальные учебные заведения, существовавшие даже при правлении «жёсткого правителя Сталина», и, как уверяют некоторые знатоки, «почему-то не любившего татар».

И правда, первые примеры двуличности политики советской власти в решении национальных вопросов стали проявляться ещё в двадцатых годах. И в них, действительно, активное участие принимал сам «вождь народов». Например, в «деле» против видного государственного и общественного деятеля Мирсаита Султангалиева. Будучи в 1920—1923 годах членом Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей, ему приходилось часто бывать в национальных республиках, знакомиться там с положением дел, наблюдать некоторые противоречивые вопросы в отношении местного населения. Эти сведения он докладывал Народному комиссару по национальным делам Сталину и другим чиновникам этого комиссариата. На XII съезде партии, состоявшемся в апреле 1923 года, Султангалиев и некоторые другие делегаты смело критиковали «великодержавную» политику, проводимую центром. А спустя всего через несколько недель после съезда был поднят некоторыми коллегами, в том числе Сталиным вопрос об исключении М. Султангалиева из партии по обвинению в «национал-уклонизме». В начале июня того же года для рассмотрения его «личного дела» и с целью заблаговременного предупреждения, запугивания руководителей национальных республик Центральным комитетом ВКП(б) было организовано специальное совещание. А принятые после него меры уже известны многим из нас. Обвинённый в национализме Султанга-

лиев и те, кто состоял с ним в наиболее близких отношениях, были сразу же брошены в тюрьмы. А немного позже, в тридцатых годах, под предлогом «деятельности в группе национала Султангалиева» будут арестованы несколько тысяч представителей татарского, башкирского, казахского, киргизского, узбекского и других народов. Большинство из них погибнет в тюрьмах. И когда после смерти Сталина начали выходить постановления о реабилитации многих репрессированных, эти постановления не коснулись обвинённых в «султангалиевщине». Меры по пересмотру дел таких «крайних националов» и их реабилитации были начаты только после 1989 года. Из таких деятелей были реабилитированы в начале девяностых годов наш представитель Мирсаит Султангалиев, бывшие руководители национальных республик: казах Турар Ырыскулов, киргиз Терекол Айтматов и другие. Только тогда появилась возможность писать о них в печати, изучать их деятельность.

Профессор исторических наук Булат Султанбеков одним из первых исследовал документы этого «4-го совещания» (1923) и другие архивные материалы, связанные с обвинениями в национализме М. Султангалиева и его соратников. Во втором и третьем номерах журнала «Казан утлары» за 1993 год были опубликованы его объёмный очерк «Гаделсезлек тантанасы» («Торжество несправедливости») и копии записей стенограммы этого специального совещания. Читатель, которому интересно, может ознакомиться с данным делом и на 110–130-й страницах книги «Сияние огней неугасимых». Я же ограничусь приведением нескольких предложений из вступительной статьи профессора. «Текст стенограммы 4-го совещания... под тремя грифами «совершенно секретно» был заперт в секретном сейфе. Позже такие пометки (грифы) ставили только на документах, имеющих отношение к атомному оружию», — пишет Б. Султанбеков.

В разделе данной книги «Кручина швырнёт корабль страны родной» есть ещё один интересный исторический труд. Он имеет отношение к Галимджану Ибрагимову, который позже тоже был уничтожен по обвинению в «национал-уклонизме». Во время работы в «Академическом центре» этот писатель и исследователь национально-го состояния своего народа написал объёмный труд под названием «Каким путём пойдёт татарская культура?» («Татар мәдәнияты нинди юл белән барачак?») — буду-

щую программу нации. Но этот труд, ещё до сдачи в типографию, был негативно оценён официальными организациями. Об этом сообщает учёный Альберт Муслимов, изучивший архивные документы того периода (статья «Официальная клевета» («Рэсми әләк») в журнале «Казан утлары», № 7, 1991). Тучи над головой любимого писателя татар начали «сгущаться» уже с 1926 года. В ходе одного секретного совещания была описана его «националистическая» деятельность в рамках «Академического центра». Там говорится о необходимости срочного освобождения его от должности руководителя Академического центра Народного комиссариата просвещения. И те же чиновники тогда высказывали недовольство содержанием и его труда «Каким путём пойдёт татарская культура?». Лишь случай с внезапным серьёзным заболеванием Галимджана Ибрагимова 17 марта 1927 года позволил отсрочить на некоторое время запланированное суровое наказание. Но эта отсрочка не стала спасением навсегда. В 1937 году он был арестован. И как потом рассказывал участник реабилитационной комиссии Афзал-ага Шамов, убили его, обливая холодной водой в зимнюю стужу.

Интересующийся читатель сможет ознакомиться с произведением великого писателя «Каким путём пойдёт татарская культура?» на 151–167-й страницах сборника «Сияние огней неугасимых». Раньше этот труд был опубликован в третьем номере журнала «Казан утлары» за 1992 год с вводным словом литературоведа Зуфара Рамиева.

Как видим, в книге «Сияние огней неугасимых» и ставшем её основой в современном журнале «Казан утлары» уделено довольно много места работам, посвящённым судьбе нашего народа. Эта содержательная (и довольно объёмная) книга — издание, которое должно стать настольной книгой каждого татарского интеллигента, быть спутником нашего движения вперёд. Хотелось бы, чтобы мы помнили о прошлом своего народа. Правильно говорили наши предки: «У забывшего прошлое — нет будущего». Не позволить упасть национальному знамени народа — долг каждого. Пусть каждый из нас помнит всегда, что журнал «Казан утлары» — наш маяк, показывающий путь к будущему, и в то же время является нашим знаменем.

2009,
Гасырлар авазы. — 2012. — № 1, 2

ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

В мире ни одна литература не существует без взаимного общения, без участия в этом процессе переводной литературы.

И татарская литература, имеющая тысячелетнюю историю, постоянно обогащалась за счёт «возлияния» из других литератур. До последней четверти XIX века на татарский язык переводились в основном произведения классической литературы Востока — с арабского, персидского и турецкого языков. В последующие годы русская и в какой-то степени европейская литературы постепенно вытеснили этот пласт. К концу XIX века татарские издатели стали активно тиражировать в переводе стихи и басни, повести и драмы русских современников. Татарскому читателю стали известны стихи и поэмы А. Пушкина, М. Лермонтова, басни И. Крылова, проза и сценические произведения Н. Гоголя, А. Чехова, Л. Толстого, М. Горького, А. Островского, В. Шекспира, И. Шиллера и других. Пьесы стали поспешно переводиться для нужд возрождающегося татарского театра. Из дореволюционной русской литературы среди татар особой популярностью пользовались произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, И. Тургенева, Н. Гоголя, А. Куприна, А. Чехова, М. Горького. Например, роман «Мать» Горького был почти сразу же после выхода в свет напечатан и на татарском языке в переводе учителя Нигмата Еникеева.

В годы советской власти из произведений современников наиболее популярными были повести и романы М. Шолохова, Ф. Гладкова, А. Фадеева, А. Гайдара, стихи и поэмы В. Маяковского. Например, роман «Поднятая целина» М. Шолохова в переводе аксакала татарской прозы Шарифа Камала была издана уже в 1934 году — через год с небольшим после выхода на русском языке. И роман Н. Островского «Как закалялась сталь» был одним из первых переведён на татарский язык и выдержал несколько изданий до конца шестидесятых годов. Это очень популярное тогда произведение переводили наши знаменитые писатели Фатхи Бурнаш, Афзал Шамов и другие. Известные в своё время романы Ф. Гладкова вышли также незамедлительно в переводе А. Шамова: «Цемент» (1928) и «Энергия» (1934). Стихи и поэмы В. Маяковского более всего приходились по душе тогда ещё молодому поэту Аделю Кутую.

Об этих переводах и об их переводчиках в советский период было кое-что написано. Хочу ещё упомянуть и о тех переводчиках, о ком в то время писать не рекомендовалось «из-за их неблагонадёжности» или принадлежности к лицам эксплуататорского класса. «Белый эмигрант» Гаяз Исхаки, например, ещё в конце XIX века перевёл и потом издал отдельной книгой «Капитанскую дочь» А. Пушкина и «Старосветские дворяне» Н. Гоголя. В советское время вычеркнутый из списка литераторов «бывший буржуй» Г. Давлетшин-Хусаинов в литературно-театральной среде татар был одним из активных авторов. Он перевёл и издал комедию Н. Гоголя «Женитьба» (1905), под псевдонимом Д. Таждаров издал свою пьесу «Яшь хатын» («Молодая жена», 1907). Оба эти произведения вплоть до 1918–1919 годов были поставлены почти всеми театральными коллективами Поволжья и Урала и не сходили со сцен долгое время. В начале XX века он же был известен и как крупный меценат. Одна из первых газет молодых авторов «Таң йолдызы» («Утренняя заря») и последующие два кратковременных издания так называемых «татарских эсеров» в основном выходили при его непосредственной финансовой помощи. (Об этом пишет в одном из трудов, посвящённых дореволюционной периодической печати, и будущий Герой Труда, писатель и учёный Галимджан Ибрагимов.) Первые книги одного из духовных вдохновителей этой группы — Гаяза Исхаки также издавались за счёт средств Г. Давлетшина-Хусаинова. И предисловие к книге «Зиндан» («Тюрьма»), выпущенной в начале 1907 года, когда Г. Исхаки находился ещё в тюрьме, было написано им и его земляком-оренбуржцем, редактором вышеуказанных газет, поэтом Сагитом Рамиевым. Давлетшин же в 1907 году открыл своё издательство «Китап», где более полугода работал его доверенным лицом и жил в «апартаментах» данного издательства недавно приехавший в Казань поэт Г. Тукай. В издательстве «Китап» издавались также и переводные произведения. Например, перевод поэмы А. Пушкина «Сказка о Золотом петушке», выполненный Габдуллой Тукаем, вышел в 1908 году при его содействии. С начала двадцатых годов творческая и издательская деятельность данного «буржуя» была надолго забыта. Даже почти годичное проживание Г. Тукай в офисе издательства «Китап» игнорировалось в воспоминаниях современников.

Водевиль «Предложение» А. Чехова в те же годы был переведён и издан отдельной книгой другим «неблагонадежным,» будущим выпускником Петербургского университета Шакиром Мухамедьяровым. Пьеса была издана и ставилась в те годы от имени переводчика «Ш. Жамирова». Мухамедьяров также автор одной из первых книг, посвящённых творчеству Г. Тукая — «Тукай кем?» («Кто такой Тукай?»), изданной в Москве в 1918 году. С Тукаем он близко общался в 1907–1908 годах в Казани, а будучи студентом приглашал университетского профессора-врача для осмотра больного поэта весной 1912 года в Петербурге. Но ни в одну книгу воспоминаний современников Г. Тукая отрывки из данного произведения Шакира Мухамедьярова не включены. Хотя в архиве Института языка, литературы и искусства АН РТ данная книга имеется. Видимо, составителей этих сборников воспоминаний пугало то, что автор вышеуказанной книги более пятнадцати лет находился в сталинских лагерях как бывший эсер и «ярый националист», и был в своё время одним из ближайших соратников будущего «белоземigrанта» Гаяза Исхаки.

* * *

С начала 1920-х годов татарская литература намного обогатилась и за счёт национальных литератур союзных и автономных республик СССР. На татарском языке в 1920–1930-х годах были изданы в переводе с казахского стихи и поэмы Абая (1921), роман «Тар жол, тайгак кичү» («Узкими дорогами, скользкими переходами») Сакена Сейфуллина, чуть позже — роман «Апшерон» азербайджанца Магди Хусаинова¹, с грузинского — поэма «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели и повесть «Крепость Сурам» Д. Чонкадзе (1931). С произведения-

¹ В огузско-азербайджанском написании — Гусейнов. Из таких примеров: наш Хасан, по их написанию будет Гасаном, Хайдар — Гайдаром, күл (озеро) — гүл. Известное большое озеро на берегу Каспия по огузско-тюркскому написанию — Кара (большое, великое) бугаз (горловинное) гүл (озеро).

Древнее тюркское слово «кара» чаще переводят только в значении «чёрный», забывая, что это слово имеет ещё и другое значение — большое, великое. Тюркское словосочетание «кара хальк» (большое, основное население какого-либо государства или местности) у нас чаще переводят как «чёрнь». И словосочетание «Кара дингез» (или: динез) когда-то кто-то перевёл как «Чёрное море». — Л.Х.

ми украинского великого поэта Тараса Шевченко, когда-то сосланного царскими властями в татарскую глубинку — на Южный Урал, некоторые читатели были устно знакомы ещё в годы его ссылки. А в юбилейном году писателя — в 1914-м его стихи и поэмы были переведены и изданы на татарском языке. Обширную статью о его жизни и творчестве написал тогда же Галимджан Ибрагимов. Кстати, стихи Т. Шевченко любил и поэт Муса Джалиль. И переводил их. Из переведённых в 1930-х годах с украинского на татарский язык известных произведений было несколько. Хотелось бы особо отметить драму «Гибель эскадры» А. Корнейчука, очень популярную в те годы.

В годы советской власти почти все более-менее известные произведения русскоязычных авторов и часть произведений зарубежной классики переводились на татарский язык. С конца 1940-х годов до конца 1980-х Татарское книжное издательство ежегодно выпускало не менее шести-семи переводных произведений. Это было около десяти процентов ежегодно выпускаемой в ТАССР художественной литературы. Назову лишь некоторых авторов, чьи удачные произведения более активно переводились нашими литераторами. Это Константин Паустовский, Константин Симонов, Сергей Михалков, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Василь Быков, Валентин Распутин, Роман Солнцев, Евгений Евтушенко, Мухтар Ауэзов, Ануар Алимджанов, Сабит Моканов, Аскад Мухтар, Нодар Думбадзе, Чингиз Айтматов и другие. Почти все произведения Чингиза Айтматова были своевременно переведены на родной язык его матери. И переводили их такие известные прозаики, как Амирхан Еники, Хасан Сарьян, Яхья Халитов и другие.

Достаточно много и в основном очень удачно переводили классическую и советскую русскую литературу опытные писатели нашей республики. Большинство из них, наряду со своими творческими делами, уделяли большое внимание и переводу известных произведений западных и российских авторов. Например, народный писатель Татарстана, автор нескольких романов на родном языке Гариф Ахунов и его однокашник по учёбе в университете, писатель-переводчик Яхья Халитов очень удачно перевели четыре тома «Тихого Дона» М. Шолохова. «Педагогическую поэму» А. Макаренки, «Плавучую станицу» В. Закруткина и другие романы в своё время подарил татарскому читателю тот же

неутомимый Г. Ахунов. Лауреат премии имени Г. Тукая, автор нескольких классических прозаических и драматургических произведений Мирсай Амир также не уступает молодому коллеге по количеству переведённых произведений русской классической литературы. За полвека творческой деятельности им были переведены на родной язык драмы «Человек с ружьём» Н. Погодина, «Платон Кречет» А. Корнейчука, повесть «Дни и ночи» К. Симонова. А «Весну на Одере» Э. Казакевича, «Молодую гвардию» А. Фадеева и другие известные произведения советского периода очень своевременно перевёл участник тех же военных событий, классик татарской прозы, автор всесоюзно известного романа «Белые цветы», лауреат премии имени Г. Тукая Габдурахман Абсалямов. Его коллега, также бывший участник войны, автор нескольких интереснейших повестей и романов, народный писатель Татарстана Амирхан Еники в послевоенные годы обрадовал татарских читателей переводами романов, посвящённых войне. Романы «Знаменосцы» О. Гончара и «Белая берёза» нашего бывшего казанца М. Бубеннова были переведены им и изданы сразу же после войны, в начале пятидесятых годов.

* * *

С конца XIX века и татарскую литературу стали активнее пропагандировать среди русского населения. А в Западной Европе словосочетание «перевод с татарского» появилось, по всей видимости, намного раньше, почти с начала XIX века (если не раньше). Тогда многие переводы средневековой восточной литературы преподносились как татарские. Естественно, это было связано и с историей татарской империи — с Золотой Ордой и с другими империями чингизидов. Хотя только небольшая часть из них была, наверное, татарской в современном представлении о нациях. Например, по некоторым сведениям казахских и узбекских коллег, составители одной французской энциклопедии выходца из рода эмира Тимура Захретдина Бабура назвали «татарским правителем Индии». (Тимуриды ведь тоже входят в династию чингизидов по линии жены его — Биби-ханум.) И произведения Бабура — историко-хроникальное «Бабурнаме» и стихотворное «Мубайн» европейцам известны как татарские. В трёхтомном историческом труде «Взгляд на всемирную историю», изданном в начале 1930-х годов на английском языке, будущий

глава государства Индии Джавахарлал Неру также повторяет эту версию и считает Бабур и его внука Акбара (Абульфатиха Джалалетдина) татарскими основателями объединённой Индийской империи (ранее раздробленной на множество княжеств).

Крупный знаток тюркских языков В. В. Бартольд в своих научных трудах, изданных на русском и на родном ему немецком языке, также приводил много примеров в переводе с татарского языка. Но пока мы западноевропейскую переводную литературу серьёзно не изучали. Хотя, возможно, в ней имеются и переводы каких-то произведений родом именно с нашего, Волжско-Уральского региона. Например, в одной из статей краеведа из Оренбурга Мадины Рахимкуловой имеется намёк на то, что одна из трёх поэм местного автора середины XIX века Гумера ибн Мухаммеда была переведена на какой-то европейский язык. Одна из этих поэм отражала события посещения императором Александром Первым в 1824 году Оренбурга и встречи его с известными деятелями-мусульманами данного края. Вторая поэма отражала такие же события, произошедшие при посещении в 1837 году Оренбургского края будущим императором Александром Вторым. В то время юного «великого князя» сопровождал его воспитатель и наставник, известный поэт, сын «турчанки Салихы» из мещерско-приокских поселений (как писали позднее его биографы) Василий Жуковский («старший друг и наставник» А. С. Пушкина). Он тогда общался с местным поэтом Гумером. Предполагается, что именно В. Жуковский рекомендовал одну из поэм выше названного автора для перевода на какой-то европейский язык. Вероятнее всего на французский язык.

Очень известное и особо популярное среди читающей молодёжи стихотворение поэта первой половины XIX века Хибатуллы Салихова «Тәндә жаным» («Душа в теле», 1845) было издано на немецком языке уже в наше время — в 1930 году.

В 1901 году в Казани вышла книга Н. И. Ашмарина «Очерки литературной деятельности татар-магометан в 1880—1895 гг.». Позднее эта книга была переведена и переиздана в Оренбурге в издательстве «Вақыт» братьев Рамиевых (1913). И по некоторым сведениям, переводчиком на татарский язык этого труда был в то время учитель одной из казанских медресе, будущий учёный-историк и политик Заки Валиди. Николай Иванович Ашмарин,

преподаватель Казанской татаро-крещенской семинарии, выпускник Лазаревского института восточных языков, и позднее неоднократно обращал своё внимание на татарскую литературу. Им же был написан и в 1905 году издан в журнале Министерства народного образования России (№ 5. — С. 1–32) ещё один обобщающий труд — «Несколько слов о современной литературе казанских татар». В данном очерке в основном описывается всё возрастающая издательская деятельность среди татар и упоминаются отдельные литературные произведения с указанием имён авторов. Вторая часть очерка почти полностью посвящена полуреальной и полуфантастической повести Гаяза Исхаки «Исчезновение через двести лет» («Ике йөз елдан соң инкыйраз»).

А в 1914 году в Москве, в ежегодном альманахе Лазаревского института в переводе Н. И. Ашмарина вышла поэма Габдуллы Тукая «Шурале». К сожалению, наши литературоведы, также как и языковеды, пока ещё не заинтересовались научными журналами и альманахами данного, имеющего столетнюю историю учебного заведения. А ведь этот институт был третьим центром в России по изучению восточных языков и литературы. Именно в этом институте после смерти Г. Тукая была объявлена стипендия имени нашего поэта. И в этом же институте учились более ста лет назад наши же соплеменники. По данным той же М. Рахимкуловой, этот институт закончил один из выпускников Оренбургского медресе «Хусаиния» М. Мустафаев. Возможно, были ещё и другие студенты.

Вернёмся к началу прошлого века. Трагическая жизненная и успешная творческая судьба Габдуллы Тукая стала известна и в Англии. В 1914 году журнал «Рашен ревью» («Русские известия»), издававшийся в Лондоне, опубликовал небольшое сообщение о нашем поэте и стихотворение «Пар ат» («На пароконке») на английском языке. Это стихотворение, запечатлевшее мечту поэта о возвращении в Казань, было написано им летом 1907 года в городе Уральске. Известно, что в последние годы руководство татарского отделения Всемирного общества писателей — ПЕН-клуба и Союза писателей Татарстана стремилось кое-что сделать в этом направлении. Несколько лет тому назад они организовали издание поэмы «Шурале» на английском языке, выпустили в свет сборник стихов Г. Тукая на двух (русском и английском) языках.

Стихотворения Г. Тукая ещё до революции широко распространялись в странах Ближнего Востока. Их печатали на уйгурском языке в западных районах Китая, на узбекском и казахском — в городах Средней Азии, на азербайджанском — в периодических изданиях Тифлиса и Баку. В 1910—1920 годах некоторые его стихотворения были опубликованы и на турецком языке, а турецкий учёный Фуад Купрулу напечатал о его творчестве обширную статью в журнале «Түрк йорты» («Турецкий очаг»). В те же годы на произведения поэта и его трагическую биографию обратили внимание очень известные русские писатели и поэты. Например, в одной из своих статей о нём и о его творчестве тепло отозвался выдающийся писатель Максим Горький. О творчестве Г. Тукая так же похвально отзывался и поэт Сергей Есенин. Видимо, эти хвалебные слова были высказаны Есениным после общения со своим другом Валентином Вольпиным. А Вольпин в 1919—1920 годах был хорошо осведомлён о творчестве нашего поэта. В те годы он жил в Ташкенте, увлекался переводами и в 1920 году он выпустил там небольшую книжку стихов Г. Тукая в своём переводе (Г. Тукай. «Избранные произведения»). Обширное предисловие написано Ибнеамином Янбаевым, нашим соплеменником, в то время являвшимся членом коллегии Коммисариата народного просвещения Туркестанской Автономной Республики.

Второй сборник произведений Г. Тукая на русском языке был издан годом позже и на родине поэта. Стихи перевёл известный казанский художник и поэт Павел Радимов. Название сборника «Разбитая надежда» — это почти дословный перевод названия одного из предсмертных произведений Тукая.

В начале XX века вернулись лицом к татарской литературе и казанские печатные издания. В январе 1908 года газета «Волжско-Камская речь» два номера посвятила этой теме. В одном из номеров газеты сын польского ссыльного, выросший среди татар журналист Альберт Пинкевич написал большую статью «Очерки о новой татарской литературе», где основное внимание уделил творческим успехам поэта Сагита Рамиева (1880—1926). А во втором номере вышли четыре лирико-философские стихотворения этого же поэта в переводе А. Пинкевича («Таң вакыты» — «Заря», «Мин» — «Я», «Син» — «Ты», «Ул» — «Он») и некоторые сведения об изданных в последние годы книгах татарских писателей.

А в журнале «Современник», издававшемся в Санкт-Петербурге (№ 4, 1911), выходит также большая статья, посвящённая татарской литературе. Здесь основное внимание было уделено творческим исканиям и успехам поэтов Г. Тукая и С. Рамиева. (К сожалению, номер данного журнала не сохранился в наших основных библиотеках — Национальной и филиала Академии наук РФ.)

Крупный знаток восточной, особенно тюркской литературы, будущий академик-филолог Александр Николаевич Самойлович в сборнике «Литература Востока» (выпуск первый, 1919) поместил статью «Литература турецких народов» (то есть тюркоязычных народов России), где уделил достаточное внимание и произведениям татарской литературы начала XX века.

* * *

В советское время — до начала 1990-х годов произведения татарских писателей активно переводились на русский и другие языки народов СССР. Ежегодно выходили две-три книги на русском в московских издательствах и столько же, а иногда и больше в издательствах союзных и автономных республик. Особенно активно сотрудничали мы с белорусскими, казахскими, узбекскими, украинскими коллегами, а также с писателями автономных республик Поволжья и Урала.

Был период, во времена так называемого культа Сталина, когда произведения, получившие государственные премии, в обязательном порядке переводились почти во всех союзных и автономных республиках. Эти же произведения печатались во многих соцстранах, включая и Вьетнам. Такое счастье улыбнулось двум нашим аксакалам: романы «Намус» («Честь») Гумера Баширова и «Язгы жилләр» («Весенние ветры») Кави Наджми были изданы тогда на всех этих языках. В том числе эти книги с большими тиражами вышли и в Китайской Народной Республике. После смерти «вождя народов» такого успеха наша литература не достигала уже никогда.

Правда, произведения двух наших известных поэтов — Габдуллы Тукая и Мусы Джалиля тогда и сейчас издавались и издаются почти на всех бывших союзных республиках СССР, а также в некоторых странах мира. Недавно сообщалось, что сборники стихотворений этих авторов вышли на турецком языке. А в советский период интерес-

ная для многих читателей проза Габдурахмана Абсалямова очень часто издавалась также почти во всех республиках СССР.

В 1980-х годах краевед из Оренбурга Мадина Рахимкулова дважды была в Швеции (её дочь и зять преподавали там в университете) и сообщала в печати, что там планируют издать книгу стихов Г. Тукая. Но вышла ли в Швеции такая книга, мне неизвестно.

А в Финляндии произведения Г. Исхаки, Г. Тукая и некоторых других авторов издаются с начала тридцатых годов. А в дни Международной конференции писателей-переводчиков, прошедшей в декабре 1979 года в Казани, с трибуны много было высказано обещаний об издании в будущем современной и классической татарской литературы на родине участников данной конференции. Там присутствовали и выступали писатели и переводчики из многих стран Европы: Швеции, Норвегии, Турции, Финляндии, Венгрии, ГДР, Чехословакии, такие как Имре Макам, Гюнтер Штейн, Лия Пересковец, Антон Попович, Хелена Краг, Мартин Наг, Свен Сторк, Улькю Тамер, Улла Митса Хейно, Мария Коскинен и другие.

* * *

В 1960–1980-х годах активными пропагандистами татарской литературы в своих регионах были наши земляки: Разия Фаизова, Ямил Мустафин, Галия Хантимерова в Москве, Асгать Мухтар, Габдулла (Вил) Уразаев в Узбекистане, Барый Мазитов в Казахстане и другие. А жившая в годы войны в нашей республике будущая украинская писательница Любовь Ковалёва также выпустила несколько книг у себя на родине. К сожалению, мы к произведениям таких авторов уделяли мало внимания, за исключением, может быть, Асгата Мухтара, Ямиля Мустафина, Любви Ковалёвой. Например, в середине восьмидесятых годов я редактировал её интересную повесть «Невеста» (перевод Венеры Ихсановой).

С начала ельцинско-гайдаровских перемен в стране в литературных делах стал чувствоваться откат назад. Кроме профессионального спорта ни одной отрасли культуры деньги на развитие не выделялись. Книжная торговля почти заглохла. По этой причине переводческая работа в те годы приостановилась. Только с наступлением XXI века началось некоторое продвижение вперёд. В эти годы в москов-

ском журнале «Современник» издано несколько произведений наших писателей. В этом заслуга руководства Союза писателей Татарстана и ответственной по данным вопросам поэтессы Лилии Газизовой. Небольшая связь остаётся и с самыми ближайшими соседями по перу — с башкирскими, чувашскими, отчасти марийскими и мордовскими Союзам писателей и изданиями этих республик. С коллегами из названных республик активно сотрудничают известные наши поэты Ренат Харис, Радиф Гаташ, Роберт Миннуллин, Ркаил Зайдулла, Мухаммед Мирза (все — лауреаты государственной премии имени Г. Тукая).

Татарскую прозу и поэзию в последние годы активнее стало пропагандировать новое поколение переводчиков: Гаухар Магдеева-Хасанова, Лилия Газизова, Наиль Ишмухаметов, Наиля Краева, Булат Хамидуллин, Адель Хаиров, Фарида Садриева. Г. Магдеева на страницах журналов «Идель» и «Современник» опубликовала повести и рассказы Фаниса Яруллина, Аяза Гилязова, Ркаила Зайдуллы. Н. Краевой были переведены и изданы отдельной книгой в Казани рассказы Фатиха Хусни, Гарифа Галиева, произведения Айдара Халима. Булат Хамидуллин в эти же годы перевёл и издал отдельными книгами последние три повести Гарифа Ахунова «Увиденное и прожитое Тиммерханом», роман Вахита Имамова «Казанская крепость», мою документальную повесть о Дэрдменде и некоторые рассказы.

В последние пятнадцать лет мы обратили взоры, как и в начале XX века, к деятелям литературы Турции. В переводе с турецкого на татарский язык уже изданы более десяти книг. Назифа Каримова перевела и издала юмористические рассказы Азиза Несина — одного из известных прозаиков Турции. Доцент Казанского университета Асия Рахимова перевела уже несколько произведений, в том числе историко-просветительскую книгу Габдулбари Баттала «Казанские турки». Народный писатель Татарстана Рабит Батулла и учёный-историк Рашид Кадыров по отдельности перевели две книги профессора Надира Давлета, посвящённые национальному движению татар в годы двух революций. Поэтические произведения с татарского на турецкий и обратно активно переводит выпускница нашего университета, живущая ныне в Турции Чулпан Зарипова.

С турецкого на татарский и с татарского на турецкий язык также активно переводит Фатих Котлы. Им уже

изданы на родине произведения народных писателей Татарстана Аяза Гилязова, Рабита Батуллы и других авторов. Повесть А. Гилязова «Три аршина земли» в Турции отмечена высокой литературной наградой.

Турецкий писатель Окан Памук несколько лет назад стал лауреатом международной Нобелевской премии. Его произведения изданы во многих странах, в том числе и на русском языке в Москве. Нам, любителям литературы, желательно было бы прочитать и его, лауреата мировой премии, произведения в переводе с родного его турецкого на татарский язык.

* * *

Несколько слов об организации переводческого дела. В советское время проблемы переводческие решали в основном по линии Союзов писателей. Правительствами республик им выделялась небольшая сумма денег, в основном для организации подстрочного перевода произведений. И составлялись планы издания таких книг совместно с региональными издательствами. Москва регулировала квоты на издание произведений национальных литератур для центральных издательств. И, естественно, на эти цели выделялись и деньги. Правда, большею частью эти деньги зарабатывались издательствами путём издания классической литературы.

В то же время некоторые союзные республики, исходя из своих возможностей, создавали отдельные подразделения, занимающиеся только переводами. Деньги им выделялись из бюджета. Так, в середине восьмидесятых годов в Алма-Ате было организовано Бюро переводов, которым одновременно руководили две организации: Союз писателей и Академия наук Казахстана. Директором был назначен писатель и учёный, сын известного писателя Мурад Ауэзов. Бюро переводов созвало в 1988 году большую конференцию с участием и многих зарубежных писателей. Я тоже там присутствовал и выступал. (Мой краткий отчёт о конференции был напечатан в журнале «Казан утлары».) Это же Бюро издавало ежегодный научно-литературный альманах.

Сейчас к организации переводческого дела можно привлекать и частных спонсоров, меценатов. Часть расходов должно взять на себя и государство. Подобный опыт у нас уже имеется. В республике созданы две самостоятель-

ные организации, занимающиеся изданием на татарском и русском языках полузабытых классических литературных и общественно-исторических трудов. Ими были изданы труды известных учёных XIX века Шигабутдина Марджани, Ризы Фахретдина, Хади Атласи, Карла Фукса и многих других. Я имею в виду фонд «Джиен», организованный известным покойным академиком Миркасымом Усмановым, и фонд «Рухият», созданный в городе Альметьевске нефтяниками.

С аналогичными предложениями об организации переводческого дела я выступал на страницах журнала «Казан утлары» ещё летом 2008 года.

Без серьёзной организации финансовой базы оживить литературную переводческую деятельность сегодня очень трудно. Издательские гонорары не оправдывают сегодня сложный труд переводчиков. А если забросить это дело, понадеясь только на самотёк, наша литература постепенно потеряет своё величие, безнадежно замкнувшись в себе.

Идель. — 2012. — № 11

ЗЕРКАЛО ДУШИ НАРОДА

1

Среди тюркских народов, входивших в состав царской России, первыми приступили к издательской деятельности татары Поволжья. Правда, в этом деле им помогло и то, что в Санкт-Петербурге при Академии наук в 1785 году была образована первая «Азиатская типография» с использованием шрифта с арабскими буквами. А потом в городе Казани в 1804 году был открыт второй, после Московского, университет в России. И университету этому была подчинена вторая в России «Азиатская типография». Первоначально эта типография, созданная особым указом императора Павла I в 1800 году, находилась при Первой Казанской гимназии. А организованы были эти типографии, в основном, с учётом потребности издания Корана и другой религиозной литературы для мусульманского населения страны. Таковы были условия Османской империи (Турции) при составлении Кючук-Кайнарджийского мира с Россией в конце семидесятых годов XVIII века. И с первых же дней в обеих этих типографиях были ор-

ганизованы, кроме издания религиозной литературы, и выпуск известных общественно значимых произведений народов Востока. А в странах Европы к переизданию таких трудов приступили ещё раньше. Например, книги географа и историка, араба X века Абул-Хасана аль Масуди, прозванного европейцами «Арабским Геродотом», в этих странах начали издавать с начала XVIII века. Кстати, этот путешественник знал и историю Хазарского каганата, и о существовании севернее от Хазарии страны Волжская Булгария. Эти сведения вошли в его книгу под названием «Золотые коши», неоднократно переведённую на европейские языки. Но российские учёные использовали только часть сведений из этой книги, в основном касающуюся описания жизни славян и русов...

Да, в 1774 году, при заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора с могущественной тогда Османской империей, были включены два пункта с требованиями о соблюдении прав мусульманского населения России. (Правда, и Османская империя делала большую уступку северному соседу — отказалась от своего влияния над Крымским ханством и Молдавией.) В первом пункте этого договора было указано о необходимости издания и распространения Корана в стране, где проживает много людей, исповедующих мусульманскую религию. А во второй пункт включено требование о необходимости организации в России официального управляющего органа мусульман. И в 1778 году особым указом императрицы Екатерины II было осуществлено создание «Оренбургского духовного магометанского собрания». Правда, в послаблениях относительно мусульман и в проведении вышеуказанных мероприятий царским правительством особое значение имеет и Пугачёвское восстание 1773—1774 годов. Большую часть восставших тогда составляли татары и башкиры, недовольные притеснениями их по религиозным мотивам. Как говорят у нас при разговорах на эту тему, «бабушка немка Екатерина вовремя почувствовала тёплый ветер, веющий со стороны Запада, и создала официальную организацию по защите прав мусульманского населения страны». Управление штаб этой организации первоначально находился в городе Оренбурге, граничащей тогда с самостоятельными казахскими ханствами. А через десять лет, в 1788 году, управление это было переведено ближе к центру — в город Уфу. Название этой организации стали писать

более упрощённо, как «Оренбургское магометанское управление» («Мөхәммәт дине жәмгыяте идарәсе»)¹. Именно этому управлению возлагались работы по подготовке первых изданий Корана в России. Первой главой этого управления, т. е. первым муфтием, тем же указом царицы был назначен ахун из Сеидова Посада (нынешняя Татарская Каргала, что рядом с Оренбургом) Мухаммед Хусаинов (Мухаммед ибне Хусаин ибне Мансур аль Джабали аль Бурундуки). При его активном участии в конце XVIII века были выпущены в столице три первых издания Корана в России. И «Азиатская типография» в Казани с первых дней начала выпускать книги как религиозного содержания (например, седьмую часть того же Корана — «Гафтияк»), так и имеющих общественно-литературное направление. Например, одним из первых в Казани была издана книга средневекового среднеазиатского поэта Аллахияра Суфи «Сәбәтел-гажизин» («Опора обречённых»). А в самой Средней Азии первой типографией, созданной после присоединения этого края к России, считается Ташкентская.

Да, территория вокруг Ташкента и этот город были присоединены к России в 1865 году. И первая «мусульманская» типография приступила к своей работе в начале 1870 года. Она была организована по инициативе нашего земляка, помощника Туркестанского генерал-губернатора по работе с местным населением мурзы Шагимардана Ибрагимова. Он с апреля того же года начал издавать в Ташкенте и первую тюркоязычную газету в России. Эта еженедельная газета («Төркестан вилаяте гәжите») издавалась тогда на казахском и узбекском языках. И распространялась на части территории современного Узбекистана и Казахстана. На территории этого губернаторства также жили каракалпаки и часть туркмен. Эта газета продолжала выходить, немного изменив название, до начала XX века. В Ташкентской типографии были изданы первые календари на узбекском языке. (В те же годы в Казани и Каюм Насыри издал свой первый календарь.) И литературное произведение «Мең дә бер кичә» («Тысяча и одна ночь»), переведённое с персидского языка самим Ш. Ибрагимовым, было также издано в Ташкенте.

¹ *Мәржани Ш.* Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали... — Казан : Татар. кит. нәшр., 1989. — 209 б.

Он же в редактируемой им газете печатал и фольклорные произведения среднеазиатских народов. На страницах этих газет печатались и стихи местных поэтов. Например, поэтическое состязание классика каракалпакской литературы Аджинияза (1811–1878) с казахской поэтессой Мэнеш-кыз было напечатано на страницах этой газеты в 1878 году.

В тех же семидесятых годах XIX века в городах Баку и Тифлисе, по распоряжению наместника царя по Кавказу, были начаты издания газет и на «кавказско-татарском» языке. Типографии для издания местных печатных газет были организованы там тоже при содействии помощника наместника царя, азербайджанского общественного деятеля и писателя мирзы Фатих-Али Ахундова. Первая тюркоязычная газета на Кавказе «Игенче» («Хлебороб») вышла в Баку в 1873 году. Издателем и редактором был Хасан бек Зарбаби. А с 1878 года в Тифлисе Хаджи Саеи издавал газету «Зыя-и Кавказия» («Просвещённая Кавказия») на языке, понятном для всех тюркоязычных народов Кавказа. По сведениям некоторых авторов, в этой газете изредка появлялись материалы и о жизни татар из центра России.

До революционных преобразований в 1917 году в больших городах России работали десятки частных типографий с татарским шрифтом. Но издавать газеты на татарском языке царским правительством было запрещено. А таких попыток с начала XIX века было очень много. И успешные золотопромышленники, известные люди России — братья Рамиевы тоже в конце века сделали попытки выпуска своей газеты. Но царское правительство тогда и им отказало. А у них уже были наметки покупки тюркского шрифта в Турции. Об этом сообщается в письмах братьев.

Тогда в татаро-тюркских типографиях Центральной России выпускались только книги и разные рекламы. Академик Петербургской академии Б. А. Дорн в одном из своих трудов пишет, что только с 1853 по 1859 год в России было издано книг мусульманского религиозного содержания тиражом более 300 тысяч экземпляров. В том же количестве, наверно, было издано и светской литературы, то есть книг общественно-гуманитарного назначения. Об этом свидетельствуют многочисленные находки археографических экспедиций по стране, организованных Казанским государственным университетом и Казанским институтом языка, литературы и истории советского периода.

А в одном из номеров газеты «Йолдыз» (Казань) за 1914 год сообщается, что в 1913 году татарскими типографиями было издано 518 книг, из них 29 названий на казахско-киргизском языке. А 26 книг религиозного содержания были изданы на арабском или смешанном арабско-татарском языках.

Особенно крупные издательства при татарских типографиях были организованы в Казани, Оренбурге, Уральске, Уфе, Астрахани. В этих издательствах издавались частично и книги на других родственных языках. Например, большинство дореволюционных книг на казахском языке вышли из типографий Казани, Оренбурга и Уфы. Один из первых романов на казахском языке «Бәхетсез Жамал» («Несчастливая Джамал») Миржакипа Дулатова был издан в Казани в 1913 году. Почти сразу же после выхода романа Г. Ибрагимов «Молодые сердца» (1912) на современную тему тех лет. А оренбургское издательство «Вақыт» Рамиевых в те же годы обрадовало казахских читателей вторым изданием сборника стихов Абая Кунанбаева. Книга «Абай тирмәсе» («Юрта Абая») и первая повесть на этом языке М. Нурбаева «Көргенде бала» («Воспитанный мальчик») были изданы в Оренбурге в тех же годах.

Издание газет и журналов на татарском языке было разрешено только после выхода известного Манифеста царя от 17 октября 1905 года.

Кроме выше перечисленных «Азиатских типографий», все остальные, работающие с татарскими шрифтами, были частными. Да и Петербургская «Азиатская типография» вскоре была продана в частные руки. Общее количество частных татарских типографий в царской России, по некоторым данным, было более ста. А по расчётам Исмагила Рамиева, автора первого энциклопедического труда «Вақытлы татар матбугаты» («Татарская периодическая печать», Казань, 1926), до 1918 года только в городе Казани в разные годы в совокупности действовало более двадцати частных издательств и многие из них были обеспечены своими типографиями. А по свидетельству советского учёного З. З. Мифтахова, на 1 января 1921 года на территории ТАССР существовало 28 различных типографий, из них 18 находились в Казани¹.

¹ Мифтахов З. З. Развитие полиграфической базы в Татарии (октябрь 1917–1927 гг.) / Здравствуй, книга! – Казань : Татар. кн. изд-во, 1989. – С. 92.

В 1918 году постановлением Центрального комитета РКП(б) было принято решение об объединении частных типографий, ликвидировав их собственность. Одной из первых была экспроприрована новой советской властью в феврале того же года технически хорошо оснащённая типография «Вақыт» Рамиевых в Оренбурге. От владельца также была вытребована двухнедельная оплата будущих расходов типографии и зарплата работников. Там же были отняты от хозяев ещё две известные типографии — работавшая с 1901 года типография ахуна Гильмана Каримова и открытая в 1906 году — Валимуллы Хусаинова. Такие же мероприятия были проведены в Казани и других городах России.

А в июле 1919 года вышло распоряжение правительства о порядке организации государственных издательств в губерниях и о подчинении всех печатных изданий этим учреждениям. И все типографии на местах должны были войти в состав этих государственных издательств. После того распоряжения в состав Казанского губернского издательства входили все печатные издания, включая и издаваемые на языках народов будущих соседних республик — марийском и чувашском. С ноября 1920 года, после образования ТАССР, это издательство стало называться Татарским государственным издательством, сокращённо Татгосиздатом. Почти все типографии в Татарстане тогда подчинялись данному учреждению. И периодические издания выходили тогда только с ведома Татгосиздата. Но новому издательству оказалось затруднительным, обеспечив первоочередной выпуск газет и журналов, выпускать плановое количество книг. И в конце 1925 года решено было организовать параллельно ещё и газетно-журнальное издательство «Гажур», а старое издательство, переведя его в хозрасчётное предприятие, переименовать в Татиздат. А в будущем было ещё одно слияние и повторное разделение этих двух издательств...

До начала 1990-х годов планы работы этих издательств согласовывались с Росгосиздатом РСФСР. И лимит необходимого количества бумаги, красок и других материалов определялся этим управлением согласно утверждённому им плану выпуска книг, газет и журналов. А по хозяйственно-финансовой деятельности наше

издательство с первых дней подчинялось Татарстанскому Совету Народного Хозяйства (Татсовнархозу), чуть позже переименованному как Совет Народных Комиссаров (СНК). А по идеологическим вопросам (по составлению предполагаемого плана выпускаемых книг и составу средств массовой информации) подчинялось Народному комиссариату просвещения ТАССР. До конца двадцатых годов издательскую деятельность в этом комиссариате контролировал Научный центр (Гыйльми үзәк), руководителем которого в 1925—1927 годах был классик нашей литературы, активный общественный деятель Галимджан Ибрагимов. Он и до этого, как член Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при РКП(б), активно участвовал по созданию издательского дела в стране. И при непосредственном его участии в 1922 году в ТАССР был организован выпуск литературного журнала «Безнең юл» («Наш путь»).

В начале тех же двадцатых годов при Татгосиздате был создан отдел, ведущий учёт и краткое описание содержания выпущенных книг и напечатанных в газетах и журналах материалов. А с 1926 года этот отдел стал самостоятельной единицей под названием «Книжная палата». После организации Управления по печати и полиграфии при Совете министров ТАССР в 1946 году Книжная палата подчинялась этому управлению. Главные редакторы и сотрудники газет, журналов до 1958 года состояли в штате Татгосиздата. Естественно, главные редакторы этих изданий на свою должность первоначально утверждались в соответствующих отделах областного комитета ВКП (б) и КПСС.

В 1936 году при Народных комиссариатах союзных и автономных республик организуются специальные управления по распространению книжной продукции. До сих пор эти обязанности входили в ведение государственных издательств. В Татарстане тоже было создано управление «Таткниготорга». Параллельно и потребительские кооперации на местах обязаны были организовать торговлю книг в своих торговых точках. Таткниготорговые книжные магазины в основном располагались в городах и в больших посёлках районов. Эта система до образования самостоятельного Управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли в 1949 году была непосредственно подчинена ведомствам Совета министров ТАССР.

В связи с послевоенными преобразованиями и созданием Управления по делам и полиграфии, от системы Татгосиздата было отделено типографское производство (то есть система полиграфии). А с 5 июля 1991 года Управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли было преобразовано в Министерство информации и печати ТАССР.

3

Со дня образования в 1920 году Татгосиздат являлся одним из важнейших отраслей по развитию национальной литературы и культуры не только в нашей республике. Именно из редакций и цехов типографий, подчинённых этой организации, вышли первые учебники, подготовленные с участием известных педагогических кадров Научного центра наркомата просвещения. Эта литература и учебники для татарских школ распространялись тогда по всей территории СССР, где компактно проживали татары. Правда, учебники на татарском языке и раньше издавались многими издательствами, рассеянными по всей России. Но они были разными по содержанию, не идентичными. А с созданием централизованного издательства качество учебников улучшилось. Во всех татарских школах СССР стали применяться одинаковые по содержанию учебные пособия. Например, в одной из книг историка и общественного деятеля Габдельбари Батталова имеются воспоминания о том, как педагогическое руководство города Томска весной 1920 года направляло его в Казань для доставки туда учебников. Ему было выдано официальное командировочное удостоверение от имени новой власти. Но в Казани его встретили как бывшего активного сотрудника антибольшевистских газет «Курултай» и «Алтай» и по заявке татарской секции областного комитета РКП(б) арестовали. А через год, добыв подложные документы, он вынужден был эмигрировать в Финляндию. И родина потеряла в данном случае активного журналиста и учёного, являвшегося ответственным сотрудником таких известных изданий, как газеты «Вақыт» (Оренбург, 1908–1910), «Йолдыз» (Казань, 1913–1917), «Курултай» (1917–1918), «Алтай» (1918) и «Маяк» (1918–1919). Последнюю газету издавало Временное правительство «Идель-Урал» на террито-

рии современного Казахстана, в городе Петропавловске, Организаторами издания были Г. Исхаки, Ф. Туктаров и Г. Баттал.

4

Первым руководителем объединённой издательской и типографской организации «Казгосиздат» в Казанской губернии в 1919 году был назначен М. А. Вернеев, бывший работник Казанского губернского исполнительного комитета. Но он пробыл на этом посту менее года. В период образования в мае 1920 года Татарской АССР управляющим работал уже И. Б. Кочергин. И при нём издательство было наименовано Татгосиздатом. А первым управляющим, являющимся представителем коренной национальности республики, был Нурис Мухтаров. Его назначили на эту должность в марте 1922 года. До этого Нурис Мухтаров работал в типографии наборщиком, был принят в члены партии большевиков в 1918 году. Видимо, со дня рождения он именовался Нурисламом (нур + ислам / светоч ислама). А в двадцатых годах, когда развернулись гонения за религиозность, сократил часть своего имени. В то время так поступали многие. Бывали случаи, когда вместо своего имени Мухаммед подбирали другое, более подходящее современности имя.

В те годы руководителей предприятий и организаций часто меняли. И Н. Мухтаров проработал на этой должности чуть более года. В двадцатых годах дольше всех руководил «Татгосиздатом» (1925–1929) Вали Салимович Шафигуллин, активный участник различных курултаев и собраний в годы становления советской власти и Гражданской войны. Был он одним из организаторов и редакторов первых советских газет в Казани: «Эшче» («Рабочий»), «Кызыл Шәрәк» («Красный Восток»). Он же был редактором первой официальной газеты Татарской АССР «Татарстан хәбәрләре» («Известия Татарстана»). После окончания в 1931 году в Москве курсов марксизма-ленинизма, работал заведующим отделом печати Татарского областного комитета партии¹. На него и заменившего его на посту управляющего Татгосиздата Самата Шарафутдинова в те годы возлагается

¹ Татарская энциклопедия. – Казань, 2014. – Т. 6. – С. 396.

большая задача строительства современно оснащённой новой типографии и рядом с ним административного «штаба» работников издательства — Дома печати на улице Баумана, 19. Идея о создании в будущем такого издательского центра возникла ещё в конце двадцатых годов. Одним из инициаторов этой идеи был В. С. Шафигуллин. А официальным заказчиком строительства этого комплекса стал новый управляющий Татгосиздатом С. З. Шарафутдинов. Он до этого работал в Москве, в многонациональном книжном издательстве «Центриздат». Был он ответственным за выпуск литературы на тюркских языках. В 1920-х годах этим издательством было выпущено более двух десятков литературных произведений и на татарском языке. В том числе там были изданы сборники стихов Мусы Джалиля, Хади Такташа, Ахмета Ерикеева (две книги), прозаические произведения Мансура Крымова (три книги), Махмуда Максуда, роман Афзала Шамова «Рауфа» и другие.

Будущий полиграфический комбинат имени Камиля Якуба и четырёхэтажный Дом печати были построены в очень короткий срок, в течение 1931—1935 годов. Архитектором четырёхкорпусного комплекса зданий был московский инженер С. С. Пэн. В главном здании, вытянутом вдоль улицы Баумана, размещались административные кабинеты, редакции различных газет и журналов, редакторы, корректоры, машинистки Татарского книжного издательства. В том же корпусе было выделено несколько комнат и Союзу писателей ТАССР. До постройки этого здания административное управление Татгосиздата размещалось в доме № 3 на современной улице Дзержинского.

К сожалению, оба зачинщика строительства комплекса зданий Дома печати и полиграфического комбината в 1937 году были необоснованно репрессированы и погибли в лагерях ГУЛага. Причиной ареста В. Шафигуллина некоторые считают его участие в написании письма с группой товарищей в Москву об ущемлении прав местного населения. Видимо, такое письмо было направлено ими в центр в дни принятия новой «сталинской» Конституции. Он был осуждён как член «Контрреволюционной троцкистско-террористической организации». Да, тогда наличие на руках только одной ручки или карандаша тоже инкриминировалось как террористическая деятельность.

Новым хозяевам бывшего Дома печати, владельцам гостиницы «Ногай» хочется рекомендовать установить памятную доску на фасаде здания с указанием имён архитектора С. С. Пэн и двух бывших управляющих «Татгосиздатом», вложивших много усилий в строительство этого уникального архитектурного сооружения.

* * *

Как и в дореволюционные годы, «Татгосиздат» со дня образования продолжал издавать книги и по заказу других тюркоязычных республик. Особенно много таких заказов поступали из Казахского, Киргизского, Каракалпакского и Туркменского автономных республик, имеющих у себя слабую сеть типографий. До декабря 1936 года часть этих республик, в том числе и Каракалпакская АССР, входили тогда в состав РСФСР. И чаще всего такие задачи для этих республик поступали через Москву. А заказы на учебники двух последних республик выполнялись полиграфическим комбинатом имени К. Якуба и в 1980-х годах. У меня до сих пор хранятся письма знакомых из Каракалпакстана и Туркменистана с просьбой о содействии в ускорении выпуска той или иной книги. Так же долго хранилась в моём книжном шкафу книга классика казахской литературы Сакена Сейфуллина, активного борца за образование Казахской АССР: «Тар жол, тайгак кичу» («Узкими дорогами, скользкими переходами»), посвящённая годам установления советской власти в Казахстане. Эта книга в 1935 году одной из первых была выпущена новой типографией на улице Баумана в Казани.

Необходимо также отметить, что с конца 1920-х годов Татгосиздат начал организовывать выпуск книг и в переводе с татарского на русский язык. Впервые об этом заговорили осенью 1929 года в Москве на одном из совещаний с участием татарских писателей. Эта встреча татарских писателей с руководством издательского дела СССР была тогда организована неутомимым нашим земляком Максимом Горьким. На нём участвовал и председатель Госиздата СССР Артёмий Халатов. На этой встрече постановили о необходимости регулярного издания лучших образцов татарской поэзии и прозы на русском и других языках страны. И одними из первых к этой работе приступили в главном литературном издательстве СССР. Первая книга, изданная в столице Государственным издательством худо-

жественной литературы (ГИХЛ) на русском языке, был роман Галимджана Ибрагимова «Дочь степи» («Казакъ кызы»).

5

Заметный след в организации издательского дела в Татарской АССР оставили Тинчурин Закир Валеевич, дважды бывший главой Татгосиздата (1937–1940, 1944–1952), Арсланов Шакир (1940–1941) и Гайнуллин Мухаммед Хайруллович (1942–1944). Все трое руководили этим большим коллективом в очень сложные годы, начиная с периода активизации репрессий как по политическим, так и по национальным делам и в период двух войн — Финской и Отечественной. До войны в издательском секторе Татгосиздата трудились видные литераторы тех и будущих лет: Гумер Гали, Галимджан Нигмати (был некоторое время и главным редактором), Нур Баян, Ибрагим Гази, Гусман Бакиров, Фатых Карим, Гази Кашшаф, Афзал Шамов и другие.

Но с конца тридцатых годов и начала войны многие опытные работники издательского дела и типографий вынуждены были покинуть свои рабочие места. Кто-то был уволен по требованию карательных органов «как ненадёжный элемент», а многих «затребовала к себе» война. Все, кто был моложе 1905 года рождения, мобилизовались с первых дней войны. А командиры-отставники и работники старших возрастов подлежали призыву. Татгосиздату потребовалась срочная замена их другими людьми, часто не имеющими производственных навыков. В штатах редакционных отделов оставили минимальное количество сотрудников, решив привлечь для выполнения редакционных работ и временных внештатных сотрудников со стороны. Для выполнения этих работ в основном привлекались престарелые бывшие сотрудники, по разным причинам оставившие редакторскую работу.

А потребности к издательской деятельности в годы войны, наоборот, усиливались. Были эвакуированы из центра в Казань Академия наук СССР со множеством своих отделов и другие государственные учреждения. И большая группа писателей, в том числе и проживавшие в нашей стране в эмиграции зарубежные деятели пера, в те годы тоже оказалась в Татарстане. Кроме книг, газет, журналов печатались тогда в Казани сотни тонн различ-

ных плакатов, афиш, инструкций, документов. Типографии вынуждены были работать непрерывно. Да и все в коллективе, по рассказу Мухаммед-ага Гайнуллина, работали не считаясь с распорядком дня. Конечно, в военное время в нашей стране так работали все — ради скорейшей победы над врагом. Правда, еженедельные выходные дни были отменены ещё до войны, в преддверии будущих потрясений в стране.

Выше перечисленные руководители и обновлённый, состоящий в основном из женщин, коллектив Татгосиздата выдержал этот экзамен успешно. За эти годы из типографий издательства вышли сотни книг, направленных на поднятие духа как труженников тыла, так и сражавшихся с сильным, озлобленным врагом наших воинов.

А некоторые сотрудники издательства, не подлежащие по возрасту к мобилизации, добровольцами ушли на фронт. Одним из первых такой шаг сделал заведующий редакцией детской литературы, писатель Гусман-ага Бакиров. Он был старше намеченного правительственным постановлением призывного возраста на девять лет. Но в начале 1942 года добровольцем ушёл на фронт. И вновь став, как и в Первую мировую, командиром взвода миномётчиков, прошёл почти пол-Европы пешком. А после войны иногда рассказывал, как одни и те же города он защищал или освобождал дважды — в годы Первой мировой войны и в Отечественную войну.

Вскоре и редактор художественной литературы, бывший участник Гражданской войны Афзал Шамов последовал его примеру — добровольцем ушёл на фронт. Но учитывая, что он имеет диплом выпускника Московского государственного университета, был назначен на работу в недавно открытую редакцию Калининской фронтовой газеты «Алга, дошман өстенә!» («Вперёд, на врага!»). Закончил он войну военным корреспондентом этой газеты, сумев однажды, находясь на передовой линии фронта, захватить в плен семь солдат противника.

В конце 1941 года управляющий издательством Шакир Арсланов тоже был призван в армию. Участвовал он в боях по освобождению Подмосковья от вражеских сил в чине заместителя командира стрелкового полка. Был дважды ранен и умер в госпитале после второго тяжёлого ранения.

В начале 1942 года управляющим издательством был назначен преподаватель пединститута, одновременно яв-

лявшийся и сотрудником недавно открытого научного Института языка, литературы и истории, — литературовед Мухаммед Гайнуллин. Он лично знал многих писателей и журналистов, мог хорошо организовывать выпуск требуемой тогда патристической литературы. Имел контакты с воюющими коллегами. И с его приходом увеличивается выпуск книг, написанных авторами-участниками войны. Например, в 1942 году был издан сборник стихов Мусы Джалиля «Тупчы анты» («Клятва артиллериста»). Стихи были посвящены войне и подвигам наших воинов. А в 1943 году вышла книга Фатыха Карима «Разведчик язмалары» («Записки разведчика»). Интересна судьба ещё одного произведения из этой же серии — «Йөзек кашы» («Перстень»). Фатих Хусни, не завершив эту повесть, посвящённую участнику Первой мировой войны Айдару, ушёл на фронт. Как впоследствии рассказывал нам известный писатель Ибрагим Гази, одновременно с Ф. Хусни направленный на Сталинградский фронт в 1942 году, они вскоре узнали, что эта повесть издана в Казани. «Мы в это время с автором повести находились в окопах под Сталинградом. А позже выяснилось: оказывается, Кави Наджми, по рекомендации Мухаммеда Гайнуллина, дописал две-три странички в начале повести и чуть более страницы в конце. Таким образом неоконченное произведение о герое Первой мировой войны было притянуто к современной войне. Повесть начиналась с эпизода похорон «участника Великой Отечественной войны Айдара Курбанова, умершего от тяжёлых ран в госпитале». На похоронах присутствует и «военврач в шинели Василя», бывшая шустренькая девчонка, возлюбленная Айдара. И таким образом герои повести оказываются участниками новой войны.

В те же годы часто издаются сборники очерков и рассказов Габдурахмана Абсалямова, написанные им в минуты отдыха между боями. С первых дней войны он воевал миномётчиком, а с лета 1943 года стал военным корреспондентом фронтовой газеты Карельского фронта. В минуты коротких отдыхов между боями писал о подвигах своих боевых товарищей. Его книги издавались в Казани регулярно. За четыре года войны им были направлены в Татгосиздат пять сборников произведений, описывающих героический подвиг своих сослуживцев: «Мәңгелек дан» («Вечная слава», 1942), «Кыска дулкында» («На короткой волне», 1943), «Үлемнән көчлерәк» («Сильнее смерти», 1943), «Зәңгәр кыя» («Синий утёс», 1944) и другие.

Я здесь ограничусь только этими авторами-воинами, произведения которых были изданы в годы войны. А таких писателей, чьи произведения тогда воодушевляли народ и издавались регулярно, было много.

После назначения М. Гайнуллина в 1944 году директором Института языка, литературы и истории, руководителем Татгосиздата вновь стал Тинчурин Закир. Война уже приближалась к концу, условия работы с каждым днём улучшались. Железные печи-«буржуйки», приспособленные для обогрева неотапливаемых в годы войны рабочих мест, постепенно убирались.

Бывшая учительница родного языка и литературы средней школы села Шали Пестречинского района Фирдаус Болгарская (дочь известной театральной актрисы Гульсум Болгарской) чуть позже тоже была направлена на работу в Татгосиздат. Первоначально была она в отделе редакции учебников и учебных пособий редактором. Потом долгие годы возглавляла этот очень ответственный отдел издательства. В статье воспоминаний «Тылсымлы йорт» («Заколдованный дом») вот как она описывает работу издательского коллектива. «В издательском доме существовала какая-то притягательная сила. Почти каждый, переступив порог этого дома, чувствовал себя иначе. Все мы как бы ответственнее чувствовали себя на этом месте перед своим народом. Ведь наши книги были обращены к людям. Зная это, коллектив работал очень дружно...»

Многие сотрудники-женщины издательства и после войны с новым вдохновением продолжали работать вместе с возвратившимися с фронта вчерашними воинами. Из старых сотрудников издательства и редакций газет, журналов при нём после войны вернулись живыми только несколько человек: Г. Бакиров, И. Гази, А. Шамов, С. Хаким, А. Исхак, А. Ахмет, С. Урайский... Не сняв шинелей, они сразу же приступили к своим прежним обязанностям редакторов и заведующих редакциями. Вскоре к группе этих опытных издателей присоединились и молодые литераторы, активно участвовавшие в военных событиях и опробовавшие свои способности владеть пером на страницах военных и местных газет, журналов: Сафа Сабиров, Махмут Хусаин, Салих Хаким, Хисам Камалов, Заки Нури...

И с пятидесятых послевоенных лет начался новый всплеск издательской деятельности. Художественная литература начала издаваться многотысячными тиражами.

Выход прозаической литературы пятнадцатитысячными тиражами стал нормой. Произведения особо прославленных прозаиков часто выходили удвоенными тиражами и распродавались в течение двух-трёх лет. Например, повести и романы Гумера Баширова, Мирсая Амира, Габдурахмана Абсалямова, Амирхана Еникея часто выходили такими повышенными тиражами. И большинство томов трёхтомного собрания сочинений («Сайланма эсэрләр») Галимджана Ибрагимова в те годы были изданы двойным тиражом (по тридцать тысяч книг). И пятитомник поэта Габдуллы Тукая позже также был издан очень большим тиражом (по двадцать тысяч книг). И все эти книги были распроданы тогда своевременно, как учитывалось планом издания.

Надо также отметить, что с середины 1950-х годов классические произведения татарских писателей регулярно стали издваться как многотомники. В 1950—1970-х годах были изданы восьмитомник Галимджана Ибрагимова, четырёх- и пятитомники Габдуллы Тукая, трёх- и четырёхтомники произведений Мусы Джалиля, трёхтомник Мирсая Амира, шеститомник Габдурахмана Абсалямова (с тиражом от пятнадцати до тридцати тысяч книг), двухтомник драматурга Фатхи Бурнаша, двухтомник Ибрагима Гази, трёх- и четырёхтомники Тази Гиззата, двухтомник Амирхана Еники и другие.

Правда, такой первый опыт издания многотомников был испытан ещё в начале тридцатых годов. Известный прозаик и соратник Г. Ибрагимова Фатих Сайфи-Казанлы подготовил и издал в 1929—1931 годах трёхтомное собрание сочинений Габдуллы Тукая. Тогда же были изданы двухтомник пьес драматурга Галиаскара Камала и однотомное собрание сочинений поэта Дэрдмента. В тех же тридцатых годах планировалось издание семитомного собрания сочинений Г. Ибрагимова. Но в связи с арестом автора летом 1937 года были изданы только три тома (из ранее намеченных 2-й, 5-й и 6-й томов).

Последний такой бум по изданию мнотомников приходится на конец 1990-х и начало 2000-х годов. Но тиражи этих томов, как и всей национальной книжной литературы последних десятилетий, уже не превышает двух-трёх тысяч книг. А большая часть из них издана даже тиражом всего одна тысяча штук. Правда, и русская литература в нашей стране с конца восьмидесятых годов стала издаваться очень маленькими тиражами. Значит, это явление уже всенародное. В связи с расширением возможности

получения информации другими путями — через радио, телевидение, Интернет, интерес к издательской информации падает во всём мире. Но надеюсь, что книжная продукция всё ещё будет востребована. Желаю успеха коллективу Татарского книжного издательства, возглавляемого ныне директором Ильдаром Сагдатшиным и главным редактором Ленаром Шаехом.

Казан утлары. — 2012. — № 11

УЗЫ БРАТСТВА

Хочу сделать некоторый обзор взаимосвязей наших литератур — казахской и татарской. Относительно языковой и исторической схожести известно, что казахский и каракалпакский народы приходится нам самыми близкими родственными народами. По языковым критериям к татарам ближе них только башкирская нация. У жившего во второй половине XIX века казахского известного мыслителя, поэта и общественного деятеля Абая Кунанбаева есть один труд, отражающий часть истории казахского народа — «Бераз сүз казакъның төбе кайдан чыкканы туралы» («Немного слов о том, откуда произошли казахи»). Там он отмечает, что казахи тесно связаны с древней Монгольской империей. И пишет следующее: «В давние времена в среде монголов был известен народ, именуемый татарами. Китайцы именуют и пишут их как «татан». Истинная основа казахов восходит к этим татарам. И по сей день знатные казахские роды называют себя выходцами из татар». Помоему, эта мысль, изложенная великим акыном, не отрицается и современной наукой. История каждого народа, живущего ныне на земле, многослойна, его национальный облик многолик. Даже в крови, духовной сути и внешнем виде тех, кто называет себя «чистым русским», можно и без микроскопа обнаружить черты не только татар-тюрков, но и угро-финских и других народов. Долгое-долгое соседство во многом породнило нас и смешало нашу кровь. О словарном смешении, приведшем к обогащению соседствующих языков, нечего и говорить. Понятно, что и среди исторических слоёв татарского народа есть и болгары, и кыпчаки, и йемек-кимаки. Как видно из наименования этнонима, ощутимо значимым был и очень древний татарский слой. Такова же и судьба казахского этноса. В основе

этого братского народа есть следы и йемек-кимаков, и кыпчаков, и найманов, в какой-то степени, как было отмечено Абаем, и следы древних татар.

Казахская литература и культура, до революции представленная редкими одиночными профессиональными писателями, в настоящее время очень богата прославленными именами. Только из создателей масштабных прозаических произведений можно было бы перечислить десятки имён, известных любителям литературы «во всём Советском Союзе». Да, наверное, можно сказать, что успехи казахской литературы, особенно в области прозы, в настоящее время хорошо знакомы и мировому читателю. Сегодня творческие труды Садуваккаса Сейфуллина, Мухтара Ауэзова, Сабита Муканова, Габидена Мустафина, Габита Мусрепова, Ануара Алимжанова, Ильяса Есенбирлина, Абдиджамила Нурпеисова, Олжаса Сулейманова, Абиша Кекилбаева, Мухтара Магауина, Шерхана Муртазаева, Саина Муратбекова, Анаса Сараева и многих других переведены на разные иностранные языки. С произведениями большинства из них сегодня знакомы и читатели Западной Европы, и любители литературы стран Азии. (В последнее время, например, у казахов устойчивые связи с Китаем, Японией.) Советской властью, начиная с тридцатых годов, уделялось особое внимание развитию казахской литературы и культуры, было сделано многое, чтобы вывести их на широкую арену. В 1970-х годах, во времена Леонида Брежнева, пришедшего в руководство власти представителем Казахстана, казахская культура поднялась ещё на уровень выше. Для примера достаточно упомянуть, что фильмы, снятые Алма-Атинской киностудией, были широко известны на просторах всей страны. Была усилена пропаганда и распространение казахской литературы за рубежом. Отношение же к нам, к нашей культуре стало приравниваться к вторичному уровню. От союзов писателей автономных республик стали требовать получения специального разрешения из Москвы даже для осуществления прямого взаимодействия, общения с коллегами по перу из союзных республик.

А ведь большинство произведений древней литературы у нас было общим. Древние эпосы-поэмы большинства тюркских народов считаются общим наследием. Правда, в связи с ранним переходом на оседлую жизнь, образцы письменной литературы у нас появились раньше. Мы даже в прежние годы иногда писали, что «всегда были

примером для родственной казахской литературы». Сегодня уже, пожалуй, не можем так говорить. Сегодня у татар очень мало и известных всему миру произведений, и личностей-светил на ниве литературы. На самом деле у нас самих они есть. Современное, глубоко философское звучание татарских стихов не уступает поэзии никакого другого народа. Вроде бы лучшие произведения таких прозаиков, как Амирхан Еники, Фатих Хусни, Гариф Ахунов, Аяз Гилязов, Нурихан Фаттах, Миргазиян Юныс, Мухаммед Магдеев, поэтов Равиля Файзуллина, Рената Хариса читатели воспринимают высоко. Их прозу и стихи и по стране, в целом, считают на уровне передовых. Но в последние десятилетия произведения наших авторов перестали издаваться за пределами своей республики. Да, с начала девяностых годов переводческая отрасль литературы почти перестала существовать. Из-за отсутствия выделяемых бюджетных средств правления союзов писателей перестали подбирать и рекомендовать издательствам лучшие произведения года. Сейчас многие достойные для ознакомления всесоюзного читателя произведения остаются известными лишь в пределах нашей Казани, не выходя на российский уровень. Полагаю, что и наша драматургия вправе претендовать на широкую арену. Но почему-то и считающиеся самыми успешными драматические произведения даже наши собственные русские драматические театры не спешат брать в свой репертуар. Кажется, мы разворачиваемся обратно к временам, когда господствовало пренебрежительное отношение к культуре и литературе «малых народов»...

В чём же основы роста литературы казахского народа? В первую очередь, конечно, главной основой, главным источником являются национальные традиции народа. Эта литература поднялась, набравшись сил и могущества от многочисленных древних эпосов и притч, сказаний, бережно сохранённых, веками не сходявших с уст народа. Она уходит корнями в общую для современного татарского и казахского народа почву — к нашим кыпчакским, кимакским и другим предкам. Такие эпосы, как «Идегей», «Кубланды», «Кузы-Корпеш», «Кыз жибек», сохранившиеся чаще всего в устном творчестве обоих народов, имели одну историческую основу, схожую судьбу героев. Казахи, передавая из уст в уста, сохранили эти эпосы-притчи до периода письменной литературы. Они в основе своей творческий, поэтически мыслящий народ. А уж писателей

письменного периода литературы можно по праву назвать продолжателями тех прекрасных традиций.

В прежние годы многие литературоведы страны, именовавшейся СССР, в том числе и некоторые наши учёные, любили отмечать, что «у казахов письменный период литературы начался очень поздно». И среди нас были те, кто пытался утверждать, что «письменная литература у казахов возникла только после Октябрьской революции». Ещё в 1970-х годах некоторые из нас писали именно так. Конечно, для возникновения письменной литературы нужны определённые условия и потребность. Самое первое условие, безусловно, постоянная деятельность широкой сети школ-медресе. В казахском мире, где люди преимущественно вели кочевой образ жизни, это условие практически не было исполнено. Постоянно действующие медресе появились только в редких городах вроде Акмолинска, Кызыл-Яра (современный Петропавловск), Кустаная, Семипалатинска. Второе условие — наличие типографий и периодической печати. И правда, дело книгопечатания появилось в местах проживания казахов очень поздно — только в двадцатых годах двадцатого столетия, после создания Казахской Советской автономии. Да, в результате всяческих преследований со стороны царской власти такие мастерские у большинства тюркских народов появились довольно поздно. Скажем, среди тюркских народов к середине XIX века книгопечатание было налажено в какой-то степени только в Казани, Баку и Ташкенте. В то же время к изданию газет и журналов казанцы приступили почти последними. До народного восстания 1905 года татарам было запрещено печатать периодические издания. В этой части братья-казахи оказались расторопнее не только тюрков Поволжья и Урала, но и даже самых развитых в этой области в то время азербайджанцев. Ещё до полного завоевания исторических казахских земель, с апреля 1870 года начало издаваться первое в России на тюркском наречии еженедельное печатное издание «Төркестан вилаяте газите» («Газета Туркестанской области») на казахском и узбекском языках. Правда, её основателем и первым редактором был наш земляк, мурза Шагимардан Ибрагимов, бывший родом из Оренбургского края. Эта газета существовала до периодов революций начала XX века. Уже по этому факту мы должны признать, что письменная литература появилась у казахов раньше, чем предполагали некоторые наши деятели культуры. Из-

вестно, что уже в ташкентской газете были напечатаны стихи казахских, узбекских и каракалпакских авторов.

Вторая газета на казахском языке начала издаваться в городе Акмолинске в 1888 году. Правда, обе газеты тогда были всего лишь еженедельными приложениями к издаваемым в этих регионах русским газетам. Но от этого они не теряют своей значимости. В первых номерах на их страницах публиковались и фольклорные произведения, и существовавшие до этого только в устном творчестве эпосы, а также вновь написанные новые произведения представителей казахского народа. К примеру, в издававшейся в городе Акмолинске газете «Дала вилаяте газите» («Газета степной области») постоянно печатались стихи Абая Кунанбаева, его современника Шоже и других акынов. Рассказы учителя Оренбургской русско-казахской школы Ибрагим Алтынсарина (его мать представительница нашей нации) и писателей более молодого поколения тоже увидели свет на страницах этой газеты. (В литературоведении рассказы И. Алтынсарина, начавшиеся печататься со второй половины XIX века, считаются основой казахской письменной прозы.) В «Газете степной области» также печатались на родном языке труды известного казахского учёного и путешественника Чокана Валиханова об истории и быте народов Средней Азии. Там же изданы записки одного автора по фамилии Г. Шунаев, мать которого была из татарского рода, о татарской литературе, вопросах взаимодействия с татарским народом. В этих первых газетах на казахском языке были напечатаны примерно двести пятьдесят образцов казахского народного фольклора, представленные другим автором, Мухаметзакиром Ишмухаметовым. В этой же газете кто-то публиковал и произведения татарской литературы в обработке, приближённой к казахскому языку. Все эти сведения приводятся в книге казахского учёного Бабаша Абулькасымова, изданного им в 1960-х годах.

Из этих примеров видно, что казахская письменная литература начала издаваться не позднее второй половины XIX века. В эти же годы начали выходить и книги на казахском языке. Первые из них увидели свет в типографиях Казани, Санкт-Петербурга, Оренбурга. Специалисты по книговедению называют первой книгой, напечатанной в Казани на казахском языке, произведение «Кыйссаи ходжа Гафан вэ Садуваккас» («Сказ о ходже Гафане и Садуваккасе»). Оно издано в начале 1870-х годов. Первый сборник

стихов творившего в XIX веке казахского поэта-классика и видного общественного деятеля Абая Кунанбаева был издан в 1909 году в Санкт-Петербурге в типографии крымского татарина Ильяс Бораганского. Вторая книга под названием «Абай тирмәсе» («Юрта Абая») вышла в 1916 году в Оренбурге, в типографии «Вақыт» («Время») Рамиевых. Третья книга Абая на родном языке, на арабском шрифте была напечатана в Казани в 1922 году под названием «Стихи Абая, сына Кунанбая». И первый сборник стихов поэта и прозаика Садуақаса (Сакена) Сейфуллина, героя бурных лет, одного из предводителей движения «молодые казахи» в казахском восстании 1916 года и первого руководителя Казахской Советской автономии, тоже был издан в Казани, в 1914 году. В настоящее время насчитано восемь книг, напечатанных на казахском языке в типографии Рамиевых «Вақыт» в начале XX века. (Можно сказать, настоящая история оренбургских типографий ещё не изучена, поэтому полная информация отсутствует.) В том числе в этой типографии в 1911 году вышла и первая повесть на казахском языке — книга М. Нурбаева «Көргенде бала» («Воспитанный ребёнок»). В другой типографии в 1913 году вышла в свет книга Аспандияра Кобеева «Калым» — один из первых романов на казахском языке. Другое такое объёмное произведение на казахском языке — роман Миржакипа Дулатова «Бахытсыз Жамал» («Несчастливая Жамал») — было издано в 1910 году в Казани, в типографии Каримовых. До этого, в 1909 году, в Казани был издан и распространён интересный сборник стихов этого автора, потрясший казахский мир, — книга «Оян, казакь!» («Проснись, казах!»). (Напомним, что первые романы на татарском языке были изданы в конце XIX века. А роман Галимджана Ибрагимова «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца»), написанный «на подлинном татарском» языке, попал в руки читателя в 1912 году, с помощью издательства «Восточная библиотека» города Орска.)

В те же годы появилось и довольно много важных трудов на татарском языке, посвящённых тщательному изучению казахского мира и литературы. Перечислим из них только несколько исторически значимых трудов, изданных в Казани и Оренбурге, но в наши дни практически не упоминаемых у нас книги: «Казакь әхвәленнән» («О положении казахов», автор не выяснен, 1907), Ниязмухамета Сулейманова «Кызылъярдан Петербургка сәяхәт» («Путешествие из Кызыл-Яра в Петербург»),

опубликованные в журнале «Шура» труды Науширвана Яушева «Төркестан Чини» («Китайский Туркестан»), Курбангали Халидова «Тәуарих хамсаи шәркья» («История пятикнижья на востоке») и другие.

Литературно-культурное взаимодействие, полезное для обоих народов, было снова возрождено с начала 1920-х годов, когда город Оренбург стал столицей Казахской (вернее Киргиз-Кайсацкой) Советской Автономной Республики. Согласно переписи, до революции четверть населения этого города состояла из татар. Здесь тогда находился один из известных культурно-просветительных центров татар. В этом же городе находился один из крупных медресе «Хусаиния», где обучались многие казахские дети. До этого здесь существовала медресе при 1-й мечети города, содержавшаяся за счёт государства для обучения детей казахской знати: ханов, султанов, старшин соседних казахских ханств. С начала XX века в городе работали четыре издательства, издавались четыре журнала на татарском языке, несколько газет, в том числе широко известная среди казахского населения газета «Казах» на родном их языке. С апреля 1920 по июнь 1925 года, когда столица находилась в Оренбурге, начаты были издания новых газет и журналов на казахском языке. В выпускавших эти издания типографиях и в некоторых органах печати так же активно работали наши соплеменники. Например, редактором газет «Юл» («Путь») и «Сабан» («Плуг») был местный журналист Загид Шарки-Юсупов. С одним из этих изданий тогда сотрудничал и юный Муса Джалиль, друживший с Загидом со времён совместной учёбы в медресе.

И после переноса столицы данной автономии из Оренбурга в Кызыл-Орду сотрудничество представителей обоих союзов писателей не прекращались. Но количество издаваемых переводных книг тогда было явно недостаточным. В эти годы на казахский язык были переведены и изданы отдельными изданиями произведения Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова (роман «Казакъ кызы»), Шамиля Усманова (документальная повесть «Тургай далаларында» — «В степях Тургая», отражавшая события Гражданской войны в Оренбуржье) и другие. А из изданных в Казани на татарском языке книг особое место занимает сборник стихов девяностодвухлетнего акына Джамбула Джабаева, изданного в 1939 году, и легко читаемый представителями обоих языков документальный роман об установлении советской власти в Казахстане

Сакена Сейфуллина «Тар жол, тайгак кичү» («Узкими дорогами, скользкими переходами»).

Обменное издание произведений литературы усилилось уже после Великой Отечественной войны. В Казани были изданы роман-дилогия Мухтара Ауэзова «Абай» (1957, 1960, пер. С. Адгамовой), сборник стихов и поэм Абая Кунанбаева «Шигырьләр һәм поэмалар» («Стихотворения и поэмы», 1947, пер. М. Максуда), сборник рассказов современных писателей «Дала жыры» («Песня степей», 1964) и другие книги. В те же годы в Казахстане вышли произведения Г. Тукая, М. Джалиля, ставшие очень популярными после получения сталинских премий романы Гумера Баширова «Намус» («Честь») и Кави Наджми «Язгы жилләр» («Весенние ветры»), роман Ахмета Файзи «Тукай», повести Фатиха Хусни и других авторов.

Наверное, не прошли бесследно и проведённые между двумя братскими народами с начала шестидесятых годов широкомасштабные недели литературы и искусства. Если до Великой Отечественной войны количество переведённых с татарского на казахский и с казахского на татарский языки книг не достигало и двух десятков, то после войны деятельность в этом направлении приняла постоянный характер. Да, после Великой Отечественной войны посредничество, сотрудничество между двумя литературами ещё более оживилось. В Казахстане начали особенно много переводить татарские книги. Был установлен порядок регулярной публикации произведений Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля. Стали издаваться отдельные книги и писателей младшего поколения. Обладая уже большими финансовыми возможностями, имея статус союзной республики, в Казахстане начиная с 1950-х годов почти ежегодно издавалось не менее двух переведённых с татарского языка книг. Республика Татарстан тогда ненамного отставала по количеству переведённых книг. Одним из первых в Казахстане была написана поэма, посвящённая героической памяти Мусы Джалиля и джалиловцев и издана отдельной книгой в 1956 году (Джубан Молдагалиев, «Бессмертная песня»). В те же годы были повторно изданы романы недавно реабилитированного классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова «Казакъ кызы» («Дочь степей») и «Тирән тамырлар» («Глубокие корни»), «Безнең көннәр» («Наши дни»).

Начиная с 1970-х годов в обеих республиках издатели и переводчики стали работать ещё активнее. В Казахстане

кроме произведений отдельных авторов был издан объёмный сборник повестей «Татар повестері» (1979), документальный роман «Тукай» Ибрагима Нуруллина о жизни и творчестве Г. Тукая, вышедший раньше в серии ЖЗЛ в Москве, стихи и поэмы наших поэтов Заки Нури, Махмута Хусаина, Самата Шакира и другие издания.

В те же годы в Казани вышли сборник ведущих поэтов Казахстана «Казакъ шагыйрьләре» (1968 г., составитель книги и переводчик большинства стихотворных произведений — поэт Заки Нури). Издана была книга повестей казахских писателей «Ак дөя» («Белая аруана», 1979). А через два года была издана книга с новыми переводами на татарский язык стихов, поэм и прозаической «Гаклии» основоположника новой эпохи казахской поэзии Абая Кунанбаева. Инициатором издания и составителем нового сборника, а также переводчиком «Гаклии» («Хикмәтле сүз») являюсь я, автор данного очерка. Предисловие к данной книге было написано народным поэтом Татарстана, большим любителем и знатоком казахской поэзии Сибгатага Хакимом. Новые переводы стихов и поэм Абая выполнили хорошие знатоки казахского языка и казахской поэзии: лауреат Тукаевской премии Нури Арсланов, бывший уроженец Казахстана, автор переводов стихов и прозы многих видных авторов из Казахстана Махмут Хусаин, а также известные поэты, успешные авторы-переводчики стихов из казахского и каракалпакского языков Ахмет Рашитов, Марс Шабаев. В этой книге частично были использованы и ранние переводы Махмута Максуда, подобранные для данного издания из ранее выпущенной им книги Абая Кунанбаева Нури-ага Арслановым. Эта книга под названием «Абай» была выпущена Татарским книжным издательством в 1981 году — перед началом Дней каракалпакской литературы в Татарской АССР.

В эти же годы я перевёл с казахского с десяток прозаических произведений и издал следующие книги: состоящую из двух известных повестей Ануара Алимжанова «Отрар хатирәсе» («Сувенир из Отрара», 1974); состоящую из трёх повестей и двух рассказов Саина Муратбекова «Әрем исе» («Запах полыни», 1986); участвовал при подготовке к изданию сборника повестей «Дала гөлләре» («Соцветие степей»), куда был включён и мой перевод повести Мухтара Магауина «Кара кыз» («Черноликая», 1991). А в 1993 году все ранее изданные повести и новый перевод повести «Ялгыз аучы» («Одинокий охотник») Уралха-

на Букеева вышли в книге, названной «Жәйләүдә» («На джайляу»). В те же годы также участвовал как составитель и переводчик в выпуске казахских народных сказок под названием «Сыбызгы сере» («Таинственный свисток», 1996). А в журнале «Казан утлары» («Огни Казани») в разное время были напечатаны в моём переводе некоторые рассказы, очерки и статьи известных казахских авторов. Например, один из ранних рассказов Мухтара Ауэзова «Өйләну» («Женитьба»), очерк лауреата Государственной премии имени Абая Сырбая Мауленова, описывающего его пребывание в Казани — на родине Тукая, Джалиля, Хасана Туфана — «Жырлы Казан» («Песенная Казань») и т. д.

По моим подсчётам, в промежутке 1950—1990-х годов на татарском языке в переводе с казахского было издано около тридцати книг. А список наших книг, изданных на казахском языке на протяжении того же периода, значительно широк. Наверное, не будет ошибкой сказать, что в Казахстане, бывшем частично самостоятельной республикой, каждый год выходили как минимум две-три переводные из татарского языка книги. И мою документальную повесть «Офыктагы рәшәләр» («Зарницы на горизонте»), посвящённую жизни и творчеству поэта, общественного деятеля и издателя Закира Рамиева-Дэрдмэнды, готовили к изданию. Летом 1991 года пришло об этом письменное уведомление, что повесть переведена, предварительно включена в список предполагаемого в будущем году к изданию сборника татарских повестей. Но осенью того же года Казахстан стала самостоятельной страной, произошли перемены в жизни бывшей республики. И, видимо, в этой суматохе забыли об издании намеченного ранее сборника.

До этих событий и татарские пьесы регулярно, можно сказать, переводились на казахский и уйгурский языки и ставились в различных театрах Казахской ССР. Ещё в пятидесятых годах во многих городах ставилась на сценах как официальными, так и самодеятельными театральными коллективами знаменитая пьеса Мирхайдара Файзи «Галиябану». Помню, когда я учился в те годы в городе Актюбинске, почти ежесезонно в клубе бывшей мельницы Акчуриных татарская молодёжь играла эту пьесу. Со мной вместе учились ребята и из города Кустаная. Они рассказывали, что смотрели этот же спектакль со сцены городского театра Кустаная.

В 1970—1980-х годах государственные театры Казахстана ставили на театральных сценах пьесы Шарифа Ху-

саинова «Әни килде» («Мама приехала»), Туфана Миннуллина «Диләфрузгә дүрт кияү» («Четыре жениха для Диляфруз»). Притом пьесу Ш. Хусаинова играли и на сцене Алма-Атинского уйгурского театра. Я сам видел такие афиши в том городе. А о подобной судьбе пьесы Т. Миннуллина и о судьбе других его пьес, возможно, поставленных казахскими театрами, пока у меня сведений не имеется.

В этом отношении, мне кажется, наши театры немного отстали. Мне, к примеру, известно о постановке в Казани только одного произведения, отражавшего прошлую жизнь казахов. Татарский государственный академический театр имени Г. Камала ставил в 1957 году драму известного прозаика и драматурга Габита Мусрепова «Кузы-Көрпеш и Баянсылу». Произведение было очень тепло принято татарским зрителем. Позже у нас преимущественно ставились только произведения представителей киргизской литературы. Драмы Чингиза Айтматова и Мара Байжиева инсценировались нашими театрами многократно.

К сожалению, начиная с 1990-х годов межнациональное сотрудничество почему-то было прекращено. С периода после распада СССР литературно-культурные взаимоотношения оставались не налаженными. Раньше мы были друг другу и союзниками, и опорой. Сейчас вроде тоже нет больших преград такому союзничеству. И Президент получившей полную самостоятельность Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев во время визита в Казань в 2004 году говорил, что «дружба двух братских народов должна крепнуть». Только пока ни с одной стороны такого стремления не видно. Но всё же в сердцах ещё теплится надежда...

Мэдэни жомга. — 2007

ОРЁЛ ЧИНГИЗТАУСКИХ ГОР

Стоит мне только оказаться на той части Оренбурга у Урал-реки, где выстроились белоснежные дома и которая летом превращается в своеобразный центр для прогулок горожан, — почему-то перед глазами встают некоторые великие казахские писатели: Сакен Сейфуллин, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Габит Мусрепов, Габиден Мустафин... Когда-то ведь они — основатели казахской советской литературы, чьи имена вписаны в историю ка-

захской культуры золотыми буквами — ходили по улицам этой самой «Беловки», воодушевлённо смотрели с этого крутого берега на стремительные воды реки Урал. Здесь они вместе думали о будущей судьбе казахского народа — жили мечтами перестроить жизнь степи, ведь в это время они ещё были больше заняты не писательством, а делом установления и укрепления на казахской земле советской власти. Являющееся украшением этой части города — «Беловки», стоящее лицом к реке Урал трёхэтажное величавое белое здание — это штаб первого казахского Советского правительства.

Сразу после образования Киргизско-Казахской Автономной Советской Республики город Оренбург был определён её столицей. Потому что этот город давно, ещё со времён налаживания первых контактов с казахскими ханами-султанами, уже превратился в своеобразный центр близкого общения и управления со степным краем. При царском правительстве отсюда проложили первые тропы торговые караваны, направляющиеся на казахские, узбекские поселения и города. Правительство в течение двух-трёх веков управляло отсюда жизнью степи. (Второй центр управления царской России народами степной стороны — Омск, по-казахски Омбы — появился позже.)

В том белом, чистом трёхэтажном здании на берегу Урала в годы советской власти размещался и Центральный исполнительный комитет молодой Автономной Республики Казахстан. Первым заместителем председателя Исполнительного комитета и народным комиссаром просвещения был тогда поэт и пламенный молодой революционер Сакен Сейфуллин. До этого он был одним из первых организаторов в степи молодёжного революционного движения. А в 1923 году Сакена (вернее Садуваккаса) назначили председателем Совета Народных Комиссаров Казахской АССР. В те годы ещё одним из деятельных руководителей Исполнительного комитета был другой молодой писатель Мухтар Ауэзов. Позднее к ним присоединится и ещё более молодое поколение коллег по перу...

С этого здания на берегу Урала-реки они управляли своим «самостоятельным государством», мечтали, как поднять уровень образования, авторитет своего народа. Думали, как организовать выпуск учебников, как создать новые газеты и журналы на родном языке. Правда и раньше общеказахская третья газета «Казах» издавалась в этом городе, но она была газетой «буржуазно-байской».

А сейчас нужно выпускать издания, посвящённые трудящимся. Да, почему бы не назвать одну из газет «Енбекче казах» («Казах-труженик»)? Наверное, прогуливаясь по улицам этой самой «Беловки», они думали и об этом, и о будущих своих произведениях.

Да, стоит только мне увидеть эти места на берегу Урала, встают перед глазами великаны родственного нам народа. Вот первым шагает статный человек в шинели — непокоримый сокол казахского народа Сакен Сейфуллин... А рядом с ним идёт широколобый, с гордым орлиным взглядом казах, оперившийся у Чингизтауских гор орёл Мухтар Ауэзов...

Мухтар Ауэзов... Один из ярких звёзд на многонациональном небе советской литературы. Его творчество первым из литераторов, писавших на тюркских языках, было удостоено самой высокой награды Страны Советов — Ленинской премии. А до этого, после выхода в свет первой книги романа «Абай», в 1949 году Мухтару Ауэзову была вручена Государственная премия СССР. Притом, кроме известной на уровне страны писательской деятельности, он был и личностью, вложившей много сил в изучение истории казахской литературы, учёным, за свои труды в этой области ещё в 1946 году достигшим звания академика Академии наук Казахской АССР. В то же время Мухтар Ауэзов был видным общественным деятелем нашего времени — членом Советского комитета защиты мира, авторитетным представителем Комитета Ленинской премии СССР. Был одним из тех, кто заложил основу объединения, которое начинали организовывать в целях укрепления дружбы, единства прогрессивных писателей стран Азии и Африки. Несколькими раз избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Мухтар Омарханович Ауэзов родился 28 сентября 1897 года на востоке казахских земель — в местечке у подножия Алтайских гор. В небольшом ауле, кочевавшем у подножия горы Чингизтау, Чингизского уезда Семипалатинской области. Его дед Ауэз взялся с пяти-шести лет обучать его грамоте по рукописи, оставшейся от поэта Абая, который приходился им родственником. Школ-медресе в ближайшей округе не было. Согласно установленному в царское время порядку, школу-медресе можно было открывать только при мечети, а в казахских аулах, которые вели кочевой образ жизни, мечетей практически не было. Правда, в городе Семипалатинске работало знаменитое медресе, открытое просвещённым татарским

муллой Ахметом Ризой. Если бы не безвременная кончина отца, наверное, и Мухтара бы отвезли в это далёкое медресе. (Ведь в этом медресе обучался когда-то и Абай, и первые стихи начал писать именно там.)

Но после смерти отца в 1908 году Мухтар остался на попечении своего дяди Касимбека. А дядя в ту же осень отдал его в пятиклассную казённую школу. Так Мухтар после домашнего обучения у деда по рукописям Абая сразу же перешёл на изучение русского алфавита. Позже писатель вспоминал об этом: «Мой дядя Касимбек, не считаясь с проклятиями своего учителя Камалетдин-хазрата, когда-то тоже бросил медресе и получил образование в русской школе. И меня устроил туда же за счёт стипендии Чингизского уезда. Это пятиклассное училище готовило из местного населения переводчиков или других мелких чиновников, пригодных к царской службе. Народ облагался дополнительным налогом на содержание данного учебного заведения. Но люди относились к школе неодобрительно, считалось, что она открыта в целях крещения народа, и детей туда старались не отдавать. Поэтому учеников набирали в принудительном порядке, иногда отцу ребёнка даже платили некоторые «откупные» суммы... Естественно, наш дед услышал немало укоров от соплеменников из-за того, что позволил своим детям и внукам учиться в этой школе».

Способный к учёбе Мухтар не ограничился образованием, полученным здесь, успешно закончил и семинарию в Семипалатинске, где готовили учителей для местных национальных школ. И во время обучения там написал свою первую поэтическую пьесу, основанную на примерах фольклора и эпосах-поэмах казахского народа.

В то лето, когда Мухтар окончил семинарию, жизнь в степи пережила очень сложный период. В 1919 году в этих краях особенно усилилось противостояние белых и красных. Время крутых перемен. В большей части Средней Азии уже существовала Туркестанская Автономная Республика. Но в пределах Семипалатинской губернии пока властвовали местные бейи, которые пока не подчинились большевикам. Да, влияние большевиков не добралось ещё до окрестностей Семипалатинска, потому и здесь пока в начальниках сидели представители партии Алаш-Орды, мечтающие построить самостоятельное казахское национальное государство. Но время их правления уже приближалось к концу, оставались только недели. Вско-

ре революционные силы добились победы в губернии, в Семипалатинске установилась советская власть. Порядки времён Белого царя были отменены.

С этого времени раскрылась способность Мухтара Ауэзова к общественной деятельности — он засучив рукава взялся за работу в первых советских организациях. Впрочем, его сверстники, представители первой молодой интеллигенции казахского народа — молодые люди вроде Сакена Сейфуллина, Беимбета Майлина — все были в первых рядах борьбы за новое устройство жизни в своих областях-губерниях, успели прославиться тем, что устремляли принесённые ураганом революции новые порядки в своих уездах-губерниях. Бывшие царские порядки здешним писателям бвли не по душе.

Вскоре и Мухтара, которому не было ещё и двадцати двух лет, назначили на ответственную работу в исполнительный комитет Семипалатинского губернского совета. Несмотря на то что времена были очень опасные, он разъезжал из уезда в уезд, из деревни в деревню, помогал обустраивать там новую жизнь. Вскоре на него возложили работу по исполнению подобных обязанностей уже, можно сказать, на уровне всего Казахстана: сразу после образования Киргизско-Казахской Автономной Советской Республики в 1920 году он был направлен в ведение Центрального исполнительного комитета. Позднее он вспоминал об этом периоде так: «После учёбы в городе ещё сильнее бросались в глаза старые обычаи степной жизни, классовое неравенство, угнетённость женщин... Эти тёмные стороны отсталой жизни были ещё настолько сильны, что и после установления в Казахстане советской власти пришлось ещё сильно побороться с баями, беями и беками родов и племён, цеплявшихся за устарелые взгляды, привычки и шариатские законы в отношении общественного строя и прав человека...»

Именно в эти дни он, основываясь на увиденном во время пребывания среди народа, используя свойственные начальному периоду творчества Максима Горького, Шарифа Камала приёмы настоящего реализма, написал свои первые рассказы, потрясающие читателей до глубины души — «Сиротская доля», «В тени прошлого», «Погаснуть и разгореться», «Барымта», «Женитьба», «Сирота» и другие.

Здесь, во время работы и проживания в Оренбурге, Мухтар Ауэзов продолжил писать и драматические произведения. Как уже было упомянуто, он ещё во время учёбы

в семинарии написал поэтическую драму «Енлик-Кубяк», основанную на казахском народном эпосе. Главные герои пьесы Кубяк-батыр и Енлик, подобно известным Кузы-Курпачу и Баян-сылу, Айману и Чулпан, заявляют о своём несогласии с традиционными противоречиями феодализма, бесправием женщин. Они вскоре гибнут, борясь за свою свободу... Таким образом, пьеса хоть и была написана на основе древних эпосов, воспринималась как произведение, вобравшее в себя и отражающее дух борьбы тех дней, в которые жил Мухтар.

Многие писатели и учёные, проследившие начальный период творчества М. Ауэзова, видимо, памятуя о первых рассказах писателя, написанных на основе суровой действительности, и о произведениях вроде «Енлик-Кубяк», говорят о том, что у него прослеживается влияние не только традиционного восточного литературного наследия, а скорее и передовой русской литературы. Да, и такие известные личности, как Вс. Иванов, А. Фадеев, Л. Соболев и Н. Тихонов, отмечают, что Мухтар Ауэзов хорошо изучил и очень умело развивал в своём творчестве эти два огромных наследия — процветающую в середине века культуру Востока и набравшую силу в последние столетия культуру Европы.

Но, кажется, литературоведы ещё не всегда уделяют внимания посредничеству татарских деятелей, находящихся между двумя культурами, стараются не замечать этот ажурный мостик, соединяющий две культуры. Поэтому я хочу в этом своём труде сделать больший упор на область этого посредничества, высказать то, что знаю сам об этом.

Что касается личности Мухтара Ауэзова, то он, ещё и до прибытия в город Оренбург, который по праву может считаться известным центром татарской культуры своего времени, был в некоторой степени знаком с татарским миром. Во время учёбы в Семипалатинске он тесно общался с передовой татарской молодёжью.

Как известно, в годы, предшествовавшие Октябрьской революции, во многих регионах Казахстана прогрессивно мыслящая казахская и татарская молодёжь — учащиеся, учителя, приказчики, — объединившись, организовывали литературно-художественные кружки, «Молодёжные общества». В городах, где представители этих двух народов жили вместе, в тесном взаимодействии, начала появляться первая казахская прогрессивно настроенная периодика: в

1911 году в городе Троицке, основное население которого составляли татары, на казахском языке стал издаваться литературно-политический журнал «Айкап». В начале 1913 года в городе Оренбурге группа молодёжи, выступавшая за свободу, самостоятельность казахского народа, основала направленную на развитие национального самосознания газету «Казах». Известно, что активно занявшийся в то время творчеством Галимджан Ибрагимов близко общался с редактором газеты «Казах» Ахметом Байторсыновым, был в дружеских отношениях с Магжаном Жумабаевым, считавшимся в эти годы самым известным после Абая поэтом казахской степи. В эти дни, когда наследие Магжана Жумабаева, имя и творчество которого были уничтожены в сталинские годы, вновь возвращается его народу, осталось только снова поставить подпись «Жумабаев» под стихотворением-эпиграфом к роману Галимджана Ибрагимова «Дочь степи» и изучить, обновить взаимоотношения между этими личностями...

Посмотри, вот раскинулась широкая степь,
Накрылась шёлковой зелёной травой,
Неприступны здесь горы и воды слаще мёда,
Это и есть мать, родившая меня...

(Подстр. пер.)

Да, в начале XX века едиными стараниями казахской и татарской молодёжи в расположенных на границе между двух сторон городах, таких как Троицк, Оренбург, Уральск, Кустанай, Петропавловск (Кызыл-Яр), появились литературно-художественные кружки, любительские театры. По воспоминаниям Галиакбера Туребаева, друга молодости Мухтара Ауэзова, пьесу «Енлик-Кубяк» впервые на суд зрителей представил как раз такой состоявшийся из казахско-татарской молодёжи драматический кружок «Есаймак» города Семипалатинска.

В те же годы среди казахской молодёжи и вновь появившихся, развивающихся писателей и поэтов рос интерес к творчеству Габдуллы Тукая, Мазита Гафури, Фатиха Амирхана, Галимджана Ибрагимова, это нашло отражение, например, в биографиях автора первого казахского романа Спандияра Кобеева, поэта Султанмахмуда Торайгырова, поэтов Магжана Жумабаева, Сакена Сейфуллина. Мухтар Ауэзов, хоть и продолжил учёбу в подростковом возрасте в русской школе, тоже не сторонился знакомства с татарской

литературой. В одной из своих бесед с известным филологом Г. Мусабаяевым он открыто говорит об этом и даже заявляет: «Моё первое знакомство с классической русской литературой состоялось через татарскую литературу».

Теперь снова вернёмся к оренбургскому периоду. В то время, когда сюда съехались Сакен Сейфуллин, Мухтар Ауэзов и подобные им деятели в качестве руководителей молодой автономной республики, здесь ещё не успели остыть следы, оставленные великими сынами татарского народа Дәрдмендом, Фатихом Карими, Ризой Фахретдиновым. На сценах театров наравне с пьесами «Галиябану», «Асылъяр» опытного драматурга Мирхайдара Файзи ставились «Кровавые дни» Шамиля Усманова, пьесы Фатиха Сейфи-Казанлы, Карима Тинчурина, Фатхи Бурнаша. В газете «Юксыллар сүзе» («Голос бедноты») работает неуёмный пламенный поэт Хади Такташ. Принимает участие в общегородских общественных делах писатель и драматург Шариф Камал, уже ставший в ряды аксакалов татарской литературы. В это время пробуждения его комедия «Хаджи-эфенди женится» не сходит со сцены, его повесть «Акчарлаклар» («Чайки») читают все любители литературы, передавая книгу из рук в руки. Можно предполагать, что эту повесть классика татарской литературы читала и часть интеллигенции, и молодёжь казахского народа. Тогда ещё алфавит был у нас общий. Среди этих «аксакалов татарской литературы» можно было иногда увидеть и выглядящего ребёнком по внешнему виду молодого поэта Мусу Джалиля. На часто проходивших собраниях и митингах тогда он воодушевлённо читал свои стихи вместе с Тухватом Ченекаем.

В это время здесь ещё то и дело проводятся литературно-музыкальные вечера, мастеров слова на сцене сменяют музыканты, певцы. В это время живут в Оренбурге и общаются с молодёжью три будущих татарских композитора — Салих Сайдашев, Джаудат Файзи, Александр Ключарёв, они постоянно оживляют музыкальную часть вечеров. И Газиз Альмухаметов, из известных певцов, часто появляется здесь. Он особенно любил раскатисто исполнять своим мощным, как у Шаляпина, голосом древние татарские и башкирские мелодии. А эти мелодии, конечно же, очень родные, близкие и для казаха, выросшего в привольной степи!

Да, наверное, в те дни эти молодые люди, стремившиеся развивать казахскую и татарскую культуру, образование,

нашли общий язык (ведь татарский и казахский языки очень близки друг к другу), конечно, проводили вместе собрания, вечера, посиделки. Только пока не столь многочисленны воспоминания, в которых описаны эти встречи. Потому что в своё время не было необходимости писать «вот мы, татарские и казахские писатели, молодёжь, вместе общались там-то, объединялись». А то, что и было написано, по-моему, никем не подобрано, не изучено.

С первых дней образования Киргизско-Казахской автономии довольно много представителей татарской интеллигенции были привлечены к организации системы образования в Казахстане, на местах. Скажем, оставивший некоторый след в татарском мире писатель Зариф Башири, засучив рукава занимался составлением учебников для уйгурских и казахских школ, обустройством по-новому системы образования. И многие вновь открытые газеты-журналы встали на ноги с помощью татарской интеллигенции. К примеру, на старшего однокашника Мусы Джалиля, бывшего шакирда медресе «Хусаиния» Загида Шарки-Юсупова в начале 1924 года были возложены обязанности по организации издания и редактированию казахской газеты «Юл» («Путь»). Возможно, сам Мухтар Ауэзов, заведовавший в исполнительном комитете делами просвещения и культуры, и поручил ему это дело. До этого Загид Шарки-Юсупов работал в одно время с Шарифом Камалом в редакции газеты «Вақыт» («Время»). Опытный журналист, работавший позже, после установления в Оренбурге советской власти, редактором газет «Мухбир» («Корреспондент»), «Юксыллар сүзе», и сам иногда брался за перо. В двадцатых годах несколько его пьес были поставлены на театральной сцене Оренбурга, на страницах газет и журналов постоянно публиковались литературно-критические статьи, очерки. Свой для известного комиссара Шамиля Усманова, писателя Шарифа Камала, он и позже близко общался с известными писателями: когда редактировал в Донбассе татарскую газету «Пролетар» («Пролетарий»), привлёк к писательству Наби Даули, в тридцатых годах в Москве работал с Мусой в одной газете «Коммунист», был заместителем редактора. После закрытия в декабре 1934 года газеты «Коммунист», был переведён в отдел национальных литератур «Литературной газеты», издаваемой Союзом писателей СССР. И работал он в данной газете, долгое время являясь заведующим этого же отдела. Он ушёл с работы

только потому, что с началом войны выпуск газеты на некоторое время был прекращён. Да, Мухтар Ауэзов, Сакен Сейфуллин, Сабит Муканов знали наших Мусу, Загида, Такташа не только в годы совместной работы в Оренбурге, но и потом, постоянно общались с ними по жизни.

Мухтар Ауэзов за свою жизнь написал довольно много произведений. И как драматург он работал очень плодотворно. К примеру, написанная им драма «Абай» и созданная на её основе для оперной сцены с участием нашего земляка, композитора Латифа Хамиди опера «Абай» и сегодня не сходят со сцены. А уж успехи в жанре прозы не надо перечислять — они известны всему миру. Татарскому читателю хорошо знаком и близок его роман-диалогия «Абай» и «Путь Абая», посвящённый жизни и творчеству поэта Абая Кунанбаева, одного из основателей письменной казахской литературы, равного по значимости Пушкину у русских и Тукаю у татар. Это широкомасштабное эпическое произведение в своё время было переведено на татарский язык писателем Сарвар-апа Адгамовой, прекрасно знавшей язык и обычаи казахского народа.

Понятно, что столь уважаемые личности вроде Мухтара Ауэзова, которых у одного народа рождается всего несколько на век, никогда не забываются и после смерти. Мухтар-ага ушёл из жизни зимой 1962 года. После его смерти построенный специально для него двухэтажный величавый дом-усадаба был превращён в музей великого писателя. Двери этого дома-музея, расположенного на центральной улице города Алма-Ата не закрываются вот уже около тридцати лет, всегда открыты для гостей из разных регионов и стран.

Находясь в этом музее, я каждый раз испытываю чувство огромной гордости. Я радуюсь тому, что рядом с таким великим человеком, как Мухтар Ауэзов, в качестве его советчиков, друзей, единомышленников было довольно много и моих земляков. Вон на полках музея казахские книги, которые набирали татарские наборщики. Они увидели свет в типографиях Казани, Оренбурга, Уфы. Прямо рядом с ними — тома Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова, Мусы Джалиля. Мухтар-ага снова и снова брал их в руки, перечитывал. Ещё на одной полке книги, преподнесённые своему великому современнику лично авторами: вон Хатип-ага Гусманов подарил сборник «Татарская литература», Кави Наджми — свой роман «Весенние ветры», Ибрагим Гази — роман «Простые люди». А из

глубины музея смотрит, улыбаясь, большой привлекательный портрет Мухтара Ауэзова. Его написал и подарил в 1941 году наш великий художник Баки-ага Урманче...

Сколько в этом музее воспоминаний! Но и во время хождения по его залам перед моими глазами встаёт дальний город Оренбург, белое здание, возвышающееся на крутом берегу Урала — здание, сохранившее следы Сакена, Мухтара, Мусы. В конце июня 1925 года столица Казахской автономии была переведена в Кзыл-Орду. Оренбург остался всего лишь столицей области. Белое здание на берегу Урал-реки было передано областному комитету комсомола.

Да-да, после Мухтара Ауэзова и его товарищей в этом здании разместился Оренбургский областной комсомольский штаб. Муса Джалиль начал работать там инструктором...

1990

СТРЕМЛЕНИЕ К ПОБЕДЕ ВЕДЁТ К ПОБЕДЕ

После смерти И. В. Сталина, начиная со второй половины 1950-х годов, у нас многие писали о том, что СССР вступил в войну 1941—1945 годов без достаточной подготовки к ней. И причиной тому вроде бы являлось то, что в августе 1939 года между министрами иностранных дел СССР и Германии — В. Молотовым и И. Риббентропом — был заключён секретный мирный договор о дружбе и о ненападении. В подшивках газет за 1939—1940 годы помещено достаточно материалов, особенно фото-снимков, иллюстрирующих дружеские взаимоотношения наших воинов с бывшими противниками в Первой мировой войне — с немцами. Особенно много помещено было таких материалов после победных войн против «панской Польши» и раздела Польши. Имеются такие репортажи и снимки с «демонстраций побед» почти во всех газетах тех лет. Естественно, такие «дружеские репортажи» успокоительно действовали на некоторых наших руководителей страны и армии. Однако после краткой, но ожесточённой войны с Финляндией, когда Германский вермахт негласно участвовал в этой войне со стороны нашего противника, взаимоотношения постепенно изменялись. После этой войны кресло народного комиссара обороны СССР занял Герой Советского Союза, маршал С. К. Тимошенко, сменив на

этом посту более приверженного к старым порядкам, к «кавалерийским атакам» К. Е. Ворошилова. Правда, ещё на какое-то время сохранялись и кавалерийские части. В Подмосковных боях осени и зимы 1941–1942 годов отличились конные дивизии — корпус генерала Л. Доватора. В зимних условиях эта кавалерия более всего добивалась успеха внезапным нападением с тыла на отдельные части противника. Но, конечно, такая дивизия не могла идти в атаку, размахивая саблями, на танковую или другую механизированную колонну противника.

При Тимошенко началось перевооружение армии, усиление стрелковых подразделений механизированными частями. Дивизионно-полковая артиллерия постепенно начала переходить из конной тяги в машинную. Некоторые стрелковые дивизии были усилены дополнительными артиллерийскими полками. Обычная стрелковая дивизия состояла из трёх пехотных и одного артиллерийского полка. Были созданы несколько хорошо манёвренных механизированных бригад, в составе которых кроме танковых частей были и части самоходной артиллерии. Одна такая бригада в начальные месяцы войны укомплектовалась и в пределах нашей республики.

Чуть ранее, 31 августа 1939 года был издан новый указ о воинской обязанности, что также является примером подготовки страны к ожидаемым грядущим войнам. По данному указу был снижен призывной возраст будущих солдат до 18 лет и отменена действующая до этого отсрочка от воинской службы для студентов вузов.

С летних месяцев 1940 года крупные воинские подразделения стали дополнительно перебазироваться из центральных районов страны к западным границам. Например, 1-я татарская стрелковая дивизия (после 1936 года переименованная 86-й стрелковой), ранее базировавшаяся в основном в Казани, в июне 1940 года была перебросена к самой западной части нашей границы — к Белостокскому выступу в Польше. В Советско-финской войне тринадцать воинов этой дивизии получили высшую похвальную награду страны — стали Героями Советского Союза, в том числе командир одного из полков Михаил Зашибалов и командир противотанкового артиллерийского дивизиона Хабибулла Ибрагимов. 342 красноармейца и командира среднего звена дивизии были награждены орденами и медалями.

Вторая стрелковая дивизия — 18-я, сформированная в 1939 году также в Казани в основном из воинов-

татарстанцев, летом 1941 года была направлена для усиления Западного военного округа, штаб которого находился тогда в городе Минске. Дивизия заняла второй эшелон обороны по реке Днепр. Такая же участь постигла и стрелковую дивизию номер 154, размещённую вблизи города Ульяновска. Эти две дивизии входили тогда в состав 60-го стрелкового корпуса, штабные учреждения которого располагались также в городе Казани. И в составе этой дивизии было много наших земляков, призванных в армию с юго-западных районов нашей республики, а также северо-западных районов Куйбышевской области. К примеру, с нашего села, Старой Тюгальбуги той же области, с частями 154-й дивизии воевали в Советско-финской войне двадцать два человека. Перед войной и в начале войны 1941 года оттуда же в 154-ю дивизию были призваны ещё столько же земляков. И воины этой дивизии отличились в боях как с белофинами, так и с немцами. Например, бывший выпускник Татаро-башкирской школы командиров Красной Армии, командир батальона этой дивизии Фёдор Баталов был награждён в 1940 году орденом Красного Знамени. А в Великой Отечественной войне он одним из первых из татарстанцев получил высокое звание Героя Советского Союза. Указ об этом был подписан Верховным Советом СССР 9 августа 1941 года и напечатан с портретом героя в газете «Правда» 10 августа. Бывший казанец майор Фёдор Баталов в те дни за умелое руководство на поле боя был назначен командиром 437-го полка своей дивизии.

На четырёх страницах газеты «Правда» за 10 августа 1941 года помещены фамилии красноармейцев и командиров, награждённых за первые дни войны орденами и медалями по указу Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года. Внимательный читатель наверняка отыщет в этих списках своих знакомых и родных, сражавшихся в те тяжёлые для страны дни на западных рубежах, в том числе в составе дивизий 18-й, 154-й и других.

В начале июля 1941 года именно частям 60-го и 63-го корпусов 21-й армии, куда входили эти две дивизии, приказано было контратаковать наступающие силы противника и занять на противоположном берегу Днепра города Жлобин, Рогачёв и другие, чтобы приостановить продвижение войск противника в сторону города Смоленска. Эта контратака частично удалась, силы противника были отброшены на несколько десятков километров. Писатель

Константин Симонов, с первых дней войны участвовавший в этих событиях как военный корреспондент центральных газет, пишет об этом так: «Захват Рогачёва и Жлобина был одним из первых за войну наших успешных контрударов на Западном фронте. Впоследствии немцы, подбросив новые силы, остановили наступление нашей 21-й армии и окружили корпуса наши...» (Симонов К. Разные дни войны. Из дневников военного корреспондента. — Москва, 1982.)

В полуокружённом состоянии эти войска воевали там более месяца. Некоторые части выше указанных дивизий, обратно преодолев Днепр, сумели вырваться из окружения в середине августа того же года. А арьергардный полк нашего земляка Ф. Баталова, прикрывая выход основных частей, остался в окружении и продолжал уже полупартизанскую войну в тылу врага. В этой контрнаступательной операции 21-й армии погибло очень много наших земляков, и часть из них до сих пор числятся в списках «без вести пропавших».

Маршал Георгий Константинович Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» (Москва, 1979) об этой крупной контрнаступательной операции лета 1941 года пишет: «В то время, когда противник вёл наступление от Днепра в восточном направлении, дивизии 21-й армии, которой командовал генерал Ф. И. Кузнецов, на заре 13 июля переправились обратно через Днепр. Освободив города Рогачёв и Жлобин, они стали с боями продвигаться в северо-западном направлении — к городу Бобруйску... В результате этого удара 21-й армии по наступающим лавиной вражеским войскам, около восьми немецких дивизий задержались в этом районе. Их задержка очень нам помогла в те дни... для укрепления обороны Москвы».

В одном из двух, сформированных в наших местах, дивизий, контратаковавших силы противника в районе городов Жлобина и Рогачёва, воевал и старший политрук Миннегалий Загиров. Позже их подразделение тоже оказалось в окружении. В одном из неравных боёв старший политрук погиб, а его дочь вскоре очутилась в одном из партизанских отрядов. Бывшая «белорусская партизанка Рита» — Чачка Галиевна Загирова (1923—2013) воевала против врагов в партизанском отряде до июля 1944 года, до освобождения района их боевых действий войсками Красной Армии. После войны закончила институт и долгое время преподавала в Казанском финансово-экономическом

институте. Была награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени и медалями.

О героическом сражении бойцов различных подразделений, входивших тогда в состав 21-й армии, военным корреспондентом Константином Симоновым было много написано статей и репортажей в центральных московских газетах тех лет. Позже он написал роман «Живые и мёртвые», отражающий события первых месяцев войны на этом участке фронта. Главный герой романа, мужественный, боевой генерал Серпилин, не теряющий твёрдости духа в сложных ситуациях, преподнесён автором и как человек, имеющий татарские корни. Чем мы должны вдвойне гордиться.

Кстати, после войны — в 1953 году именно известнейший писатель Константин Симонов одним из первых описал героические поступки в плену поэта, бывшего военного корреспондента Мусы Джалиля и его соратников. Он, находясь в Бельгии, тогда первым «наткнулся» — нашёл тетрадь цикла стихов, написанных в разных тюрьмах Германии Мусой Джалилем. И подробно написал в своём блокноте — за что татарский поэт и его соратники очутились в этих тюрьмах и за что они были приговорены к смертной казне. Об этом ему рассказал бывший сокамерник Мусы — Андре Тиммерманс, который тайно вынес эту тетрадь поэта из Моабитской тюрьмы (потому-то цикл стихов и назван «Моабитской тетрадь»). К. Симонов после возвращения из Брюсселя напечатает статью о борьбе джалиловцев в условиях плена и некоторые стихи М. Джалиля в переводе Ильи Френкеля. И этот день — 23 апреля 1953 года можно считать вторым днём рождения нашего поэта и его товарищей. После тех событий верному сыну Родины, отважному воину — старшему политруку и известному татарскому поэту Мусе Джалилю указом Верховного Совета СССР от 2 февраля 1956 года посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза...

Начальник отделения штаба пограничного отряда, старший лейтенант Никита Кайманов встретился с врагом в первые же дни войны на одном из пограничных отрядов в Карелии. Красноармейцы-пограничники девятнадцать дней держали оборону на лесисто-болотистом участке своего отряда. А потом сильно поредевший отряд Кайманова почти месяц пробирался к своим по глухим лесным тропинкам, обходя с боями вражеские посты и засады. За умелые боевые действия при защите государ-

ственной границы уроженец Нижнекамского района Никита Кайманов тоже почти одним из первых из наших земляков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Верховным Советом СССР указ об этом был подписан 26 августа 1941 года. Он также являлся участником Советско-финской войны. За умелые действия в обоих войнах был награждён орденом Ленина (как и все Герои СССР), четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями.

О героическом поступке командира 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии майора Петра Гаврилова (1900—1979) сняты кинофильмы. С первых же часов начала войны он со своими, а позже и присоединившимися к ним воинами из других подразделений защищал Восточный форт Брестской крепости. Их борьба с окружившим противником велась почти месяц. Тяжело раненный командир полка позже был пленён и до окончания войны находился в плену. Когда наши войска освободили пленников, около года продолжил военную службу. А потом был репрессирован как бывший пленный. И в его дальнейшей судьбе большую роль сыграл другой известный писатель — Сергей Смирнов. Собирая материалы для будущего романа о первых днях войны, впоследствии названного «Брестской крепостью», он записал множество воспоминаний очевидцев тех событий, знакомился с различными записями и документами. По этим данным стало ясно, что одним из руководителей борьбы против оккупантов был майор Пётр Гаврилов, уроженец Пестречинского района ТАССР. После смерти И. В. Сталина многих необоснованно репрессированных освободили из лагерей и тюрем. Петру Гаврилову указом от 30 января 1957 года присваивается высокое звание Героя Советского Союза СССР. И он был освобождён из лагеря, реабилитирован, как необоснованно заключённый в своё время.

Здесь я написал только об участниках войны первых месяцев сражений с остервенелым врагом, стремившимся завоевать нашу страну. Наши земляки с первых дней войны сражались героически. Особенно трудные участки обороны достались тогда дивизиям, мобилизованным в Татарстане. Это 86-я, 18-я, 154-я стрелковые дивизии. Они находились на самом прямом участке наступления немцев, сосредоточивших свои главные силы в направлении Минск—Смоленск—Москва. И поэтому данные дивизии несли большие потери. А некоторые из них, например

18-я и 86-я стрелковые, в сентябре 1941 года числились в списке двенадцати разгромленных дивизий. И поэтому в списках военнослужащих этих дивизий так много без вести пропавших воинов. Они не пропали, а все вместе со своими командирами погибли в жестоких боях. Но зафиксировать их воинский подвиг уже было некому. И штабисты погибли вместе с ними.

2015

ПАМЯТНЫЕ ДНИ ДЕТСТВА

По рассказам родителей, родился я 22 октября 1932 года. Но в регистрационную книгу сельского совета был записан 10 ноября. Вспоминая этот день, бабушка моя Хубджамал любила повторять:

— В то утро выпал первый снег, кругом было белым-бело. Ты родился счастливым, сынок.

Да, это давняя народная примета, вроде бы. Но в данном случае предсказания моей бабушки не полностью подтвердились. Да и снег-то, видимо, был ещё очень ранний, не лёжкий. В наших местах октябрьский снег превращается в лужу уже через день-два. Так было, наверно, и тогда.

Начавшаяся вскоре война осиротила нас. И пришлось нам испытать с детства все горести сиротства. Разве такую жизнь можно назвать счастливым? Да и до войны я испытывал некоторые неудобства после развода отца с матерью в начале мая 1937 года. Отец с осени 1936 года, после службы в армии, был назначен председателем сельпо соседнего села Средний Исантимер и жил там один, приезжая только на выходные дни домой. Мать в то время была вторым лицом в бухгалтерии большого, шести-, семибригадного колхоза «Батрак». И вот весной они разошлись. Я остался с бабушкой. Мать уехала к себе на родину — в Старую Белогорку Оренбургской области — с двумя пересадками, на поезде. Эти сёла, расположенные в разных концах — на востоке и западе — бывшей Самарской губернии, были друг от друга очень далеки. В 1930 году из этих сёл будущую маму и отца направляли на двухгодичные курсы потребительской кооперации, которая находилась на границе Самарской и Пензенской губернии — в небольшом городе Кузнецке. Там они в начале 1932 года и поженились. А после развода отец вскоре женился на новом месте

на учительнице Ханифа-апа. Она была родом из города Мелекесса, что в сорока километрах от нашего села вниз по течению реки Большой Черемшан. Осенью 1936 года она окончила Мелекесский педтехникум и направлена была в Среднеисантимеровскую школу учительницей начальных классов. Ханифа-апа была из семьи довольно-таки зажиточного городского жителя. В общем, красивая, статная, городская. Но прожили они недолго, чуть более двух лет. Родились у них две дочери — Роза и Клара.

Бабушка почему-то недолгоблывала новую сноху. Была у них в первый и последний раз, когда родилась у них старшая дочь Роза. Точнее, мы тогда вдвоём впервые гостили у них. Они жили в двухкомнатной квартире без прихожей, в так называемом Доме советов. Это был одноэтажный деревянный дом с тремя секциями. Семья отца занимала серединную часть дома. По краям жили ещё две семьи. Возможно, в одном из них проживала и новая семья председателя сельсовета, который был тоже из нашего села. Когда бабушка разговаривала с кем-либо из близких, она всегда винила этого председателя по поводу развода своего единственного сына Хайдара. Наверное, тот председатель был рябым. Имя его я давно уж забыл, кажется, его звали Тазием. При разговоре бабушка его всегда звала унижительным словом «Шадра пәри» — «Рябой чёрт». С его женой, кажется, бездетной, оставшейся в селе, мама моя иногда встречалась. Звали её Сара. Встречались, конечно, у неё дома — она жила одна. Раза два и я был на этих встречах. Провожая нас, она всегда умоляла маму: «Бибиджан, приходи ещё. Я ведь одна...»

И после отъезда матери на свою дальнюю родину, мне пришлось ещё несколько раз побывать у Сара-апа. Хотя она жила чуть вдали от нас, на улице за Большим озером, но по старой привычке чёрный чугунный утюг мы тогда брали у неё. Кем она работала — я не знаю. Но она всегда была опрятно одета. Может быть, учительствовала в школе, расположенной недалеко от её дома. Естественно, я тогда её уважал, как одну из подруг матери.

Возможно, по настоянию моей бабушки, не любившей новую жену отца, они вскоре расстались. Это расставание произошло вскоре после возвращения отца с финской войны. До этого я часть двух зим провёл у них. Ханифа-апа ко мне вроде бы относилась доброжелательно. По вечерам иногда усаживала рядом с собой, возле книжного столика, и читала мне детские книжки. Изредка

и я захаживал в их комнату, а жил по-прежнему в маленькой прихожей комнатёнке. Правда, и воспитательница моих малых сестрёнок, молоденькая девушка-соседка также весь день обитала в этой комнате. И мы все вместе весь день играли на моей широкой деревянной кровати. Только уснувших девочек иногда она относила в большую спальную комнату родителей.

Мама моя, уехав в родные края, снова вышла замуж. И тоже за учителя из соседнего села. В этом селе в те годы была только начальная школа. А семилетку он окончил в селе моей матери, и были тогда они малость знакомы. Потом он на стороне окончил педтехникум. Вернувшись в село, тем же летом 1937 года они опять встретились и поженились. По его подсказке она той же осенью поступила заочно в Бугурусланский педтехникум. Так они стали учительствовать в этом малом селе. В следующем году у них родился сын Ильдус. А ещё через год нового мужа матери забрали в армию, и он почти сразу же попал в одну из горячих точек Европы той поры — на территорию «панской Польши».

В начале лета 1940 года, после возвращения с финской войны и развода с Ханифа-апа, отец мой поехал к матери, чтобы уговорить её и привезти домой. Видимо, мама моя тогда переписывалась с Сара-апа. И о судьбе мамы кое-какие сведения она передавала моему отцу. Так в начале августа 1940 года мы опять встретились с мамой. Да и ещё я сразу стал старшим братом двухлетнему Ильдусу. Мне уже тогда шёл восьмой год. Обрадовалась и бабушка, до этого часто рассказывавшая мне о добрых деяниях моей матери. К тому же мать моя была доброй подругой младшей её дочери Хатимы. Она умерла на руках моей матери — после замужества, во время родов первого ребёнка.

Чтобы не оставлять бабушку одну, наша новая семья переехала в родное гнездо отца. Но судьба уготовила, оказывается, нам ещё более тягостную разлуку. Вскоре началась Великая Отечественная война.

Отца мобилизовали на войну в начале августа 1941 года. С середины сентября их артиллерийский полк уже участвовал в оборонительных боях у города Ленинграда. Отец также испытал все невзгоды блокадного города. Был трижды ранен. В последний раз лежал в госпитале города Череповца. Оттуда прислал последнее своё фотоизображение. А при попытке снятия блокады города Ленинграда, в июле 1943 года, в одном из боёв он погиб и был похоронен

в районе Синявинских высот (недалеко от современного города Кировска Ленинградской области).

Младший брат Муберяк родился 5 ноября 1941 года и никогда не видел отца. В тот день тоже шёл снег, тихомирно, ровненько падал. В таких случаях у нас говорят: «Сеет как из сита». В радостном настроении возвращаюсь домой из школы — меня в дом не пускают. Бабушка выносит санки и говорит:

— Иди, сынок, часок покатайся. Потом я тебя накормлю.

А на улице не с кем поиграть. У ребят постарше ещё продолжают уроки (в те годы осенние каникулы ещё не предоставлялись), а малышня сидит дома: на улице всё же буран, начало зимы.

Как уже писал, и до войны большую часть времени я жил без отца. Сначала его забрали на действительную службу (в армию тогда брали с двадцати двух лет). Мне было тогда всего два годика. Поэтому эти события я не помню. После возвращения оттуда его определили на работу в другое село. Во время войны с финнами, в конце 1939 года, его вновь переделали в военную форму и отправили на фронт. Но итог этой финской войны для нашей семьи имел положительные последствия: лето и зиму 1940—1941 годов мы жили все четверо вместе. Отец, видимо, учуял предвоенную ситуацию в стране и собрал нас под одной крышей. И мы с братом Ильдусом прожили этот год счастливо.

После назначения отца на работу в другое село, мы с бабушкой жили только вдвоём. Мне тогда ещё не было и пяти лет. С тех пор многие события запечатлялись в моей памяти ярче, чем раньше. Как будто я сразу повзрослел на несколько лет. У меня появились свои взрослые обязанности: встречать скотину после возвращения стада, присматривать за неугомонными козлятами, телёнком. Короче говоря, кроме лошади у нас в хлеву была всякая скотина. И бабушка Хубджамал едва успевала за ними ухаживать. (Другую бабушку — мамину мать я не помню. Габида-эби умерла в год моего рождения.)

Иногда, соскучившись или по делам, мы с ней отправлялись пешком в соседнее село Урта Исантимер. За лето таких путешествий бывало, наверное, раза три. Но какие впечатления, какие удовольствия получал я от этой пешей прогулки! Узкая, пыльная дорога пролегла через засеянное поле. Над колышавшимся зелёным хлебным полем пор-

хали разноцветные бабочки и стрекозы, неустанно пели жаворонки, летали другие птицы. Береговые ласточки из ближнего оврага, как бы передразнивая меня, беспрестанно чирикают, путались прямо под ногами.

Запомнились и зимние поездки на лошадях по этой дороге. Высунув голову из недр большого тулупа, я зорко следил за всем происходящим вокруг. Яркое солнце освещало сверкающую белизну мартовского уплотнённого снега. Над твёрдой корочкой снега поблёскивали тысячи маленьких звёздочек. Там и сям виднелись следы зайцев, лисиц. Иногда заяц пробегал прямо перед нашим носом, и отец, оборачиваясь в нашу сторону, кричал:

— Вон заяц пробежал! Видели?!

На белом пространстве белого зайца не сразу увидишь, конечно. Но когда указывают на него кнутом — можно иногда заметить ещё не успевшего спрятаться зайца и долго по этому поводу радоваться и переговариваться меж собой. А в том поле, расположенном недалеко от дремучего леса у реки Большой Черемшан, не только зайцы и лисы, но и волки водились порядочно. Лес этот тянулся от горизонта до горизонта, не имея конца, и располагался за межей поля меж этих двух деревень.

В военное время, особенно зимой 1942 года, когда война шла у берегов Волги, волков стало намного больше прежнего, они часто нападали на скот и нередко пугали ребятню. Направляясь по ночам с малыми санками к колхозному стогу соломы, и мы иногда издали видели их огненные взоры, следившие за нами. Но к шумной ватаге ребят приближаться они, видимо, боялись...

После прочтения книги писателя из Башкортостана Мустай-ага Карима «Долгое-долгое детство», вновь воскресли в памяти и мои детские годы. Когда мне было около пяти-шести лет и меня не с кем было оставлять дома, бабушка брала меня с собой на религиозно-обрядовые посиделки пожилых женщин. Так как она воспитывалась в доме ишана из деревни Парау и нараспев хорошо читала молитвы и поучительные мунаджаты, её очень часто приглашали на такие обрядовые обеды. В те годы мы побывали почти во всех концах пятисотдворового большого села. Односельчане обращались к ней всегда почтительно со словами «Хубджамал-абыстай». Повзрослев, я узнал, что так обращались обычно к жёнам мулл и муэдзинов или содержателям девичьих школ. А мой дед Нуриджан был обычным «крепким крестьянином», трижды участвовал в

различных войнах и погиб где-то на стороне, возвращаясь с Гражданской войны. И бабушка, обычная домохозяйка, вела после этого своё хозяйство одна и воспитала троих детей. Отец мой, как и я оставшийся с восьми лет сиротой, был старшим из детей. Бабушка дома всё делала сама. Иногда в зимние долгие вечера ткала для себя холщовые передники, скатерти и полотенца на ручном ткацком станке. А я ей помогал, естественно: подавал нити, шпульки. Если нитки запутывались, держал над станком керосиновую лампу так, как велела бабушка.

Долгие зимние ночи мы коротали, читая про себя священные молитвы. Со стороны печи и полати рядом с ним слышались беспрестанные пения сверчков. От сильного мороза время от времени потрескивали толстые брёвна дома. Бабушка иногда заставляла повторять ту или иную молитву, если где-то я ошибался, добивалась исправления этих мест. Иногда полушёпотом прочитывала короткий мунаджат, как будто пела мне песню колыбельную...

Когда в 1961 году я познакомился с книгой классика татарской поэзии Габдельжаббара Кандаляя, изумился невероятно: некоторые стихи повторяли слова мунаджата, когда-то услышанные от бабушки. Она ведь не только в гостях, но и дома, занимаясь чем-либо, частенько напевала их втихаря. Даже некоторые слова в той книге были напечатаны чуть исковерканными, как их повторяла и моя бабушка. Читала ли она эти стихи своего земляка в юности? Или она запоминала их в пересказах других людей? И вообще, умела ли она читать? Мне это неизвестно. Расставшись в одиннадцатилетнем возрасте с бабушкой, я, конечно, не догадался об этом её спросить. Но хорошо помню, что на верхней полке самодельного шкафа для посуды лежали несколько её толстых книг, завёрнутые в белую самотканую холщовую ткань. Мне запрещалось к ним притрагиваться. А бабушка иногда их подолгу перебирала, держала в руках...

У меня тоже была своя небольшая «библиотека». Несколько книг на латинском шрифте. Некоторые страницы их были сильно затушёваны. Так в то время закрашивали портреты и статьи о «врагах народа». Ученики старших классов иногда шёпотом говорили нам, где кто закрашен: Галимджан Ибрагимов, Карим Тинчурин или ещё кто-то. Недалеко от нашего села находилась деревообрабатывающая и картоноделательная фабрика. Вроде бы с начала финской войны там делали и «настоящие» «фабричные»

лыжи, ошпаренные в котлах с дёгтем. В эту вот фабрику летом 1939—1940 годов привозили в большом количестве книги с латинскими буквами. Обозы проходили через наше село, именно по нашей улице. И мы, мальчишки, их выпрашивали у этих обозников или, набрасываясь кучей, вырывали их из телег. Таким путём и у меня появилось несколько таких книг. С помощью старших ребят вскоре я выучился их читать. И мне особенно понравилась одна из них — с рисунком лихого матроса, высоко несущего знамя, держа в одной руке винтовку. Это был матрос Железняк, про которого в то время и в татарских деревнях пели грустную патриотическую песню. Да, в те годы молодёжь не только с клубной сцены, но и на улице наряду с татарской песней типа «Комсомолка Гульсара» распевала и популярные русскоязычные современные песни в переводе на свой язык. Одной из таких песен и была «Песня о Каховке» с участием матроса Железняка. Впоследствии я узнал, что «Песню о Каховке» Михаила Светлова очень удачно перевёл наш «орденоносный поэт Шайхи Маннур» (так подписывался он в те годы)...

В школу тогда брали с восьми лет. 1 сентября 1940 года мои одноклассники пошли в школу. А меня не взяли. Тогда ещё я не достиг требуемого возраста, да и телом был хил. Как упрекала мама, был непоседой, а потому мал и слаб. Позднее уже узнал, что не только учителя не брали, но и родители в том году не планировали отпускать меня в школу. Той же осенью отец намеревался вернуться в родное село, где бабушка осталась одна.

Таким образом, первоклассником я стал уже в год начала войны. И заново начал изучать «новые» буквы. Книжки с латинскими буквами хранились только дома. Кто их приносил, тех учительница строго наказывала: ставила в угол, отбирала книгу. С матросом Железняком я расстался только через два года, когда мы уезжали насовсем из родного дома. Но любовь к книгам «со старым шрифтом» сохранил. Помню, чуть позже, уже на новом месте, в течение нескольких зимних вечеров я прочитал своим новым одноклассникам романы «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Хаджи Мурат» Л. Толстого в переводе Афзал-ага Шамова. И благодаря латинице намного раньше своих сверстников стал читать полюбившуюся с первого прочтения поэзию Хади Такташа.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы, документальные повести

Незабываемым просёлком. <i>Рассказ, перевод М. Рафикова . . .</i>	6
В метельную ночь. <i>Рассказ, перевод Б. Хамидуллина</i>	18
Зарницы на горизонте. <i>Документальная повесть, перевод Б. Хамидуллина</i>	34
Эх, гармонь, гармонь... <i>Документальная повесть, перевод Б. Хамидуллина</i>	107
Казань притягивает к себе одарённых. <i>Документальная повесть, перевод Б. Хамидуллина</i>	166

Очерки, эссе, статьи

Тукай и издательство «Китап». <i>Перевод автора</i>	230
Откуда Есенин знал Тукая? <i>Перевод автора</i>	248
Первый наставник Тукая. <i>Перевод автора</i>	254
Раздумья о наследии поэта. <i>Перевод автора</i>	264
На родине Мусы Джалиля. <i>Перевод автора</i>	270
Татарский театр и Мирхайдар Файзи. <i>Перевод автора</i>	292
Две биографии одной личности. <i>Перевод автора</i>	331
Любимец двух республик. <i>Перевод автора</i>	350
Наш представитель в Узбекистане. <i>Перевод автора</i>	368
Издание, подобное знамени нашей нации. <i>Перевод автора</i>	375
Татарская литература и проблемы перевода. <i>Перевод автора</i>	386
Зеркало души народа. <i>Перевод Б. Хамидуллина</i>	398
Узы братства. <i>Перевод автора</i>	414
Орёл Чингизтауских гор. <i>Перевод автора</i>	424
Стремление к победе ведёт к Победе. <i>Перевод автора</i>	434
Памятные дни детства. <i>Перевод автора</i>	440

Литературно-художественное издание

Хамидуллин Лирон Хайдарович

ЗАРНИЦЫ НА ГОРИЗОНТЕ

Казань. Татарское книжное издательство. 2017

Редактор *А. Р. Шайдуллина*

Художник и художественный редактор *Р. Х. Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Н. Н. Мусиной*

Корректор *Г. Р. Зарипова*

16+ Знак информационной продукции согласно ФЗ от 29.12.2010 г.
№ 436-ФЗ

Оригинал-макет подписан в печать 8.09.2017. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 2000 экз. Заказ

ГУП РТ «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://www.tatkniga.ru>

e-mail: info@tatkniga.ru

Фирменные магазины Татарского книжного издательства:

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.

Казань, ул. Баумана, 29/11. Тел.: (843) 292-03-18.

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

<http://www.tatkniga.ru>

Филиал АО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.